

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра философии политики и права

ISSN 2500-2104

Посвящается 100-летию
Русской революции

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Ежегодник
научных
работ

Социальная
эволюция
и социальные
революции

ВЫПУСК 8

Москва. 2017

Учебный корпус МГУ №1

Тема восьмого выпуска ежегодника «Философия политики и права» (2017) — соотношение в социальной и политической философии, а также в реальном историческом процессе социальной эволюции и социальных революций. В центре внимания авторов — проблемы необходимого и случайного, объективного и субъективного в социальной динамике, роль личностей и насилия в истории. Ежегодник посвящен 100-летию Русской революции, и поэтому многие теоретические вопросы анализируются в контексте национального революционного опыта. Ежегодник может быть полезен всем интересующимся проблемами развития социально-политических процессов, как в прошлом, так и на современном этапе.

ISSN 2500-2104

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

ISSN 2500–2104

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ и ПРАВА

Выпуск 8 (2017)

**Социальная эволюция
и социальные революции**

Посвящается 100-летию Русской революции

Москва
Издатель Воробьев А.В.
2017

УДК 1:32:34
ББК 87:66:67
Ф56

Печатается по решению Ученого совета и на средства
философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор философских наук *М.А. Маслин*
доктор политических наук *А.И. Соловьев*

Ф56 Философия политики и права: Ежегодник научных работ.
Вып. 8 (2017). Социальная эволюция и социальные революции.
Посвящается 100-летию Русской революции / Под общей редакцией
доктора политических наук, профессора Е.Н. Мошелкова; научный редактор до-
цент А.В. Никандров / МГУ имени М.В. Ломоносова. Философский факультет.
— М.: Издатель Воробьев А.В., 2017. — 364 с.

ISSN 2500–2104

Тема восьмого выпуска Ежегодника научных работ «Философия полити-
ки и права» (2017) — соотношение в социальной и политической фило-
софии, а также в реальном историческом процессе социальной эволюции
и социальных революций. В центре внимания авторов — проблемы не-
обходимого и случайного, объективного и субъективного в социальной
динамике, роль личностей и насилия в истории. Ежегодник посвящен
100-летию Русской революции, и поэтому многие теоретические вопро-
сы анализируются в контексте национального революционного опыта.

Ежегодник может быть полезен всем интересующимся проблемами
развития социально-политических процессов, как в прошлом, так и на
современном этапе.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>Антоновский А.Ю., Бараиш Р.Э.</i> От эволюции общества к эволюции науки.....	8
<i>Бойцова О.Ю.</i> «Революция» как концепт-перевёртыш: к вопросу о применимости теории революции	28
<i>Волков Ю.А.</i> Противоречия в развитии субъекта политической истории (политические элиты Российской империи и Российской республики) на фоне социальных потрясений февраля 1917 года.....	43
<i>Гобозов И.А.</i> Великая Октябрьская социалистическая революция и советский мультикультурализм	65
<i>Гуторов В.А.</i> О некоторых тенденциях современной теоретической интерпретации революционного насилия.....	78
<i>Ефремов О.А.</i> Есть ли у революции альтернативы? Национальный модернизационный проект как альтернатива революции и полицейскому государству	90
<i>Жуков В.Н.</i> Государство и революция: проблема распада государственного сознания.....	130
<i>Климов А.Г.</i> Эволюционные и революционные механизмы социокультурных трансформаций.....	140
<i>Кржежев В.С.</i> Социально-философская концепция К. Маркса и теория социальной революции	148
<i>Моцелков Е.Н.</i> Историко-публицистические заметки философа об уроках социальных революций	162
<i>Муза Д.Е.</i> К логике и аксиологии русского революционаризма ..	183
<i>Мюрберг И.И.</i> Понятийная оппозиция: социальная эволюция vs социальная революция в контексте развития политической философии европейского Модерна	199

<i>Никандров А.В.</i> Диктатура пролетариата и Коммунистическая партия: К проблеме доктринальных основ советского государственного строя	209
<i>Семенов Ю.И.</i> Социальные революции: проблема типологии	243
<i>Смирнова Е.В.</i> Идеология как фактор социальных трансформаций.....	249
<i>Соловьев А.В.</i> Социальная эволюция, социальная революция и война	254
<i>Филатов А.С.</i> Революционный тупик цивилизационного распутья России в начале XX века	266
<i>Фролова Е.А.</i> Революция и реформа: pro et contra	281
<i>Шамшуурин В.И.</i> Об утопии земного рая: Революция как традиция.....	298
<i>Шевченко В.Н.</i> Социальная революция: формационная логика и цивилизационное своеобразие	314
<i>Щипков А.В.</i> Революция и исторические разрывы: условия объективного анализа.....	331
<i>Яковлев М.В.</i> Социальная революция и эволюция сквозь призму современной демократизации.....	339
ПРИЛОЖЕНИЕ. <i>Моцелков Е.Н.</i> Русская революция 1917 года: аналитическая хроника основных событий и фактов.....	347
Сведения об авторах.....	360
SUMMARY	362

ПРЕДИСЛОВИЕ

Столетний юбилей русской революции 1917 года у нас в стране и за рубежом вызвал неожиданный и широкий всплеск дискуссионной активности. Уже к лету 2017 года в стране прошли десятки научных конференций и симпозиумов, организованы выставки в главных музеях и постановки в ведущих театрах, изданы книги и сборники документов, на порталах интернет-изданий, на страницах печатных газет и еженедельников, гуманитарных журналов, из номера в номер печатаются научные и публицистические статьи, дискуссии, эссе, интервью по юбилейной тематике. Оказалось, что свою точку зрения по проблематике юбилея хотят высказать все — ученые, деятели культуры, общественные деятели, политики, служители Русской православной церкви. Научные конференции и дискуссии проходят в Москве, Петербурге и других крупных городах России. Можно без преувеличения сказать, что с начала 2017 года в стране развернулась и постоянно наращивается широкая общероссийская дискуссия вокруг столетнего юбилея русской революции.

Важным импульсом для такого мощного интеллектуального процесса, несомненно, стали слова Президента Российской Федерации В.В. Путина, сказанные им 1 декабря 2016 года в ежегодном Послании Федеральному собранию: «Наступающий, 2017 год — год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод ещё раз обратиться к причинам и самой природе революций в России. Не только для историков, учёных, — российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий».

Обращает на себя внимание и то, что центральной темой нынешней общенациональной дискуссией является тема **уроков** русской революции. Многие люди осознанно, а кто-то подсознательно, понимают и чувствуют, что эти самые уроки нами еще до конца не выучены, не поняты, а значит, из них и сто лет спустя не извлечены необходимые выводы, что в природе тех давних собы-

тий есть что-то такое, что чрезвычайно важно для пользы сегодняшнего дня. Одним словом, мы столкнулись с редким феноменом актуальности и даже злободневности событий столетней давности.

Для ученых-гуманитариев этот юбилей оказался очень хорошим поводом еще раз посмотреть на природу социальной динамики, на соотношение социальной эволюции и социальных революций.

Большинство авторов данного ежегодника являются политическими и социальными философами и историками. Поэтому в статьях исторический анализ пересекается с анализом философским, дополняется им. Историка, который анализирует события прошлого, интересуют, прежде всего, факты истории, их последовательность и соотнесенность. Историк ищет ответы, главным образом, на вопросы «Что?» и «Как?». Философа так же интересуют факты, но они ему нужны еще и для того, чтобы ответить на вопросы «Почему?», «Каким образом это повлияло на настоящее?» и «Как это может проявиться в будущем?».

Такой исследовательский синтез позволяет находить оригинальные интерпретации ряда сложных и дискуссионных вопросов. В их числе вопрос о том, что является главным детерминантом и двигателем социальных революций: объективные условия и противоречия или партийно-идеологические стратегии и проекты, деятельность политических акторов, субъективное социально-политическое конструирование, в том числе и при помощи внешних сил («цветные революции»)? И как в рамках поставленной дилеммы можно интерпретировать революционные события в России в 1917 году? В этой связи интересным является вопрос и о роли отдельных лидеров (вождей) в социальных революциях. И могут ли быть социальные революции без революционных вождей? — Извечный философский вопрос о соотношении необходимости и случайности в истории.

И конечно, многих людей волнуют вопросы о возможности минимизации разрушительных и насильственных последствий революционных изменений, и есть ли рациональное зерно в общественном идеале будущего развития человеческого сообщества,

суть которого заключается в тезисе: «социальная эволюция без (или почти без) социальных революций»? Или это чистая утопия?

Эти и другие вопросы, которые стояли перед авторами настоящего ежегодника, не имеют и не могут иметь однозначных ответов. Они относятся к числу остро дискуссионных тем, имеют как сугубо научные, так и личностные, эмоциональные аспекты.

Поэтому в ежегоднике представлен калейдоскоп самых разных, порой противоположных, мнений, оценок и точек зрения. И это нормальная ситуация для научной дискуссии. Главное, чтобы полемика вела к поиску научной истины, способствовала сглаживанию противоречий, помогала находить пути к национальному примирению и согласию.

*Доктор политических наук, профессор
МОЩЕЛКОВ Е.Н.*

Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э.

От эволюции общества к эволюции науки¹

Вместо введения Системно-коммуникативный подход как методология исследований социальных изменений

Социальные изменения, безразлично к тому, носят ли они революционный или постепенный характер, сегодня уже нельзя рассматривать безотносительно теории коммуникаций и, в особенности, эволюционного подхода в теории коммуникации — подхода с особым вниманием к эволюционным механизмам социальных трансформаций. При этом как минимум в некоторых аспектах теория социальной эволюции может заимствовать некоторые принципиальные установки и основные теоретические ресурсы в теориях органической эволюции. Ведь любая эволюция предполагает наличие двух измерений: во-первых, некоторый генетический (субстратный) микроуровень, где генерируются различия, вариации, мутации; во-вторых, их эффекты сказываются на уровне макропроцессов, где осуществляется селекция или отбор удачных или жизнеспособных (т.е. обещающих воспроизводство) свойств, которые затем стабилизируются в рамках популяций.

Современная эволюционная теория, которую мы хотели бы использовать, — это синтетическая теория, где под синтезом понимается единство генетической теории и дарвинизма. Так, генетическая теория описывает молекулярные механизмы изменений на микроуровне — структуру ДНК (описание, программу строитель-

---

¹ Статья написана при поддержке фонда РФФИ, грант № 17-03-00733 «Системно-коммуникативный подход Н. Лумана в приложении к Российскому обществу», а также грант № 15-33-01392 «Мультикультурные сообщества: модели коммуникации и формы идентичности».

ства организма) и РНК, которые обеспечивают перенос информации, считывание информации, ее материализацию (катализ пептидов, которые связывают молекулы белка). Используя эти результаты исследований органической эволюции, мы можем задаться аналогичными вопросами применительно к обществу. Например, поставить вопрос о том, что отвечает за аналогичные функции в обществе? Что представляют собой социальные гены, которые бы выступали информационными программы строительства общества? И что обеспечивает перенос информации, синтез на макроуровне «социальных организмов», «социальных популяций»?

Мы можем осуществить такие сравнения, если рассмотрим *коммуникацию* как некое *минимальное макропроявление общества*. Тогда следует поставить вопрос, какова внутренняя структура общества (=коммуникации), каков механизм мутаций (изменчивости, вариативности) на микроуровне? Что является социальной ДНК и социальной РНК, что является предметом отбора или селекции на макроуровне? Что является социальным аналогом популяции?

Для ответа на этот вопрос мы будем использовать ресурсы системной теории коммуникации и социального эволюционизма, разработанные Никласом Луманом. Если обобщать его идеи, то механизмы изменчивости в обществе предстают в следующем виде. Это: 1) символические медиа трансляции коммуникации и 2) символические медиа коммуникативного успеха.

К первым можно относить ресурсы восприятия, язык, письменность, печать, электрические медиа (кино, телевидение, радио), социальные сети. Это, собственно, и есть своего рода социальные РНК, т.е. медиа и средства, переносящие значимую для воспроизводства общества информацию о том, как должно выстраиваться общество.

Ко вторым можно отнести *символические средства* строительства и воспроизводства общества, медиакоды: власть, истина, деньги, любовь, прекрасное, вера, собственность, — которые служат ориентирами и мотиваторами, канализирующими коммуникативную активность в соответствующих социальных системах общества (политике, науке, семье, искусстве, религии, экономике и т.д.). В этом случае речь идет о неких сокращениях или символах для

комплексных программ строительства коммуникаций, алгоритмах для алгоритмов *отбора* или *селекции* удачных сообщений или предложений информации.

Мы можем привести примеры такого рода эволюционного отбора коммуникативно-значимых сообщений информации:

1. *Коллективно-обязательное распоряжение* (приказ) — может приниматься или не приниматься (отбираться или отклоняться) в зависимости от целого ряда факторов (властного уровня инстанции, выпустившего приказ, формальности и неформальности власти, и т.д. и т.п.).

2. *Притязание на истинность* (публикация) — может отбираться или отклоняться, если реализуются комплексные программы по оценке, методической проверке нового знания.

3. *Предложения товара и притязание на товар* (транзакции) — могут отбираться или отклоняться, если наличествуют деньги, и если известны *цены* (как своего рода программы покупки и продаж). «Если цены низкие — покупай, если цены высокие — продавай». Такова программа отбора экономических предложений информации.

Но и одного лишь успешного *отбора сообщений* (выполненные приказы, признанные публикации, проданные товары) не достаточно для закрепления успешных и жизнеспособных свойств и признаков¹. Также и типичные коммуникации должны образовать некое подобие популяций, чтобы в их рамках иметь возможность воспроизводиться. Применительно к обществу в функции квази-популяции, видимо, выступают *социальные системы*, в которых однажды реализовавшийся успешный запрос на контакт и accep-

---

¹ Здесь полезно вернуться к особенностям органической эволюции. Удачный отбор свойств, характеризующий перспективы воспроизводства конкретного индивида, не обеспечивает распространения этих свойств на всю популяцию. Вне отсутствия достаточного количества *уже ранее* сформированных свойств аналогичного типа новые и удачные жизнеспособные комбинации генов быстро растворятся и не смогут утвердиться и стабилизироваться среди еще преобладающих в данной популяции фенотипов предыдущего типа. Отбор, осуществляющийся на уровне индивидов (фенотипов), должен перейти на уровень популяций, где реализуется третий этап эволюции — *стабилизация* или закрепление удачных признаков, характеризующих не только конкретный более жизнеспособный и более продуктивный организм, но всю популяцию такого рода индивидов.

тацию посылаемого сообщения имеет не одноразовый и уникальный характер, но воспроизводится теперь снова и снова.

Если же не образовалось такой обособленной популяции (как, например, система хозяйства), то сегодня некоторая экономическая коммуникация покупки/платежа может демонстрировать успех, но завтра эту же покупку объявляют спекуляцией, не совместимой с доминирующими в обществе установками в отношении распределения и обмена продукцией.

Здесь мы можем подвести некоторый промежуточный итог сравнительного анализа эволюции в биологии и обществе:

Эволюционные механизмы *общей теории эволюции* — 1) генные мутации; 2) отбор или фиаско новых комбинаций генов, обеспечивающих жизнеспособность и воспроизводство фенотипов; 3) закрепление фенотипических признаков в популяции — универсальны и характеризуют также социальную эволюцию.

Для *социальной эволюции* характерны те же механизмы трансформации иных, социально-коммуникативных содержаний: 1) вариативность (инновативность) сообщений; 2) акцептация (отклонение) новых сообщений; 3) обособление коммуникативных систем хозяйства, политики, науки (квази-популяций) на основе системных медиа успеха или социальных ДНК (денег, власти, истины) посредством социальной РНК (языка, письменности, печати, электронных медиа).

Мы можем на примере конкретных случаев, скажем, *эволюции религиозной коммуникации и морали или эволюции научной коммуникации*, проследить эволюцию структуры коммуникации на микроуровне, т.е. там, где осуществляются мутации и изменения. Однако сначала следует определиться с тем, из чего собственно состоит внутренняя, инвариантная структура коммуникации. С точки зрения системно-коммуникативной теории любая коммуникация может описываться как комбинация из четырех переменных: «Эго», «Другой», «действие» (сообщение), «переживание» (информация).

Коммуникация состоит, таким образом, из: 1) сообщения Другого; 2) извлечения информации некоторым Эго; и 3) их синтеза: этапа понимания — того, каким способом информация связана с сообщением.

Теперь мы можем указать на то, что, собственно, может меняться в структуре коммуникации. Меняться (мутировать и комбинироваться) может *связь сообщения и информации*. Эта связь может выглядеть как преимущественно *инореференциальная* (сообщение об ином) и *самореференциальная* (сообщение о самом характере сообщения). Соответственно, возникают два комбинаторных варианта: 1) либо основную роль играет *информация*. В этом случае публичное представление объективного положения дел является основной целью общения; 2) либо основную роль играет сам факт производства *сообщения*, информационное же «содержание сообщения» вторично.

Скажем, примитивные сообщества практикуют коммуникативный ритуал вызова дождя, но латентным *содержанием сообщения* служит удостоверение во внутриплеменной сплоченности. Инореференция (информация о внешнем мире) есть лишь маскировка для самореференции, или самообсуждения (идея латентных функций Р. Мертона). Эволюция коммуникации тогда может представлять как эволюция от *информационно-закрытой* (примитивно-религиозной) мотивационно-интеграционной коммуникации в направлении к коммуникации, ориентированной *на предметно-ориентированное публичное представление информации*. Речь идет о переходе от религиозно-морально-фундированной коммуникации к коммуникации в рамках обособленных сфер, где коммуникация ориентируется на публичность, а не на тайну и сакрализацию. Очевидно, что политические решения, научные знания, цены и курсы денег должны быть известны, т.е. публичны¹.

Рассмотрим этот эволюционный подход применительно к специальному случаю эволюции научной коммуникации.

---

¹ Религия и мораль представляют собой эволюционный ответ на эволюционные вызовы, проистекающие из особенностей языкового кодирования коммуникации. Всякая вербальная коммуникация кодируется с помощью частички «нет». Этот код «да/нет» представляет главный эволюционный ресурс, ведь все, что сказано, может отрицаться и отклоняться, что резко повышает мутационность и вариативность коммуникации. Но с таким ресурсом простые общества справиться не в состоянии. Ведь всякое отрицание ставит под вопрос сплоченность небольшого коллектива. Религия и мораль своими запретами, табу, ритуализацией в этом случае приходят им на помощь. Более подробно см.: *Луман Н. Медиа коммуникации*. М., 2006.

Универсальный дарвинизм и эволюция науки

Эволюционный подход к науке не является чем-то новым. Общие идеи в явном виде были заложены К. Поппером и развиты Д. Кэмпбеллом. Существенный вклад в развитие дарвинистской модели эволюции внесли С. Тулмин и Д. Халл. Важные критические замечания были высказаны Л. Коэном.

В целом этот подход является лишь одним из *расширений* так называемого *универсального дарвинизма* (наряду с эволюционной антропологией, эволюционной психологией¹, эволюционной лингвистикой² и другими многочисленными расширениями, вплоть до квантового дарвинизма, настаивающего на появлении мира классической физики на основании из квантового мира посредством естественного отбора³) и может быть отнесен к эволюционной эпистемологии⁴.

Идея такого *универсального дарвинизма* получила систематическую разработку в работах Кэмпбелла, и, сохраняя общую ориентацию на неodarвинистскую модель эволюции биологического организма, включала три независимых эволюционных механизма — *вариацию, селекцию, наследственность* (ретенцию).

Еще раньше в менее отчетливой форме эволюционная схема реконструкции знания была предложена К. Поппером, у которого Кэмпбелл заимствует многие из своих идей. Поппер применил эволюционный концепт «репродуктивной жизнеспособности» орга-

---

¹ The Handbook of Evolutionary Psychology / David M. Buss (Ed.). John Wiley & Sons, Inc., 2005.

² Oudeyer P.-Y., Kaplan F. Language Evolution as a Darwinian Process: Computational Studies. Cognitive Processing. 2007. № 8. P. 21–35.

³ Zurek W. Quantum Darwinism, Nature Physics. 2009. № 5. P. 181–188.

⁴ Эволюционная эпистемология в этом смысле есть более широкое течение, поскольку рассматривает не только эволюцию научного знания, но и эволюцию познавательных способностей, восприятия и т.д., которые — усиливая репродуктивный потенциал своих носителей — в конечном счете и привели к возникновению науки. Таковыми эволюционно-адаптивными приобретениями стали, среди прочего, диспозиции избегать противоречий, проверять высказывания, распознавать паттерны, делать успешные предсказания, запрещать обман. Для homo sapiens такие эпигенетические правила поведения стали базовыми условиями выживания и репродукции. Более подробно см.: Ruse M. Evolutionary Naturalism. London: Routledge, 1995.

низма к эволюции научных теорий. По мнению Поппера, их не требуется «спасать» путем добавления к ним разного рода *ad hoc* модификаций с целью объяснения аномалий. Напротив, они должны были пройти *тест на жизнеспособность* (и в известном смысле — на фертильность), подвергаясь фальсификациям как функциональному аналогу естественного отбора. В этом смысле сама эволюция концептов представляла как процесс *trial and error*, в результате которого выживал наиболее приспособленный. И все же прохождение таких проверок на фальсифицируемость косвенно указывало на некое постепенное приближение к истине — или *verisimilitude*. В этом обстоятельстве и сам Поппер чувствовал противоречивость своего эволюционного подхода, ведь повторные тесты, которые преодолевала та или иная теория, подводили к индуктивному выводу о некой *лучшей* приспособленности данной теории¹. И этот «налет индукции» был несовместим с общим антииндукционизмом Поппера. Ведь всякий «выживший» в конкуренции концепт, тем не менее, по Попперу, не должен претендовать на приоритет, поскольку никакое приближение к истине (*verisimilitude*) не должно было апеллировать к такому ненадежному средству обоснования, как *индуктивный* ряд удачно пройденных тестов. Ведь никакая индукция, с точки зрения Поппера, не уменьшала вероятность возможных в будущем фальсификаций и никак не смягчала жесткость соответствующего логического закона *modus tollens*, которому-де подчинялось развитие науки².

То, что «приближение к истине» подразумевало некую — пусть недостижимую — конечную цель научного развития, указывало на то, что Поппер до конца не избавился от «телеологического» понимания науки, или от влияния так называемой «староевропейской семантики» (Н. Луман), основу которой составляло пред-

---

¹ Вообще тезис о «лучшей» адаптации не выдерживает критики, т.к. все приспособившиеся виды адаптировались очень хорошо или не адаптировались совсем. В этом смысле наличие концептов, которые дают лучшее или худшее объяснение, выглядит аномалией в контексте общей теории эволюции.

² Забегая вперед, укажем, что Луман отказывается от идеи «постепенного приближения к истине» на ее последней стадии ретенции — автопоэзиса. Стабильность состоит лишь в стабильности переформулирований и рекомбинирований предложенной истины.

ставление о том, что после обнаружения окончательных истин эволюция знания придет-де к своему завершению — покою или «состоянию перфекции».

Собственно, проблема и состояла в определении этой *последней стадии* эволюции — стадии ретенции, на которой приобретенные и обеспечивающие репродуктивное выживание новые свойства закреплялись в поколениях и популяциях. Насколько вообще оправдано выделять эту стадию как отдельный и независимый *механизм* — ведь уже селекция (без всякой стабилизации) сама по себе в каком-то смысле и представляла собой отбор именно того, что должно быть закреплено и стабилизировано?

Напротив, подход Кэмпбелла, в отличие от идей Поппера, предполагал большую дифференцированность механизмов эволюции, состоящих, по его мнению, из двух независимых этапов: «слепой вариации и селективной ретенции»¹. Луман же в противовес Кэмпбеллу настаивает на том, что и последняя стадия — стабилизации — в свою очередь должна получить дополнительную автономность и функционировать как отдельный механизм. (Применительно к частному случаю *эволюции знания* это, например, означает, что селекция научного знания осуществляется на уровне «журнальных публикаций», которые претендуют на то, что *обосновывают* истины, в то время как ретенция-стабилизация представляет собой этап составления справочников, учебных пособий, словарей, дисциплинарных антологий и т.д., которые служат неким избыточным фоном, на котором профилируют новые вариации и селекции.) Дисциплины, где *эволюция механизмов эволюции* не привела к этому обособлению, и ретенция, т.е. закрепление новых стабилизировавшихся свойств, не может быть отличена от их отбора в виде журнальных публикаций, не могут считаться зрелыми².

---

¹ *Campbell D.T.* Blind variation and selective retention in creative thought as in other knowledge processes // *Psychological Review*. 1960. Vol. 67. Is. 6. P. 380–400.

² Здесь нужно указать, что публикация учебных пособий и справочников есть свидетельство и институционализации данных дисциплин. Так, выпуск фундаментального труда «Социальная философия науки. Российская перспектива» (М., 2016) мог быть осуществлен только после институционализации сектора социальной эпистемологии в Институте философии РАН, появления соответствующих курсов лекций в МГУ и НГТУ.

Понятийное оформление этих трех стадий в рамках эволюции науки обнаруживаем у Д. Халла. В его подходе за первый и самый нижний этаж эволюции отвечают некие *репликаторы* (*гены* в рамках органической эволюции; понятия, полагания, исследовательские техники в рамках эволюции науки), представляющие собой единицы вариативности, способные к самокопированию. На втором «этаже» эволюции действуют *интеракторы* (фенотипы в органическом мире; исследователи и группы ученых в науке) как субъекты и одновременно объекты эволюционного отбора. И наконец, на третьей стадии некоторые отобранные свойства стабилизируются в виде популяций (виды в органическом мире) и в виде развивающихся научных концептов с меняющейся, но сохраняющей временную континуальность семантикой («концептуальные линии» в науке).

И опять сомнения вызывает третий эволюционный механизм. Ведь «концептуальные линии» в развитии научных понятий или научных теорий несколько не похожи на свой биологический аналог или прототип, а именно — на биологический вид (эту претензию озвучил Коэн¹). Впрочем, для Лумана главным недостатком этого подхода выступает представление науки в виде *коллектива*, поскольку науку, по его мнению, следует понимать как систему коммуникаций, но не людей.

Стивен Тулмин в свою очередь и по-своему применяет идеи Дарвина к анализу истории науки, причем ему, видимо, удается преодолеть опасности индуктивизма, с которыми столкнулся Поппер. Тулмин, исповедовавший дескриптивный подход к истории науки и в целом призывавший отказаться от понимания развития науки как истории логически связанных пропозиций, рассматри-

---

¹ Впрочем, Коэн не соглашается и с первой аналогией — различием независимых *вариаций* и *селекций*, как она имеет место в органической эволюции и развитии знания, поскольку «the gamete has no clairvoyant capacity to mutate preferentially in directions preadapted to the novel ecological demands which the resulting organisms are going to encounter at some later time», — между тем в науке понятия, исследовательские техники, методологические правила и т.д. создаются осознанно и осмысленно, — с прицелом на их последующий отбор или селекцию, т.е. признание правильными или истинными (Cohen L.J. Is the Progress of Science Evolutionary? // British Journal for the Philosophy of Science. 1973. Vol. 24. P. 47).

вает истории научных теорий по аналогии с развитием эволюционирующего организма¹. Природный отбор, с его точки зрения, воздействует на множества «концептуальных вариантов». И выживают лишь «наиболее приспособленные» к «давлению со стороны объяснительных требований» к аномалиям. Появляющиеся и требующие объяснений аномалии и есть те самые энвиронментальные условия, которые характеризуют меняющиеся условия среды, к которым должна приспособиться парадигма (сумма «концептуальных популяций»).

Мы представили краткую предысторию эволюционного подхода к развитию науки. Рассмотрим в этой связи тот новый вклад, который в это развитие вносит коммуникативная теория (с особым вниманием к ее версии, представленной в работах Н. Лумана) и в этой связи попробуем предложить несколько выводов в отношении эволюционной зрелости отечественной науки.

Н. Луман об эволюции науки Эволюционирует ли отечественная наука?

Все рассуждения Лумана подчиняются некоторой общей идее: если вообще возможно зафиксировать действительное *различие* между означенными эволюционными стадиями, то можно будет говорить и об эволюционной зрелости самого научного типа коммуникации. С одной стороны, современная наука не знает границ в аспекте акцептации истин; с другой стороны, некоторая развивающаяся национальная наука в какой-то момент «преодолевает» таковые национальные рамки и границы, и соответственно утрачивает национальную специфику в акцептации инноваций (варьирование), в принципах отбора истинных предложений (селекция) и в характере ее стабилизации знания (в виде учебников, справочни-

---

¹ Долгосрочные крупномасштабные изменения в науке, как и везде, происходят не в результате внезапных «скачков», а благодаря накоплению мелких изменений, каждое из которых сохранилось в процессе отбора в какой-либо локальной и непосредственной проблемной ситуации (Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984. С. 41).

ков и т.д.). В этом случае мы можем судить о зрелости либо о неразвитости той или иной национальной или региональной науки.

Избыточное/вариативное в обществе и науке

Основная дистинкция, с помощью которой Луман «описывает» содержание научной коммуникации, представлена различием *вариация/избыточность*. Она восходит к фундаментальной структуре самой коммуникации, которая, по его мнению, выказывает принципиально бинарный характер: в том смысле, что всякая коммуникация либо сообщает нечто новое, неизвестное ее участникам (вариативное) и в этом смысле является *инореференциально-ориентированной*; или же сообщает лишь о том, что сообщение вообще состоялось и обращено именно к данным участникам коммуникации, а могло бы их проигнорировать. *Информационное* содержание такой коммуникации не имеет большого значения, оно может быть хорошо известным, старым, утвердившимся ранее как нечто очевидное. В этом случае речь идет о *самореференциальном* типе коммуникации, смысл которой состоит лишь в утверждении солидарности или его латентной тематизации. В целом этот избыточный (редундантный) нарратив отвечает *нормативному* типу ожиданий и характеризует, главным образом, правовую систему, где любое прегрешение против нормы в силу вызываемого этим нарушением резонанса и санкций лишь укрепляет ее (т.е. избыточным образом подтверждает). Несколько огрубляя, можно сказать, что коммуникацию в науке отличает именно ориентированность на сообщение нового, подготовку новых вариантов знания в соответствие с иным, *когнитивным* типом ожиданий. В рамках этого типа высказывание, противоречащее норме или закону (например, некоторой научной генерализации), не отклоняется сразу, но должно быть взвешено на предмет того, что же в данном контексте важнее — сохранить норму или «спасти явление» за счет отказа от закона, топоса и т.д.

Основанная на нормативных ожиданиях *избыточность*, однако, никуда не исчезает и в научном дискурсе, но является фунда-

ментальным условием любой, а значит и научной, эволюции. Избыточность в смысле Лумана представляет тот контекст и массив проблематичного и удостоверенного знания, которое повторно *воспроизводится* в любой научной коммуникации. (Это понятие избыточности хорошо коррелирует с понятием «жизненного мира» Ю. Хабермаса, описывающего некий комплементарный феномен к коммуникативному действию и рациональной коммуникации.) Всякая коммуникация, претендующая на новизну и вариативность, профилирует на фоне такой избыточности. Но что является условием возможности *новизны* и *вариативности*, если утвердились и господствуют проверенные и подтвержденные факты и теории?

Интерпенетрация сознания и коммуникации как источник инновативности научного знания

На эволюционной стадии варьирования ключевая роль такого источника изменчивости отводится Луманом индивидуальному сознанию и его способности вступать в отношении *взаимопроникновения* с коммуникацией. Сознание ученого (как внешняя по отношению к науке система, полученные в образовании компетенции и квалификации) выступает в функции *прерывателя взаимозависимостей* коммуникации, де-формализует коммуникацию. В целом возможность такого прерывания формализованных коммуникативных потоков характеризует современное зрелое дифференцированное общество, где сознание участников коммуникации, с одной стороны, существенно специализировано, а с другой, по причине своей специализации, в своих реакциях на внешний мир не испытывает необходимости учитывать внешние, неспециальные контексты (т.е. семейные, политические, конъюнктурные, экономические, в особенности — требования групповой интеграции и социальной солидарности, которые ориентируют коммуникацию на групповые ожидания). И именно такая автономная специализация делает возможными *сбои* в утвердившихся и формализованных типах общения и, как следствие, прерывания коммуникативных

взаимозависимостей, требующих уважения к текущим законам (неважно, правовым или научным).

И здесь мы можем задаться вопросом о наличии такого источника инноваций в отечественной науке, в рамках которой ощущается известный дефицит вариативности. Сознание российских ученых, скованных иерархическими и социальными условностями и установками, не допускает возможности прерывания формальных коммуникативных взаимозависимостей. Парадный случай представляет, например, ситуация с диссертацией В.Р. Мединского, формально соответствующей всем заданным нормативно-коммуникативным условиям научного автопоэзиса (достаточное количество публикаций в рецензированных журналах, отсутствие некорректных заимствований, поддержка со стороны большинства диссовета).

Возмущения «недовольных» этой работой участников научной коммуникации в этом случае не должны препятствовать взаимозависимостям автопоэзиса, и все же такое «вторжение» оказалось бы очень продуктивным именно как условие «инновативности», что, возможно, со временем привело бы к расшатыванию установившегося нормативного порядка, сегодня формально допускающего и пропускающего такие диссертации. В дифференцированном обществе — именно в силу очень большой профессиональной спецификации сознаний участников — участники обособленной коммуникации, словами Лумана, «способны заявить о том, что *думают*». И это, безусловно, может застопорить отдельную линию коммуникации, но не разрушает и не стопорит коммуникации в других частях системы. Очевидно, что диссовет, где была защищена диссертация Мединского, столкнулся бы с трудностями своего автопоэзиса, но это существенно не затруднило работу других диссоветов того же вуза. В этом смысле интерпенетрация (взаимопроникновение) социальной системы науки и системы сознания друг в друга не осуществляется в России должным образом. Сознания недостаточно специализированы профессионально, поскольку участники отечественной научной коммуникации (в особенности это касается гуманитариев) вынужденно учитывают *последствия своих высказываний* не столько для специализиро-

ванной профессиональной области (в данном случае — науки), но и для других коммуникативных сфер — например, карьерных перспектив, возможностей экономического или финансового ущерба для них и т.д.

Другой стороной такой искаженной интерпенетрации становится гипертрофированно раздутый личностный фактор. Ни для кого не секрет, что слишком много в российской науке зависит от личных связей (стандартные примеры: директора НИИ «фаворизируют» отдельные сектора или лаборатории и т.д., ученые советы находятся под личным ручным управлением дирекции; аспиранты более влиятельных руководителей получают несравненные преференции в публикациях во влиятельных журналах и т.д.).

В целом, если использовать терминологию Лумана, сознания ученых не выступают достаточно независимыми «случай-сортировочными-машинами», фильтрами, которые на предварительной стадии эволюции должны отфильтровывать ненаучные, сомнительно-научные, идеологически ангажированные и иные «притязания на коммуникацию», которые в системе науки выглядят как притязания на публикации или диссертационные работы. Именно незрелость этой функции фильтрующего сознания сделала возможным публикацию диссертации Мединского, а теперь неспособна остановить запущенные взаимозависимости, которые, как в «Процессе» Кафки, делают необратимыми автопоэтический системный процесс.

Личностный характер инноваций на эволюционном этапе варьирования не реализуется в российской науке именно в силу гипертрофированного влияния фигуры администратора. Если роль личности в мировой науке связана с пиететом перед культовыми фигурами ученых («герои духа» и «научные гении»), выступающими маркерами *случайного характера «мутаций»* в научных коммуникациях, то у нас эволюционная стадия варьирования определена воздействием со сторон неких контр-культовых фигур, которые, однако, в свою очередь, высвечивают случайностный характер этой стадии, правда, с противоположным знаком. И такая контр-культовая фигура Мединского лучше всего символизирует незрелость данной эволюционной стадии развития отечественной

науки. Не научная репутация, как функциональный эквивалент истинности и научности, маркирует случайный характер науки на стадии варьирования (раньше бы сказали, на этапе «стадии открытия»), но низвержение репутаций отдельными энтузиастами («диссернет» и т.п.), которые, правда, не способны осуществить свою сверхзадачу.

Проблема/решение как источник вариативности научной эволюции

Другой признак зрелости науки на стадии варьирования (и одновременно — ускоренной инновативности) Луман связывает с использованием схемы *проблема/решение*, т.е. с тем обстоятельством, что всякое решение только и заостряет (и даже собственно и высвечивает) проблему. Ведь всякое предложенное решение провоцирует иные — вариативные и альтернативные — возможности решений проблемы. (Вспомним, что корпускулярное решение проблемы света Ньютоном как раз и спровоцировало полемику и альтернативные решения, предложенные Гуком и Гюйгенсом.) Именно эта дистинкция *проблема/решение* отвечает за *инореференциальный* характер научной коммуникации, выводит науку за пределы самой себя, не дает ей погрязнуть в бесконечных уточнениях и выверениях методологических требований, схоластических интерпретациях и переинтерпретациях собственных понятий.

Если в этой связи попробовать охарактеризовать отечественную науку, то, как минимум, в отношении социально-гуманитарных дисциплин, можно утверждать о существенной произвольности в постановке проблем, и шире — в обращении с исследовательским материалом и применяемыми подходами. В особенности в региональных вузах, как правило, создается собственный массив понятий и общих мест (за авторством местного научного администратора), к которым снова и снова ритуально отсылают в статьях и особенно диссертациях подчиненные исследователи. Таким топосом стал, например, пресловутый тезис о «постнеклассической» стадии развития науки, давно занявший место цитат из классиков марксизма и к месту и не к

месту цитируемый во всех без исключения диссертациях по философии науки. Другой тип подмены фактических проблем представляет, безусловно, уже практически институализировавшийся обычай ссылаться на работы членов диссоветов, без чего в эпоху ссылок и индексов вообще трудно ожидать от соответствующего совета лояльного отношения к диссертанту. Сюда же можно отнести и специфический подбор оппонентов и ведущей организации по признаку личной лояльности, на который никак не влияют требования Минобрнауки по нейтрализации конфликта интересов путем ограничений выбора оппонентов и ведущей организации. В этой связи совсем не удивляет отсутствие какой бы то ни было *эквививальности* (независимых открытий в разных лабораторий) в научных исследованиях, которая, согласно Луману, характеризует всепроникающую универсальность мировой науки в отношении научных проблем и их решений.

Конечно, судить о «качестве» постановки проблем всеобщим образом судить довольно трудно. В конечном счете, лишь сама коммуникация о значимости проблеме для обособленной дисциплины является последним критерием этой значимости. Но все-таки, особенно если рассматривать социально-гуманитарную сферу (списки поддержанных проектов РФФИ и РФФИ здесь особенно красноречивы), бросается в глаза произвольность в выборе поставленных проблем, и не в последнюю очередь — поскольку финансовую поддержку в российских условиях недофинансирования получает чаще всего не соответствующая проблема, а квалификация исследователя, наработанная им научная репутация, участие иностранных коллег и многое другое.

Паранаука

Паранаука, с точки зрения Лумана, тоже должна быть включена в реестр источников эволюционной вариативности. Ведь именно паранаука обращается к рискованному знанию, которое в некоторый данный момент не может быть акцептировано научным истеблишментом. Но такое знание, в свою очередь, «шлифуется» и

методологизируется по образцу научного, и зачастую в коммуникативных рамках самой науки. Выдающиеся примеры — это теория психоанализа в психологии, теория литосферных плит Вегенера, космонавтика Циолковского. И в российской науке известен выдающийся пример паранаучного предуготовления научных открытий и изобретений, а именно традиция русского космизма. Достаточно вспомнить имена представителей русского космизма (К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, П.Г. Кузнецова), который и сегодня является одним из ведущих отечественных философских брендов.

Однако функционирование такого рода условия предполагает, что паранаучная линия исследований, хотя и является маргинальной и периферийной, но все-таки локализована на внутренней границе науки. Так, раскопки Шлимана были сделаны с большими ошибками (уничтожены верхние археологические слои — как раз той самой гомеровской Трои), но все-таки эти результаты были признаны как ошибочные внутри науки, а не как ненаучная фикция. Можно предположить, что в отечественной науке такая паранаучная линия эволюционного варьирования практически отсутствует или — в том, что касается социально-гуманитарной мысли — проблемные линии настолько бесформенны и сами по себе маргинальны, что на их фоне просто не могут профилировать паранаучные исследования. С другой стороны, то, что в России фигурирует в виде паранауки, движимо не научным интересом, а иными финансовыми и политическими мотивациями, используется как политический капитал и в принципе не может быть акцептировано внутри науки (фильтры Петрика, нооскоп Вайно — здесь особенно комичные примеры).

Если эволюционная стадия варьирования может быть сопоставлена с этапом научного открытия, как это представлено в традиционной философии науки, то стадия «естественного» отбора предложенных к публикации материалов представляет собственно научную стадию, которую можно соотнести с этапом *обоснования знания*. Эволюционная селекция, по мысли Лумана, есть акцептация научного знания через исключение неконсистентного, отклонение ложного, т.е. распределение истинностных значений путем

проверки знания, предложенного для коммуникации в рецензируемых журналах. За недостатком места не будем специально останавливаться на этом ключевом этапе научной эволюции, но перейдем к дистинкции *селекция/стабилизация* как важнейшему маркеру зрелости современной науки.

Стабилизация знания указывает на степень утверждения научных результатов в памяти системы научных коммуникаций, на его вхождение в научную традицию. Это может выглядеть как включение опубликованных ранее исследовательских результатов в учебниках, словарях-справочниках, разного рода ридерах и дисциплинарных антологиях. Степень зрелости дисциплины выражена в степени формализации этого процесса и известной анонимизации результата. Если журнальная публикация выражает авторство, то информация в учебнике деперсонифицирована и представляет собой как бы уже *акцептированный* коммуникативный запрос. Если цитирование (не важно, признательное или полемическое) публикации выражает успех эволюционного отбора (всегда «внутреннего», а не внешнего или «естественного») этой публикации, то включение результатов исследований в научные обзоры диссертаций, и затем — в случае успеха — в учебники и справочники, выражает успех эволюционной стабилизации научного знания.

И здесь можно указать на отечественную специфику этой стадии эволюции, состоящей в том, что отечественные диссертационные обзоры литературы все-таки не выражают в достаточной мере эту «общезначимость» достигнутых результатов (конечно, эта ситуация характеризует в большей степени социально-гуманитарные дисциплины). Как уже говорилось, здесь ссылки носят ритуальный характер, и собственно эти разделы диссертаций, как правило, не интересуют ни ВАК, ни оппонентов.

Если означенное различие между процессом отбора публикации в журнал и аккумуляцией наличного (т.е. собранного в учебники и справочники) является явным и практикуемым, и если это различие действительно тематизируется и фиксируется в диссертациях как различие между *новизной* и *актуальностью*, или, говоря словами Лумана, между вариативностью и избыточностью, то дисциплина может претендовать на статус зрелой обособленной области знания.

Некоторые выводы

В целом представляется, что в отношении стабилизации (образования системной памяти дисциплины через закрепления значений истинных за определенным знанием на некоторое осмысленно-длительное время) эволюция отечественной науки не достигла мирового уровня автономности стабилизационного процесса, поскольку не до конца утвердился *самосубститутивный* порядок приращения знания, характерный для научного автопоззиса — процесса коммуникативно-непроблематичной смены одних утвердившихся истин другими. Факторы, мешающие утверждению такого самозамещающего процесса, лежат на поверхности: 1) вторжение ненаучных (телеология, политика, экономика) форм коммуникации в науку; 2) непрерывная смена селективных критериев, определяющих то, что же следует аккумулировать в виде памяти научной системы. В отечественной науке административным решением принято считать таковой памятью не фундаментальные труды (монографии, энциклопедии, антологии, справочники), но публикации в журналах Web of Science и Scopus. Такое принятие в печать понимается как венец развития и критерий успеха исследования (закрепления его истинности). Между тем в современной западной науке публикации этого уровня соотносятся, скорее, со стадией эволюционной селекции, т.е. со стадией обоснования истинности и распределения значений *истины/лжи*, никак не гарантирующей длительность и устойчивость таких распределений; 3) создание альтернативных научным, исключительно образовательно, политически и финансово-экономически обоснованных форм фиксации научного признания и научной репутации (система «Истина», «РИНЦ», «Карта российской науки»), которые в сущности лишь маскируют попытки определения эффективности одной системы средствами других коммуникативных систем, что существенно ограничивает автономный характер науки.

Впрочем, различие между российским пониманием стабильности и эволюционной стабильностью современной мировой науки даже более фундаментально, поскольку российское общество, сохраняющее определенные признаки традиционности, ищет в ре-

зультатах научных исследований неких вековых оснований, вечных истин. Между тем стабильность современной науки в терминах системно-коммуникативной теории Лумана есть стабильность прежде всего динамическая, предполагающая непрерывное обращение («ликвидность») истин. Эта «ликвидность» должна пониматься как способность научной коммуникации к тому, чтобы своевременно «сбывать» старые знания в обмен на новые по некоторому относительно приемлемому курсу, а не формулировать окончательные мироописания в поисках «абсолютных достоверностей».

«Революция» как концепт-перевёртыш: к вопросу о применимости теории революции

1

Двадцатое столетие привычно называют «эпохой войн и революций», зачастую ссылаясь на В.И. Ленина как автора этой чеканной формулы, что, в общем-то, не совсем точно. В ленинской статье «Оппортунизм и крах II Интернационала» данная аттестация предстает как отсылка к брошюре Карла Каутского «Путь к власти», тезисы которой послужили идейной основой Базельского манифеста 1912 года, призывающего превратить грядущие военные столкновения в пролетарскую революцию¹. Конечно, авторство фразы не столь существенно. Важно другое: во всех трех случаях (и у Ленина, и у Каутского, и в манифесте социал-демократии) речь идет о событиях глобального масштаба, о *мировых* войнах и *мировой* революции. Причем революция подразумевается именно пролетарская, буржуазные же берутся в расчет лишь как приуготовление к ней². Только в таком контексте становится понятным, почему именно двадцатый век удостоился подобной характеристики, а, к примеру, не девятнадцатый или восемнадцатый, которые соответствуют ей не в меньшей мере —

---

¹ См.: Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 27. М., 1962. С. 102, 110. Однако следует отметить, что эта ссылка — не прямая цитата, а, скорее, резюме идейного содержания: в тексте работы Каутского, вышедшей в свет в 1909 году, раздел 9 озаглавлен «Новая эра революций», но как таковой формулы «эпоха войн и революций» нет (см.: Каутский К. Путь к власти. М., 1959).

² К примеру, у Каутского они ценятся не очень высоко, как «жалкие восстания», зачастую не имеющие «каких-либо революционных последствий» (Каутский К. Путь к власти. М., 1959. С. 28.) Так, революция 1848 года в Германии, по его оценке, дошла лишь «до жалкого восстания, немедленно спугнувшего почти всю буржуазию, которая отступила назад под крылышко своих правительств», и потому «все яснее становится, что революция возможна только лишь как пролетарская революция» (С. 27).

и по количеству войн и революций, и по важности их последствий¹.

Такой политический прогноз, выдвинутый в начале столетия, еще до глобальных потрясений века², опирался на понимание революции как коренного переустройства общества в результате насильственного разрешения антагонистического конфликта коренных социальных интересов³. Именно в этом ключе, в рамках стадияльной трактовки истории с акцентом на объективную детерминацию, массовый характер и качественное изменение общества, и разрабатывалась в дальнейшем теория революции в левой мысли. Однако уже к середине XX века реалии политической борьбы и логика теоретического осмысления революции привели к серьезной дифференциации позиций в этом вопросе даже в рамках марксистской парадигмы, не говоря уже об оппонировавших ей концепциях. Оказались под огнем критики, были оспорены или переосмыслены практически все базовые элементы: и объективная неизбежность революционного переустройства; и обязательность насильственного характера изменений; и принципиальность антагонизма, влекущего за собой гибель противостоящих сторон; и субъектность угнетенного класса как гегемона революционного действия; и радикальность смены политической власти.

Не привело к успеху и разворачивание тезиса о «локомотиве истории»⁴ в хронологической плоскости — выстраивание некоего «путевого дневника» с описанием важнейших станций следования

---

¹ В 1794 году Кондорсе написал практически те же слова: «Все говорит нам за то, что мы живем в эпоху великих революций человеческого рода». (*Кондорсэ Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 15).

² Правда, статья «Оппортунизм и крах II Интернационала» была написана в 1915 году, однако в ее центре стоит тот самый, довоенный, прогноз. Да и пафос обличения западноевропейских партий обусловлен их отказом от политической платформы, сформулированной на его основе.

³ Ориентиром служил «Манифест Коммунистической партии»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов... угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 424).

⁴ Именно так Маркс называл революции (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 7. М., 1956. С. 86).

и исторических пейзажей до прибытия и после отправления. Надо особо подчеркнуть, что проблема создания истории революций не является специфически марксистской. Она была поставлена гораздо раньше, в XVIII веке, в попытках осмыслить и объяснить Великую Французскую революцию. Основоположником этой линии анализа считается Кондорсе¹, стоявший у истоков теории революции как таковой.

В политической теории двадцатого столетия попытки вычленивать в истории социально-политические трансформации, подходящие под название «революция», предпринимались с различных методологических позиций. В результате в перечень включались весьма несхожие движения — от шумерского восстания «Детей Лагаша» в XXIV в. до н.э. и народных бунтов феодальной Европы — до перестройки в России конца двадцатого столетия². Однако при всем обилии фактического исторического материала задача выявления таких феноменов, которые можно было бы отнести к революциям не метафорически, а в соответствии с требованиями строгой дефиниции, оказалась далека от решения. До сих пор в научном сообществе нет согласия в главном — в вопросе о критериях, позволяющих разграничить революцию и другие социальные явления, такие как волнение, смута, бунт, восстание, переворот, мятеж, реформа, завоевание, инсurreкция, реставрация, контрреволюция и проч. С одной стороны, этому препятствует плюрализм трактовок, с другой — давление традиции. Ведь к

---

¹ «Кто может лучше нас осветить то, что нас ожидает, — писал Кондорсе, — кто может нам предложить более верного путеводителя, который мог бы нас вести среди революционных движений, чем картина революций, предшествовавших и подготовивших настоящую?» (*Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 15*).

² «Революции так же стары, как мир», — утверждает, к примеру, один из ведущих современных специалистов в области макросоциологии, основатель клиодинамики Дж.А. Голдстоун (*Голдстоун Дж.А. Революции. Очень краткое введение. М., 2015. С. 64*). См. также: *Дарендорф Р. После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. М., 1998; Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М., 2005; Корсунский А.Р. О социальных революциях в докапиталистических формациях // Проблемы теории социальной революции. М., 1976; Стародубровская И.В., Май В.А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М., 2001; и др.*

нашему времени уже сложилась практика именовать революцией феномены, с трудом подводимые под заданные параметры, — взять хотя бы «Славные революции» в Англии (1688–1689) и в Испании (1868), которые более корректно было бы обозначать как государственный переворот со сменой династии, или «консервативную революцию» в Германии в межвоенный период двадцатого столетия, которую можно считать таковой лишь условно. В то же время Реформацию, вполне отвечающую требуемым критериям, называть революцией не принято. Все это существенно затрудняет решение проблемы спецификации революции как социально-политического явления и, соответственно, ограничивает возможности функционирования данного термина в качестве научного понятия.

Сегодня сама по себе систематизация трактовок революции превращается в труд, сравнимый с сизифовым. Ведь количество версий постоянно множится, причем годовщины революций придают этому процессу дополнительное ускорение, а перспективы достижения консенсуса научного сообщества по фундаментальным вопросам остаются туманными.

2

Отсутствие понятийной четкости в трактовке революции вполне объяснимо. Как известно, особенность научного теоретического мышления заключается в оперировании понятиями. Выделяя и закрепляя значимые признаки и мысленно объединяя их в комплексы, оно стремится к фиксации существенных характеристик изучаемого объекта в виде логически стройных понятий. Будучи конвенциональными номинативными образованиями, понятия употребляются в едином, универсальном, смысле. Это позволяет добиться однозначности в интерпретации результатов познания и представить их в дедуктивно-системной форме. Поэтому стремление к понятийной точности на протяжении столетий стимулировало развитие научного познания.

Однако в социальных дисциплинах достичь полной формализации инструментов познания и абсолютной универсальности понятий практически невозможно. С одной стороны, знание об обществе и человеке «работает» в принципиально ангажированном

контексте, который непосредственно связан с осмыслением и защитой определенных социальных интересов. Это придает словам, используемым для фиксации изучаемых объектов, свойство сущностной оспариваемости. В силу этого они «не допускают не только терминологизации (установления жестко ограниченного значения, смысловой, а фактически операционной, непротиворечивости использования для определенных областей деятельности и ситуаций) и сколь-нибудь надежной конвенционализации смысла (нормативного или прагматического согласия о пределах значений слова), но, напротив, принципиально ориентированы на постоянное генерирование новых смыслов, определяемых развертыванием политического дискурса и контекстами»¹.

С другой стороны, специфика социально-политической лексики такова, что для фиксации объекта исследования чаще всего используются слова естественного языка, которые имеют хождение не только в сфере науки, но и в непосредственном общении. Такие номинативные конструкции, вопреки всем аналитическим усилиям, все равно остаются полисемантическими. В процессе коммуникации (особенно межъязыковой и межкультурной) они неизбежно обогащаются новыми смыслами и вбирают в себя оттенки значений, порожденные иными социальными практиками. Всё это постоянно воспроизводит понятийную нечеткость и порождает синонимии при передаче одного и того же смысла.

Размывание универсализма научной лексики происходит и тогда, когда в качестве терминов выступают искусственно сконструированные лексемы, специально созданные с целью избежать полисемантизма. Сосуществование конкурирующих версий теоретического описания и осмысления объекта, который обозначается определенным термином, приводит к тому, что его значения, принятые в разных парадигмах, пересекаются или даже совмещаются.

В силу специфики социальной теории её основным инструментом, как правило, выступает концепт, отличающийся и от слова естественного языка, и от логического понятия. В отличие от ло-

---

¹ Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 22.

гического понятия, он фиксирует не четко обозначенную совокупность признаков, а смыслы, соотносимые с предметом мысли. Поэтому концепт принципиально коммуникативен, дискуссионен, многомерен и ценностно нагружен. Подобно словам естественного языка, он многослоен и содержит множество различных смыслов, накопившихся за то время, пока люди разных культур пытались понять и объяснить данный предмет, а также варианты толкования и комбинирования этих смыслов. В итоге смысловая нагруженность концептов далека от универсальности. Она зависит от того, какие именно грани высвечиваются в каждом конкретном случае, а это определяется позицией исследователя — тем, каким авторитетам он доверяет и на какие традиции опирается.

Важно, что в отличие от слов естественного языка, концепт служит основой теоретической формы познания и является результатом рациональной «инвентаризации» смыслов. Поэтому в рамках конкретной теоретической конструкции — если с ним связывается строго определенное содержание — он может приобретать понятийный характер. Но и в таком случае все остальные смыслы, «не задействованные» в данной конкретной версии, не исчезают. Они в любом случае сохраняются в его смысловом поле, хотя могут отодвигаться на задний план, выступать в качестве элемента оппозиции главному смыслу или подвергаться реинтерпретации. Именно так существует в политико-философском дискурсе «революция» — как концепт, который, будучи нагружен определенным набором смыслов, подвергается различным интерпретациям, причем в каждом конкретном случае результат зависит от акцентирования и сочетания его содержательных элементов.

Концептуальное ядро «революции» образуют несколько базовых смыслов. Главный из них — *качественное преобразование*, разрыв с предыдущим состоянием. Именно в таком значении это слово, употребляемое изначально в алхимии, астрологии и астрономии¹, вошло в социально-политическую лексику. Причем такое изменение отнюдь

---

¹ Произошло это благодаря названию труда Николая Коперника «De revolutionibus orbium coelestium» (1543), где им обозначалось круговое движение, при котором расположение звезд существенно изменялось (см.: *Коперник Н.* О вращении небесных сфер. М., 1964).

не трактовалось как создание чего-то нового. Напротив, вплоть до Великой Французской революции данное преобразование чаще всего использовалось для обозначения возврата к прежнему порядку, — т.е. скорее как реставрация, а не новация¹.

Среди важнейших оттенков данного смысла — неодолимость процесса и независимость от воли вовлеченных в него людей. Их разворачивание привело к проявлению и закреплению двух векторов в трактовке революции. Первый ставит акцент на объективную необходимость перемены и рассматривает революцию как реализацию исторической закономерности. Он ведет к включению в трактовку революции такого измерения, как прогресс. В данном ключе, при увязке происходящей трансформации с достижением новой, более высокой ступени развития, «революция» используется для обозначения перемен не только в политике, но и в других сферах, — например, в промышленности или в науке.

Второй вектор фокусируется на спонтанности и анонимности революции, на неподвластности хода преобразований воле человека. В данном случае события предстают в виде разгула стихии — как ураган, сметающий все на своем пути, обманывающий ожидания, разрушающий судьбы и сталкивающий соотечественников в кровавой бойне. В такой интерпретации актуализируется образ монстра, пожирающего собственных детей²: революции не только

---

¹ В XVII веке встречается именно такое понимание революции: его употребляет в 1643 году Ф. де Греналь, говоря о реставрации старой династии в Португалии, оно применяется в Англии в 1660 году после восстановления монархии и в 1688 году при восшествии на престол Вильгельма III Оранского и Марии Стюарт. Да и в XVIII веке это значение сохраняло силу: и французская, и американская революции, уверена Ханна Арендт, «были твердо убеждены, что своими действиями они не создают ничего принципиально иного, а лишь восстанавливают старый порядок вещей, нарушенный и погрязший деспотизмом абсолютной монархии или злоупотреблениями колониальных властей» (*Арендт Х. О революции*. М., 2011. С. 53). См. также: *Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции*. М., 2005; *Блюм Р.Н. Поиски путей к свободе. Проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века*. Таллин, 1985; и др.

² «Революция, как бог Сатурн, пожирает своих детей». — Авторство этого широко известного высказывания времен Великой Французской революции приписывается разным людям — главе жирондистов П.В. Верньо, одному из лидеров Первой французской республики Ж.Ж. Дантону, и журналисту, основателю клуба кордельеров К. Демулену.

губят целые государства, но и, как писал Адам Фергюсон, «лишают граждан ощущать себя членами общества, сокрушают его дух, унижают его чувства и лишают разум дееспособности»¹.

К числу основных смысловых элементов концепта «революция» следует также отнести *вайолентность*, насильственный характер процесса общественных преобразований, ломающий существующие нормативные регуляторы и социальные институты, в первую очередь, правовые². Такой смысловой пласт связан с каждым из двух описанных выше векторов интерпретации. При этом первый, детерминистский, все же оставляет возможность понимания революционного преобразования как ненасильственной трансформации, в то время как второй сплетает революцию и насилие в прочный узел. В вайолентном ракурсе революция тесно связывается с войной (чаще всего гражданской), предшествующей социальному взрыву, сопутствующей радикальной трансформации общественных устоев или следующей за ней³.

И, пожалуй, в ядро концепта необходимо включить такой смысловой акцент, как *масштабность*, который традиционно служит для различения «революции» и, к примеру, «бунта» или «переворота». Такая характеристика фиксирует и количество людей, вовлеченных в данный процесс, и широту охвата различных сфер социальной жизни, и степень проникновения в социальные устои. Именно размах и глубина преобразований чаще всего выступают критерием, на основании которого признаются революционными те или иные изменения в различных областях человеческой жизни — в знании (научная революция), в производстве и потреблении (промышленная, аграрная, товарная революции), в духовно-символической сфере (культурная революция), в сфере социально-нормативного регулирования личностных сценариев (сексуальная революция),

---

¹ Фергюсон А. Очерк истории гражданского общества. М., 2000. С. 306.

² «...Следовало бы знать, что законы вообще никогда не совершают революций, — утверждал Карл Маркс. — Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» (Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 2001. С. 548–549).

³ Говоря о сущностной близости войны и революции, Арендт ставила акцент на «тесной связи с насилием, выделяющим их из ряда всех остальных политических феноменов» (Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 15).

etc. Данный смысловой пласт важен еще и потому, что различие подходов к его интерпретации обусловило значительное разветвление концепций революции в зависимости от того, насколько принципиальным для спецификации революции признается действие масс¹.

Конечно, содержание концепта «революция» значительно богаче, оно не сводится к рассмотренным выше аспектам. Помимо основных смыслов, образующих его ядро, в нем выделяется, как правило, *аксиологический* пласт, который соотносит революцию с базовыми социальными ценностями — свободой, благом и справедливостью², важнейшие ракурсы в трактовке революции задаются идеями *новизны* и *созидания*³. При их акцентировании в фокусе оказывается непроизвольное возникновение или целенаправленное сотворение чего-то принципиально иного, ранее не существовавшего, будь то новый мир, новый человек или новая парадигма. Данные смыслы определяют широкую исследовательскую перспективу. К примеру, они позволяют объединить в едином концептуальном поле социальную, политическую и научно-техническую революции, рассматривая их как разновидности радикального обновления в определенной сфере жизни. В то же время, придание первостепенного значения инновационной активности существенно ограничивает сферу применимости термина «революция» — от ужесточения отбора «канди-

---

¹ Так, к примеру, Б.Ю. Кагарлицкий утверждает: «Каждая эпоха порождает собственную “модель” революционных преобразований, которые отличаются друг от друга так же, как сами эпохи... Но неизменным остается одно — выход многомиллионных масс “простых” людей на авансцену истории, превращение их из зрителей или жертв происходящих событий в полноценных действующих лиц» (*Кагарлицкий Б.* Неуловимая правда революций // *Логос.* 2012. № 2 (86). С. 76). Ему оппонирует Г.А. Завалько: «...Большинство революций в истории человечества, на мой взгляд, проходили именно “сверху”, так как господствующие классы редко выпускали из своих рук инициативу» (*Завалько Г.А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М., 2005. С. 296).

² «Слово “революционный”, — утверждал еще Кондорсе, — не может быть применено к революциям, целью которых не является свобода» (цит. по: *Арендт Х.* О революции. М., 2011. С. 31). Ту же позицию занимают Х. Арендт, Дж.А. Голдстоун и др.

³ Революция, настаивала Ханна Арендт, является единственным политическим событием, которое прямо и четко ставит проблему любого начинания (см.: *Арендт Х.* О революции. М., 2011. С. 18).

датов» в каждую историческую эпоху до утверждения, что «ни одна революция не была совершена до Нового времени»¹.

3

Вопрос о применимости слова «революция» к реальным социально-политическим процессам далеко не праздный. Очевидно, что преобразования всегда сопровождают существование человеческого общества. Они могут занимать длительный период или вспыхивать и угасать в краткий временной отрезок, быть мягкими или жесткими по характеру протекания, более или менее масштабными и радикальными, проходить с разной степенью осознанности. Слово «революция» для обозначения некоторых из них стало употребляться по всемирно-историческим меркам совсем недавно. Это произошло в Новое время, когда совокупность смыслов данного концепта вошла в фундаментальную область мирозерцания и оказалась сопряженной с той картиной мира, которая вытеснила прежние представления о космосе, обществе и человеке. В первую очередь, это касается идей прогрессизма и активизма, представлений о новационной созидательности как социальной практике, о социальном равенстве и личной свободе каждого как условиях справедливого общественного порядка, — т.е. тех комплексов идей, которые были чужды и античности, и средневековью, но оказались стержневыми в период становления и развития буржуазных отношений. Именно поэтому в общем списке революционных преобразований наименьшее расхождение мнений занимают исторические события периода капитализма: они воспринимались и участниками событий, и исследователями именно как революции. При попытках же найти аналогичные

---

¹ *Арендт Х.* О революции. М., 2011. С. 28. «Термин “революция”, — читаем также у одного из лидеров коммуитаризма Майкла Уолцера, — применим лишь к небольшому кругу явлений: сознательные попытки установить новый моральный и материальный миропорядок и провозгласить или заложить радикально новые модели повседневного поведения» (*Уолцер М.* Интеллектуалы, социальные классы и революции // Логос. 2012. № 2 (86). С. 96). Та же идея встречается в исследовании Г.А. Завалько: «Социальная революция есть только тогда, когда есть переход к новому способу производства» (*Завалько Г.А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М., 2005. С. 296).

процессы в другие эпохи в научном сообществе возникают многочисленные, порой непреодолимые разногласия, не позволяющие создать более-менее общепринятую теорию революции.

«Работает» ли концепт революции в современных условиях или только вводит в заблуждение?

Прежде всего, необходимо несколько слов сказать об этих условиях. С одной стороны, не вызывает сомнений, что факторы, расшатывающие социальный порядок (социально-экономические проблемы, резко снижающие уровень общественного благосостояния; конфликты интересов, связанные с принципами и механизмами распределения ресурсов и ценностей; кризисы легитимности властных элит, уменьшающие управляемость, etc.), по-прежнему провоцируют массовые проявления протестной активности, которые угрожают стабильности общественных институтов и приводят к смене политических режимов. С другой стороны, столь же очевидно, что социальные институты, процессы и практики начала XXI века серьезно отличаются от тех, что определяли облик эпохи не только в XVII, XVIII и XIX веках, но и в первой половине двадцатого столетия. О принципиальном изменении ситуации во весь голос заговорили уже в начале прошлого века, а к его середине констатация «перелома эпох» и «разрыва времен» стала общим местом. Несмотря на то, что «диагноз» реальности, пришедшей на смену «старому доброму времени», ставили мыслители, различающиеся и теоретическими установками, и идеологическими пристрастиями (как следствие, в фокус попадали то экономические, то политические, то культурные факторы), тот факт, что и картина мира, и жизненные практики эпохи классического капитализма претерпели радикальную трансформацию, оказался неоспоримым. Именно поэтому предельно актуализировался вопрос о том, сохранили ли прежние научные инструменты релевантность, или же они требуют корректировки, а то и замены.

Что касается концепта «революция», то такие корректировки — если не сказать подмены — уже стали фактом. Если просто посмотреть на то, как он представлен в современном информационном поле, то сразу бросается в глаза смена эпитетов. В Новое время революции называли «Славными» и «Великими», определяли

их как «мировые» и «перманентные», акцентируя тем самым их роль в историческом процессе, масштабность и высокую социальную значимость. Такие обозначения апеллировали в большей мере к рациональному, чем к эмоциям. На рубеже XX–XXI веков ситуация иная: названия революций нацелены на чувственное восприятие, предельно сенсуализированы, — недаром они именуются «цветными» и различаются по вошедшим в их обозначение текстурам, краскам и цветам¹. Такая ситуация вполне соответствует «диагнозу» Ги Эрнеста Дебора, который характеризовал современный социум как общество спектакля, подчиняющегося всё требованиям зрелищности: «Спектакль, — писал он, — частенько предстает перед нами в образе зрелищной политики, зрелищного правосудия, зрелищной медицины и иных не менее замечательных медийных фабрикатов»². Такая визуализация — не просто словесное «украшательство», а серьезный симптом перевода реальности в плоскость симулякров, образов, имитирующих наличие изображаемого.

Сдвиг в сторону иллюзорности проявляется и в динамике содержания концепта, которая характеризуется значительным смещением его смысловых пластов. В результате этого «революция» лишается всех специфицирующих характеристик, и оказывается, что «между “цветными революциями” начала XXI века и “классическими” революциями Нового времени лежит настоящая пропасть»³.

Действительно, в современных трансформациях, именуемых сегодня революциями (важно, что только они и выступают ее репрезентантом), речь уже не идет ни о переходе на новую ступень исторического развития человечества, ни о качественном преобра-

---

¹ В списке «цветных» революций — «бархатная» (Чехословакия, 1989), «пурпурная» (Ирак, 2005), «желтая» (Филиппины, 1986), «оранжевая» (Украина, 2004), «зеленая» (Иран, 2009), «тюльпановая» (Киргизия, 2005), «жасминовая» (Тунис, 2010), «революция роз» (Грузия, 2003), «революция лотоса» (Египет, 2011), и др.

² Дебор Г. Комментарии к обществу спектакля // Дебор Г. Общество спектакля. Комментарии к обществу спектакля. М., 2011. С. 22.

³ Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 45. Август 2014. С. 149 (e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk_45_avgust_2014_g/pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/naoumov.pdf).

зовании общественного строя, ни о созидании принципиально нового мира и нового человека. Целью, как правило, служит смена политического режима в отдельно взятой стране, хотя чаще всего дело ограничивается перетасовкой политической элиты и перераспределением властных ресурсов. Общеизвестно, что результаты таких изменений далеко не всегда носят прогрессивный характер, более того, как заключает Голдстоун, в последние годы «революции обычно порождали слабые демократии или прагматичные полуавторитарные режимы»¹, которые никак не могут рассматриваться как вызванные исторической необходимостью. Концепт «революция», таким образом, оказывается вырванным из контекста стадийной парадигмы, в рамках которой он имеет четко определенное место и функции. Он переносится в иные, чуждые для него историософские модели — циклические или волновые, где его применимость оказывается под вопросом, и он может «прижиться» только претерпев значительные содержательные корректировки.

С точки зрения подобных смысловых переворотов показательным служит тот факт, что сегодня насилие не считается признаком революции. Несмотря на случающиеся столкновения, причем порой весьма ожесточенные, исследователи особо подчеркивают ненасильственный, мирный характер смены власти. Вайолентность из существенного элемента революции превратилось в факультативный, выступая в качестве побочного негативного эффекта.

В современных революциях аксиологический и инновационный пласты также виртуализируются. Призывы к обновлению и реализации базовых социальных ценностей все чаще оказываются лозунгами, которые используются конкурирующими политическими силами и при этом не связаны с реальным политическим курсом ни одной из них. При этом необходимо учитывать существенное различие в том, что именно участники политических дискуссий понимают под свободой, справедливостью, равенством, правами человека и прочими ценностями. В политическом дискурсе они все чаще оказываются либо пропагандистскими марке-

---

¹ Голдстоун Дж.А. Революции. Очень краткое введение. М., 2015. С. 182.

рами, «товарами»), без которых не может существовать «политический рынок», обменивающий обещания на поддержку, либо «масками», скрывающими подлинные интересы и цели.

Инструментом революции XXI века, как и прежде, служит мобилизация населения для протестных действий. Но в то же время говорить о ее масштабности — как с точки зрения глубины преобразований, так и в плане массовости участия — весьма сложно. Особенно остро стоит вопрос о субъектности участников: с учетом использования целого спектра манипулятивных технологий довольно сложно определить, кто именно совершает эти революции; кто зритель, а кто режиссёр данного «спектакля»; является ли даже самый активный революционер актером, осознанно делающим свой политический выбор, или актёром, исполняющим написанную кем-то роль¹.

С завершением эпохи классического капитализма ушла в прошлое и эра классических революций. Их место заняли иные феномены, которые не вписываются в смысловой каркас концепта «революция». Они принципиально зависят от контроля над информационными потоками и разработанности манипулятивно-технологических практик, ориентируются на другие слои населения и используют специфические методы и средства мобилизации. Обозначение таких социально-политических процессов словом «революция» возможно либо метафорически, что влечет за собой выход за пределы научного поля, либо в особом значении, сконструированном в результате принципиальной реинтерпретации содержания. В результате подобного переворачивания ядро концепта кардинально размывается — в него вносятся новые, зачастую противоположные смыслы. Конечно, под такой «зонтич-

---

¹ Теоретический анализ революций рубежа XX–XXI веков см. в работах: *Цатурян С.А.* Ненасильственная революция. От теории к практике. М., 2015; *Пономарева Е., Рудов Г.* «Цветные революции»: природа, символы, технологии // *Обозреватель-Observer*. 2012. № 3. С. 36–48; *Гачич А., Лушиников Д.* Технологии цветных революций. М., 2010; *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М., 2012; *Way L.* The Real Causes of the Color Revolutions // *Journal of Democracy*. 2008. Vol. 19. № 3. P. 55–69; *Ash T.G.* The Magic Lantern: The Revolution of '89 Witnessed in Warsaw, Budapest, Berlin, and Prague. N.Y., 1993; и др.

ный» конструкт, охватывающий все возможные версии, можно подводить даже сущностно различающиеся явления, но польза от этого минимальна. Если словом «революция» обозначать все, что угодно, то концептуальная демаркация, различение революции и других процессов — оказывается нерешаемой задачей.

Возможен и другой путь — слово «революция» уже прошло его в XVIII веке, продемонстрировав высокую адаптивность к запросам эпохи. То есть полное изменение значения. В этом случае концепт оказывается перевёртышем — при сохранении названия содержательные элементы концепта не аккумулируются, вбирая в себя новые смыслы, а заменяются на другие. Такая операция неизбежно порождает непродуктивные «споры о словах» и терминологическую путаницу, усугубляющуюся при попытках вписать и исторические, и актуальные процессы в общую теорию революции.

Сегодня становится все более ясным, что при попытках наложить на социально-политические трансформации, современниками которых мы являемся, концептуальные схемы эпохи Нового времени весьма сложно «схватить» природу, условия и механизмы массовых протестных движений наших дней. А сами эти процессы — что со всей очевидностью проявилось в первые десятилетия наступившего тысячелетия — несут новые угрозы и вызовы как для отдельных государств и народов, так и для человечества в целом. Они требуют адекватного осмысления, которое невозможно при использовании нерелевантных инструментов познания — таких как концепт-перевёртыш «революция».

Противоречия в развитии
субъекта политической истории
(политические элиты Российской империи
и Российской республики) на фоне
социальных потрясений февраля 1917 года

Социальная эволюция и социальная революция выступают необходимыми формами разрешения социальных конфликтов в любом человеческом обществе. Обе категории находятся в центре пристального внимания социальной и политической философии, поскольку от преобладания одной из них в наибольшей степени зависит состояние общественных отношений в том или ином государстве, магистральное направление социального развития, прогресс или регресс в культуре и духовном состоянии населения. Социальная эволюция и социальная революция — это, по сути, социальные трансформации, представляющие собой процесс и механизм смены одной общественной формации, а порой и цивилизации, на другую. Социальные трансформации можно представить как результат сознательного взаимодействия множества людей, стремящихся к определенным целям и идеалам. Роль выдающихся людей, классов и в целом народной массы в них неоднозначна.

Проблема соотношения эволюционного и революционного путей развития социума по-разному определялись в советском и западном обществоведении. В первом из них эволюцией обозначаются более или менее медленные, постепенные, в основном количественные изменения, а революцией — коренные, качественные общественные преобразования, которые осуществляются не постепенно, а скачкообразно¹. В западной же (европейской) литературе и эволюция, и революция рассматриваются как коли-

---

¹ Философский словарь. М., 1987. С. 553.

чественные и качественные изменения, различающиеся способами, темпами, ценой, фундаментальностью осуществленных изменений. В настоящее время гораздо более распространенной является западная трактовка.

Так, социальная эволюция в традиции западного обществоведения представляет собой медленный, продуманный, постепенный процесс преобразования одной общественной формации и цивилизации в другую, более совершенную, происходящий без излишних разрушений социально-культурного наследия прошлого, многочисленных человеческих жертв, с сохранением всего положительного в новом обществе. Примером социальной эволюции можно считать становление буржуазного социализма в странах марксовского капитализма в XX веке. При этом большинство западных социологов не отрицают изначально стихийный характер эволюционных трансформаций общества, подчеркивая то обстоятельство, что социальная эволюция — это стихийный процесс, носящий сознательный характер на каждом отдельном этапе. Поэтому социальную революцию можно назвать прагматичной трансформацией общества.

В свою очередь, социальная революция трактуется как быстрый, стихийный, радикальный процесс преобразования одной общественной формации и цивилизации в другую, происходящий с излишними разрушениями старого общества (до основания), многочисленными человеческими жертвами, обновлением социума вплоть до замены его на принципиально иной общественный строй. Социальная революция — это стихийный процесс, носящий сознательный характер только по отношению к конечной цели. В то же время революционный процесс также подчиняется прагматизму на каждом отдельном его этапе, в достижении злободневных тактических задач. Что касается целей перспективных, стратегических, то, несмотря на серьезное идеологическое обоснование, эти цели носят все-таки утопический, идеальный характер. Попытки «заглянуть за горизонт», создать научно обоснованный механизм реализации задуманных социально-политических целей чаще всего заканчивались неудачей. В результате внешне социальная революция напоминает социальный эксперимент, задуманный ее вождями. Поэтому, например, Октябрьскую социа-

листическую революцию 1917 года в России большинство современников на Западе считали именно социальным экспериментом. При этом в правых буржуазно-монархических кругах стран Европы и США преобладала негативная, с акцентом на жертвы и лишения оценка революционных событий. Однако в среде левых социалистов имелись и совершенно другие суждения, в которых подчеркивалось величие происходивших событий (Дж. Рид, А.-Р. Уильямс, Г. Уэллс и др.)¹.

Если оценивать социальные эволюции и социальные революции как два основных типа социальных трансформаций общества, можно убедиться в принципиально разных чертах, характеризующих движущие силы процесса.

При социальной эволюции правящие элиты в той или иной степени выражают интересы различных классов общества, отслеживают становление и развитие объективных условий для осуществления социальных реформ. При социальной революции правящие элиты утрачивают связь с классами общества, обеспечивающими их интересы через формирование социальных условий. В результате объективные условия либо перезревают для социальных реформ (как, например, во времена Французской буржуазной революции), либо еще не созревают (как пролетарско-социалистическая революция в России). Таким образом, выбор эволюционного или революционного пути зависит от зрелости субъективного фактора, его способности оценить степень противостояния противоположных классов и вовремя принять соответствующие решения.

При социальной эволюции правящие элиты под давлением классов общества решают назревшие частные проблемы (конфликты) общественного развития и тем самым осуществляют постепенное изменение общества. При социальной революции правящие элиты не решают назревшие проблемы (конфликты), а стремятся к изменению общества. Возникает распад прежних традиций, образа жизни, институтов.

Качественные изменения общественных формаций и цивилизаций в процессе социальной эволюции и революции происходят

---

¹ См.: Шульгин В.В. Опыт Ленина // Наш современник. 1997. № 11.

в разной последовательности, с различной глубиной и интенсивностью.

Во-первых, происходит изменение мировоззрения и идеологии общества, осознание новых идеалов и целей взамен старых. Например, в Советской России вместо просуществовавшей не меньше ста лет имперской идеи — «самодержавие, православие, народность» — была принята другая — «советская власть, коммунистическая идеология, интернационализм». В то же время на Западе взамен описанного К. Марксом общества всеобщей конкуренции и наживы возникла гораздо более привлекательная с точки зрения достижения социального мира идея «общества всеобщего благоденствия».

Во-вторых, происходит изменение политической сферы, перераспределение власти между нациями, классами, регионами страны в соответствии с изменившимся положением этих субъектов. Вопрос о власти, как правильно указывал В.И. Ленин, — это главный вопрос. Только через получение власти тот или иной субъект общественно-политической жизни (нация, класс, регион и т.п.) способен выразить и реализовать свои интересы в обществе, повлиять на экономику в своих интересах.

В-третьих, происходит изменение форм собственности на средства производства; меняется соотношение собственности и менеджмента в управлении экономикой, соотношение частной, кооперативной, государственной собственности; происходит усиление их общественных функций.

В-четвертых, изменяется ведущий класс общества. Например, во время Французской революции 1789 года к власти пришла антимонархическая буржуазия, которая свергла дворянство во главе с королем. Во время Октябрьской революции 1917 года, свергнув власть буржуазии, к власти пришли большевики, выразившие интересы рабочих и трудового крестьянства, включавшего и солдат — одетых в шинели представителей того же крестьянства. В ходе революционных по своей сути событий 1991 года к власти пришли номенклатурные либералы, выразившие интересы зарождавшейся российской буржуазии, в первую очередь крупной, получившей затем название «олигархии». Результатом стал регресс и одичание

практически всего постсоветского пространства, а никак не поступательное движение. В начале XXI века к доморощенному олигархату добавились российские силовики, выражавшие интересы патриотической, державной и коллективистской части российского народа, которая решительно открестилась от наследия 1990-х годов и желала бы восстановить патриотизм, державность, солидарность. Таким образом, российское общество спустя 100 лет снова въезжает в накатанную колею политического форматирования социальных процессов.

Выбор эволюционного или революционного пути зависит от зрелости субъективного фактора, его способности вовремя оценить состояние противоположности классов, этносов, элиты и бюрократии и принять вовремя соответствующие решения.

Обобщая опыт буржуазно-демократических революций в Англии, Франции, США, существенным образом изменивших социально-экономический и политический облик западной цивилизации, К. Маркс придал понятию революции универсальный смысл. С точки зрения Маркса и его последователей, социальная революция — это изменения, которые приводят к власти новый общественный класс и в результате затрагивают сами основания социальной системы, радикальным, глубинным образом преобразуют все сферы жизни общества¹. Результатом социальной революции является формирование качественно иной социальной системы с другими экономическими и политическими подсистемами, новыми социальными институтами и общественными классами.

Таким образом, социальная революция и социальная эволюция представляют собой качественный переход от одной общественно-экономической формации к другой. Но в одном случае социальный конфликт не доводится до стадии развертывания и соответствующего насилия между противоборствующими классами, а в другом случае — доводится. И вина за случившееся лежит на господствующих классах, политической элите, допустивших такое развитие событий, т.е. на субъективном факторе. В этой связи можно сказать, что буржуазно-демократическая, а затем пролетар-

---

¹ Философский словарь. М., 1987. С. 311.

ско-социалистическая революции в России произошли по вине российского дворянства и буржуазии, оказавшихся неспособными понять и выразить в политических решениях интересы российского крестьянства и рабочих. Поэтому винить за разрушение России и установление советской власти объективно нужно не пролетариат и большевиков, а дворянство и буржуазию России во главе с царем и Госдумой, хотя существуют и вульгарно-примитивистские подходы, сводящие глобальные потрясения столетней давности только лишь к заговорам, подкупу, амбициям политиков.

Исследователь российского масонства В.С. Брачёв пишет, что уже в 1915–1916 годах оформились два заговора против самодержавия. Один — в Москве, вокруг Земгора (главный комитет по снабжению армии на основе земского и городского союза), буржуазный по составу — представителями его были, в частности, Львов, Рябушинский и ряд других. Другой заговор составили социалисты — Керенский, Чхеидзе, Скобелев. Связь между заговорами осуществлялась по масонской линии¹. При этом организовать антиправительственный блок в Думе, а затем приступить к взятию власти без поддержки октябристов и масонов кадеты не могли. Неформальным, но реальным лидером заговора был А.И. Гучков. Техническим организатором — генерал М.В. Алексеев, тесно связанный с этими кругами. Великий князь Александр Михайлович, командующий военно-воздушными силами Российской империи, писал в мемуарах: «Генерал Алексеев связал себя заговорами с врагами существующего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора (князь Г.Е. Львов), Красного креста (А.И. Гучков), Военно-промышленного комитета (А.И. Коновалов) и другими. Все эти генералы хотели, чтобы Николай II медленно отрёкся от престола. Это были генералы-изменники»².

Примечательной особенностью российской элиты накануне революции было отсутствие в феврале 1917 года монархистов как политической силы. И это в абсолютной монархии, хоть и с определенными ограничениями самодержавной власти, принятыми

---

¹ Брачев В.С. Мasons в России: от Петра I до наших дней. СПб., 2000. С. 288–289.

² Александр Михайлович, Великий князь. Книга воспоминаний. Т. 2. М., 2008. С. 59.

самим же императором 17 октября 1905 года. А не было монархистов как организованной силы (отдельные монархисты, такие как депутат Государственной думы В. Шульгин, свои монархические взгляды накануне отречения Николая II не очень-то демонстрировали) потому, что царь в политическом смысле уже ничего не решал. Современный историк Е. Спицын утверждает, что еще в июне 1915 года под влиянием военных неудач начался первый правительственный кризис, когда думская оппозиция открыто выступила за смещение со своих постов главы МВД Маклакова, военного министра Сухомлинова и ряда других руководителей. И царь вынужден был идти на поводу у этой публики¹.

Однако проект Февральской революции, несмотря на нити заговора, плетущиеся вокруг императора всю вторую половину 1916 года (упомянутый Е. Спицын обращает внимание на то, что в ряде заговоров участвовали даже родственники царя, такие как его дядя Николай Николаевич и великий князь Кирилл Владимирович²), безусловно, существовал, причем далеко не только в формате заговора против самодержавия. Февраль не может быть сведен к дворцовому перевороту, иначе свергнувшие царя депутаты Госдумы и прочие приверженцы либеральных ценностей потом не шли бы ради него на смерть в годы Гражданской войны.

В этой связи возникает проблема — разобраться, почему победители Февраля уже в октябре, всего восемь месяцев спустя, оказались абсолютно бессильными и беспомощными перед новой революционной волной. Не вызывает сомнений, что деятели Февраля прошли свой путь, и для нас, живущих в начале XXI века, это очень ценный опыт. Они проверили и показали людям свой вектор развития и результаты. Люди наяву увидели, что им хотят устроить тогдашние думские демократы, и без этого не было бы Октябрьской революции. Но это вовсе не значит, будто Февральская революция «переросла» в революцию Октябрьскую. Эта картина неверна. Не могла Февральская революция эволюционным

---

¹ Спицын Е.Ю. История России 1894–1945 гг. // Курс лекций по истории России. М., 2011. С. 84–85.

² См.: Спицын Е.Ю. История России 1894–1945 гг. // Курс лекций по истории России. М., 2011.

путем перераста в революцию Октябрьскую, поскольку для организаторов Февраля и царская Россия, и Россия советская были одинаковыми врагами — «империями зла». Февральский и октябрьский проекты были принципиально несовместимы, никакого эволюционного перехода в данном случае не происходило.

Более того, Февральскую революцию даже нельзя считать «нормальной» буржуазно-демократической революцией, поскольку её сторонники в массе своей не считали частную собственность идеалом, а российскую буржуазию — образцом для подражания или хотя бы «своей». Политические представители буржуазии, «октябристы», в Москве на выборах в Учредительное собрание получили 0,39% голосов¹. Надежды Павла Рябушинского, одного из лидеров созданного в марте 1917 года Всероссийского торгово-промышленного союза, политической организации предпринимателей, на то, что «в недалёком будущем выступит и возьмёт в руки руководство государственной жизнью состоятельно-деятельный класс населения», — оказались иллюзией.

Еще находясь в Швейцарии, лидер большевиков Владимир Ленин дал февральским событиям исчерпывающую характеристику: «Если революция победила так скоро... то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе... совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны... Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное... движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу». — «Было бы просто глупо, — резко отвечает сторонникам теорий заговора Ленин, — говорить о “поддержке” революционным пролетариатом России кадетско-октябристского, английскими денежками “сметанного”, столь же омерзительного, как и царский, империализма. Революционные рабочие разрушали, разрушили уже в значительной степени и будут разрушать до осно-

---

¹ Зуев М.Н. История России. М., 2011. С. 205.

вания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты на помощь им приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К°!»¹. Характерные для лидера большевиков резкие нелицеприятные характеристики дают, тем не менее, ясное представление о масштабе происходивших событий.

Непосредственная реализация февральского проекта началась в конце января 1917 года. В этот период лидер кадетской партии Павел Милюков указывал на постоянно растущее число людей, «которые надеялись предупредить стихийную революцию дворцовым переворотом, с низложением царской четы». Наличие таких планов подтверждали и полицейские чиновники. Так, начальник Петроградского охранного отделения генерал К. Глобачев в своем «совершенно секретном» докладе, относящемся к 26 января 1917 года, говорил, что «передовые и руководящие круги либеральной оппозиции уже думают о том, кому и какой именно из ответственных портфелей удастся захватить в свои руки». Среди оппозиционеров-заговорщиков фигурируют фамилии видных деятелей Государственной думы и Государственного совета, военно-промышленного и земского движений, банкиров, фабрикантов, высших сановников и даже великих князей. «Что будет и как все это произойдет, — доносило охранное отделение, — судить сейчас трудно, но, во всяком случае, воинствующая оппозиционная общественность, безусловно, не ошибается в одном: события чрезвычайной важности и чреватые исключительными последствиями для русской государственности “не за горами”»². Это уже исчерпывающая и при этом компетентная оценка кануна Февраля.

Возникает естественный вопрос: почему император Николай II не принимал мер к нормализации обстановки хотя бы в верхах власти? Видел ли он всю глубину разрастающейся под ним пропасти? Историческая литература содержит подробное описание психологического типа последнего российского монарха. О его трусости, жестокости, вероломстве и циничном фатализме сказано

---

¹ Ленинский сборник. Т. 2. М., 1973. С. 385.

² Рыбас С.Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот. М., 2016. С. 41–42.

немало, хотя современные монархисты приписывают Николаю II исключительно положительные качества «царя-страстотерпца». Но очевидец событий монархист В.В. Шульгин привел в своей книге «Последний очевидец» такие, например, свидетельства: «Николай второй не был великим человеком... Он был в обращении прост, вежлив, благодарен людям, которые хорошо к нему относились. Но... он не был рождён для власти... этого воспитать нельзя»¹.

Таким образом, главная проблема верховной власти Российской империи заключалась в том, что Николай II не обладал ни одним качеством, которое отвечало бы масштабам выпавшей на его долю миссии по руководству Россией в условиях разразившегося кризиса, усугубленного мировой войной. 1 февраля 1917 года председатель Государственной думы Михаил Родзянко писал Николаю: «В минуту грозной опасности самая плохая политика — закрывать глаза на всю серьезность сложившейся обстановки... Положение России сейчас катастрофическое»². Однако правитель не счел нужным реагировать на это предупреждение. Между тем, до падения русского самодержавия оставался месяц.

Весь февраль обстановка в столице Российской империи неуклонно ухудшалась. Так, в стачках 24 и 25 февраля участвовали уже более 300 тысяч рабочих. Их спешили поддержать служащие и студенты. Появляются первые жертвы, как со стороны демонстрантов, так и со стороны полиции. Но есть и обнадеживающие новости: разъезд одного из казачьих полков отказывается стрелять в рабочих и обращает в бегство полицейский отряд. Николай II телеграфирует из Могилева: «Решительно пресечь беспорядки в столице»³. Увы, для властей сказать было намного легче, чем сделать.

27 февраля революция переходит в фазу вооруженного восстания. На сторону рабочих встают десятки тысяч солдат Петроградского гарнизона. Берутся штурмом тюрьмы, освобождаются заключенные. Заняты Арсенал, Главпочтамт, телеграф, вокзалы,

---

¹ Шульгин В.В. Последний очевидец. М., 2002. С. 101.

² Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд. М., 1990. С. 224.

³ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд. М., 1990. С. 225.

мосты. Горит здание Окружного суда. Правительство полностью теряет управление столицей. Восставшие приходят к стенам Таврического дворца, где заседает Государственная дума. Контролирующие Думу вожди либеральной оппозиции в растерянности — гарантии полной победы восстания еще нет, но и бросить ситуацию на самотек нельзя, потому что есть риск не успеть запрыгнуть в несущийся на всех парах поезд и отдать тем самым власть улице. В результате принимается компромиссное решение — создается Временный комитет Государственной думы. Но лишь для «водворения порядка» и «сношения с лицами и учреждениями». Замысел вождей Думы прост: в случае поражения революции они смогут оправдаться перед царем тем, что не претендовали на власть, а только хотели содействовать предотвращению «анархии».

Но такой «хитроумный» сценарий, написанный думскими либералами, не устраивает лидеров легальной левой оппозиции — представителей организаций меньшевиков, за которыми на этом этапе идет большинство рабочих. И вот в этот же день, 27 февраля, в том же здании Таврического дворца из числа видных социалистов создается Временный исполнительный комитет Петроградского совета рабочих депутатов¹. Исполком объявляет о проведении выборов от заводов, и вечером того же дня открывается первое заседание Совета. Лидирующие позиции в нем занимают меньшевики и эсеры, но образуется и фракция большевиков. Последние выпускают манифест, в котором призывают к установлению демократической республики, введению 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьих земель, прекращению войны. Но сил повести за собой массы у большевиков еще нет: они только вышли из подполья, их не знает масса, их лидеры находятся в эмиграции, ссылках, тюрьмах.

Тем временем правые социалисты — меньшевики и эсеры, ведомые мыслью о том, что произошедшая революция является буржуазной, достигают соглашения с буржуазией в лице Временного комитета Думы. В ночь на 28 февраля комитет объявляет о

---

¹ История: Домашняя общеобразовательная библиотека / А.О. Амелькин, Д.И. Степанов, С.П. Карпачев. М., 2011. С. 171.

готовности взять власть и сформировать Временное правительство. Одновременно вожди Думы ведут переговоры с генералитетом, «обкатывая» различные сценарии сохранения монархии «на английский манер», т.е. парламентской, с передачей трона от Николая к его малолетнему сыну Алексею либо брату Николаю Михаилу. Загнанный в угол, преданный всеми, включая высшее военное командование и собственную родню, император 2 марта подписывает манифест об отречении от престола и о передаче власти брату Михаилу. Но надежды части буржуазии на воцарение подконтрольного им царя Михаила II тщетны. Восставшие рабочие и солдаты больше не приемлют никаких монархических комбинаций и с негодованием отвергают мысль о продолжении господства «романовской шайки». 3 марта великий князь Михаил Александрович подписывает акт о непринятии власти и просит всех граждан подчиниться Временному правительству впредь до созыва Учредительного собрания.

Так закончилось трехсотлетнее правление в России династии Романовых и кануло в Лету русское самодержавие. Формально Россия будет провозглашена республикой лишь 1 сентября 1917 года, но уже в те мартовские дни для всех было очевидно, что возврата к прошлому не будет. Удивителен восторженно-революционный настрой российского дворянства, включая представителей венценосного семейства Романовых. Когда великий князь Кирилл Владимирович с красным бантом на груди радостно приветствовал на улицах Петрограда «избавление от тирании», он делал это потому, что искренне радовался свержению государя. Более того, сплоченная большая семья великих княгинь и князей играла роль своего рода детонатора против государя императора. Целая когорта представителей романовской династии была кровно повязана с московскими банкирскими домами. Дядя императора Николай Николаевич был прямым ставленником этих кругов. При определенных раскладах именно его рассматривали как возможного государя.

Конечно, существовали и другие причины крушения монархии в феврале 1917-го. Безусловно, заговорщиков вдохновляла и некая внешняя «злая» сила. Ведь кроме внутрироссийского аспекта заговора был заговор международный, в котором главную роль сыг-

рали британцы. В последнее время особенно много пишут о негативной роли английского посла Джорджа Бьюкенена как одного из главных организаторов антимоноархического заговора. Интересы Великобритании и крупного российского капитала практически совпадали. Британцы, как и русская буржуазия, были заинтересованы в том, чтобы Россия продолжала войну. Но буржуазия боялась русской победы: «Капитал стремился к власти, — писал генерал Отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович. — Победа русской армии ему была страшна, так как она лишь бы укрепила самодержавие, против которого они боролись, правда, тайно, лицемерно»¹.

Так же как и значительная часть русской буржуазии (и думцев), страшились русской победы, которая была не за горами, англичане. В то же время им нужно было, чтобы Россия продолжала войну. Решением этой дилеммы виделось свержение самодержавия и установление в России слабой, зависимой от британского капитала и британского истеблишмента республики. Британцев подстёгивал страх не только перед возможностью сепаратного мира России и Германии (на самом деле, к сожалению, маловероятного), но и контакты России с США, с перспективой переориентации русских с Великобритании на Америку. Весьма достоверной, несмотря на внешнюю парадоксальность, выглядела такая информация: Россия стремится выскочить из-под британского финансового прессы с помощью американского капитала.

Тем не менее, несмотря на важность данных факторов, февральский либеральный проект удалось воплотить в жизнь при вольном или невольном содействии переродившегося русского дворянства. Можно сказать, что Российская империя была построена дворянами и дворянами же погублена. В этом заключалось основное противоречие в развитии дореволюционной русской элиты — дворянства, первого сословия. В течение почти двухсот лет, от Петра Великого, сделавшего из них пожизненных «слуг государевых», которых от службы могли освободить только увечье

---

¹ *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 145.

или смерть, до Петра III, освободившего их от обязательной службы, и до Великих реформ, отнявших у них крепостных работников, первое сословие постепенно утрачивало своё главенство. Оно становилось похоже на разбитого параличом родственника, который уже не живёт и ещё не умирает. Потомки героев Полтавы, Бородина, Севастополя в большинстве своём либо превратились в чиновников, либо, заложив и перезаложив свои имения в Дворянском поземельном банке, стали экономическими мертвецами. Февральские дни показали полную несостоятельность дворянства, не просто неспособного, но и отказывавшегося влиять на ситуацию в стране.

Всеядная и активная буржуазная элита, тесно связанная с мировым масонством, с легкостью перехватила у дворянства власть и привилегии, естественно, под знаменем «демократических свобод» и «соблюдения прав человека». Забавно, что при этом господа российские либералы изначально совсем не хотели республики! Их идеалом была конституционная монархия — как в Англии. С одной стороны, очень хотелось парламента и конституции, а с другой — неплохо бы на всякий случай подстраховать демократический идеал железной рукой диктатора. Отсюда проистекала первоначальная ставка на Николая Николаевича, «своего человека», тесно повязанного с финансовыми кругами, но при этом бывшего Верховного главнокомандующего и самого ярого ненавистника Германии во властной верхушке. Но после того как брат отрекшегося от престола Николая II великий князь Михаил Александрович спутал заговорщикам все карты, не только не приняв власть из рук Думы, но и напрочь перекрыв дорогу к трону другим претендентам, которые могли бы эту власть принять, либералы вынуждены были согласиться с неизбежностью республиканского строя. А Михаил Романов на встрече с видными думцами М. Родзянко и П. Милоковым потребовал ни больше ни меньше созыва Земского собора, как в XVII веке, хотя назвал его Учредительным собранием, но сути это не меняет. Великий князь заявил буквально следующее: «Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если на то будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосовани-

ем, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»¹. Теперь для того, чтобы сесть на трон, кандидат в цари должен был пойти на полноценный государственный переворот. На это никто из Романовых так и не решился.

Февральские события привели к краху традиционалистско-монархических партий, поддерживавших самодержавие. Достаточно сильно оказались скомпрометированы праволиберальные партии, прежде всего октябристы, за консерватизм и стремление хотя бы каким-то образом сохранить устои монархии. Кадеты превратились в основную правящую партию. Правосоциалистические партии (эсеры и меньшевики) перешли в политический центр, отказавшись от прямых революционных действий. Левосоциалистические силы (большевики) временно встали на позиции «мирного» развития революции, добиваясь перехода всей власти к Советам.

Вскоре члены Временного правительства приступили к дележу тех самых «ответственных портфелей», о которых писал генерал Глобачев. Затем началась законотворческая деятельность, принятие политических решений, и все это в условиях реального двоевластия. Например, 1 марта Петросовет издал Приказ № 1, согласно которому в армии создавались солдатские комитеты. Петроградский гарнизон выводился из-под контроля военного командования, а отдача чести офицерам вне службы отменялась. Естественно, и во время службы офицерам перестали отдавать честь. Тех, кто возмущался новыми порядками, — убивали.

Самое удивительное, что Временное правительство на словах возмущалось, а на деле потворствовало развалу вооруженных сил. Первый военный министр Временного правительства А.И. Гучков не был революционером, скорее, наоборот, ведь до революции он возглавлял самую крупную и солидную буржуазную партию — «Союз 17-го октября» (октябристов). Но именно он всего за два первых месяцев уволил, по разным данным, от 120 до 150 только генералов, а уволенных офицеров никто и не считал. Основание для увольнения

---

¹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд. М., 1990. С. 229.

было одно — военные, дескать, сторонники «старого режима». Некоторые историки пытались доказать, что этот приказ был ошибкой, демократическим порывом. Однако член Петросовета И.П. Гольденберг откровенно объяснил французскому дипломату, что «Приказ № 1 — не ошибка, то была необходимость. В день, когда мы сделали революцию, мы поняли, что если мы не уничтожим старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией, и мы, не колеблясь, выбрали последнюю и нанесли, смею сказать, генеральный удар»¹.

Программа Временного правительства включала в себя такие положения, как полная и немедленная амнистия по политическим и религиозным делам, введение основных свобод (слова, печати, собраний), отмена всех сословных, национальных, религиозных ограничений, замена полиции народной милицией с выборным начальством, выборы в органы местного самоуправления. Но главная задача Временного правительства заключалась в подготовке выборов и созыва Учредительного собрания. Вызывает удивление фанатичная вера министров Временного правительства в его чудодейственную силу. В то время как страна испытывала глубочайший кризис, теряла национальные окраины, переживала развал экономики, инфляцию, острые социальные противоречия, Временное правительство постановило — никакие серьезные вопросы не могут решаться до созыва Учредительного собрания. Идея этого собрания стала для «министров-капиталистов» Временного правительства своего рода фетишем, вера в который заменяла любые разумные соображения. Можно сказать, что главная задача Временного правительства (на то оно, дескать, и временное, переходное) заключалась во «вталкивании» разнородных, да к тому же еще и разбуженных революцией политических сил в Учредительное собрание. Министры Временного правительства считали, что сам факт созыва Учредительного собрания должен был положить конец общенациональному кризису, привести если не к полному примирению, то уж точно к долгосрочному компромиссу разнонаправленных политических сил.

---

¹ Рыбас С.Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот. М., 2016. С. 86.

Лидеры Петроградского совета и Государственной думы договорились о юридической компетенции Учредительного собрания: решение главных вопросов государственной жизни, включая определение формы будущего правления, есть исключительная прерогатива Учредительного собрания. Этот принцип, получивший название «непредрешения», с одной стороны, на время сохранял равновесие различных политических сил, но, с другой стороны, сдерживал принятие необходимых мер, ограничивал властные полномочия и Временного правительства, и Советов¹.

Например, Временное правительство не смогло решить самый острый вопрос в крестьянской стране — вопрос аграрный, хотя во главе правительства с июля 1917 года стоял эсер А.Ф. Керенский — представитель партии, которая разработала замечательную аграрную программу. Но программа эта была реализована уже большевиками в виде знаменитого Декрета о земле. Почему министры-социалисты Временного правительства даже не приступили в 1917 году к реализации аграрного вопроса — до сих пор не совсем понятно. Кажется, уж здесь-то можно было пойти на решительные меры, попытаться завоевать доверие крестьянских масс.

Но все было не так просто. Несмотря на определенные расхождения между либеральными и праволиберальными силами, сформировавшими Временное правительство, и преобладавшими в Петросовете меньшевиками и эсерами, в главном они были едины — желали, во что бы то ни стало, понравиться Западу, влиться в цивилизованный мир, делать то, что, по их мнению, «подтверждено всем ходом исторического развития». Кадеты, имевшие прочные позиции во Временном правительстве, стремились реализовать свои программные цели, которые сводились к установлению парламентской республики, правового государства и гражданского общества, рыночной экономики. В основе же деятельности меньшевиков и эсеров в Советах лежала глубокая убежденность, что на этапе социальных преобразований власть должна быть в руках буржуазно-либеральных сил, которым следует оказывать доверие

---

¹ Скворцова Е.М., Маркова А.Н. История Отечества: Учебник. М., 2008. С. 517.

при одновременном контроле за их действиями. Переходить к «социалистическому укладу жизни» они считали невозможным из-за отсутствия объективных предпосылок.

Однако страна, в которой жили творцы Февраля, оказалась для них непостижимым явлением — она была «необъятным и тёмным мужицким царством с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царём, сдерживающим это царство и не допускавшим растерзания народом этого культурного слоя»¹. Россия в конце XIX и начале XX века была страной периферийного капитализма. А внутри неё крестьянство было как бы «внутренней колонией» — периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удержать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста. И крестьянская масса платила «господам» той же монетой.

«Февралисты» не вписывались в «мужицкую» Россию еще и по той причине, что многое взяли из классической марксистской идеологии и теории. Кадеты в основном вышли из «легального» марксизма, меньшевики — из ортодоксального, а эсеры — из «народнического». Но все они исходили из тезиса, озвученного упомянутым Рябушинским: «Нам, очевидно, не миновать того пути, каким шёл Запад, может быть, с небольшими отклонениями»². Между тем, еще М.А. Бакунин говорил Марксу, что в России не будет буржуазной революции, а будет революция крестьян и рабочих. Неудивительно, что на фоне насквозь буржуазных лидеров Февраля большевики, «агитаторы, горланы, главари», ставшие осенью 1917 года грозной силой, смотрелись подлинными выразителями народной воли.

Лидеры кадетов консультировались у Макса Вебера — он активно изучал революционное движение России, это было важно для

---

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. Сборник статей. М., 2007. С. 234.

² Рыбас С.Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот. М., 2016. С. 90.

книги «Протестантская этика и дух капитализма». Вебер объяснял, что Россия отвергала ценность «собственности», она даже в буржуазной среде не являлась абсолютной и фундаментальной ценностью. И он предупреждал кадетов: если вы свергнете монархию, то в пролом плотины хлынет волна русского общинного крестьянского коммунизма, с которым им не совладать. Так оно и случилось. Февраль 1917 года стал истинной кульминацией слома кристаллических решеток привычной самоорганизации населения.

В результате за все время политического руководства Временное правительство так и не смогло легитимизировать свою власть. Ни одного серьёзного вопроса они решить не могли, постоянно идя на компромиссы, которые не удовлетворяли ни буржуазию, ни крестьянство, ни рабочих, ни зарубежных «союзников».

Быстро завяли и мечты о демократии. В.В. Шульгин пишет в воспоминаниях лета 1917 года: «Пулемётов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулемётов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно, в его берлогу, вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы — этот зверь был... его величество русский народ»¹.

Кадеты готовили военную диктатуру. П.Н. Милюков ещё в начале июля 1917 года вёл переговоры с Колчаком. Потом вели переговоры с генералами М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым. 20 августа 1917 года на заседании ЦК кадетов большинство высказалось за немедленное установление военной диктатуры. Но — армия воевать не хотела и не могла. Уже 16 июля 1917 года Деникин заявил в присутствии Керенского: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев»². Как писал генерал А.М. Зайончковский, «армия развалилась при деятельной к этому помощи обоих неудачных революционных министров: Гучкова и Керенского»³. Тем не менее, в апреле А.И. Гучков заявил на совместном заседании прави-

---

¹ Шульгин В.В. Последний очевидец. М., 2002. С. 134.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917 г.). М., 1991. С. 185–186.

³ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 806.

тельства и Петроградского совета: «Мы должны все объединиться на одном — на продолжении войны, чтобы стать равноправными членами международной семьи»¹. Вот этого 90% населения и не желали — даже в среде буржуазии.

Не случайно С.Н. Булгаков в своем трактате «На пиру богов», где он «моделировал» расстановку социальных сил в революционной России, вложил в уста одного из персонажей, царского Генерала, следующее рассуждение: «Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной “конституционно-демократической” России. Нет, лучше уж большевики! Да, из этого ещё может толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести. А вот из мёртвой хватки господ кадетов России живую не выбраться»².

Пройдет всего восемь месяцев, и казавшийся многим фантастической переход «ко второй революции» состоится. На смену вельможам, профессиональным парламентариям и предводителям дворянства на авансцену истории России явится правительство рабочих и крестьян, во главе которого встанет вчера еще малочисленная, гонимая, оклеветанная, получившая образование в «тюремных университетах» партия большевиков — коммунистов. За считанные месяцы разрешив те общедемократические задачи, с которыми так и не справился февральский режим, Октябрь 1917 года резко перевернет эту страницу истории и начнет движение к совсем иному обществу.

И всё же нет однозначного ответа на вопрос: был ли Февраль неизбежен? Приведём заключение американского дипломата Дж.Ф. Кеннана, бывшего посланника США в СССР: «В настоящее время наиболее взвешенное мнение (в том числе и автора этой книги) заключается в том, что русская революция была всё-таки достаточно случайным событием, явившись результатом нескольких внезапно совпавших обстоятельств, в стечении которых не просматривается никакой логической связи. Многие из них, если бы не игра случая, могли происходить совершенно иначе...»³.

---

¹ Рыбас С.Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот. М., 2016. С. 96.

² Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги. Диалог третий. Изд. «Вехи», 1918. С. 21.

³ Кеннан Дж.Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году». М., 2006. С. 118.

Зато вполне четко просматриваются глубокие противоречия в развитии политических элит, игрой того самого случая ровно сто лет назад оказавшихся на вершине власти в рушившейся стране. «Февралисты» в политике были «непредрешенцами», сторонниками Учредительного собрания, которое должно было определить форму правления «единой и неделимой России». Так вот, в российских условиях того времени этот проект оказался нереализуемым, а попытки воплотить его в жизнь — катастрофическими по своим последствиям. Если посмотреть динамику ключевых параметров общества и государства с февраля по октябрь 1917 года, то это была безусловная катастрофа. Государственность — хотели имитировать западное право: демократию и разделение властей. Но как только они начали это делать, государство распалось, отделялись не только Польша, Финляндия, прибалтийские лимитрофы, Украина, кавказские и среднеазиатские национальные окраины, но и Сибирь, другие регионы с русским населением. Всё это пришлось заново собирать за годы Гражданской войны — уже в форме СССР. Так что социалистический Октябрь во многом стал возможен по той причине, что поле для него расчистил буржуазный Февраль.

Уроки Февраля учат нас тому, что кланово-олигархические режимы — а февралистский режим, как и позднесамодержавный, был кланово-олигархическим — обречены. Они не способны отвечать на вызовы времени: ни на внутренние, ни на внешние; они не могут быть по-настоящему суверенными. Во время Февральской революции либеральная буржуазия полагала, что трудящиеся свергнут самодержавие — и с поклоном передадут власть ей, буржуазии. Поэтому либеральные буржуа нацепили красные банты и все в один момент сделали «революционерами». Пока на улицах трудовой народ сражался с самодержавием, строил баррикады, вступал в перестрелки с полицией — они сидели в Думе и, потирая руки, ждали, когда им отдадут власть. А когда грянул Октябрь, когда стало понятно, что рабочий класс хочет завоевать власть не для буржуазии, а для себя — тогда все эти «революционеры» стали злейшими врагами «неправильной» революции и оказались в лагере убежденных контрреволюционеров-белогвардейцев, в штабах Корнилова, Колчака, Врангеля, Юденича и им подобных.

Для поколений, переживших крах СССР, Февральская революция ценна и еще одним уроком. Прослеживается прямая связь между Февралём 1917 и контрреволюцией 1991 года. Можно утверждать, что это два омута русской истории. И в 1917 и в 1991 годах страна столкнулась с сепаратизмом, деморализованной армией, экономическим кризисом. Бездарность и предательство верхов с политической слепотой низов, романтики «перемен» на митингах, «прорабы» с «соловьями» для оболванивания масс и истинные кукловоды в тени. У одних искреннее желание перемен к лучшему, у других скрываемые до поры планы по развалу и демонтажу государства. Кризис 1917 года был усилен разрывом фронта и смертельной усталостью народа от войны, а в 1991 году усталостью от Горбачёва, слабого, ни на что не способного лидера. Но тогда были большевики, понявшие глубинное стремление русского общества к самозащите и возглавившие социальную реакцию народа против хаоса и развала. В 1991 году таковых не оказалось, а катастрофа тех «лихих» годов на долгие годы отпечаталась в памяти подавляющего большинства населения современной России.

Гобозов И.А.

Великая Октябрьская социалистическая революция и советский мультикультурализм

Революции — локомотивы истории.

К. МАРКС

100 лет назад была совершена величайшая революция в истории человечества — Октябрьская революция. До этого пальма первенства принадлежала Великой Французской революции. Вот что писал по этому поводу выдающийся английский философ XX века Рассел, посетивший в 1920 году Советскую Россию: «Российская революция — одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивают с Французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико. Она сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру общества: она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей. Разница между этими двумя революциями иллюстрируется отличием Маркса от Руссо: последний — сентиментальный и кроткий, взывающий к чувствам, сглаживающий острые углы; первый — погегелевски систематичен, исполнен весомого интеллектуализма, апеллирует к исторической необходимости и техническому развитию промышленности, человеческое существо склонен рассматривать как марионетку, подвластную всемогущим материальным силам»¹.

Самым важным в Октябрьской революции Рассел считал попытку «осуществить коммунизм. Я верю, что коммунизм необходим миру, верю также, что героизм России воспламенил человеческие надежды, а это очень важно для достижения коммунизма в будущем. Большевизм, если даже рассматривать его лишь как дерзновенную попытку, без которой конечный успех был бы про-

---

¹ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 5.

сто невозможен, все равно заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества»¹.

Французская революция XVIII века — революция, провозгласившая лозунг «Liberté, fraternité, égalité» («свобода, братство, равенство») — расчистила путь для буржуазии, которая, как писали Маркс и Энгельс, уничтожила «эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями... заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой»².

Что касается Октябрьской революции, то она была революцией рабочих и крестьян, революцией трудящихся масс. Как писал выдающийся индийский политический и государственный деятель Дж. Неру, «впервые в истории во главе страны встали представители беднейших классов народа, прежде всего фабрично-заводских рабочих»³.

Нельзя не отметить, что лидеры II Интернационала Каутский, Плеханов и др. не признали Октябрьскую революцию, поскольку она не соответствовала доктринерски (догматически), а не творчески понятой марксистской теории социальной революции, согласно которой «на известной ступени своего развития материальные производительные силы приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил они превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, — короче, от идеологических

---

¹ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 5.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 424.

³ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. 3. Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества. М., 1989. С. 20.

форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»¹.

Вожди II Интернационала, а также некоторые социальные теоретики, считавшие себя марксистами, совершенно игнорировали нематериальные факторы общественного развития. Именно о таких «марксистах», по словам Энгельса, Маркс заявил однажды: «Я знаю только одно, что я не марксист»². Они буквально понимали классические теоретические положения Маркса и брали в чистом виде только материальное производство. Они либо не знали, либо не понимали, что общество есть структурированное целое, в котором материальное производство выступает в качестве экономического базиса, «на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»³. Причем базис и надстройка не существуют друг без друга. Но базис всегда выступает в конечном счете в роли **детерминанты**, а надстройка — в роли **доминанты**. Взаимодействие базиса и надстройки Энгельс выразил так: «Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т.п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебрегать ею, считать, что ее не существует). В противном случае приме-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. М., 1959. С. 7.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. М., 1965. С. 370.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. М., 1965. С. 370.

нять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени»¹.

Исторический процесс сложен и многообразен, и его надо изучать и исследовать с помощью диалектического, а не метафизического метода. Известно, что Юлий Цезарь завоевал Галлию. Вследствие этого Европа была романизирована. А ведь со времени Клаузевица известно, что война есть продолжение политики иными средствами. А политика относится к надстройке. На поверхности получается, что здесь политика сыграла роль детерминанты. На самом деле экономика выступала и в данном случае в роли детерминанты, потому что экономика Рима находилась на более высоком уровне, чем экономика, например, Галлии. Крупнейший немецкий исследователь Древнего Рима Т. Моммзен пишет, что «народ цивилизованный и развившийся в государство всегда покоряет и как бы растворяет в себе народности низших степеней развития и не сплоченные в государство, это своего рода закон, столь же непреложный, как и законы физические... Кельты находились еще на той стадии развития, которая характеризуется преобладанием родового быта: роды жили особыми поселками, политическими единицами у кельтов являлись кланы, роды, управляемые отдельными князьями»². Ясно, что Галлия не могла не проиграть цивилизованному Риму.

Лидеры II Интернационала были правы в том, что Россия была отсталой страной, хотя она, как утверждают некоторые современные исследователи и политики, занимала пятое место в Европе. Но она занимала пятое место среди крупных государств, далеко опережавших Россию по всем экономическим показателям. Сталин в речи «О задачах хозяйственников» на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»³. У нас не было ни машин, ни тракторов, ни самолетов, ни других производительных сил. Россия очень

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. М., 1965. С. 394–395.

² Моммзен Т. История Рима. СПб., 1993. С. 211–212.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 39.

сильно зависела от иностранного капитала, что, конечно, мешало развитию промышленности, особенно тяжелой промышленности. В сельском хозяйстве в России не применялись новые техники и технологии. Плуг, соха, лошади, — вот главные орудия производства. 70–80 процентов жителей России не умели ни читать, ни писать. Многие этносы вели еще первобытный образ жизни и жили в землянках. Российская империя — это конгломерат разных народов, разного уровня культурного развития, разных цивилизаций и конфессий; и вполне закономерно, что Россия представляла отсталую страну. А отсталость порождает множество проблем и противоречий. Поэтому неслучайно, что в XX веке в России произошло три революции, которые имели прежде всего экономические причины, так как народ жил в нищете, а правящий класс в роскоши.

Известный русский философ Н.А. Бердяев показал, что Октябрьская революция была неизбежна. Вот что он пишет: «Старая власть потеряла всякий нравственный авторитет. В нее не верили, и во время войны авторитет ее еще более пал. В патриотизм правительства не верили и подозревали его в тайном сочувствии немцам и желании сепаратного мира. Новое либерально-демократическое правительство, которое пришло на смену после февральского переворота, провозгласило отвлеченные гуманные принципы, отвлеченные начала права, в которых не было никакой организующей силы, не было энергии, заражающей массы. Временное правительство возложило свои надежды на учредительное собрание, идея которого была доктринерски предано, оно в атмосфере разложения, хаоса и анархии хотело из благородного чувства продолжать войну до победного конца, в то время как солдаты готовы были бежать с фронта и превратить войну национальную в войну социальную... Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организоваться и дисциплинироваться, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением,

только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям»¹. Таким образом, Бердяев считал, что Октябрьская революция была неизбежным следствием неэффективности власти нового либерально-демократического правительства, члены которого занимались митингами, а не решением неотложных задач по выводу страны из глубокого кризиса.

Большевики сразу же приступили к строительству социалистического порядка. Но свергнутые классы им навязали гражданскую войну, и они были вынуждены защищать завоевания революции. Тем не менее уже в 1920 году под руководством Ленина был разработан план электрификации всей страны (план ГОЭЛРО), который в основном был выполнен к 1931 году.

После окончания Гражданской войны Советское правительство ускорило темпы социалистического строительства. Была разработана первая пятилетка (1928–1932 гг.). Были поставлены задачи индустриализации, коллективизации и культурной революции. Причем, прежде всего надо было индустриализовать страну, «ибо только тяжёлая промышленность способна реконструировать и поставить на ноги и промышленность в целом, и транспорт, и сельское хозяйство. С неё и надо было начать осуществление пятилетки. Стало быть, восстановление тяжелой промышленности нужно было положить в основу осуществления пятилетнего плана»². Но решить эту задачу было крайне трудно. Во-первых, нужны были большие финансы, которыми молодое Советское государство не располагало, особенно валютными ресурсами. Во-вторых, нужны были технические специалисты, иначе трудно было строить заводы по производству станков, тракторов, машин, и т.д. и т.п. Тем не менее план индустриализации страны успешно был выполнен. Выступая на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 года, Сталин перечислил, чего у нас не было и что у нас появилось. Я только приведу некоторые высказывания Сталина: «У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной про-

---

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114–115.

² Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 175.

мышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас она есть теперь. У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь. У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь»¹.

Таким образом, задача индустриализации страны в основном была решена после успешного выполнения первого пятилетнего плана.

Больших успехов страна добилась и в области коллективизации сельского хозяйства. Свыше 60% крестьянских хозяйств были объединены в колхозы, что, безусловно, сказалось на ежегодном повышении товарного зерна.

Общий вывод можно сделать такой: уже до начала Великой Отечественной войны Советский Союз за два десятилетия превратился в мощное индустриальное и образованное социалистическое государство. Заметно вырос жизненный уровень советского народа. Но вероломное нападение фашистской Германии резко затормозило развитие СССР. Все силы были брошены на войну с фашизмом, в победе над которым решающую роль сыграл Советский Союз. После войны советский народ восстановил экономику, заново отстроил сотни городов и тысячи деревень. Советский Союз был превращен в мощную промышленную и ядерную державу. Но внешние и внутренние силы² развалили супердержаву СССР. И нынешняя Россия оказалась в состоянии глубокого кризиса.

Поговорим теперь о *мультикультурализме*. Но прежде чем писать о советском мультикультурализме, необходимо отметить, что термин «мультикультурализм» появился в США. Видный американский философ Хантингтон пишет, что «мультикультуралистское движение за отказ от англо-протестантской культуры и за утверждение “многообразия культур”, теснейшим образом связанное с расовыми меньшинствами, возникло в 1970-е годы... Мульт-

---

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 178.

² См. книгу двух американских исследователей: *Бешлосс М., Тэлботт С.* Измена в Кремле. Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М., 2012.

тикультурализм — сущность антиевропейской цивилизации... Она основана на следующих тезисах. Американское общество состоит из множества расовых и этнических сообществ. Каждое из этих сообществ обладает собственной, отличной от других культурой. Белая англосаксонская элита, доминирующая в американском обществе, подавляет эти культуры и дискриминирует представителей расовых и этнических меньшинств, вынуждая их принимать англо-протестантскую культуру. Справедливость, принципы равенства и обеспечения прав меньшинств требуют, чтобы “подавляемые культуры” были освобождены от “ига англо-протестантов” и чтобы правительство предприняло все возможные меры по их возрождению». Америка не должна превратиться в общество с единой всепоглощающей культурой. Теории плавильного тигля и томатного соуса не соответствуют сути Америки. Америка должна представляться мозаикой, “салатом” — или даже пюре»¹.

Соединенные Штаты Америки — страна иммигрантов. Поэтому там все иммигранты, собственно говоря, более или менее нормально чувствуют себя. Даже те, кто недавно приехал в эту страну, приживаются без особых трудностей, хотя, конечно, попасть в ту или иную элиту гораздо легче англосаксам, чем всем остальным. Ни одна другая страна в мире не является иммигрантской. Поэтому в отличие от американских иммигрантов европейские иммигранты не могут требовать ни социального, ни расового равенства. Они чужие. Но их уже насчитывается миллионы. И они создают большие трудности во всех сферах жизни: в экономике, культуре, религии и т.д. и т.п. Поэтому европейские власти вынуждены с этим считаться, и они предложили заимствованный у США мультикультурализм, т.е. многообразие культур. Иммигрантам не запрещается развивать свою культуру, придерживаться своих традиций, в том числе религиозных, разговаривать на родном языке и т.д. **Но все это должно происходить в рамках существующих законов и, конечно, доминирования культуры титульного этноса.** Но иммигранты в своем большинстве не очень считаются с мест-

---

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 268–269.

ными традициями, правовыми и моральными нормами, даже с языком. Во Франции, например, компактно проживающие арабы даже не хотят изучать французский язык.

Западные государства — светские государства, а мусульмане во все не желают соблюдать светские правила и нормы поведения. Поэтому время от времени в западноевропейских странах вспыхивают конфликты иммигрантов с властями. И народы Западной Европы, раньше придерживавшиеся принципа толерантности, все больше и больше возмущаются поведением иммигрантов и в политике поддерживают те партии, которые выступают против иммиграции.

Реалии современной жизни показывают, что в странах с иммигрантским населением нет ни **интеграции**, т.е. ассимиляции, ни **мультикультурализма**. Главный отличительный признак этносов — это культура. Разумеется, культура включает в себя и язык. Без языка нет духовной культуры, следовательно, нет и этноса. Поэтому компактно проживающие иммигранты будут стремиться к сохранению своего языка и соответственно своей культуры, иначе говоря, своей этнической идентичности.

Вообще в буржуазном обществе, где существует острейшая конкуренция между людьми, где нет этнического и национального равенства, где все подчинено денежному мешку, никогда не было и не будет мультикультурализма, развития различных культур на базе равенства и социальной справедливости.

Таким образом, мультикультурализм и ассимиляция иммигрантов потерпели крах. Наступил кризис во взаимоотношениях иммигрантов и государствообразующих этносов. И чем больше будет иммигрантов, тем больше будет углубляться этот кризис. А как свидетельствуют последние события в арабском мире, поток иммигрантов невозможно будет остановить. Все это является результатом навязанной США глобализации. И если эта глобализация не будет существенно скорректирована, то нетрудно предсказать беспросветное будущее человечества.

Подлинный, а не мнимый мультикультурализм возможен лишь при социализме. И такой мультикультурализм был в СССР. В этой связи можно выделить три аспекта советского мультикультурализма: **политический**, **духовный** и **«научный»**.

Политический мультикультурализм. До Октябрьской революции была Царская империя, в которой проживали сотни народов и народностей, лишённые каких-либо политических прав. Сразу же после прихода к власти большевиков была принята «Декларация прав народов России», провозгласившая равенство и суверенность всех народов России, отмену всех и всяких национальных привилегий, свободное развитие всех национальных меньшинств и этнических групп. Отсюда вытекало, что все народы, населяющие Россию, имеют одинаковые права на образование, работу, занятие той или иной государственной должности и т.д.

В СССР были союзные республики, автономные республики, автономные области, автономные округа, которые в пределах своей компетенции были независимы от центральной власти. Каждая союзная республика имела свою конституцию, свой национальный гимн, свои органы власти.

Специальная 9-я глава Конституции СССР была посвящена союзной республике. В статье 76 сказано: «Союзная республика — суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик.

Вне пределов, указанных в статье 73 Конституции СССР, союзная республика самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории.

Союзная республика имеет свою Конституцию, соответствующую Конституции СССР и учитывающую особенности республики»¹.

Территория союзной республики не могла быть изменена без ее согласия. Об этом прямо говорится в статье 78: «Территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия. Границы между союзными республиками могут изменяться по взаимному соглашению соответствующих республик, которое подлежит утверждению Союзом ССР»².

---

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 29.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 29.

В статье 80 говорится о внешнеполитической деятельности союзной республики: «Союзная республика имеет право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций»¹.

В дореволюционной России был один политический субъект — Империя. В СССР все союзные республики были политическими субъектами. Само собой разумеется, что они принимали активное участие в решении вопросов, касающихся Союза ССР.

В Конституции Союза ССР прописаны и права автономных республик, автономных областей и автономных округов. Автономные республики тоже имели свои конституции.

Как написано в последней Конституции СССР, высшим государственным органом власти был Верховный Совет СССР. Он состоял из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Совет Союза избирался по избирательным округам из равного числа депутатов. А вот Совет Национальностей избирался «по норме: 32 депутата от каждой союзной республики, 11 депутатов от каждой автономной республики, 5 депутатов от каждой автономной области и один депутат от каждого автономного округа»². Таким образом, небольшая союзная республика (например, Эстония или Армения) и самая большая союзная республика РСФСР имели одинаковое количество депутатов в Совете Национальностей. Это говорит о том, что было равенство всех народов СССР и, следовательно, был политический мультикультурализм.

Духовный мультикультурализм. В Советском Союзе была осуществлена **великая культурная** революция. В дореволюционной России многие народы не имели даже письменности. Советская власть открыла десятки тысяч школ. Так, только за 1933–1938 годы было построено 20 607 школ³. В Отчетном докладе на XVIII съезде

---

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 30.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 39.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 14. М., 1997. С. 317.

партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года Сталин говорил: «С точки зрения культурного развития народа отчетный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь всеобщего-обязательного первоначального образования на **языках национальностей СССР** (курсив мой — *И. Гобозов*), рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции — такова общая картина культурного подъема народа»¹.

В итоге население СССР стало поголовно грамотным. Все народы СССР развивали свою культуру, создавали художественную литературу на родном языке. Как тогда писали, советская литература была социалистической по содержанию и национальной по форме. Это были не просто красивые слова, а реалии жизни. Писатели на родном языке изображали социалистический образ жизни всех народов Советского Союза. Благодаря переводу на русский язык многие писатели и поэты стали известны всей читающей публике СССР. Практически во всех союзных республиках были свои киностудии. Благодаря выпускаемым им фильмам все советские люди были в курсе культурных достижений всей великой советской страны. Нельзя не отметить, что в культурном развитии всех народов СССР исключительно большую роль сыграл русский народ. Представители русской интеллигенции направлялись в национальные регионы и помогали поднимать культурный уровень людей. В высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других известных вузов России по специальной квоте учились студенты из национальных регионов. Вообще благодаря русскому языку все народы Советского Союза овладевали достижениями мировой цивилизации. Время от времени в столице Союза ССР Москве, в столицах союзных республик, автономных республик и автономных областей проводились фестивали искусств народов СССР. Советские граждане знакомились с культурными достижениями всех народов СССР. В Советском Союзе все народы развивали единую культуру под названием «советская культура». Это была признанная во всем мире великая советская культура. Это был подлинный мультикультурализм.

---

¹ *Сталин И.В.* Соч. Т. 14. М., 1997. С. 316.

К сожалению, в современной многонациональной России не сохранили мультикультурализм. Ныне народы России имеют весьма смутное представление о культуре друг друга.

«Научный» мультикультурализм. После Октябрьской революции Советская власть открыла широкие просторы для развития науки и техники. Были открыты тысячи высших учебных заведений во всех уголках страны, готовивших специалистов высокой квалификации. Были открыты Академии наук во всех союзных республиках, многочисленные научно-исследовательские институты, занимавшиеся не только наукой, но и подготовкой специалистов высокой (кандидатов наук) и высшей квалификации (докторов наук). Ученые разных национальностей СССР вносили свой вклад в советскую науку.

Достижения советской науки настолько очевидны, что они не требуют особых доказательств. Но можно сослаться на некоторые из этих достижений. Во-первых, советские ученые в 1949 году произвели испытание атомного оружия и тем самым поставили на место некоторых западных политиков с их бредовыми планами нанесения СССР ядерного удара. Во-вторых, Советский Союз первым запустил на околоземную орбиту первый искусственный спутник Земли в 1957 году. В-третьих, Советский Союз первым отправил в космос гражданина СССР Ю.А. Гагарина. Этих трех фактов достаточно, чтобы охарактеризовать Советский Союз как мощную научную державу.

Подведем краткие итоги. **I.** Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру перехода от капитализма к социализму. **II.** В условиях капитализма по определению исключается мультикультурализм. Там, где человек человеку — волк, там не мыслим мультикультурализм. **III.** Советский опыт показал, что мультикультурализм, взаимное сосуществование культур, их взаимная бескорыстная помощь и процветание возможны только при социализме.

Гуторов В.А.

О некоторых тенденциях современной теоретической интерпретации революционного насилия

Рубеж XX–XXI веков вполне определенно, даже беспощадно положил конец волне квазипацифистских иллюзий относительно перспектив ненасильственной эволюции формирующегося на наших глазах нового глобального порядка. Волны насилия и террора, захлестнувшие Ближний и Средний Восток, стремительно вторгаются в страны некогда благополучного Запада, порождая политический кризис и всеобщее смятение умов. В декабре 2001 года, оценивая значение террористической атаки 11 сентября, Юрген Хабермас сравнил ее с двумя важнейшими вехами мировой истории — началом Первой мировой войны и Французской революцией: «С началом Первой мировой войны закончилось мирное, в известной степени беззаботное (как видно теперь) время. Начался век тотальных войн, тоталитарного угнетения, механизированного варварства и бюрократического массового убийства. Но только в ретроспективе мы сможем узнать, было ли символическое разрушение цитадели капитализма в южном Манхэттене глубокой цезурой, или эта катастрофа всего лишь подтвердила таким бесчеловечно-драматическим способом давно уже осознанную уязвимость нашей сложной цивилизации. И если здесь не идет речь напрямую о Французской революции, — а ведь Кант тотчас назвал ее “знаковым событием истории”, которое обнаружило “моральную тенденцию в развитии человеческого рода”, — если мы здесь касаемся события менее однозначного, то только реальная история вынесет свой приговор относительно иерархии исторических событий»¹.

---

¹ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 10–11.

Представление о том, что «террористическая ситуация» (Ж. Бодрийяр)¹ и состояние «глобальной войны» (М. Хардт, А. Негри)² являются наиболее характерными свойствами современного либерального миропорядка, что глобализация, насилие и терроризм — глубоко взаимосвязанные симптомы всеобщего политического и экономического кризиса, в который мир погрузился на рубеже XX–XXI веков, становится на данный момент чрезвычайно устойчивым в гуманитарных науках, философской и политической публицистике. Центральным пунктом спонтанно возникающих дискуссий является следующий вопрос: насколько обозначенная Бодрийяром «террористическая ситуация» является уникальной в историческом плане? Одним из наиболее перспективных вариантов ответа на данный вопрос является, на наш взгляд, критический взгляд на характер современных философских и общесоциологических споров о природе революционного насилия, довольно рельефно отражающих кризисные тенденции мирового развития.

Еще в 1999 году И. Валлерстайн, занимавший в предшествующие четыре года пост президента Международной социологической ассоциации (ISA), выпустил в свет книгу с весьма характерным названием «Конец мира, каким мы его знаем. Социальная наука для двадцать первого века», в которой, по собственному его признанию, подводились итоги систематического осмысления сложной дилеммы, устанавливающей принципиальное различие между «миром капитализма... обрамляющего нашу реальность» и «миром познания», формирующего понимание окружающей нас действительности³. «Я полагаю, — отмечал он в предисловии к своей работе, — что мы заблудились где-то в середине пути, странствуя в темных лесах, и не обладаем достаточной ясностью в понимании того, куда именно нам следует направляться. Я думаю, что мы крайне нуждаемся в том, чтобы вместе обсудить данное обстоятельство, и в том, чтобы дискуссия имела всемирный мас-

---

¹ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М., 2016. С. 203.

² Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 3–54.

³ Wallerstein I. The End of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1999. P. IX.

штаб. Далее, я верю, что данная дискуссия не относится к числу тех, в которых мы можем разводить знание, мораль и политику по разным углам»¹. Эти суждения американского социолога в полной мере применимы и для ответов на многочисленные вопросы, которые постоянно возникают в рамках сложной дискуссии, связанной с анализом природы современного насилия и террора, которые до сих пор с трудом поддаются концептуализации. «Насилие, — отмечает С.Н. Каливас, — является концептуальным минным полем, хотя на первый взгляд это понятие может выглядеть интуитивным»². По мнению Ч. Тилли, причина состоит в том, что «хотя не существует никакого универсального закона, управляющего всеми эпизодами коллективного насилия, сходные причины в различных комбинациях и конфигурациях, действуя повсеместно, постоянно его воспроизводят»³.

Те же самые проблемы возникают и при любой попытке концептуализации природы террора. Например, одна из особенностей дискуссий о современном терроризме определяется тем, что они с трудом укладываются в научные рамки: водораздел проходит между крайней апологетикой, приравнивающей террористов к «борцам за свободу», «революционерам» и т.п., и постмодернистскими попытками исключить саму проблему из научной повестки дня на том основании, что представления о терроризме постоянно противоречат друг другу и не способны преодолеть «порог субъективности»⁴. Повсеместно возникающие дилеммы в трактовках террористической активности в различных регионах мира связаны с господством в современном политическом дискурсе практик насилия, несвободы и чрезвычайных ситуаций, постоянно подпитывающих риторику «войны с террором». Эти практики сами по себе накладывают ограничения на субъективную свободу сужде-

---

¹ *Wallerstein I.* The End of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1999. P. IX.

² *Kalyvas S.N.* The Logic of Violence in Civil War. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 19.

³ *Tilly Ch.* The Politics of Collective Violence. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 4.

⁴ *Wilkinson P.* Terrorism versus Democracy. The Liberal State Response. London, New York: Routledge, 2011. P. 4–6.

ний, способствуя формированию структур «дисциплинарной власти», основные механизмы которой были в свое время всесторонне исследованы в политической философии М. Фуко¹.

В своей знаменитой работе «Русские мыслители» И. Берлин, характеризуя «психологию русского террора», акцентировал внимание, прежде всего, на национальных особенностях политического менталитета интеллигенции: «Однажды, пытаясь объяснить леди Оттолайн Моррелл русскую революцию, Бертран Рассел заметил, что большевистский деспотизм, каким бы ужасающим он ни был, по-видимому, является подходящим видом правления для России: “Если Вы спросите себя, как должны управляться характеры Достоевского, Вы [это] поймете”. Взгляд, согласно которому деспотический социализм был вполне Россией заслужен, многими западными либералами был бы признан как довольно справедливый, по крайней мере, с учетом романа Достоевского о “бесах”, [т.е.] радикальной российской интеллигенции. По степени собственной отчужденности от своего общества и своего воздействия на него, российская интеллигенция девятнадцатого века была феноменом почти *sui generis*. Ее идеологические вожди были небольшой группой, обладавшей сплоченностью и ощущением собственной миссии, свойственным религиозной секте. Своей неистовой моральной оппозицией существующему порядку, своей целеустремленной поглощенностью идеями, своей верой в разум и науку они проложили путь к русской революции и тем самым приобрели важную историческую значимость. Но все они слишком часто третировались английскими и американскими историками с характерной смесью снисхождения и морального отвращения. Причина состояла в том, что теории, которым они были столь горячо преданы, не были их собственными, они были заимствованы с Запада и поняты несовершенным образом. Потому что в своей фанатичной преданности идеологиям крайнего толка они одержимо рвались, как и бесы Достоевского, к слепому самоуничтожению,

---

¹ Foucault M. *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*. London: Routledge. 2001; Neal A.W. *Exceptionalism and the Politics of Counter-Terrorism. Liberty, Security and the War on Terror*. London, New York: Routledge., 2010. P. 117–140.

таща за собой свою страну, а впоследствии и весь остальной мир. Русская революция и ее последствия во многом усиливали убежденность, глубоко укоренившуюся в англо-саксонской системе представлений: неистовый интерес к идеям является симптомом умственного и морального расстройства»¹.

Напротив, Майкл Манн в работе «Темная сторона демократии» стремится объяснить особенности насилия и террора XX века не национальными особенностями, но, прежде всего, спецификой марксистской идеологии, а также логикой классовой борьбы и гражданских войн, побуждавших революционеров России, Китая и Камбоджи к радикализации политических программ. В процессе их реализации «создавались партийные государства, воплощавшие высокоидеологизированный и милитаристский социализм»². Разработав «органическую концепцию народа не по этнической, а по классовой принадлежности», новая власть «взвинчивала революционный террор до последнего предела», практикуя *политицид* — уничтожение всех оппозиционно настроенных слоев общества, а затем и *классицид* — физическую ликвидацию всех «враждебных классов», противостоящих «пролетариату»³.

В своих беседах с Д.А. Холлом, опубликованных в 2011 году, М. Манн доказывал, что ценой «ужасных злодеяний», особенно сильно затронувших «крестьян в ходе принудительной коллективизации Сталина и Великого скачка Мао», сталинский и маоистский режимы в свое время не только доказали успешность моделей государственного социализма, но и «по крайней мере учились не совершать такого впредь, а Вьетнаму удалось достичь роста без массовых репрессий»⁴. Порочность советского авторитарного государства, созданного на основе террора, окончательно обнаружилась в эпоху перехода «из индустриальной фазы к постиндустри-

---

¹ Berlin I. Russian Thinkers. London: Penguin Books, 1978. P. XIII-XIV.

² Манн М. Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. М., 2016. С. 561.

³ Манн М. Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. М., 2016. С. 562.

⁴ Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М., 2014. С. 28.

альной, когда централизованное государственное планирование выглядит уже не таким уместным»¹.

Довольно близкий к методологии М. Манна способ анализа был еще раньше применен Баррингтоном Муром для характеристики французского революционного террора. «Опыт террора и в целом Французской революции, — отмечал он, — дал сильный импульс влиятельному течению западной политической мысли, которая отвергает любые формы политического насилия. Сегодня многие образованные люди, похоже, все еще считают террор демоническим выплеском массового насилия, неразборчивого в выборе жертв, а затем и выражением слепой ненависти и экстремизма, даже особой утопической ментальности, лежащей в основе тоталитаризма XX в. Я попытаюсь показать, что эта интерпретация искажена и карикатурна»².

Основные аргументы, выдвинутые Муром для обоснования своей теоретической позиции, могут быть сведены к следующим принципиальным положениям: 1. Террор в революционной Франции проявлялся в двух основных формах — *спонтанной (санкюлотской)*, ставшей импульсивным ответом на «невероятное обнищание людей» при старом порядке, постоянно порождавшем «трагическую меру бессмысленных смертей год за годом»; и *целенаправленной*, проявившейся в попытке Робеспьера и его сторонников подчинить народный порыв «некоторому рациональному и централизованному контролю», превратив террор в «эффективный инструмент политики»; 2. «Радикальная революция» и террор, отражая антикапиталистические настроения городской бедноты и крестьянства, продвигали вперед «буржуазную революцию», преодолевая попытки «консервативной части движения» остановить революционный процесс; 3. «Пожар революции, включая ее насильственные и радикальные аспекты» был во Франции неизбежен, поскольку «базовая социальная структура во Франции была фундаментально иной и поэтому исключала такой тип мирной трансформации, который Англия перенесла в XVIII–XIX вв.»; 4. Насилие и террор, сделав буржуазную

---

¹ Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М., 2014. С. 29.

² Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016. С. 102.

революцию необратимой, хотя и внесли в дальнейшем элемент нестабильности в формирование политических институтов во Франции, «были в конечном счете благоприятными для развития парламентской демократии. Революция нанесла смертельную рану всему комплексу взаимосвязанных аристократических привилегий: монархии, земельной аристократии, сеньориальным правам, — комплексу, который конституировал существо старого режима. Она сделала это во имя частной собственности и равенства перед законом. Отрицать, что доминирующее направление и главные последствия революции были буржуазными и капиталистическими, значило бы заниматься тривиальной болтовней»; 5. Якобинский террор способствовал тому, что Франция, резко сократив временной период «догоняющего развития», в конечном итоге не только пошла по тому же пути, на который в разное время вступили Великобритания и США, но и смогла избежать итальянского и немецкого трагического опыта фашистских диктатур¹.

Все приведенные выше основные особенности и линии аргументации нашли отражение, а в некоторых случаях даже были значительно усилены, на различных этапах разработки И. Валлерстайном его концепции миросистемного анализа эволюции экономических и социально-политических структур в эпоху модерна. В частности, радикализм Французской революции и наполеоновских войн Валлерстайн рассматривает как последнюю попытку капиталистических сил, «которые базировались во Франции», «сломить надвигающуюся британскую гегемонию» на второй, «меркантилистской» стадии формирования современного мира-экономики². Русская революция 1917 года стала началом четвертой стадии. «Эта стадия, несомненно, должна была стать стадией революционных беспорядков, но она одновременно стала, парадоксально на первый взгляд, стадией консолидации мироэкономики промышленного капитализма»³. С конца XIX века Россия в результате заметного проникновения иностранно-

---

¹ См.: Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016. С. 102–107, 371.

² Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 47.

³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 51.

го капитала в промышленный сектор стала стремительно утрачивать статус полупериферийной страны, соскальзывая «к периферийному статусу». Радикальная революция и создание СССР, обеспечив народную поддержку пришедшей к власти «группе государственных управленцев», позволили стране в сжатые сроки не только восстановить «свое положение как очень сильного члена полупериферийного сообщества», но и «начать бороться за обретение полноправного статуса в сердцевине»¹. В этом плане СССР опередил Германию, потерпевшую поражение в Первой мировой войне и в дальнейшем уже в форме нацизма предпринявшей неудавшийся «отчаянный рывок», чтобы вновь «обрести уходящую из-под ног почву» и сравняться экономической и политической мощью с США и Великобританией².

Исходная позиция сравнительного анализа Валлерстайном опыта социальных трансформаций во Франции и России во многом совпадает с теорией М. Манна и вполне закономерно подводит к необходимости вновь оценить роль и значение революционного террора в принципиально различных исторических ситуациях. Подчеркивая, что сам факт использования террора не превращает Робеспьера в предтечу Ленина, а якобинцев — в агентов Коминтерна, Валлерстайн в основном разделяет позицию представителей школы «социальной интерпретации» (Д. Герен, Г. Руде и др.), настаивающих на «унитарном», т.е. буржуазном характере Французской революции, каковой она оставалась даже на пике якобинской диктатуры³. Тем самым он определенно отмежевывается от концепции Теды Скокпол, утверждавшей, «что Французская революция не была “буржуазной” и что она несопоставима с Английской революцией... В той же большей или меньшей степени, “что и любая буржуазная революция, это была бюрократическая, включающая массы и усиливающая государство революция”, и в этом смысле уместно ее сравнение с Русской и Китайской революциями XX века»⁴.

---

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 51.

² Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 51–52.

³ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. М., 2016. С. 134, 136–137.

⁴ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экс-

Эта концепция жестко противостоит так называемой «атлантической теории», сторонники которой рассматривают революцию во Франции как составную часть «единой революции Запада», которая «определяется атлантистами как “либеральная”, или “буржуазная” революция... Кроме того, атлантисты обычно интерпретируют якобинскую фазу как “революционизирование революции” — революции, которая тем не менее была “радикальной с самого начала», тем самым противопоставляя ее Русской революции, которую они рассматривают «как часть “незападной революции” XX века»¹.

В целом И. Валлерстайн, в отличие от М. Манна и Б. Мура, не проявляет особого интереса к вопросу — какую роль играл революционный террор в конструировании «модерного государства, расположенного в рамках межгосударственной системы и ограниченного ею»². Однако он косвенно отвечает на данный вопрос, подчеркивая, что Французская революция и ее наполеоновское продолжение «выпустили джинна из бутылки» и «сделали идею народного суверенитета тем, с чем приходилось мириться любому правительству современного мира... К удивлению реставраторов глобального порядка, это была идея, которая укоренилась больше, чем они это осознавали: они не могли ее похоронить, как бы этого ни хотели»³. Поэтому «проблема для нотаблей заключалась в том, каким образом сконструировать некую структуру, которая будет казаться народной, а на самом деле не будет являться таковой, но тем не менее будет сохранять поддержку значительной части “народа”. Такая задача окажется непростой. Ее историческим решением и станет либеральное государство»⁴.

Однако исторический опыт явно свидетельствует о том, что в решении этой задачи либеральные государства постоянно сталки-

---

пансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. М., 2016. С. 61.

¹ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. М., 2016. С. 48–49.

² Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914. М., 2016. С. 26.

³ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914. М., 2016. С. 26.

⁴ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914. М., 2016. С. 27.

вались с серьезным противодействием и нередко терпели поражение. В 1920–1930-е годы на большей части европейского континента — от России до Италии и стран Пиренейского полуострова — либеральные порядки были практически стерты с лица земли совместными усилиями левых и правых радикалов, установивших жесткие авторитарные и тоталитарные режимы в результате серии успешных политических революций. Сразу после окончания Второй мировой войны основные причины краха либеральной идеологии и политики были выявлены в знаменитом «антилиберальном манифесте» — «Человек науки против политики власти» (1946), написанном Г. Моргентау, создателем современной версии теории политического реализма¹. «В рациональной общественной системе, — отмечал он, — нет места насилию. Поэтому для среднего класса жизненно важной (как в практическом, так и в интеллектуальном плане) становится проблема — каким образом избежать вмешательства извне, в особенности — насильственного вмешательства, поскольку тончайший механизм социальной и экономической системы предполагает рациональность мира в самом широком смысле этого слова. Возвышая эту проблему до уровня абсолютно непогрешимого философского и политического постулата, либерализм упустил из виду как уникальность, так и совершенно исключительный характер того опыта, в рамках которого эта проблема возникла. Ведь отсутствие организованного насилия в течение длительных исторических периодов является скорее исключением, чем правилом во внутренних, но не в меньшей степени и в международных отношениях»².

В последующие десятилетия на передний план выступила тенденция антилиберальной мысли и критики, которая всегда развивалась параллельно вместе с самим либерализмом и практически никогда не прекращала своего существования. Одновременно все более явственными становились противоречия современного либерализма как в политическом, так и в этическом и культурном

---

¹ *Morgenthau H.J. Scientific Man versus Power Politics. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1967. P. 2–10, 42–50.*

² *Morgenthau H.J. Scientific Man versus Power Politics. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1967. P. 49.*

плане. «Другой глубокий парадокс современного либерального упорядочивания жизни, — отмечает Р. Бейнер, — состоит в том, что, усиливая в высшей степени ограниченное видение достоинства и уникальности индивида в рамках его или ее отдельной субгруппы, он одновременно предлагает коллективный образ жизни (“американизм”), который, быстро распространяясь, опутывает земной шар... Либерализм не в меньшей степени, чем социализм, феодализм или любой другой социальный порядок, — это глобальной устройством, т.е. образ жизни, который исключает другие образы жизни»¹.

Самим же либералам некоторыми философами и политическими теоретиками XX века нередко отводилась довольно одиозная роль «родоначальников» реакционных праворадикальных движений, включая национал-социализм и фашизм. «Либерализм, — писал Т.В. Адорно, — выпестовавший культуриндіустрию, формы рефлексии которой навлекли на себя негодование жаргона подлинности, хотя и он сам является одной из них, был предтечей фашизма, который растоптал как своего прародителя, так и позднейших его сторонников»².

Весьма характерно, что большинство представленных выше объяснительных моделей исходят, как любили говорить немецкие ученые в прошлом веке, *von großen Voraussetzungen* (из больших предпосылок), ограничиваясь при этом лишь «подведением итогов» террористической политики партий и государств в XVIII–XX веках. Различные аспекты дискуссии вокруг самого феномена насилия и терроризма, а также роли государства в их сдерживании или, наоборот, распространении затрагиваются в них лишь косвенно, поскольку террор как таковой нивелирован до уровня сегмента (более или менее существенного) макропроцессов и структур, определяющих эволюцию к индустриальному и постиндустриальному типу общества. Независимо от того, содержится ли в этих моделях осуждение революционного насилия или же оно оценивается положительно и нейтрально, характер и уровень анализа

---

¹ Beiner R. What's the Matter with Liberalism? Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1995. P. VIII.

² Адорно Т.В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М., 2011. С. 58.

довольно резко контрастирует с работами ученых, специализирующихся непосредственно в области изучения современного терроризма и его истоков. Полезный эффект макросоциологических теорий проявляется, в частности, в дополнительном теоретическом обосновании традиционного для классического марксизма и либеральной теории историософского вывода об амбивалентной роли революции, террора и насилия в формировании институтов либеральной демократии и в таких «классических» странах, как США, Великобритания и Франция, и в странах, позднее вступивших на путь модернизации и переживших по этой причине негативный опыт авторитарных и тоталитарных диктатур (Италия, Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы, коммунистический Китай и др.).

Есть ли у революции альтернативы?
Национальный модернизационный проект
как альтернатива революции
и полицейскому государству¹

Изменения, происходящие в данный момент в российской общественной системе, сопровождаются созданием концепций, интерпретирующих данные изменения, — концепций не столько теоретических (разве только по облику), сколько идеологических, т.е. соответствующих интересам власти. Появляются словосочетания «суверенная демократия» или «управляемая демократия» или какие-либо еще — изящные, как и все идеологические конструкции. Использование почтенных социально-философских терминов, таких, например, как «модернизация», сути дела не меняет — они наполняются в данном контексте преимущественно идеологическим содержанием.

Подобные концепции призваны сформировать иллюзию, что мы обретаем, наконец, свой путь — в русле мирового демократического и социально-рыночного тренда, но с некоторыми российскими нюансами, не меняющими сути, но приспособляющими оправдавшие себя в мире институты к реальности современной России. Так ли это? Действительно ли мы нашли вариант осуществления подлинной модернизации, позволяющий разорвать замкнутый круг прежних неудач? Или мы просто придумали новые слова для давно привычного, обновили гардероб фиговых листков, более выгодно для нас скрывающих то, что не слишком удачно прятали обветшавшие прежние?

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке фонда РФФИ № 15–03–00868 «Российское общество и государство в их становлении и эволюции: этно-религиозные, культурно-исторические и коммуникативные контексты»

Для ответа на эти вопросы надо обратиться к особенностям истории российской модернизации — процесса, истоки которого в России относятся ко второй половине XVII века.

Исторически модернизация — процесс, составляющий основное содержание Нового и Новейшего времени. Социологический смысл понятия «модернизация» зависит от парадигмы исследования, но реально понимается как процесс превращения докапиталистических общественных отношений в капиталистические общественные отношения. Процесс капитализации, протекая в рамках отдельных обществ (локальная модернизация), не осуществим, тем не менее, в условиях автаркии, и всегда предполагает выход общества вовне, то есть всегда представляет собой межобщественное взаимодействие. Конечным результатом глобальной модернизации должно стать (в далеком будущем) единое мировое сообщество, наиболее адекватное природе капиталистической общественно-экономической формации. В этом суть глобального аспекта модернизации. Ход модернизации отдельного общества (локальной модернизации) определяется типом данного общества, но зависит также и от воздействий со стороны других обществ, от положения конкретного общества в процессе глобальной модернизации.

Модернизация — процесс объективный, так как его результатом является создание общественной системы, единственно эффективной, т.е. способной обеспечить жизнеспособность общества в условиях современности.

Есть два основных вида модернизации, имеющие при определенных сходствах существенные различия: модернизация феодальных обществ и модернизация политарных обществ.

Феодализм есть общественный строй, являющийся результатом синтеза разлагающегося первобытно-общинного строя и разлагающегося античного строя, основанный на верховной персональной частной собственности на землю и личности непосредственных производителей. Модернизация западноевропейских обществ — типичный пример модернизации феодальных обществ.

Политарный строй¹ представляет собой социальную органи-

---

¹ Теория политарного общества была разработана в рамках марксистской па-

зацию, основанную на общеклассовой частной собственности на землю и личности непосредственных производителей, выступающей в форме государственной собственности. Таково большинство азиатских и африканских обществ.

Россия — политарное общество. Вступившая в конце XVII века в стадию модернизации, она оказалась в среде буржуазных европейских обществ, стремившихся к образованию колоний. Необходимость обеспечения национально-государственного выживания предопределила путь российской модернизации, пролежавший через создание и деструкцию **жестких структур**.

Первая жесткая структура в истории российской модернизации сложилась при Петре I. **Жесткая структура** есть устойчивое состояние общества в процессе модернизации, характеризующееся переориентацией всех его ресурсов на удовлетворение ситуативных потребностей, прежде всего потребностей обороны и поддержания общественной стабильности, достигаемой за счет консервации прежних политарных отношений. Такая структура позволяет на некоторое время организовать оборону и обеспечить стабильность в обществе. Но в то же время жесткая структура обладает еще одной существенной чертой — она практически полностью блокирует действие механизмов саморазвития общества, ибо условием ее существования и успешного функционирования является консервация отживших политарных форм, что, в конечном счете, подрывает жесткую структуру как таковую.

Жесткая структура создавалась как способ приспособления к определенной технологической ситуации. И приспособление обеспечивается до тех пор, пока ситуация остается неизменной. Но так как подобная система неспособна к интенсивному развитию (экстенсивное — возможно), то ресурс приспособляемости ее был чрезвычайно ограниченным. Порогом приспособляемости выступает, по-видимому, технологическая революция, осуществление которой без слома структуры невозможно. Промышленный переворот в основных отраслях российской промышленности

радигмы известным отечественным ученым Ю.И. Семеновым (см., например: *Семенов Ю.И.* Россия: что с ней случилось в XX веке // Российский этнограф. Вып. 20. 1993).

произошел только после отмены крепостного права. В результате на определенной стадии жесткая структура из гаранта безопасности превращается в угрозу для нее. Исчерпанность первой жесткой структуры показала Крымская война. Стало ясно: безопасность может быть обеспечена только на пути активизации модернизации. Последовали кардинальные реформы Александра II.

Однако нестабильность общества, порожденная активизацией модернизационных процессов, при неблагоприятном изменении внешней ситуации способствовала становлению следующей жесткой структуры уже на более высоком технологическом уровне. Выходом из кризиса, явившегося результатом Первой мировой войны, стало возникновение большевизма (второй жесткой структуры), которая, несмотря на существенные видоизменения, просуществовала до середины 80-х годов XX века. Неспособность советского общества к интенсивному развитию предопределило отставание — грань между индустриальным и постиндустриальным обществами так и не была преодолена. Потеря жесткой структурой способности выполнить свою основную функцию — обеспечение национально-государственной независимости России, выступила свидетельством исчерпанности ресурса приспособляемости второй жесткой структуры. Горбачевская «перестройка» стала началом вынужденной реакции на кризис второй жесткой структуры¹. Потребовалась ее деструкция, что и происходит в настоящее время.

Большие циклы российской модернизации: вторая половина XVII века — начало модернизации (предмодернизация); от Петра I до Александра II (реформ 60-х годов XIX века) — первая жесткая структура; от реформ 60-х годов XIX века до 1914 года — вторая эпоха модернизации; с 1917 года до второй половины 80-х годов XX века — вторая жесткая структура; со второй половины 80-х годов — третья эпоха модернизации. Разумеется, внутри этих больших циклов можно выделить подциклы, когда происходят

---

¹ В своей некогда знаменитой книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» М.С. Горбачев, вожь тогда еще казавшегося незабываемым Советского Союза, по сути прямо признает экономический коллапс, в котором оказалась страна к середине 80-х годов.

определенные изменения внутри структуры без ее радикальной трансформации.

Итак, специфика модернизации России основана на том, что это модернизация политарного общества, протекавшая и протекающая в теснейшем взаимодействии с буржуазными обществами. Необходимость обеспечить общественную стабильность и национально-государственную независимость в неравном соревновании разлагающегося политаризма и уже сложившегося буржуазного строя приводила к созданию жестких структур, блокировавших саморазвитие общества. Основным противоречием, определявшим динамику развития жестких структур, было противоречие между ситуативными общественными нуждами (прежде всего нуждами обороны и необходимостью поддержания стабильности), с одной стороны, и потребностью общества в модернизации — с другой. Приостановка модернизации, являвшаяся неизбежным следствием становления жесткой структуры, в конечном счете, лишала общество возможности обеспечить и ситуативные нужды, что приводило к необходимости деструкции жесткой структуры.

В результате российская модернизация принимает вид замкнутого круга:

МОДЕРНИЗАЦИЯ — ЖЕСТКАЯ СТРУКТУРА — МОДЕРНИЗАЦИЯ — ЖЕСТКАЯ СТРУКТУРА — МОДЕРНИЗАЦИЯ — ...?

Удастся ли России выйти за пределы заколдованного круга жестких структур? Неминуем ли срыв в третью жесткую структуру или у России есть шанс успешно завершить модернизацию, выработать эффективные формы социального существования?

Никаких фатальных культурных или структурных препятствий успешной модернизации России не существует. Все предыдущие срывы объясняются чисто историческими причинами. Успех или провал модернизации России зависит от целого ряда факторов. Не последнюю роль среди них играет характер взаимоотношений России и окружающего мира, то положение, в которое будет поставлена реформируемая Россия в процессе глобальной модернизации.

Грубое внешнее давление на Россию, пренебрежение ее национальными интересами, накладываясь на порожденную коренной

перестройкой общественных отношений внутреннюю дестабилизацию, сделает весьма вероятной **возможность возникновения третьей жесткой структуры**. В отличие от предыдущей индустриальной, данная жесткая структура будет носить постиндустриальный характер, сохраняя на новом технологическом уровне прежние политарные отношения. Причем совсем не обязательно, что подобная структура идеологически оформится как возврат к коммунизму. Наиболее вероятная ее личина — жесткий (и даже агрессивный) национализм. Такой исход будет трагедией не только для самой России. По своему потенциалу третья жесткая структура будет (пусть и ненадолго), безусловно, значительно превосходить вторую, а, учитывая ее неизбежную направленность на конфронтацию с окружающим миром, такая общественная модель может существенно видоизменить ход глобальной модернизации, осложнить политическую ситуацию, затруднить формирование гармоничного мирового сообщества.

Важнейшими факторами, влияющими на успех модернизационных процессов в России, сегодня становятся факторы не экономические, а социально-политические и культурные.

Социально-политические факторы имеют внутренний и внешние аспекты; культурные связаны с особенностями традиционного менталитета, подлежащим радикальной трансформации в интересах осуществления модернизации¹.

О культурных факторах модернизации мы много писали в иных публикациях². В данной статье считаем уместным сосредоточиться главным образом на социально-политических вопросах.

Социально-политические проблемы имеют существенно большую значимость для модернизации политарных обществ, нежели

---

¹ Последнее утверждение не следует понимать как национальный нигилизм. Речь не идет об отказе от собственной культуры. Необходимо лишь приспособление ее к насущным нуждам модернизации. Трансформация не означает уничтожения. Трансформация означает преобразование. Причем вполне возможно использование уникальных особенностей отечественной культуры для формирования не известных ранее модернизационных образцов, по эффективности превосходящих имеющиеся в наличии.

² См., например: *Ефремов О.А.* Мировоззрение отечественной интеллигенции и перспективы модернизации России // Россия на рубеже тысячелетий. М., 2000.

обществ феодальных. Во втором случае это процесс преимущественно экономический, политические преобразования послушно следуют за формирующимся рынком. При модернизации политарных обществ рынок не столько формируется сам по себе, сколько создается усилиями государства. В силу этого успех модернизации подобных обществ напрямую зависит от позиции государственных элит, от их готовности и умения осуществить модернизационные процессы.

Как уже упоминалось выше, «условия успеха» можно разделить на внутринеapolитические и внешнеполитические.

Внутринеapolитические факторы это, во-первых, расклад социальных сил; во-вторых, принципиально возможные формы социально-политической организации российского общества. Разумеется, и первое, и второе надлежит рассматривать с точки зрения перспектив модернизации.

В 90-х годах в российском обществе сформировались три наиболее влиятельных силы: государственный аппарат (чиновничество), криминал, бизнес и где-то около него зачатки гражданского общества. Последнее было представлено формирующимися партиями, независимыми от власти, СМИ, группками растерянной интеллигенции...

Именно эти силы в совокупности контролировали весь объем ресурсов, позволявших управлять страной. Ресурсы были весьма неоднородны. Во-первых, они включали власть, прежде всего, как возможность осуществления легитимного насилия. Во-вторых, возможность нелегитимного насилия, в 90-х годах ставшего существенным фактором регулирования ситуации в стране. В-третьих, различные виды материальных ресурсов — деньги, средства производства, вообще любые сколь-нибудь хотя бы в перспективе ликвидные активы.

На протяжении 1990–2000-х годов можно было наблюдать ожесточенную схватку этих трех сил, победителем из которой вышло чиновничество, одолевшее оппонентов и поставившее под свой контроль практически все виды ресурсов, описанных выше.

Что касается народа, то он, к сожалению, так и не стал сколь-нибудь значимой силой на политической арене. Конечно, в усло-

виях представительной демократии, а именно такова по преимуществу демократия современная, народ и не должен участвовать в политике напрямую. Однако в условиях подлинно демократического общества волю и интересы народа приходится учитывать, и довольно трудно сделать что-либо вопреки им. Но это предполагает определенное политическое «качество» народа, которое наш российский народ, увы, так и не обрел.

Победу чиновничества ни в коем случае нельзя считать однозначным злом — сценарии, представлявшие двумя другими силами, были куда опаснее. По поводу криминала все более или менее ясно. Что касается победы «бизнеса», то в нынешних условиях она могла реализоваться только в форме олигархической диктатуры, а российский олигарх — фигура исключительно присваивающая, но отнюдь не производящая¹.

Какую политическую конфигурацию несет в себе российское чиновничество, и как она может быть оценена с позиций перспектив модернизации? Иначе говоря, какой политический режим адекватен современному российскому обществу и решению тех задач, которые перед ним стоят?

Основная проблема, с которой столкнулась российская модернизация к началу XXI века, — кризис оптимистичного либерального проекта, вдохновлявшего постперестроечных реформаторов.

В чем же суть этого либерального проекта в его наиболее чистом, «эталонном» варианте?

Либерализм — теоретически фундированная идеология, релевантная рыночным демократическим обществам, называемым обычно капиталистическими. Каковы основные принципы либерализма?

Во-первых, это индивидуализм. Центром социальной реальности для либералов выступает автономный индивид, имеющий определенные собственные интересы и право их отстаивать.

---

¹ Да, действительно, в наших олигархах есть что-то донеолитическое... Иногда можно слышать, что модернизация в Южной Корее осуществлялась в рамках олигархической модели. Но там олигарх был исполнителем определенного государственного поручения, для чего ему обеспечивались необходимые ресурсы. У нас олигарх просто «осваивает» вырванный кусок, «собирая и охотясь» на приватизированном участке. Принцип отношения власти к олигархам в Южной Корее был: «На, делай! (на благо общества)», у нас — «На, бери (и поделись со мной)»

Во-вторых, следовательно, либерализм настаивает на приоритете человека по отношению к обществу и государству. Не человек существует для общества и государства, а общество и государство существуют для человека. Они якобы созданы самими людьми для защиты своих интересов. «Теоретическим» обоснованием подобной позиции может считаться знаменитая концепция «общественного договора».

В-третьих, принципом либерализма выступает свобода. Свобода понимается как возможность поступать по собственному усмотрению, защищая свои интересы, не нарушая при этом, однако, аналогичных прав других людей. Данный принцип один из самых сложных в воплощении в социальной реальности, ибо очень трудно определить, где *еще* реализация моей свободы, а где *уже* нарушение свободы другого.

В-четвертых, это принцип равенства. Равенство понимается как равенство возможностей или равенство перед законом, но не как равенство результатов (например, имущественное равенство).

В-пятых, связанный с предыдущими принцип ответственности человека за свои действия и их результаты (последствия).

В-шестых, толерантность, терпимость по отношению к иному. Как говорил Вольтер, «мне ненавистны ваши убеждения, но я готов отдать жизнь за ваше право высказывать их».

В-седьмых, неприятие революции, предпочтение реформ.

В-восьмых, либералы чрезвычайно высоко ценят систему права, ибо только право может гарантировать индивидуальную автономию и свободу.

В-девятых, либерализму присущ универсализм. Исходя из представлений о единстве человеческой природы, либералы считают свои принципы, как якобы наиболее ей адекватные, подходящими и предпочтительными везде и для всех.

Перечисленное выше формирует определенную систему ценностей, воплощением которых в социальной реальности должна стать соответствующая система институтов.

Последняя включает в себя: основанную на частной собственности минимально регулируемую рыночную экономику, политическую демократию и правовое государство,

обеспеченную и гарантированную интеллектуальную свободу (свободу мысли, слова, совести и т.д.). Указаны лишь основные институты, реальный набор их, разумеется, значительно шире.

Выше приведены общие принципы либерализма, в его считающемся эталонном западноевропейском и североамериканском понимании, изложенные в соответствующей терминологии.

Нетрудно заметить, что внутри ценностной системы заложен целый ряд проблем и противоречий. Например, противоречие свободы и равенства, проблема границ свободы, обуздание индивидуализма и т.д. Либеральный проект чреват кризисами уже в теории. Социальные институты на практике стремятся преодолеть противоречия и разрешить проблемы, но бывает и так, что реальность (в частности, социокультурные особенности отдельных обществ, сопротивляющиеся либералистскому универсализму) создает дополнительные сложности классической либеральной теории. Но одновременно данные особенности и создают почву для коррекции эталонного либерального проекта, формирования более эффективного национального варианта либерализма. Вот почему каждое общество, построенное по либеральной модели, воплощает ее по-своему, с индивидуальными нюансами, порой весьма существенными.

Либеральный проект — это создание упомянутых институтов и формирование в обществе адекватной им системы ценностей.

Хотелось бы подчеркнуть, что либеральный проект — не просто чей-то каприз. Он отражает объективный ход истории. За ним стоит (хотя и во множестве вариантов) социальная модель, единственно эффективная в современном мире, диктуемая императивами выживания.

Но к концу 90-х годов попытка реализация данного проекта в России породила глубочайший кризис. Данный кризис настолько глубок, что создает ощущения полного краха.

На наш взгляд, кризис либерального проекта вызван двумя группами причин.

Первая группа — причины внутренние, связанные с провалом «ускоренной либерализации» 90-х годов, когда стремились «сразу и вдруг» воплотить в российскую действительность упрощенный вариант западного либерализма, считавшегося классическим.

Вторая группа — кризис самого западного либерализма, проанализированный нами в ряде работ и названный «тотальная аномия». «Тотальная аномия» — всеобщая денормативизация, чреватая полной социальной деструкцией. Речь идет не об отрицании какой-либо конкретной системы норм, а об устранении нормы как таковой и замены ее ничем не ограниченным полем произвольно избираемых альтернатив. Идеино обоснованная постмодернизмом, тотальная аномия постепенно реализуется во всех сферах западного капитализма — экономической («фанковый» бизнес, экономика впечатлений), социальной (разрушение социальных институтов и групп, например, гендерные процессы), политической («спортивная» демократия), личностной идентичности (номадическая личность), духовной (гедонизация, манипулятивность, неограниченное потребительство)¹.

В результате, в России «либеральный проект» начал реализовываться в уродливых формах полного беспредела², угрожающего социальности как таковой, что привело к резкой антилиберальной реакции, проявившейся, в частности, в активизации поиска собственного, строго противоположного либеральному, пути.

На наш взгляд, подобная реакция не менее опасна, чем «ускоренная либерализация», ибо за либеральным проектом стоят общественные институты, без которых невозможно эффективное современное общество — рыночная экономика (в той или иной степени управляемая), общественный контроль над властью, призванной выражать волю народа, а не ограниченной группы лиц, права и свободы человека, интеллектуальная свобода. Разумеется, каждый из данных институтов может существовать в различных формах, а принципы либерализма допускают вариативность интерпретации. Но вместо поиска приемлемого для России варианта многие просто предпочли либерализм похоронить.

---

¹ См.: *Ефремов О.А.* Товарный фетишизм. О ценностях эпохи постмодерна // Этнос, нация, ценности. Социально-философские исследования. М., 2015; *Ефремов О.А.* Человек и корпорация в капиталистическом обществе // Концептуализация общества в социальной философской и философско-исторической рефлексии. М., 2017. С. 133–154.

² *Ефремов О.А.* Человек и корпорация в капиталистическом обществе // Концептуализация общества в социальной философской и философско-исторической рефлексии. М., 2017. С. 133–154.

Относительно перспектив модернизации кризис либерального проекта означал возможность двух неблагоприятных сценариев. Первый из них был связан с возможностью блокировки процесса модернизации через создание третьей жесткой структуры и реставрацию политаризма. Второй — с революцией, вызванной либо желанием вопреки всему реализовать либеральный проект, либо, напротив, недовольством попытками либерализации.

Решение проблемы предотвращения данных сценариев, а также успешного осуществления модернизации зависело (и зависит) от сформировавшегося в двухтысячных в России политического режима, часто называемого «путинским».

Какова же природа данного режима, каковы его перспективы, в чем его достоинства и недостатки?

Начнем с того, что у представителей власть имущих в России пока по-прежнему в ходу демократическая риторика.

Действительно, давно признан факт, что политический режим, наиболее соответствующий капитализму, — либеральная демократия. Однако в реальности сочетание двух данных компонентов общественной системы выглядит неоднозначно. Да, есть развитый западный капитализм, без демократии непредставимый. Да, успешно капитализирующиеся общества рано или поздно создают в себе те или иные демократические институты. Но, *во-первых*, современная западная демократия, считающаяся классическим образцом, переживает сегодня серьезный кризис. *Во-вторых*, варианты демократии, возникающие за пределами Европы и Северной Америки, могут существенно отличаться от данного образца. *В-третьих*, само формирование демократических институтов за пределами Запада происходит отнюдь не одновременно, только в условиях уже развитого рынка, созданного в условиях совсем не демократических режимов и чаще всего путем целенаправленных (жестко авторитарных по своему характеру) усилий данных режимов. Попытки ввести демократические институты сразу, как правило, приводят к провалу не только сам этот процесс, но и технoэкономическую модернизацию. Короче говоря, модернизация политарных обществ гораздо успешнее осуществляется в условиях не просто не демократических, но и антидемократических ре-

жимов, жестко подавляющих любые несвоевременные поползновения демократических сил.

Россия — не исключение. Немедленное «введение» демократии не только невозможно, но и опасно.

Невозможно прежде всего потому, что еще не сложилась полноценная рыночная экономика с соответствующими гарантиями экономической независимости социальных субъектов. Невозможно также потому, что в условиях отсутствия рынка не сформировалось социальных сил, способных бороться за демократию. Увы, даже наш нынешний бизнес вряд ли можно рассматривать как реальную опору демократии. Невозможно потому, что после семидесятилетней большевистской диктатуры у нас нет даже зачатков гражданской культуры и правосознания. Невозможно потому, что при отсутствии гражданина никогда не сформируется гражданское общество, а какая без него демократия?

Опасно, потому что демократия превращается во всеобщий беспредел, карнавал, где нелепое и смешное соседствует с чудовищным и кровавым; и где внезапно появляющийся жестокий тиран всем покажется избавлением. Подобный сценарий почти две с половиной тысячи лет назад изобразил Платон. В 90-е мы были недалеко от его воплощения в жизнь. К счастью, до крайностей не дошло. Стабилизация осуществилась в форме единственно возможного авторитарного режима, сохранявшего, однако, не только демократический антураж, но и некоторые демократические потенции, названного нами в предыдущих работах «театральной демократией»¹.

«Театральная демократия» — своеобразный политический компромисс, складывающийся при сочетании модернизационных целей и неготовности общества к демократии. Иными словами, хотели бы демократии, а не получается. В этих условиях многие демократические компоненты обретают имитационный, декларативный характер, в демократию будто бы «играют», причем степень серьезности подобной игры может существенно варьироваться.

---

¹ См.: *Ефремов О.А.* Спорт и театр или еще раз о пути России к демократии // Экономика и право. XX век. 2012. № 4.

От степени серьезности зависит и функциональность «театральной демократии». Ибо данная модель и полезна, и перспективна. Польза от нее проявляется в том, что она создает необходимый антураж, имидж режима, необходимый для адаптации в мировом сообществе. Перспективность — в том, что театральность, имитация может быть путем формирования реальных демократических институтов. Игра — средство обучения. Играя демократию, можно научиться демократии. Театр становится школой жизни, причем не только для актеров, но и для зрителей. Само приглашение зрителей, пусть и не влияющих на ход пьесы — свидетельство уважения к ним, и одновременно, средство приобщения к действию. Ведь не только актеры могут с трудом осваивать свои роли, невежественный, зевающий зритель тоже не может быть судьей, не говоря уж об участии. Театр должен воспитать зрителя. Актеры должны подняться до уровня своих ролей, а зритель до уровня пьесы. Тогда театр перерастает в жизнь, игра претворяется в реальность, сама становясь реальностью.

Но возможен, разумеется, и противоположный вариант. Когда театр останется просто игрой, и игру эту рано или поздно прекратят, реставрировав без всякого макияжа в лучшем случае авторитаризм, в худшем — тоталитарный вождизм.

Итак, театральная демократия обещает много, но ничего не гарантирует. Но это не ее вина. Каково общество, такова и власть. При этом власть на сегодняшний день справляется и с текущими проблемами, и с задачами развития. С последними, правда, пока получается хуже.

Конечно, это далеко не подлинная демократия. В классических терминах политологии ее можно квалифицировать как умеренный авторитаризм.

Итак, для политарных обществ путь к рынку и демократии лежит через авторитаризм, причем, как мы увидим далее, через самоотрицающийся авторитаризм.

Авторитаризм, однако, авторитаризму — рознь.

Автор знаменитой книги «Пути русского богословия» о. Георгий Флоровский для описания политической и, шире, общественной системы, сложившейся при Петре I, использует термин «полицейское государство». По его словам, подобное «Государство

утверждает себя самое, как единственный, безусловный и всеобъемлющий источник всех полномочий, и всякого законодательства, и всякой деятельности или творчества. Все должно стать и быть государственным, и только государственное попускается и допускается впредь. ...Государство все дела считает своими... государство чувствует и считает себя абсолютным. Именно в этом вбирании всего в себя государственной властью и состоит замысел того “полицейского государства”, которое заводит и учреждает в России Петр...». — Флоровский полагает, что речь идет не просто об определенном типе государства, но и типе общества, и даже типе сознания: «“Полицейское государство” есть не только и даже не столько внешняя, сколько внутренняя реальность. Не столько строй, сколько стиль жизни. Не только политическая теория, но и религиозная установка. “Полицеизм” есть замысел построить и “регулярно сочинить” всю жизнь страны и народа, всю жизнь каждого отдельного обывателя, ради его собственной и “общей пользы” или “общего блага”. “Полицейский” пафос есть пафос учредительный и попечительный. И учредить предлагается не меньшее что, как всеобщее благоденствие и благополучие, даже попросту “блаженство”. И попечительство обычно слишком скоро обращается в опеку...»¹.

Естественно, не все сказанное выше применимо к современной России. Но тенденция, безусловно, есть. И в нашей терминологии, это тенденция к становлению новой «жесткой структуры», т.е. восстановлению политарных отношений ради удовлетворения насущных общественных потребностей, решения злободневных задач. Новая «жесткая структура» в форме полицейского государства — это спасение от криминальной или олигархической смуты, в условиях которых реставрация политаризма показалась бы извращением. В определенном смысле это и борьба за национальную независимость, ибо хаос всероссийской криминальной разборки или олигархической семибоярщины (если бы они не вылились бы в собственные «жесткие структуры») означал бы неминуемую гибель России как политического целого.

---

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 82.

Однако, справляясь (до поры до времени) со стабилизационной задачей, справляется ли полицейское государство с задачей модернизации?

История модернизации политарных обществ свидетельствует, что достаточно жесткое авторитарное государство, ставящее перед собой и последовательно решающее модернизационные задачи, — условие успеха данного процесса.

Подобный тип государства был назван в политологической литературе «диктатура развития». Сегодня он приживается и в отечественной социальной мысли, причем, несмотря на отрицательные коннотации, связанные с термином «диктатура», воспринимается скорее положительно, — положительнее даже, чем дискредитировавшие себя вариации на тему различных «демократий».

Что же такое «диктатура развития», возможна ли она в России, и как она соотносится с описанным выше «полицейским государством»?

Термин «диктатура развития» активно применяется по отношению к жестким авторитарным (а порой и тоталитарным) режимам XX–XXI столетия, сумевшим осуществить в своих обществах радикальную технологическую и экономическую модернизацию, по своим масштабам и результатам воспринимавшуюся как «экономическое чудо».

Особенностью подобных режимов была ориентация на ускоренное экономическое развитие, требовавшее существенных изменений в организации производства (модернизации), осуществлявшееся за счет жесткого управления экономическими процессами и подавления любого сопротивления, чреватого нестабильностью и представлявшего хоть малейшую угрозу проводимому курсу.

В подобном предельно широком понимании, под данный термин подходит и советский большевизм, и китайский маоизм, равно и как дэнсяопиновский проект «социализма с китайской спецификой», правление пинчатовской хунты, южнокорейский и тайваньские режимы.

Расширение объема понятия негативно сказывается на его содержании и определенности. В силу этого мы склоняемся к не-

сколько иному, более узкому его пониманию, которое обычно применяют к южнокорейскому и тайваньскому варианту, с оговорками — к дэнсяопиновскому этапу преобразований в Китае и с существенными оговорками — к режиму Пиночета в Чили.

Что характеризует режимы, подпадающие под определение «диктатура развития»?

1. Они возникали в условиях экономического упадка и политического хаоса.

2. Установка на ускоренное технологическое и экономическое развитие, требовавшее порой качественных изменений в производстве и экономике.

3. Капиталистическая ориентация. Невзирая на терминологию, и несмотря на огромную роль государства в экономике, «диктатуры развития» в разных формах ориентируются на рыночную экономику как наиболее эффективную из существующих в мире.

4. Ведущая роль государства в социально-экономических преобразованиях.

5. Жесткое подавление любого несогласия с проводимым курсом, хотя бы потенциально опасного нестабильностью и сопротивлением преобразованиям.

6. Несовместимость с демократическими принципами при возможном сохранении внешнего демократического декора.

7. Прагматизм, сочетающийся с национализмом.

8. Важная роль армии, военных, как носителей порядка и национальной идеи.

Итак, диктатура развития призвана решить две основных задачи: стабилизация и модернизация. Причем модернизация в классическом варианте предполагает именно рыночную, капиталистическую направленность. В этом и заключается отличие классического варианта (тайваньского, южнокорейского, вьетнамского и т.д.) от большевизма в СССР, маоистского Китая и полпотовской Камбоджи (Кампучии). Особенность пиночетовского режима заключалась, в частности, в том, что рынок не нужно было создавать, его следовало лишь восстанавливать и развивать.

Рыночная ориентация классических «диктатур развития» предопределяет и их дальнейшую судьбу — они «отмирают» более или

менее безболезненно по мере построения капиталистической, рыночной экономики и возникновения соответствующей ей социальной структуры. Как пишет А.Н. Ланьков, «все “диктатуры развития” имели одну особенность: экономический успех неизбежно подрывал их политическую базу. С ростом благосостояния рос образовательный уровень и формировался средний класс — а за этим неизбежно следовали политические перемены. Так было на Тайване и в Корее, причем и там, и там власть сменилась практически одновременно, в конце восьмидесятых годов... Вдоволь наевшись риса, отправив сына в университет и задумавшись о покупке автомобиля, средний корейский горожанин вдруг понял, что теперь ему нужны честные выборы и свободная печать. Главными требованиями демонстрантов были переход к прямым выборам президента, а также снятие ограничений на деятельность оппозиционных партий и профсоюзов, включая левые и рабочие»¹.

В других, «нерыночных», вариантах этого не происходит, — там политический режим может, напротив, стать жертвой неэффективности проводимых им преобразований, если вовремя «не сменит ориентацию», превратившись в классическую, рыночно ориентированную «диктатуру развития» (как это можно было наблюдать в Китае или Вьетнаме)².

В целом в качестве инструмента модернизации политарных обществ «диктатуры развития» оказались достаточно эффективными. Возможна ли «диктатура развития» в России?

---

¹ Ланьков А.Н. Взлет и падение «диктатуры развития» в Южной Корее // Отечественные записки. 2013. № 6 (57) (www.strana-oz.ru/2013/6/vzlet-i-padenie).

² Любопытно, что отец-основатель большевизма В.И. Ленин разработал теорию «диктатуры пролетариата», считавшуюся его основным вкладом в развитие теории марксизма. Диктатура пролетариата — особое жесткое пролетарское государство, призванное подавить сопротивление остатков прежних эксплуататорских классов и создать основы нового коммунистического общества, по мере становления которого диктатура должна будет сама собой отмереть за ненужностью, ведь коммунизм предполагался как бесклассовое, а, следовательно, и безгосударственное общество. Можно сказать, что Ленин разработал как раз теорию «неклассической» диктатуры развития, ориентировавшейся не на рыночные принципы. Но коммунистического общества построить так и не удалось, в силу этого и «отмирания» диктатуры пролетариата не происходило, что не исключало, разумеется, существенной эволюции государственности.

Известный исследователь подобных режимов А.Н. Ланьков отвечает достаточно категорично: Нет, нельзя. В своём успехе восточно-азиатские авторитарные модернизаторы умело использовали специфические черты своих стран, своих обществ. Проблема в том, что таких черт в обществе российском нет вовсе»¹. К ним относится прежде всего наличие огромной массы рабочей силы, готовой работать за гроши и при этом являвшейся носителем определенной трудовой этики, предполагавшей дисциплинированность, организованность, ответственность, исполнительность. Кроме того, особое отношение к государству, доверие и уважение к нему, готовность беспрекословно подчиняться требованиям власти. Подобных условий, по мнению А.Н. Ланькова, в России нет.

Пожалуй, их действительно нет. Но вряд ли данное обстоятельство напрочь блокирует возможность «диктатуры развития». Ведь в Чили тоже ничего подобного не было. Точнее было бы сказать, что отсутствие трудовой этики и доверия к государству затрудняют деятельность «диктатуры развития» и придают ей некоторые особенности. Отсутствие можно компенсировать. Чем? Насилием. Недаром пиночетовский режим был куда более жестким, чем южнокорейский или тайваньский. Российский в этом плане может быть близок пиночетовскому. Но от последнего будет существенное отличие. Как уже писалось выше, Аугусто Пиночет не создавал рынок, а восстанавливал и совершенствовал его. Перед российской диктатурой задача будет стоять более масштабная. Как и в Юго-Восточной Азии, рынка и капитализма у нас не было. Его придется создавать с нуля. Или почти с нуля, учитывая четверть века «реформ».

Итак, как и в Юго-Восточной Азии, у нас нет рынка; как и в Чили у нас нет соответствующей трудовой этики и доверия к государству. Все это многократно усиливает репрессивный компонент возможной «диктатуры развития».

Чем чревато усиление репрессивности? Мы помним, что у диктатуры развития есть два аспекта: стабилизационный и инноваци-

---

¹ Ланьков А.Н. Модернизация в Восточной Азии, 1945–2010 (polit.ru/article/2010/03/11/lankov).

онный, причем первый должен быть подчинен интересам второго. Репрессивность существенно усиливает стабилизационный аспект, превращая его в превалирующий. А тогда это уже не «диктатура развития», а «полицейское государство» и прямой путь к третьей жесткой структуре в истории российской модернизации. Ведь «полицейское государство» тем и отличается от «диктатуры развития», что модернизационный (инновационный) момент подавлен моментом стабилизационным.

Однако важнейший урок, который дает нам опыт «диктатур развития», заключается в том, что нелепо и опасно слепо копировать западный либеральный проект как в силу его несовершенства, выражаемого в том числе и в переживаемом нынче кризисе, так и в силу нереализуемости в иных, «незападных», условиях.

Очень важно в силу этого обратиться к собственной истории, к изучению отечественной среды и посмотреть, нет ли там «материала» для создания собственной версии либерального проекта.

Создается ощущение, что либеральный проект принципиально чужд России. И отечественная история, на первый взгляд, подтверждает подобный вывод. Но при более внимательном рассмотрении ситуация выглядит иначе.

Печальный итог 90-х в России — следствие, с одной стороны, порочности избранного либерального проекта, с другой — ошибочной стратегии его осуществления. Если соединить два указанных обстоятельства в кратком резюме, то речь идет о стремлении здесь и сейчас воплотить в России примитивизированный вариант некогда успешного, но сейчас демонстрирующего существенную порочность западного либерального проекта.

К слову сказать, мы здесь не исключение. Практически везде за пределами Западной Европы и Северной Америки реакция была аналогичной. Но, как мы показывали выше, многие из незападных стран нашли свой вариант либерального проекта и механизмы его реализации.

Надо осознать прежде всего, что версия либерального проекта, воплотившаяся и продолжающая воплощаться в Западной Европе и Северной Америке, — всего лишь одна из возможных. В мире уже существует множество «нераспиаренных», но весьма эффек-

тивных либеральных проектов, позволивших осуществить (или позволяющих осуществлять) успешную модернизацию. К ним относятся японский, южнокорейский, китайский, тайваньский и ряд других проектов. Не будет ошибкой сказать, что либерализм как идеология модернизации реализуется как серия национальных либеральных проектов, ни один из которых не может быть скопирован и успешно осуществлен в иных условиях, хотя все они могут и должны служить материалом (опытом) для создания последующих национальных проектов.

Национальный либеральный проект представляет собой специфическую для данного общества программу модернизации, основанную на сочетании общих принципов, необходимых для эффективного функционирования социальных институтов в современных условиях, и особенностей национальной среды. Проект предполагает как особый вариант подобных институтов, так и алгоритм их создания. Сформировавшаяся в результате социальная модель может по целому ряду параметров превосходить известные, в том числе и те, опыт которых учитывался в процессе ее создания; в силу чего данная модель сама может стать в чем-то примером для коррекции и дальнейшего развития имевшихся ранее образцов.

Задача выработки национального либерального проекта стоит сейчас и перед Россией и ни в коем случае не может сводиться к автоматическому копированию какого-либо из существующих проектов, в том числе считающегося эталонным западного.

Западный либеральный проект, повторим, во-первых, мог быть реализован исключительно в условиях Европы и Северной Америки, а во-вторых, обнаружил весьма существенные пороки, которые привели в итоге к глубокому общественному кризису, названному нами в ряде работ «тотальной аномией». Тотальная аномия — разрушение всякой нормативности, устранение нормы как таковой и замена ее ничем не ограниченным полем альтернатив. Очевидно, что подобное состояние неизбежно ведет к социальной деструкции, разрушению ценностной и институциональной систем общества.

Примитивное копирование западного проекта позволяет воспроизвести, да и то в карикатурной форме, его пороки (в том чис-

ле и элементы тотальной аномии), но не его реальные достоинства, которые делают привлекательным западный образ социальности.

Нам представляется, что в отечественной истории и культуре можно обнаружить необходимые условия для формирования национального либерального проекта, — проекта, не только подходящего России, но и в перспективе, возможно, более эффективного, чем кризисный западный либерализм. Правда, не стоит искать данный проект в качестве завершенной программы или хотя бы идеологической конструкции. Речь идет прежде всего о соответствующих формах деятельности, социальных моделях, сформировавшихся в различных областях жизни России после реформ 1861 года и только начинавших получать свое идейное выражение.

К сожалению, приходится констатировать, что мы не знаем собственной истории. Действительно, известная нам История России на самом деле, — история *государства* российского, история *внешней политики* России; может быть, история *революционного движения* в России, — но не история *российского народа*. Он, этот народ, остается неким туманным фоном, бессубъектной массой, с которой совершались властью те или иные манипуляции.

А ведь именно в его недрах, а не в петербургских и московских кабинетах, вызревало то, что могло стать основой успешного развития России.

Начнем с экономики. Российский капитализм, даже дореволюционного времени, принято считать не только неоформившимся в полной мере, но и ущербным по своей природе. Повторимся, такой взгляд держался на поверхностном его рассмотрении и только с точки зрения западного капитализма. То, что в подобной перспективе выглядело пережитком, отклонением, на самом деле могло стать основой нового варианта устойчивого капиталистического развития. Мы имеем в виду, в первую очередь, капиталистическую модель (модель предпринимательства), сформировавшуюся в торгово-промышленной среде московского и, в значительной мере, поволжского и сибирского регионов, — модель, связанную, в частности, с именами Рябушинских, Морозовых, Солдатенковых, Третьяковых, Гучковых и т.д. Именно в их лице на широкую

общественную арену впервые вышел «русский хозяин», особый тип предпринимателя, точного аналога в европейской и американской истории не имевший.

Как справедливо писал В.П. Рябушинский, находясь в эмиграции в послереволюционные годы, «нет книг о теории хозяина», в том числе и русского хозяина, конкретно — «хозяина центрального промышленного района». Подобные планы, по словам Рябушинского, были у П.Б. Струве, но так и остались неосуществленными. Более того, «для обстоятельного исследования, посвященного этой теме, нужно собрать много материала, а такового не только нет, но, пожалуй, даже характер этого материала еще недостаточно выяснен»¹. Увы, за последние почти сто лет мало что изменилось. Даже в постперестроечные годы деятельность этих людей изучалась достаточно однобоко (с точки зрения благотворительности, например); модель хозяйствования, которую они выражали, практически не исследовали². А она того стоит.

Московские купцы и промышленники — выходцы из народа, носители его менталитета и традиций, что напрямую влияло на их деятельность. Костяк данной социальной группы формировался в старообрядческой общинной среде. Указанная среда предопределяла специфическое отношение к хозяйственной деятельности (рассматриваемой как служение общему делу), к богатству (не греховно, если нажито честно и выступает средством для благих целей, но не ценно само по себе!), к ответственности перед общиной. Община обеспечивала поддержку, открывала кредит, защищала, в том числе, и от государства. Но и требования предъявляла жесткие, как сугубо хозяйственные, так и нравственные. Первые предприниматели в этой среде — кто-то вроде общинных хозяйственных менеджеров, ведущих дела для общины, от имени общины и под контролем общины, в силу наличия к этому делу способностей. Однако все-таки, получая помощь, они были достаточно сво-

---

¹ См.: *Рябушинский В.П.* Купечество московское // Газета «Былое». 1991. № 2. Август.

² В последние годы данный пробел стал отчасти ликвидироваться. Особенно хотелось бы обратить внимание на деятельность Русского экономического общества имени С.Ф. Шапарова и работы историка А.В. Пыжикова

бодны в собственно деловых вопросах, и достаточно быстро происходит эмансипация от общины наиболее преуспевших деловых людей, что требовалось интересами дела, ибо общинный контроль мешал порой его развитию. Можно сказать, что птенцы вылупливались из яйца. Но связи с общиной при этом не разрывались. Более того, «хозяева» оставались во многом носителями общинного менталитета, что не только не мешало им, но и, подвергаясь некоторой модернизации, служило основой делового успеха.

Стоит заметить также, что несмотря на связь с общиной, свое дело «хозяева» строили сами, без всякой поддержки со стороны государства, а то и в противостоянии с ним. Соответственно, это самостоятельные частные предприниматели в полном смысле этого слова, а не назначенные государством вести дела хозяйственные агенты.

Кроме того, они создали модель предпринимательской деятельности, опиравшуюся на особенности среды, сочетавшую традиционный и инновационный компоненты. Причем данное сочетание превращало традицию из «пережитка» в условие эффективности.

В чем же это проявлялось?

Первое. В особой форме солидарности, корректировавшей недостатки «чистой» конкуренции. В случае необходимости подобные предприниматели поддерживали друг друга, страхуясь таким образом от капризов рыночной конъюнктуры, не «добивая» в погоне за наживой тех, кто попал в трудные обстоятельства по независящим от него причинам, уверенные в том, что и им в случае чего помогут. Однако на поддержку могли рассчитывать только те, кто вел дела честно и разумно, а не авантюристы, проходимцы и неумехи.

Второе. В существовании взаимного кредита под минимальный процент и зачастую под честное слово, что снимало зависимость от спекулятивного финансового капитала.

Третье. В чрезвычайно жестких стандартах качества и заботе о деловой репутации. Про морозовский текстиль говорили, что «его можно брать с закрытыми глазами», а безупречная деловая репутация обеспечивала не только доверие к товару, но и возможность получить вышеописанные поддержку и кредит.

Четвертое. В высокой степени того, что сейчас называется «социальная ответственность бизнеса». Престиж предпринимателя определялся не столько объемом капитала, сколько количеством и качеством построенных храмов, больниц и школ, степенью поддержки, оказанной науке, образованию, искусству. Очевидно, что это сглаживало социальные противоречия и способствовало прогрессу общества.

Пятое. В создании успешных механизмов корпоративного самоконтроля. Не соответствующий высоким стандартам, как собственно деловым, так и этическим, человек лишался поддержки сообщества.

Шестое. В формировании особой системы отбора, своеобразной формы социальной мобильности, обеспечивающей ротацию и сохранявшей в сообществе только «пригодных к делу». Купеческие фамилии — не наследственная аристократия. Если потомки не могли вести дела на уровне своих отцов и дедов, они выпадали из сообщества, а на их место приходили другие.

Седьмое. В стремлении к техническим новациям. Большинство предприятий были блестяще оснащены технически, а персонал — достаточно квалифицирован.

Восьмое. В особых формах организации рабочей силы. Чрезвычайно интересным и очень мало исследованным явлением можно считать русскую артель. Она представляла собой не просто группу людей, совместно подрабатывающих на работу, и не европейский профсоюз в полном смысле этого слова. Хотя артель и защищала социально-экономические права своих членов, она кроме этого и контролировала качество их работы и несла солидарную ответственность в случае нечестности или некомпетентности своих членов. Артели объединяли не только рабочих, но и служащих (например, конторщики и приказчики на многих предприятиях нанимались от артели).

Девятое. Несмотря на православные (преимущественно старообрядческие) корни подобной предпринимательской модели, общество было чуждо ксенофобии и конфессиональной ограниченности. В него могли входить и никониане, и иностранцы. Любопытный сюжет описывает один из немногих авторов, прояв-

лявших интерес к московскому купечеству, и хорошо лично его знавший, так как сам принадлежал к данной среде, — П.А. Бурьшкин¹.

Десятое. Упомянутый в сюжете юноша Кноп принадлежал к знаменитому в среде предпринимателей Центрального региона немецкому семейству Кнопов. Основатель династии, Людвиг Кноп, выходец из Европы, первоначально занимался техническим оснащением московских фабрик, а затем и сам вошел в их капиталы. Но вот что любопытно. Европейский делец, прекрасно знавший организацию производства на Западе и привыкший вести дела по тамошним «цивилизованным» правилам, не только доверял средства «под честное слово» бородатым «варварам в длиннополых кафтанах», но и участвовал потом в их предприятиях, *никогда не пытаясь вмешиваться в управление и организацию дела, перестраивая все на европейский лад.* Получается, что модель, созданная этими «варварами», представлялась ему успешнее и эффективнее той, что он знал по Европе. А потомки его вообще обрусели.

Приведенный выше краткий очерк касался лишь социально-экономических аспектов. Но им дело не ограничивалось. Уже на

---

¹ Во время Всероссийской выставки 1896 года, проходившей в Нижнем Новгороде, деловые люди Центрального региона решили оригинально поприветствовать императора Николая II: «Двадцать семь детей из московского и нижегородского родовитого купечества составили отряд рынд, одетых в красивые белые кафтаны с секирами на плечах. Молодые люди были подобраны один к одному. Костюмы были очень дорогие. У многих были подлинные серебряные секиры. Словом, отряд производил внушительное впечатление и всем очень понравился. Понравился он и Государю, который решил проявить к рындам свое внимание. Обратись к одному из них, он спросил: “Как твоя фамилия?” — “Шульц, Ваше Императорское Величество”, — последовал немедленный ответ. И действительно, это был Андрей Иванович Шульц, в будущем маклер по учету при Московской Бирже, очень красивый человек, а в молодости, как говорят, напоминавший юного греческого бога. Тогда Государь обратился к другому с тем же вопросом: “Ну а твоя фамилия?” — “Ценкер, Ваше императорское Величество”, — ответил вопрошаемый. Государь несколько смутился и наудачу спросил еще одного: “А ты как называешься?” — “Кноп, Ваше Императорское Величество”. Государь фамилий больше не спрашивал, но спросил еще одного из рынд: “Что работает ваша фабрика?”. — Тот, в смущении, вместо того, чтобы сказать “ситец”, ответил: “Чичец, Ваше Императорское Величество”» (*Бурьшкин П.А. Москва купеческая* // e-libra.ru/read/101705-moskva-kupecheskaya.html).

уровне деловой и общественной жизни демонстрировалась *способность «русских хозяев» к самоорганизации*, к кооперации с другими социальными силами (интеллигенцией, например).

А что это, если не начало формирования отечественного аналога того, что в классической теории либерализма получило название «гражданское общество» и «демократия». Неудивительно, что из среды «хозяев» центрального региона выросли деятели, с которыми непосредственно связана история русского парламентаризма.

Не следует забывать, что при всех изменениях «хозяева» оставались русскими людьми, тесно связанными с национальной почвой и культурой, нравственными принципами, именно на них они основывали свой успех.

В.П. Рябушинский видел «хозяев» не только в состоявшихся предпринимателях, он полагал, что данный тип широко представлен в русском крестьянстве. И ожидал массового выхода «хозяев» из данной среды на простор общественной деятельности.

Хотелось бы подчеркнуть, что в основе данной модели лежала не простая консервация общинных или каких-либо еще традиций, а их творческое развитие; внимательное, но избирательное отношение к чужому опыту; готовность совершенствоваться; особая рациональность, требующая учета особенностей среды и основанная на понимании неслучайности выработанных историей образцов.

Дискуссионным является вопрос о возможности возрождения сегодня данной модели. Некоторые, например, известный исследователь Д. Расков¹, в этом сомневаются. Однако есть реальные примеры появления предпринимательских сообществ, стремящихся работать на описанных выше принципах. Пока их немного, но первые результаты деятельности довольно успешны². Очень важно, что здесь вырастает не олигархическая модель бизнеса по принципу: прихватизировал — «выдоил» — перевел все за рубеж —

---

¹ См., например: Номосcredens: Экономика и старообрядчество // http://polit.ru/article/2014/06/23/old_belief/.

² См., например: *Башмакова М.* Наследники «русского хозяина» // www.fontanka.ru/longreads/starover/; Картофельные короли: как вологодские мужики миллионерами стали // rusrand.ru/goodnews.

сам туда уехал; и не уродливые клоны «фанкового бизнеса», присущего обществу «тотальной аномии», а настоящее крепкое дело, рассчитанное на детей и внуков, связываемое с процветанием своей страны. Безусловно одно — опыт этот надо изучать, и, если возможно, создавать условия для его использования. Вот в этом-то, вероятно, и должна состоять задача государства.

Мы не рассматриваем подробно (хотя сейчас на эту тему публикуется много работ) имперскую модель политического управления, «симфоническое» взаимодействие государства и церкви, и многое, многое другое. Не можем не сказать и об особой русской духовности, непосредственно связанной с православной традицией. В условиях противостояния «тотальной аномии» она особенно значима.

Существенная сложность состоит в отсутствии адекватного понятийного аппарата. Попытка анализа многих отечественных социальных моделей в терминах классической либеральной теории приводит к потере понимания их сути, а использование почвеннической, славянофильской и евразийской терминологии — соборность, симфоничность, демотичность, идеократия — приводит к их радикально антилиберальной интерпретации, создает опасность разрушения либерального проекта вообще.

До сих пор мы обращались лишь к внутривнутриполитическому аспекту процесса модернизации. Но есть еще и внешнеполитический аспект. Угроза извне, реальная или просто ощущаемая, — существенный фактор принесения в жертву инновационных процессов, если они представляются подрывающими обороноспособность общества. К сожалению, сегодня поле враждебности вокруг России отличается максимальной напряженностью. И это не иллюзия, а факт, выражающийся в конкретных последовательных действиях во всех сферах международных связей, от экономики до спорта. Ответной реакцией неизбежно становится милитаризация и мобилизация общества, переориентация всего и вся на оборону и обеспечение внутри страны того, что для нее потребно.

Итак, объективные условия прямо подталкивают Россию к созданию третьей жесткой структуры и соответствующего ей полицейского государства.

Но это только один из неблагоприятных вариантов развития событий. Второй — срыв модернизации «снизу», в результате дестабилизирующих процессов, отчасти, возможно инспирированных извне враждебными по отношению к России силами. Такой вариант также достаточно широко представлен в модернизациях политарных обществ в последние десятилетия. Известен данный вариант под названием «цветная революция».

Насколько сценарий революции вероятен в современной России?

Революция — понятие, широко используемое в различных областях социального знания. Строгое научное употребление термина (впрочем, тоже далекое от однозначности) соседствует со свободно публицистическим, а зачастую и просто бытовым, что делает его значение совсем неопределенным, размытым.

Даже в науке сосуществует несколько трактовок понятия «революция».

Во-первых, это коренные, существенные изменения во всей социальной системе (обществе в целом), приводящие к ее переходу в иное качество. Например, «социальная революция» в марксизме, означающая переход от одной общественно-экономической формации к другой.

Во-вторых, это радикальное изменение в какой-либо сфере общества, имеющее, возможно, общесоциальные последствия, — «аграрная революция», «промышленная революция», «культурная революция».

В-третьих, под революцией понимают смену политической власти, осуществляемую более или менее насильственно, приводящую к формированию нового порядка управления, нацеленного на изменение общества в целом (если имеет место только нелегитимная смена правящей верхушки, уместно говорить о «перевороте»).

Особое место занимает вариант «революция сверху» — серия реформ революционного значения. Так иногда оценивают преобразования Петра I или Александра II.

Революция в первом смысле этого слова в стране уже идет. Ибо модернизация и есть революция в первом смысле данного термина, ибо означает переход от политаризма к капитализму.

Выбор в пользу капитализма, как мы уже утверждали выше, объективен и совершенно не связан с симпатиями к нему определенных социальных групп или социокультурными векторами отечественной истории, которые, как может показаться на первый взгляд, имеют иную направленность. Дело в том, что капитализм (в различных модификациях) является единственно эффективной на сегодняшний день формой организации общества. Императив выживания в современности просто не оставляет альтернатив. Многие восточные общества, еще менее тяготевшие к капитализму, чем Россия, уже прошли, и достаточно успешно, данный путь. Большинство из них через описанные выше «диктатуры развития».

В данном случае мы говорим о революции в третьем значении этого слова, как политической революции, тесно связанной с революцией социальной. Политическая революция в контексте процесса модернизации выступает условием осуществления социальной, ибо процесс трансформации может протекать только в условиях определенным образом ориентированного политического режима и благодаря ему. В условиях модернизации режим, повторимся, должен решить две задачи: 1) поддержания стабильности; 2) осуществление модернизации. Неспособность справиться с решением любой из этих задач может стать фатальной для режима.

Переходный режим в любом случае обречен. Крах в процессе модернизации возможен, по завершении — неизбежен. Данному режиму, осуществляя модернизацию, порой приходится действовать вопреки сопротивлению отдельных социальных групп и даже жестко подавлять протесты последних. Также ему приходится защищать осуществляемые преобразования от угроз извне, где далеко не все могут быть ими довольны. Общество, в свою очередь, может быть не удовлетворено темпами проведения преобразований (режим способен «отстать» от общества). Таким образом, совершая революцию, данный режим может сам стать «жертвой революции» (или контрреволюции) еще в ее процессе, т.е. находится под угрозой «отмены снизу». Однако даже если этого не произойдет, социальная революция будет успешно осуществлена, он все равно окажется «жертвой революции» по ее завершении, ибо данный режим хорош для переходного периода, успех же социальной

революции требует и адекватной политической организации, отличной от переходного режима. Осуществив революцию, он «отменяет сам себя». Показательны в этом плане судьбы азиатских «диктатур развития», в частности, южнокорейского режима¹.

Поскольку речь идет о возможности политической революции как свержения существующего режима с последующим изменением курса, уместно вспомнить также ленинское учение о «революционной ситуации», объясняющее, когда и как происходят подобного рода революции.

Прежде всего, В.И. Ленин формулирует три объективных признака революционной ситуации, без которой никакая революция не произойдет. Вот эти признаки: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис “верхов”, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы “низы не хотели”, а требуется еще, чтобы “верхи не могли” жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов, 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в “мирную” эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими “верхами”, к самостоятельному историческому выступлению»².

Для перерастания революционной ситуации в полноценную революцию к объективным факторам должен быть присоединен субъективный, ибо «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не “упадет”, если его не “уронят”»³.

---

¹ См.: Ланьков А.Н. Взлет и падение «диктатуры развития» в Южной Корее // Отечественные записки. 2013. № 6 (www.strana-oz.ru/2013/6/vzlet-i-padenie).

² Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26. М., 1961. С. 218.

³ Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26. М., 1961. С. 219.

Особую роль в данном случае должна сыграть руководящая сила, например, партия, которая могла бы организовать и направить процесс.

Можно ли говорить о наличии в России революционной ситуации?

Начнем с первого пункта — «кризиса верхов». На наш взгляд, никакого кризиса системы власти, угрожающего ее существованию, в России нет. Создана достаточно успешная (насколько это вообще возможно в существующих условиях) модель управления — умеренный авторитаризм, заgrimированный под «театральную демократию».

При всей активности критики существующего режима, надо не забывать о нескольких моментах.

Во-первых, сама по себе критика — не только свидетельство существующих недостатков, но и достоинств режима. Ведь критика — способ выявления проблем, а значит, и первый, необходимый шаг к их решению. *Во-вторых*, допустимость критики — свидетельство силы и устойчивости режима — «он может себе это позволить». *В-третьих*, критика — проявление недеklarативности демократии — показатель ее «серьезности».

Критикуя «путинский режим», следует быть добросовестным. Во-первых, не следует возлагать на него ответственность за многовековые язвы российской общественной системы — коррупцию, бюрократизм, бесконтрольность власти со стороны общества... Не следует также забывать, что многие «язвы» не оставляют выбора режиму, требуя соответствующей реакции — правовой нигилизм, неспособность к самоорганизации, разрушенная трудовая этика — все это провоцирует обращение к «палке» или к «ручному управлению» как иногда единственным способом поддержания стабильности.

Необходимо учесть, во-вторых, что Путину досталась даже не постсоветская, а пост-ельцинская Россия, когда было уничтожено все лучшее из советского наследия, обнажены вековые язвы, и все это усугубилось стихией «первобытного рынка». Путин принял страну, авторитет которой упал «ниже плинтуса», страну с полностью разрушенной экономикой и системой управления, страну, где

идеалом молодежи были бандиты и валютные проститутки, «дикое поле» с перспективой превращения в криминальную диктатуру или олигархическую семибанкирщину.

Путин, как было показано выше, обуздал криминал и олигархов, заставил считаться с Россией на международной арене, восстановив тем самым утраченный суверенитет российской государственности как внутри, так и вовне страны. Была обеспечена экономическая и социальная стабильность. У людей появилась работа, за которую платят, у детей — места в детских садах и школах, молодые учительницы уже не вынуждены подрабатывать по ночам проституцией, дети мечтают о карьере военных, инженеров, бизнесменов, врачей, связывая свою жизнь с трудом, а не разбоем...

Нелепо обвинять режим в отсутствии стремления вести диалог с обществом, подавлении всех форм гражданской активности. Напротив, были предприняты реальные шаги по созданию полноценного гражданского общества, которое предполагает не только защиту прав, но и сознание ответственности, которое отлично от «игрищ на площадях», продемонстрированных во всей красе и ужасе последствий собратями по советскому прошлому (и не только ими).

Среди таких шагов — создание Общественной палаты, Народный фронт, даже кажущиеся карикатурными заигрывания с отдельными организованными сообществами (байкерами, например). Власть нуждается в социальной поддержке. Не вина режима (во всяком случае, не только его), что попытки эти не приносят должного результата. Путин — не первый, терпящий здесь провал, — вспомним разочарования Екатерины при созыве Уложенной комиссии, или опыт Учредительного собрания, способного лишь «утомить караул». Мало что изменилось с тех пор — и с обществом нужно работать, чтобы его создать, и общество само должно работать над собой, если претендует на серьезное отношение к себе.

Более того, даже казалось, бы вполне справедливая критика не всегда указывает на ошибки: ведь критикующий может не учесть всех обстоятельств дела, превращающих его предложения в нереализуемые, а то и опасные.

К серьезным недостаткам режима можно было бы отнести неудачи в модернизационных начинаниях, проблему преемственности власти, а следовательно, и курса, и многое другое.

Разумеется, сложившийся режим далеко не идеален, но представляется, что на сегодняшний день он близок к оптимальному. Оптимальность эта еще более становится очевидной, если задаться вопросом о возможных альтернативах. По персоналиям они, не исключено, могут быть, но в существенных характеристиках выглядят куда малопривлекательнее существующего.

Главное же, данный режим народ устраивает. И вот здесь мы переходим ко второй составляющей революционной ситуации, к «низы не хотят» и сразу же к третьей (повышение активности). Ибо, если «не хотят», то должны это каким-либо образом проявить. А следует сказать, что, судя по всему, если и «не хотят», то хорошо это скрывают.

Действительно, никакой «антирежимной» активности масс не наблюдается. Акции протеста достаточно редки и носят скорее экзотический характер. Данное утверждение справедливо как по отношению к индивидуальным, так и по отношению к коллективным мероприятиям. К первым можно отнести, например, «перформансы» художника Павленского, ко вторым — заглохшие «болотные» гуляния, воспринимавшиеся как масштабные шоу.

Выборы и социологические опросы демонстрируют устойчивую поддержку как национального лидера, так и режима в целом. Часто встречаются утверждения, что выборы или опросы в той или иной мере фальсифицированы и реального положения дел не отражают. На наш взгляд, даже если предположить, что это так, — важнее то, что подобные результаты никакой ответной реакции «обманутых» (?) масс не вызывают — на площади никто не выходит (как это происходило, например, на Украине).

Стоит обратить внимание и на то, что ни один «протестант», даже пострадавший от режима, в глазах народа героем не стал, не обрел ореола мученика. В российском социокультурном контексте это существенно, ибо в возвеличивании «жертв» традиционно проявляется отношение к власти.

Конечно, Интернет изобилует саркастическими выпадами, но сетевое брюзжание — скорее, национальная ежевечерняя развлекуха «под пиво», нежели целенаправленная гражданская активность. Из той же серии — более или менее организованная интеллектуальная оппозиция. Таковая, к сожалению, чрезвычайно напоминает классический вариант русской интеллигентской оппозиционности, для которой любая власть плоха, потому что она власть. Подобная оппозиционность, как показала история, к счастью, не слишком опасна, но, к сожалению, малопродуктивна. В ее недрах могут возникать разного рода интеллектуальные модели, которые красивы и наукообразны, но, увы, к реальности малоприменимы. Впрочем, из данной среды вполне может исходить и взвешенная конструктивная критика, что может стать одной из основ формирования гражданского общества, нацеленного не на принципиальный «конфликт ради конфликта» с властью, а на сотрудничество с нею.

Никакой серьезной организующей силы у «протестантов» нет. Да они и не стремятся особенно организовываться за пределами форумов и чатов.

Таким образом, протест (поскольку он заметен) исходит от маргинальных групп¹ и серьезной угрозы режиму представлять не может. И это хорошо. Ибо на сегодня более предпочтительных альтернатив данному, совсем не идеальному, режиму в России не видно. Одно из главных его преимуществ может быть выражено парафразом бессмертного высказывания Черчилля о демократии: «Режим отвратителен, но остальные возможные еще хуже».

Ведь какие реальные альтернативы умеренному авторитаризму модернизационной направленности существуют? Учитывая, что полноценная демократия в России на данный момент совершенно невероятна, это будет либо олигархо-криминалистическая анархия, либо жесткий авторитаризм, переходящий в тоталитаризм. И то, и другое в гораздо меньшей степени, чем существующий режим, способны справиться с двумя основными задачами, стоящими перед любой системой управления в современной России: задачей поддержания стабильности общества и задачей осуществления модернизации.

---

¹ «Маргинальность» в данном случае не несет в себе никакого уничижительного содержания. Термин указывает лишь на отсутствие серьезной социальной базы.

Маловероятным представляется нам и сценарий «цветной революции»¹, т.е. инспирированного извне переворота, опирающегося на недовольство отдельных групп (прежде всего, молодежи, претензии которой опережают реально возможное). Переворот при этом должен будет подправить политику страны в предпочтительном для его зарубежных инициаторов направлении.

Маловероятность (по крайней мере, пока) данного сценария обеспечивается двумя факторами. *Во-первых*, устойчивостью самого режима, обладающего, как было сказано выше, поддержкой массы населения и вполне способного к решительным действиям в критических условиях (в отличие от правителей Грузии, Украины или Киргизии). *Во-вторых*, отечественной социокультурной средой. Наш народ, в том числе и нарождающийся средний класс, далеко не так гедонизирован, как уверены за рубежом. Предполагалось, что санкции, ухудшающие экономическую ситуацию в стране и оборачивающиеся болезненным снижением уровня жизни большинства слоев российского общества, должны были вызвать возмущение внутри страны. Но нет! Рейтинг политического руководства только растет. Люди готовы жертвовать доходами, отдыхом в Турции и Египте, ради суверенитета страны, общенациональных интересов.

Однако, как уже было сказано выше, и режим театральной демократии в отечественном варианте ничего не гарантирует. Вполне возможна его трансформация в любой из двух указанных выше «нежелательных» вариантов, причем никакой активности народных масс, политической революции, для этого не понадобится — все будет решаться внутри властных и деловых элит.

Есть две задачи, с которыми еще предстоит справиться режиму. От этих решений будет зависеть как его судьба, так и развитие страны в целом. Первая — это обеспечение стабильности и преемственности курса при смене лидера. Вторая задача — активизация модернизационных процессов. Пока с модернизацией получается значительно хуже, чем со стабилизацией. Но отсутствие модернизации — действительно, путь к краху. И вот здесь

---

¹ Специально по проблеме возможности «цветной революции» в России см.: *Ефремов О.А.* «Цветной» сценарий в условиях «театральной» демократии: велики ли шансы на успех? // Экономика и право. XXI век. 2013. № 1.

особенно важным становится умение наладить диалог с обществом, учитывать и воспринимать конструктивную критику, оперативно проводить экспертизу и реализовывать предложения, родившиеся вне официального властного аппарата и не по указанию сверху.

Модернизация — объективная необходимость. Политическая нестабильность, вызванная кризисом режима, может стать существенной помехой для нее. Хочется надеяться, что существующий режим найдет удачное сочетание решения двух взаимосвязанных задач — поддержания стабильности и осуществления модернизационных преобразований.

Итак, мы обозначили два возможных варианта срыва процесса модернизации: 1) Полицейское государство (третья жесткая структура, восстанавливающая политарные отношения и блокирующая развитие); 2) Революция, как вариант — «цветная», приводящая к тотальной дестабилизации общества.

Второй сценарий даже хуже первого, ибо означает потерю не только инновационности, но и стабильности. Но, как нам представляется, он, к счастью, менее вероятен, чем первый, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Политарная контрреволюция реальнее революции.

Есть ли возможность избежать не только второго, но и первого неблагоприятного сценария и все же удачно продолжить процесс модернизации?

Существует ли возможность создания и реализации «национального либерального проекта»?

На наш взгляд, существует. И зависит такая возможность, в первую очередь, от фактора субъективного, а именно — способности правящей элиты провести страну между Сциллой дестабилизации и развала и Харибдой полицейского государства. Режиму, справившемуся с задачей стабилизации, предстоит создать и запустить инновационные механизмы. В условиях невозможности демократии придется конструировать некий отечественный аналог «диктатуры развития», отличный, однако, от азиатских прообразов. Да, мы вынуждены насильственно формировать рынок.

При этом элитам надо учитывать следующее:

1. Инновационный, модернизационный компонент не должен быть задавлен стабилизационным; напротив, стабилизация должна восприниматься лишь как условие модернизации.

2. Модернизация не есть сугубо технологический процесс, она предполагает строительство современной рыночной экономики и преобразование всего общества в целом; соответственно, при выборе методов государство всегда должно держать в уме опасность реставрации политаризма. Более того, надо понимать, что инновационность модернизации — это прежде всего выработка новых эффективных социальных моделей, которые обеспечат, в конечном счете, и технический прогресс. А попытка развивать в искусственно созданных кластерах «нано-», «био-», «кибер-» и прочие технологии напоминает строительство банановой теплицы в условиях Северного полюса с перспективой пересаживать банановые деревья прямо во льды и сугробы.

Иными словами, нужны не технополигоны вроде Сколково, а полигоны выработки социальных моделей, в том числе и с опорой на национальные деловые традиции. Следует также внимательнее относиться к уже имеющимся образцам, «самосевом» вырастающих на, казалось бы, уже безнадежно погубленной почве (как, например, упомянутые выше организации предпринимателей-староверов или вологодских картофелеводов).

3. При формировании данных социальных моделей стоит исходить не из абстрактных принципов либерализма и не пытаться скопировать чей-либо либеральный проект, а создавать свой собственный, опираясь на традиции и исторический опыт; используя то, что уже было когда-то создано в России и при определенных условиях и с необходимыми модификациями могло бы быть возрождено. Необходимо рациональное отношение к традициям, а оно заставляет считать их не пережитком, а опытом предков, не на пустом месте появившемся и доказавшем уже свою эффективность.

3. Репрессивные методы следует использовать очень осторожно — дозированно и адресно, ибо усиление репрессивности — один из каналов восстановления политаризма.

4. Необходимо кропотливо работать над консолидацией всех модернизационно ориентированных сил — и в среде чиновниче-

ства, и в бизнес-среде, и в среде интеллигенции. При всей противоречивости взглядов и интересов надо формировать своеобразный «модернизационный консенсус». Причем делать ставку стоит не только на кремлевские элиты, а на формирование широкой модернизационной субъектности, создание условий и форм участия людей в модернизационной активности.

Вот далеко не полный перечень требований к режиму, необходимых для продолжения модернизации, а не закостенения в новой жесткой структуре.

Повторимся, что никаких гарантий выполнения данных требований нет. Но есть определенные факторы, внушающие оптимизм в этой в целом безрадостной ситуации.

Во-первых, это специфика «нового господствующего (политически и экономически) класса» — чиновничества. Оно, в целом ориентировано не политарно, а специфически-рыночно.

Новый российский чиновник отличается от чиновничества периодов двух первых жестких структур. В прежние времена чиновник рассматривал свою службу как основное дело в жизни, карьера, знаки отличия были для него самооценностью. Конечно, он мог воровать, брать мзду, но это было аспектом службы, немислимым вне ее. Источник дохода терялся вместе со службой. Для нынешнего чиновника служба — форма перевода обретаемого на ней властного ресурса в иные бизнес-активы. Он четко осознает свое положение как переходное, его государева служба — средство обеспечения личного благополучия, в основном за счет вхождения в бизнес и укрепления в нем. Собственно, само положение чиновника в госаппарате рассматривается им как ресурс, трансформируемый в долгосрочные материальные выгоды. Чиновник совершенно неидеологизирован, он прагматичен до цинизма, но именно этот прагматизм делает из него идеального исполнителя своих функций — иначе теряется властный ресурс, обеспечивающий его дальнейшее благосостояние. Чиновник осознает свою связь с корпорацией, но сама эта корпоративность для него не самоценна — она опять же средство, обеспечивающее возможность обогащения.

Разумеется, сказанное выше относится в большей мере к основной массе российского чиновничества, а не к его верхушке.

Руководство страны может иметь вполне четкие идеологические предпочтения, разрабатывать и реализовывать программы развития, мало связанные с интересами их личного обогащения. И программы эти, в принципе, тоже модернизационно ориентированы.

Во-вторых, учитывая сказанное выше, для определения стратегии развития может быть учтен опыт двух прежних жестких структур. О чем он свидетельствует? Прежде всего о том, что каждая жесткая структура имеет ограниченный ресурс приспособляемости. Рано или поздно он исчерпывает себя и опять приходится начинать сначала, причем ресурс этот постоянно сокращается. Первая жесткая структура просуществовала 150 лет; вторая — чуть более 70, а срок жизни третьей может быть совсем кратким. Ведь специфика современной ситуации в том, что жизнеспособно только то общество, где инновационный механизм является его составной частью, действует постоянно, а не включается от случая к случаю. Жесткая структура такое исключает.

Кроме того, жесткие структуры несут в себе определенный опыт технологических преобразований. В определенных пределах данный опыт тоже может быть полезен.

В-третьих, есть мировой опыт диктатур развития, который, при всей специфичности ситуации в России, также можно использовать. И действительно, применяя многие политарные методы, существующий режим все-таки привержен рыночной ориентации, делает шаги, направленные на формирование в России ответственного гражданского общества, понимая, что только так сегодня можно обеспечить устойчивое развитие, а в перспективе — надежную социальную стабильность и внешнюю безопасность.

И, *в-четвертых*, повторим вновь, свой исторический собственный опыт, многообразные социальные модели, созданные российской историей, в том числе и описанные выше, потенциал которых не был до конца раскрыт и использован.

Повторим — гарантий нет, но надежда остается.

Государство и революция: проблема распада государственного сознания

В год столетия русских революций, ставших одним из поворотных пунктов нашей истории, слышно много хвалебных слов в адрес советской власти. Это и понятно: на фоне великого советского проекта современное российское государство выглядит бледно и неубедительно. Главная черта современной политической России — ее переходный и неустойчивый характер. Очевидно, что наша страна переживает мучительный процесс поиска новой политической формы, способной соответствовать архетипам русского национального сознания. XX век для России — один из тяжелейших: две мировые войны и четыре революции (1905 год, в 1917 году — две, 1991 год). За этот период страна дважды радикально меняла курс своего политического и экономического развития. Итог последнего столетия поражает: колоссальные территориальные потери и многократное ослабление политической, экономической и военной мощи России. Имея такой результат, советская государственность предстает уже не в столь радужном свете. Советская власть в целом вроде бы сумела принять и отразить вызовы и угрозы современности. Более того, на пике своего могущества она подчинила себе половину мира и оказала заметное влияние на ход мировой истории. В XX веке в известном смысле осуществилась идея славянофилов о русском мессианизме: Россия действительно несла народам мира новые идеи и ценности. Вместе с тем поражает краткосрочность советского проекта: по историческим меркам красная империя просуществовала микроскопический отрезок времени. Через 500 лет, например, если наша страна доживет до этого, в учебниках по истории России данный период может занять не более одной страницы текста. Это старшие поколения, прожившие значительную часть своей жизни при советской власти, готовы ее обсуждать эмоционально и при-

страстно, для молодежи советская эпоха — такой же далекий факт истории, как Киевская Русь или Московское царство.

В заслугу советской власти часто ставят индустриализацию, широкие социальные гарантии, достижения в области образования и науки. Все это вроде бы было, но следует помнить и другие очевидные вещи. Русское крестьянство, подавляющее большинство народа на момент 1917 года, вместо земли и воли (лозунг народничества) получили принудительный труд в колхозах, голод и стройки народного хозяйства в системе ГУЛАГа. Образование и обществоведческая наука в России дважды за XX век понижала свой уровень: после 1917 и 1991 годов. Выпускник царской гимназии, например, по уровню своих знаний вполне сопоставим с молодым специалистом, закончившим какой-нибудь советский педагогический вуз. Представители дореволюционного преподавательского корпуса, знавшие, как правило, древнегреческий и латынь, два-три европейских языка и изучавшие свою отрасль знания по оригинальным европейским источникам, не шли ни в какое сравнение с красной профессурой.

Тяжелейшее наследие советской власти — федеративное устройство страны. Можно, конечно, сказать, что советская федерация и современная российская федерация — это, так сказать, вынужденный, единственно возможный политический компромисс, позволяющий мирно и на условиях взаимовыгодного сотрудничества русскому и нерусским народам жить в одной стране. С точки зрения официальной политической идеологии и требований политкорректности вроде бы все верно. Вместе с тем нельзя игнорировать очевидный факт: СССР распался по границам, искусственно начерченным советскими вождями. В итоге на исходе XX века русские оказались разделенным народом, права которых попираются в бывших национальных окраинах Российской империи. А речь идет о миллионах людей. Федеративное устройство современной России также вызывает большие сомнения. Разработчики Конституции РФ 1993 года, раздробив страну (моноэтническую по европейским стандартам: 80–85% русские) на многочисленные субъекты федерации, резко понизили уровень ее единства. Официально принятая концепция российского федера-

лизма позволяет вполне легально (на научном и политико-практическом уровнях) обсуждать тему децентрализации России, а между тем грань между децентрализацией и дезинтеграцией едва уловимая.

Таким образом, можно сделать вывод, что русские революции стали одновременно и причиной, и следствием патологии государственности России. В начале XX века был запущен процесс ее распада, который продолжается до настоящего времени. Попробуем рассмотреть данную проблему теоретически, без политической пропаганды и идеологических штампов.

Еще А.И. Герцен и П.Л. Лавров различали революцию социальную и политическую. Если первая заканчивается переустройством всего общества, то в результате второй коренным образом меняется власть. На первый взгляд разграничение удачное, но в данном случае остается неясным, как может радикально поменяться власть без изменения остальных институтов общества, ведь в обществе все взаимосвязано. Классики марксизма поставила вопрос более основательно, связав революцию с изменением формы собственности. Известные истории революции (буржуазные, социалистические, национально-освободительные) всегда сопровождалась перераспределением материальных благ. Это и понятно: всегда и везде власть была важнейшим инструментом организации хозяйства и распределения материальных благ. Материальное производство — основа физического выживания людей, а значит — основа общества и всех его институтов, включая государство. Поэтому невозможно себе представить политическую революцию как радикальную трансформацию власти без существенных изменений в остальных сферах жизни общества: в хозяйстве, культуре, сознании. В этом смысле марксистская модель «базис — надстройка» абсолютно верна, поскольку позволяет рассмотреть революцию как неотъемлемую часть общественного процесса. Революция — это не дворцовый переворот, ничего не меняющий в обществе, это радикальная смена власти, отражающая коренную ломку социальных институтов, ценностей и норм.

Марксистская школа дала детальный анализ механизма происхождения и функционирования государства. Ф. Энгельс показал,

как могло возникнуть государство из первобытной общины, К. Маркс и В.И. Ленин обосновали, как им казалось, механизм рождения государства из горнила революции. Все это идейное наследие не утратило ценности и в настоящее время, но на заднем плане осталась проблема распада государств. Точнее сказать, данный процесс представлен в историческом материализме схематично и бегло. Ход рассуждений здесь примерно такой: человечество развивается прогрессивно по направлению к коммунизму, смена общественно-экономических формаций влечет за собой смену форм государства; когда материальные условия жизни людей достигнут высочайшего уровня, классы и государство исчезнут. Государство уходящей формации гибнет потому, что на авансцену истории выходит новый, более прогрессивный класс, создающий новые институты власти. Данная схема представляет известный интерес для обоснования коммунистической идеи, но за ее рамками оказывается невыясненной проблема гибели конкретных национальных государств. Так, Римская империя исчезла, на ее месте образовались многочисленные варварские государства. С точки зрения логики марксизма здесь все закономерно: рабовладельческий строй сменяется на феодальный как более эффективный в экономическом отношении, за рабовладельческим государством следует феодальное. Но на вопрос, почему все-таки Римская империя, одна из самых могущественных в мировой истории, рухнула, ответить очень не просто. В гигантском массиве литературы, посвященной Риму, мы найдем указания на политические, экономические, религиозные и всякие другие причины, но все это — на уровне гипотез, полной ясности здесь нет.

В либеральных кругах часто можно услышать, что все империи рушатся, таков удел всех сверхмощных политических образований, построенных по преимуществу на насилии. Однако, как говорит второй закон термодинамики, энтропия, т.е. необратимый распад, присуща любым формам материи. Или, как утверждал Гераклит Тёмный, мироздание существует в виде двухтактной фазы: рождение и гибель. Не исчезает только материя, формы ее постоянно меняются. Гибнут не только империи, гибнут все политические тела, независимо от их приверженности праву или насилию.

Главное в государстве — не способ организации власти, не степень опоры на законы, а ее действенность, способность к выживанию и эффективному управлению страной. Государство — это организация людей, где первостепенную роль играют не материальные условия жизни или природная среда, а сознание и воля народа. Как писал русский консерватор и монархист И.Л. Солоневич, только та нация создает государство, которая имеет государственный инстинкт. Все нации, утверждает он, стремятся создать культуру, государственность, и, наконец, империю, и если они этого не делают, то не потому, что не хотят, а потому что не могут. Иначе говоря, государственное сознание — это данность, которая у народа либо есть, либо нет. Схожую мысль мы находим у Аристотеля и Гегеля. По Аристотелю, форма предшествует материи, форма первична и активна, материя вторична и пассивна. Люди (материя) организуются в государство потому, что в их сознании есть идея государства (форма). Обратный процесс невозможен: человеческие коллективы, у которых нет политического сознания, не способны к государственному строительству. Гегель, апеллируя к сознанию как подлинной основе государства, делит народы на исторические и неисторические. Первые — это те, которые создают государства и с их помощью определяют ход мировой истории, вторые — никак не проявляют себя в политическом отношении. Данный факт мировой истории философ также связывает со спецификой политического сознания. Русский гегельянец И.А. Ильин, развивая данный подход, свел сущность государства к правосознанию. Внешнее эмпирическое государство, рассуждал он, есть только одна из форм, один из способов существования правосознания. Государство в своей основе — это императивы сознания, организующие народ в политическое тело и требующие от граждан повиновения и дисциплины.

Феномен революции непосредственно связан с экономикой и политикой. Резкое ухудшение материального положения широких народных масс и неспособность власти управлять страной (Ленин: «верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому») делают революцию неизбежной. Но общенациональный кризис в экономике и политике — это только условия, в

которых оказывается страна. Эпицентр, откуда идут импульсы дезорганизации социальной жизни, — общественное сознание, именно здесь располагается спусковой крючок революционного хаоса. Психическая эпидемия всеобщего неподчинения ломает иерархию власти, рвет горизонтальные и вертикальные связи между органами управления. Самое опасное, что здесь может произойти, — разрушение стереотипов государственного сознания, после чего воссоздание государственной ткани может оказаться невозможным. Бунты были всегда и всегда будут. История государств — это история бунтов против власти и их подавления. Как верно заметил М.А. Рейснер, массы всегда в той или иной мере анархичны и потенциально таят в себе угрозу для государства. Весь вопрос в том, насколько сильны архетипы власти в том или ином народе. Практически вопрос стоит так: есть ли в обществе сила (класс, сословие, партия и т.п.), способная обуздать революционный хаос и привести массы в привычное для них состояние повиновения. Появляющаяся в ходе революции диктатура может свидетельствовать об инстинкте государственного самосохранения, еще живущего в народе.

Проблема насилия в эпоху революции — одна из центральных. Обычно революции изображаются как восстание народа против власти, как справедливый гнев народных масс против тирании. Однако механизм революции много сложнее. Государство вырастает из общества, но возникнув, противостоит ему как самостоятельная сила, как самостоятельный организм, имеющий собственные интересы и обладающий инстинктом самосохранения. Первичность общества, спонтанность, стихийность его существования и развития воспринимается властью (осознанно или неосознанно) как сфера неконтролируемой свободы, представляющей угрозу власти. Государство (правлящий класс, бюрократия) всегда воспринимает массы, подвластное население как угрозу своему господству — и относится к нему настороженно. В природе государства заложено применение насилия, в этом смысле государство, применяя насилие, следует своей природе. Проявление слабости со стороны государства вызывает в обществе презрение. Государство возникает как институт, призванный установить еди-

ный правопорядок и подчинить всех единой власти. Общество явно или неявно дает санкцию государству на насилие в отношении нарушителей правопорядка. В данном случае государство, борясь за свое господство внутри страны, реализует запрос общества на поддержание стабильности и порядка, ведь хаос и массовые беспорядки — угроза не только государству, но и обществу. Поэтому государство, подавляя восстания и беспорядки, предохраняет общество от разрушения.

Вместе с тем государство и общество — единая живая среда, где стихийность и естественность — основа их взаимоотношений. Да, есть законодательная регламентация жизни общества и государства, но главная основа их взаимоотношений — естественно сложившийся уклад жизни. Власть и исходящие от нее законы воспринимаются как нормальное следствие данного уклада — не больше. Если по тем или иным причинам уклад ломается, данная конкретная власть перестает восприниматься как нечто самоценное и самозаконное. Массы восстают против власти не только потому, что видят в ней источник своих бедствий, но также в силу того, что не усматривают в ней естественной связи с собой и своим укладом жизни. В данном контексте право народа на восстание или на сопротивление власти есть, конечно, фикция, мифологема, пустая фраза. Никаких ни юридических, ни естественных прав у народа бунтовать против своей власти нет и быть не может. Власть устанавливается не для того, чтобы против нее бунтовать или ее свергать. Начавшаяся революция говорит не о реализации народом права на восстание, а о стихийном процессе, подобном явлениям природы. Стихия революции демонстрирует не реализацию права на восстание, а всеобщую социальную дезорганизацию, слом привычных стандартов поведения, массовую дезориентацию власти и подвластных. Революция — это мутный поток общественного сознания, свидетельствующий о распаде государства. Возникнет или нет на месте старого государства новое, еще не известно, но патология государственного сознания налицо. И вот здесь наступает момент истины: если власть способна подавить мятеж, значит, он — чистая случайность, а власть в данном случае выполняет свою прямую обязанность. Если же бунт перерастает в

революцию, с которой власть справиться не в состоянии, налицо ее глубокая деградация. Такая власть заслуживает, чтобы ее свергли, а на ее месте сформировали новую, дееспособную власть.

К. Каутский, обосновывая идею мирной трансформации буржуазного государства в пролетарское, объяснял это тем, что современное государство, обладая огромной военной и полицейской силой, способно подавить любое восстание. Однако годы Первой мировой войны показали, что, казалось бы, могущественные империи и правительства Европы рушились как картонные домики. И причина того — не народные волнения (хотя они были), а разрушение самой власти. Государства разламывались не снизу, а по преимуществу сверху. Сама власть давала разлом, массы только довершали процесс гибели государства. Февральская революция 1917 года — событие из этого ряда. Русская монархия рухнула не под напором восставших масс, а вследствие обвала самой власти. Та же ситуация повторилась в 1991 году: советское государство распалось не потому, что его кто-то разрушил (внешние или внутренние враги), а в силу его внутреннего вырождения. Условия жизни и сознание народов СССР изменилось настолько, что центральные институты власти воспринимались как никому не нужная бутафория. Названные примеры подтверждают ту мысль, что революция обусловлена не внешними причинами (тяжелое экономическое положение, восстание масс), а дефицитом государственного сознания у правящего класса. Советский Союз выстоял в тяжелой войне против гитлеровской Германии, а в условиях мирного времени распался.

Революция — это болезнь, которая может закончиться либо выздоровлением, либо инвалидностью, либо гибелью государства. Революция может привести к краху не только конкретной формы государства, но даже государственности как формы политического бытия нации. Великая Французская революция, например, породила диктатуру Наполеона, а с ней — новую буржуазную Францию, подчинившую себе практически всю континентальную Европу. Именно воля Наполеона, его государственное сознание стала важнейшей причиной появления сильнейшего на тот момент европейского государства. Один из примеров этой воли — жесто-

чайшее подавление восстания парижских рабочих в октябре 1795 года. Наполеон первым в Европе применил в условиях города против восставших артиллерию, чем сильно потряс воображение современников. Методы его правления свидетельствовали, в частности, о появлении государства современного типа, государства, опиравшегося не на сословия (как в средневековье), а на армию, полицию и административный аппарат, и способного, опираясь на силу, подавить любой мятеж. Большевицкая диктатура, родившаяся в ходе революции и укрепшая в годы гражданской войны, также демонстрировала волю русского народа к воссозданию на обломках монархии сильного государства. Как верно отмечали евразийцы, большевики смогли использовать энергию народной стихии, установить порядок и сохранить российскую государственность. Евразийцы увидели в большевизме силу, которая оказалась способной найти подлинно национальные формы политического бытия русской нации. Однако довольно быстро (по историческим меркам) советское государство стало изживать себя, показав подлинный итог большевицкой революции. Американская революция, например, создала государство, которое с течением времени только усиливалось, а к настоящему времени осталось единственной сверхдержавой.

Связь между государством и революцией многоплановая, тысячи причин влияют на появление и распад государства, но определяющих, повторимся, две — сознание и воля. Государственный инстинкт — понятие почти метафорическое и слабо доказуемое, это, конечно, гипотеза, но гипотеза, отлично работающая. Видимо, прав Солоневич, утверждавший, что ослабление государственного инстинкта ведет к ослаблению государства. Чтобы государство состоялось, необходимы, во-первых, высокий уровень понимания ценности властных отношений, и, во-вторых, воля к жизни, определяемая биологической энергией нации. Ослабление пассионарности народа (если использовать идею Л.Н. Гумилева) есть ослабление его воли к жизни, а с ней — властных институтов. Связь здесь прямая. Если нация на подъеме, если ее воля к жизни бьет ключом, тогда революция — стихийный поиск аутентичной политической формы, естественный способ привести в соответствие

национальные архетипы и институты власти, сделав последние более жизнеспособными. В этом случае революция только укрепляет государство, делая государственному сознанию народа своего рода прививку против дезорганизации и хаоса. Если же нация демонстрирует пассионарный упадок, ее воля к жизни ослабевает, то революция может свидетельствовать о глубокой патологии национальной государственности и дефиците государственного сознания. Революция здесь представляет смертельную опасность для политического бытия нации, она может стать естественным могильщиком угасающей государственности. Данная схема весьма условна и не учитывает — как и всякая схема — всего многообразия жизни. Всемирная история учит, что один и тот же народ несколько раз за свою историю менял подъем на спад и спад на подъем. Поскольку в основе таких изменений лежат иррациональные силы, прогнозировать исторические спады и подъемы невозможно, но это совсем не значит, что нации не следует бороться за свою государственность.

Эволюционные и революционные механизмы социокультурных трансформаций

Понятия эволюция и революция характеризуют динамику системных объектов. Применительно к историческому движению социальных макросистем (цивилизаций, обществ, народов, стран, государств) они выражают его характер: поступательный, последовательный (для эволюции) и прерывистый, скачкообразный (для революции).

Первые признаки вступления цивилизаций в Новое время проявились в буржуазной революции в Англии XVII века. Уже это явление привлекло внимание формирующейся мысли сообразной наступающему Новому времени науки к осмыслению форм движение материи в ее социальном выражении. И, хотя схоластическое знание средневековья оставило после себя исчерпывающие характеристики форм движения, а им предшествовали еще эллинистические тексты стоиков и академиков об особенностях изменений и природе движения, для осмысления исторических процессов общественных трансформаций потребовалось оформление в систему представлений Ньютона о взаимодействиях космических тел.

Представления об эволюционных изменениях закрепились в гуманитарном знании гораздо позднее, уже благодаря применению в социальном анализе органического принципа Ч. Спенсером, внучатый племянник которого, Ч. Дарвин, весьма изящно, хотя и противоречиво применил динамические эффекты нарастающего разнообразия к явлению образования животных видов.

По семантическому содержанию эволюция соответствует движениям развертывания-прокатывания, в то время как революция по семантике ближе к понятиям обращение-превращение. В основании этих форм исторического движения, естественно, лежат противоречия, природа которых не сводима к семантическому со-

держанию. Но различия революции и эволюции задаются именно *способом осмысления* этих противоречий, отношением к *допустимости применения насилия в преобразовательской деятельности*, представлением о *сроках разрешения противоречия* (для революции преодоление должно быть осуществлено в кратчайшие сроки).

Революция как форма кризисного, «неплавного» движения стала предметом научного рассмотрения раньше, чем эволюция. Собственно, политическая, философская и, уже для среднего средневековья, публицистическая традиции анализа радикальной смены власти, полагавшего оценку необходимости и неизбежности радикальных изменений насильственными средствами в кратчайшие сроки, составляли «революционную методологию», которая предшествовала вызванной просвещенческим импульсом Нового времени тематике изучения закономерных эволюционных переходов с историческом существовании общественных макросистем.

При этом важно отметить, что в отличие от эволюционных трансформаций, революционное содержание исторического процесса задается наличием актуальных (значимых, возможно — критических) качеств (признаков, характеристик), которые придают процессу или явлению революционный характер *только при условии включения субъектных сил, осознанно, произвольно, целенаправленно использующих эти условия для направленного изменения социокультурных характеристик*, в первую очередь — политических качеств системы, выражающихся в государственном управлении. Данная конъюнктура наличия условий и присутствия субъектного начала может ориентироваться:

– **на изменения социальной структуры** («революция философов», соответственно платоновской идиоме «философа на троне»; «революция менеджеров», выражавшая представления западной интеллигенции о необходимости институционально и политически закрепить структурные изменения, вызванные сменой модели социальной организации в капиталистических обществах, преодолевших шок от знакомства с кризисом перепроизводства, который в США проходил под именем «великой депрессии», а в Европе был сглажен экономическим восстановлением после Пер-

вой мировой войны, наконец, составляющая социально-динамический стержень становления и распространения постмодерна революция интеллектуалов);

– **на улучшение качества потребления** в обществе (что происходило в осуществлявшемся после Второй мировой войны строительстве общества потребления в ведущих национальных (государственных) экономиках планеты);

– **на реформы культуры** (по направленности варьирующиеся от культурных революций, осуществляющих модернизацию укладов, в первую очередь сельских, до формирования необходимых личностных качеств — «активный строитель коммунизма», «носитель толерантности», «представитель среднего класса», «носитель адекватной идентичности», «активный потребитель» и пр.);

– **на перераспределение использования экономических ресурсов** — конечно, в соответствии с классической марксистской парадигмой революционных процессов.

Условия возникновения революционных процессов не всегда могут проявляться в виде открытых, кризисных противоречий, их «открытость» соответствует способу их общественного осознания переживания, а степень открытости определяет вовлеченность в управление революционной ситуацией официальных структур, государственных подразделений и организаций. Скрытые, латентные условия, инициирующие революционную ситуацию, рефлексированы в неспециализированных артефактах (литературные произведения, живопись, скульптура; особенное место занимает фольклор, но в его истинном качестве, а не в трансляциях массовой культуры, переводящих юмор в плоское смехачество).

Классификация этих инициирующих условий находится в полном соответствии с институциональной структурой общества и принимает следующий вид:

Экономика, включающая производство, финансовую сферу и торговлю (эти дифференциации характеризуют как реальный, так и виртуальный сектор экономики, разница лишь в том, что для последнего взаимодействия не подлежат строгой регламентации, свойственной для правовой регуляции промышленного и сельскохозяйственного производства: этот сектор включает не только

информационные услуги и компьютерные технологии, но и услуги в виде консультирования, или предоставления в качестве досуга культурных продуктов, от танцев, до организации и сопровождения мероприятий).

Экономическими иницирующими условиями являются дефицит или избыток, или несоответствие ресурсов в пределах указанных трех экономических сфер, причем системный характер экономических отношений и связей определяет то обстоятельство, что появления противоречий в одной из них обязательно проецируется и на другие. Финансовый дефицит душит производство, кризис в промышленности включает торговлю, в которой автоматически драматизируется соотношение импортной и отечественной продукции.

Политика, определяющая сферу управления, основанного на осуществлении властных функций, причем эти властные функции задаются официальными организациями, в первую очередь — государством (при тоталитарных режимах — государством исключительно). В политическом аспекте ведущей и главной силой, транслирующей общественную активность в политике, является правительство — формальная, официальная организация, осуществляющая главное свое целевое назначение — управление государством, в свою очередь, регулирующим всю полноту активности населения и граждан в пределах, обозначенных содержанием государственных компетенций и воспроизводимых в актуальной политической культуре.

Иницирующие политические условия всегда выражаются в качестве управления государством и в его оценках населением и гражданами. К ним относятся различные по степени выраженности формы оценок правительства, государственного правопорядка и государства в целом. Они варьируют от безусловного признания (в рамках которого возможна и сакрализация, как это было в Римской империи и в тоталитарных политических режимах в Азии, Африке и даже в Латинской Америке) — до открытого отрицания (соответствующего бунту). Весьма опасным иницирующим политическим условием оказывается безразличие в отношении к правительству, которое соответствует пассивной критике государства и его отрицанию.

Культура, включающая не только создание артефактов, но и их использование — потребление, причем и в сфере повседневности, и в сфере быта, в сфере досуга.

Для революционных преобразований ключевое значение приобретает участие в революционном процессе носителей харизматических качеств. Присутствие харизматического лидера не является необходимым условием осуществления революции, но участие в революционном движении харизматических личностей является и достаточным, и необходимым условием существования подлинно революционного движения. Кубинская революция была, по сути, революцией харизматиков, в то время как чилийская основывалась, кроме финансовой поддержки США, на харизме одного Пиночета, хотя ее было достаточно для мобилизации в военном перевороте вооруженных сил Чили.

Вожди, как основатели учений и пророки, в ризомных структурах современных полей социальной коммуникации, становятся персонажами ушедшей истории. Политические лидеры вновь создаваемых режимов оказываются креатурными фигурами зарубежного влияния (в первую очередь, влияния США, хотя и традиции международного конструирования Великобритании никак нельзя списывать со счетов), и при ослаблении поддержки извне неспособны справиться с миссией «назначенных вождей». Но обезличивание процессов социокультурных трансформаций, даже в условиях доказываемого снижения влияния авторитетов, невозможно и недопустимо.

Роль лидера в революции поддерживается двумя опорами:

– имеющимся в его распоряжении организационным потенциалом (который, как бы этого ни хотелось инициаторам преобразований, невозможно получить за финансовые вливания; конечно, на вносимые средства можно развернуть организацию, даже партийную, но без постоянного, а при этом еще и возрастающего, финансового подогрева она будет оставаться недостаточно эффективной, примером чему служат непрерывно реформируемые государственные органы Украины);

– наличием собственной харизмы, или же достаточно сильной харизмы сподвижников, которые в глазах массы должны обязательно восприниматься как сила, осуществляющая намерения лидера.

В условиях современной России формирование и накопление требуемого организационного потенциала невозможно по причине того, что в советский период выработалась единственно возможная в сложившихся условиях *этактическая* модель партийного строительства, и вне государственной поддержки становление партии оказывается невозможным. Масштабы хаоса, порожденного возникновением и развитием революционной ситуации в соответствии с *этактической* природой накопления партийного организационного ресурса, вполне могут быть регулируемы имеющимися в распоряжении государственного управления средствами.

Препятствием контроля масштабов хаоса и революционных разрушений может выступать только рассогласование работы государственного механизма, в частности — осложнения функционирования силовых министерств и связанных с ними организаций (ФСБ, МВД, ГУИН, и в известном смысле — МЧС). Однако, как минимум, за последние два года активизация внутреннего контроля, распространение деятельности служб внутреннего расследования привели к снижению коррумпированности в этих структурах, что дает надежду на воспроизводство и сохранение механизмов государственного контроля негативных эффектов революционных процессов.

Стремление к минимизации или же к полному уничтожению негативных эффектов революционных процессов проявлялось уже в периоды ранней истории, когда были осознаны и угрозы насильственных изменений, и возможного уничтожения возникающих политических институтов.

В конце XX века распространилось движение, опиравшееся на методологию «устойчивого развития», имевшее характер международной научно-исследовательской и глобально-практической программы. Хотя наша страна и принимала деятельное участие в этой программе, ощутимых результатов это направление не принесло (если не считать некоторые методологические модели создания и использования страховых фондов).

Накопленные человечеством возможности мирного разрешения противоречий развития ограничиваются, а зачастую (как это было в Непале, в Бирме) и растворяются и поглощаются социокультур-

ными технологиями в сфере социальных коммуникаций и микро-экономических проектов, технологиями, ориентированными на обострение противоречий и переход к открытому, опирающемуся даже на оружие, противостоянию. Но влияние на революционные процессы и купирование их разрушающих эффектов — ни в коем случае не утопия.

Использование как средств государственной регуляции (хотя бы введение новых форм законов, которое должно предупреждать всплески общественного недовольства, или даже использование вооруженных сил, которое в кровавом 1994 году в Москве все-таки не позволило революционной ситуации перерасти в гражданскую войну), так и фонового плана социокультурных воздействий, позволяют если не полностью купировать, то контролировать и ограничивать негативные результаты революционных разрушений и девиаций.

Нельзя только забывать о том, что предел контролю задается эффективным состоянием государственного аппарата и позитивным значением фона социокультурных воздействий. А качество этого фона, хотя он и складывается разрозненными акторами коммуникативного поля, заявляющими о себе как в пространстве массмедиа, так и в плоскости повседневной коммуникации, обуславливается в первую очередь наличием переживаемой общественной перспективы. Именно ее положительное или отрицательное значение и определяет модальность устойчивого общественного настроения, которое транслируется через фон социокультурных воздействий и взаимодействий.

В завершение необходимо отметить, что в современном поле социокультурных взаимодействий в результате технологических нововведений и процессов трансформации регуляторов (правовых, интеракционных и ситуационных) культуры происходит смена выражения, сил и средств осуществления революционных переходов.

Огромное влияние здесь исходит от смены характера социокультурных взаимодействий, которая проявляется в искажениях коммуникационного поля. Противоречия, выражающие иницирующие революционные ситуации условия, все чаще проявляются здесь в информационно-конфликтных формах. И войны компро-

матов здесь все чаще обращаются в битвы *фейков*, т.е. замещающая функция искаженных, а чаще — откровенно лживых материалов уводит содержание в вымышленную, искусственно созданную лживую реальность.

Также существенно изменение в современном коммуникационном поле позиции критика. Исторически накопленные формы и стили выражения критической, в широком смысле — оценочной — позиции остались прежними, даже ужались в своем разнообразии под неослабевающим напором расширяющегося информационного потока. Но распространяется прием включения критика в текст — либо как участника возможного диалога (эта форма была освоена уже в среднем эллинизме и в византийских теологических источниках, выполнявшихся в форме гомилетики), либо методом выведения некоторой надзирающей инстанции, перед которой надо отчитываться или оправдываться. Все это в совокупности приводит к субстанциализации позиции критика, который в таких превращенных формах выполняет функции оруэлловского «старшего брата».

Социально-философская концепция К. Маркса и теория социальной революции¹

После событий августа 1991 года и распада СССР марксизм потерял статус официально признанной философской доктрины, непреложная истинность которой санкционировалась государством, а приобщение к ней (хотя бы на уровне самого поверхностного ознакомления с основными постулатами) было если не обязательным, то настоятельно рекомендуемым для всех граждан Советского Союза. Эти установления закономерно привели к тому, что в таком виде марксизм, по сути, утратил характер философско-социологической концепции, на уровне массового сознания превратившись в государственную идеологию. Подобное положение вещей не могло не сказаться и на качестве профессиональных исследований, хотя нельзя не признать, что вопреки официальным (сильно огрубленным и искаженным) трактовкам «марксистско-ленинского учения» время от времени создавались и обсуждались в академическом сообществе работы творческие и весьма высокого уровня.

Как и следовало ожидать, утрата статуса государственной идеологии породила поток скоропалительных «опровержений» учения Маркса (правильнее было бы назвать их ниспровержениями). Как в специальных философских и научных, так и в особенности в массовых изданиях появилось большое количество публикаций, авторы которых «доказывали» несостоятельность ключевых положений марксизма, — с тем же пафосом, с каким ранее многие из них утверждали, что наследие Маркса являет собой непревзойденную вершину человеческой мысли.

Следует, однако, заметить, что наряду с такого рода легковесной и безответственной публицистикой появлялись работы, по-

---

¹ Статья написана при поддержке фонда РФФИ (РГНФ), проект № 15–03–00868 «Российское общество и государство в их становлении и эволюции: этно-религиозные, культурно-исторические и коммуникативные контексты».

священные seriously к критическому осмыслению наследия Маркса — как в плане анализа философских основ его концепции человека, общества и истории, так и с целью выяснения пригодности ее ключевых положений для исследования современной фазы развития человечества. В этом плане для отечественных исследователей большую роль играла открывшаяся, наконец, возможность непредвзятого сопоставления марксизма с другими теориями социальной организации и общественного развития, созданными такими крупными мыслителями, как, например, А. де Токвиль, М. Вебер, П.А. Сорокин, А.-Дж. Тойнби.

Дискуссиям о роли Маркса в развитии мировой философской и социальной мысли и современном значении его наследия был специально посвящен ряд международных и общероссийских конференций, прошедших за последние годы в России, в том числе в Институте философии РАН и МГУ имени М.В. Ломоносова. Эта проблематика также неизменно присутствует в программах ряда прошедших за истекшее десятилетие общероссийских философских конгрессов. За последние годы опубликованы работы тех исследователей, которые исходят из признания величайшего вклада, сделанного Марксом в развитие социально-исторических знаний, и отстаивают тезис о далеко не исчерпанных эвристических возможностях созданной им концепции.

В центре внимания остаются предложенные Марксом решения ключевых проблем социальной философии: понимание **человека как социально-деятельного существа**, своим трудом создающего необходимые ему жизненные средства, положение о **необходимом характере связей**, существующих между **структурой производительных сил и формами производственных отношений**, а также между **экономическим базисом общества и его политико-юридической надстройкой**, представление о **природе государства** как института, призванного обеспечить политические интересы экономически господствующего класса, а также утверждение о **борьбе классов как основной движущей силе истории**.

Опираясь на идеи Маркса, ряд отечественных авторов (В.С. Степин, Ю.И. Семенов и др.) предпринимают исследования ряда актуальных проблем современности. Среди них — динамика ми-

рового рынка и отношения между высокоразвитыми капиталистическими странами и странами т.н. «периферийного капитализма», изменения в социальном положении основных общественных классов, обусловленные научно-технической и информационной революцией, место и роль государства в управлении экономическими процессами, возможности применения принципа планомерности в общественном производстве на базе высоких технологий, анализ основных особенностей интенсивно идущих процессов глобализации.

Большое внимание неизменно привлекает перманентно возобновляемая дискуссия, посвященная общим **проблемам философии истории и предложенному Марксом методу типологического анализа исторической эволюции человечества**. Активно обсуждается состоятельность и полнота **теории общественно-экономических формаций**, предлагаемых ею объяснений возникновения и смены в процессе исторического развития различных форм социальной организации. Много работ посвящено проблемам **особенностей классово-вой борьбы в условиях постиндустриального общества**.

Как уже сказано, в большом числе публикаций акцентируется внимание на проблеме применимости фундаментальных идей Маркса в анализе современности. Среди прочего обсуждается вопрос о состоятельности прогноза о неизбежности пролетарской революции и замещении буржуазного общества обществом более высокого типа — социалистическим. В этом плане события истории XX века исследуются с позиций разработанных Марксом принципов общей теории социального изменения.

Эти исследования позволяют увидеть, что проблемы гармонизации социальной структуры общества, преодоления значительно-го имущественного, и шире — социокультурного неравенства, обеспечения стабильной занятости и эффективной социальной поддержки нуждающихся в ней индивидов и групп — по-прежнему остаются наиболее актуальными вопросами социального знания. Настоятельная необходимость решения этих проблем делает философское и теоретическое наследие Маркса высоко востребованным, ибо ключ к решению многих из них не может быть найден без обращения к его идеям.

Сказанное, однако, не означает, что концепция Маркса должна непременно рассматриваться в полном своем объеме как неопровержимо-истинная. Вынося за скобки соображения идеологического порядка, разработанную Марксом «научно-исследовательскую программу» вполне можно подвергнуть критическому анализу — ровно так же, как и любую другую философскую и/или научную концепцию. Применяя предложенную И. Лакатосом формальную модель, можно видеть, что «центральное ядро» марксовской концепции включает ряд ключевых положений. В качестве исходного служит определение сущности человека как родового существа, поддерживающего (воспроизводящего) свою жизнь посредством общественноорганизованной производительной деятельности. Заметим, что в современном понимании производительная деятельность человека, наряду с поведением живых организмов, относится к особому классу процессов, способных к активному самоподдержанию за счет информационно-направленного взаимодействия с внешней средой. Общим условием протекания таких процессов является адаптация организмов к внешним условиям, однако деятельность в этом плане имеет качественное отличие, будучи процессом «адаптивно-адаптирующим». Эффект самоподдержания достигается в этом случае путем активной целенаправленной переработки компонентов среды обитания.

Эти общие положения находят свое развитие в разработанной Марксом модели «всеобщего производства». С ее помощью выявляются необходимые связи и зависимости, возникающие в процессе перманентно возобновляемой жизнедеятельности «человека общественного». В своих исторически-конкретных формах эти связи служат структурообразующим основанием организованного человеческого сообщества¹.

Согласно методу Маркса, наблюдаемая в истории человечества смена форм социальной организации, а также и отвечающих им типов духовной культуры, в последнем счете обуславливается изменениями в способе производительного взаимодействия челове-

---

¹ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. Введение // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. М., 1968.

ка со средой. Динамизирующим фактором здесь служит развитие технико-технологической вооруженности труда, что со временем приводит к изменениям в структуре его распределения между субъектами. Нарастающая специализация и углубление разделения труда преобразует формы и способы организации обмена его результатами — первоначальная прямая кооперация на базе коллективной собственности на средства производства со временем уступает ведущую роль товарообмену, предполагающему обособление частных собственников-распорядителей ресурсов.

В совокупности названные положения служат в качестве «объяснительного принципа» социально-философской концепции марксизма. Краткости ради их нередко характеризуют как «экономический детерминизм». Для правильного понимания важно иметь в виду, что этот принцип адекватен на предельных уровнях абстракции — т.е. для исследования истории человечества в ее целом. Такой масштаб позволяет зафиксировать закономерности, срабатывающие на очень больших интервалах времени и массивах событий; для осмысления истории отдельно взятых социальных образований необходимо использовать «правила интерпретации», позволяющие перейти от всеобщих положений к более специальным, учитывающим своеобразие исторически-конкретного.

В этой связи стоит заметить, что ошибки и искажения, встречающиеся во многих работах, посвященных критике концепции Маркса, издавна связаны с неверной, противоречащей ее общей логике трактовкой тезиса об экономической обусловленности жизнедеятельности людей. Дело в том, что вопреки распространенному словоупотреблению, никакой специальной «экономической деятельности» (что предполагает существование иных, «не экономических» ее разновидностей), строго говоря, не существует. Это утверждение *доказывается* принципиальной обмениваемостью результатов всех без исключения видов труда — включая и «живой труд», «услуги». Несложно показать, что обмен — в различных его организационных формах — наличествует в социальных организмах всех веков, будучи необходимым внутренним моментом воспроизводственных процессов, идущих во всех сферах жизни общества. Отсюда, в частности, следует, что аргументы

оппонентов «экономического детерминизма», как правило, сводимые к тезису о разнообразии наблюдаемых в истории культур, бьют мимо цели. Главный довод здесь тот, что столь значительное культурное разнообразие не допускает применения единого для всех метода исследования; в ряде случаев утверждается также, что культура прежде всего самоценна, а человеческие устремления далеко не всегда сводимы к «экономике».

Так, например, если в эмпирическом наблюдении или посредством изучения источников установлено, что людям такой-то конкретной культуры чуждо стремление к максимизации объемов производства и у них отсутствует навык рационального исчисления затрат и прибылей, то «экономическая деятельность» якобы теряет свое решающее значение, уступая доминирующую роль иным, иначе мотивированным усилиям, например, религиозным или политическим¹.

Подобные утверждения построены на логической ошибке смешения общего и особенного, когда «экономика вообще» — т.е. присущая любому обществу системная совокупность связывающих индивидов отношений распределения и обмена, — отождествляется лишь с одной из ее исторических форм (модификаций), а именно с экономикой товарного производства. Однако отсутствие систематического *товарообмена* не означает отсутствие обмена как такового; повторим еще раз, что последний в той или иной форме всегда необходимо присутствует в производительной деятельности людей, будучи формой связи обособленных производителей. Сказанное справедливо также и для обществ первобытнообщинного типа, где, как уже отмечалось, обмен по преимуществу существует в форме прямой кооперации труда индивидов, объединяющих усилия для создания необходимого фон-

---

¹ См., в частности: *Арон Р.* Основные этапы развития социологической мысли. М., 1993 («Карл Маркс» — С. 152–225). Близкие идеи отстаивает П.А. Сорокин — в его концепции общество организуется на началах, диктуемых одним из трех логически возможных типов духовной культуры — «идеациональной», «идеалистической» или «сенсатной» («чувственной»). Согласно Сорокину, преобладание «экономических» мотивов свойственно лишь культурам этого последнего типа. — См.: *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000 (Ч. 5. — Типы и флуктуация систем социальных отношений).

да потребления. По мере развития технологий и углубления специализации труда продуктообмен становится важнейшим компонентом интеграции людей в единое общество.

Используя понятийный аппарат социального знания XX века, можно сказать, что, согласно марксизму главным фактором, определяющим ход и исход долгосрочных социокультурных изменений в общем течении истории человечества, является соотношение затраченных ресурсов и полученных результатов (по формуле В.В. Леонтьева «затраты — выпуск»). Конкретные параметры этого соотношения обуславливаются технологической вооруженностью труда и способом организации взаимодействия исполнителей типовых социальных ролей.

В опоре на эти общие принципы в марксизме разрабатывались решения более специальных проблем; сообразно модели И. Лакатоса, они входят в отдельные сегменты т.н. «защитного пояса исследовательской программы». В данном случае нас интересует вопрос о движущих силах и механизмах смены форм социальной организации. Рассматривая историю человечества в целом как прогрессивный процесс, К. Маркс выделял в ней особые эпохи «социальной революции», когда совершался переход общества в следующую фазу развития. Согласно его теории, основной движущей силой этих преобразований в классово-антагонистическом обществе была классовая борьба.

Это положение, в свою очередь, основывалось на признании непреодолимого антагонизма интересов двух основных классов — класса собственников средств производства и класса не имеющих таковых непосредственных производителей. Постоянно возобновляемые противоречия между ними разрешались в конечном итоге через революционную смену способа производства.

Наиболее наглядным примером такого перехода была трансформация феодального общества в буржуазное. Общая теория этого преобразования была разработана Марксом в «Капитале» и примыкающих к нему работах. Важными источниками являются также тексты, объединенные под названием «Экономические рукописи 1857–1859 гг.» — своего рода черновые разработки к «Капиталу», и особенно «Критика Готской программы».

Однако в этой теории бинарная схема борьбы основных классов дополнялась еще двумя элементами — классу феодальных собственников противостояли не только массы эксплуатируемых крестьян, но и нарождавшийся под воздействием растущей специализации труда класс промышленных пролетариев, и возникающий в силу тех же причин класс новых собственников-предпринимателей — торговцев, банкиров, мануфактуристов и фабрикантов. Не углубляясь в более детальное рассмотрение этой исторической ситуации, подчеркнем, что в этих условиях действительно непримиримым, антагонистическим, был конфликт между двумя группами собственников — прежними феодальными «господами земли» и идущими им на смену «бюргерами» — буржуа. Резко выросшие объемы товарообмена, опосредованного денежными потоками, обусловили замену прямого распределения ресурсов и эксплуатацию зависимого труда постепенно формирующимися на рынке отношениями эмансипированных товаровладельцев. В сложившихся обстоятельствах роль организаторов производства переходит к классу частных собственников, выступающих в качестве работодателей. Поскольку в силу ролевой специализации эти последние и наемный персонал нуждались друг в друге, обе группы — при несомненно конфликтном взаимодействии — вынуждены были искать баланс интересов, пусть даже асимметричный. А вот борьба между феодалами и буржуа, притязающими на исполнение одной и той же социальной роли, действительно могла завершиться лишь с устранением одной из сторон. (Нелишнее заметить, что речь здесь идет об исчезновении класса, особым образом эту свою роль исполнявшего, но никак не об обязательном физическом уничтожении людей, этот класс образующих.)

Теперь посмотрим, насколько применима логика этой теории для обоснования сделанного Марксом прогноза замещения отживающего свое капиталистического способа производства новым, более эффективным. Главным классовым интересом пролетариата при капитализме провозглашалось уничтожение буржуазного общественного строя — поэтому пролетариат считался основным революционным классом. Его революционная миссия обуславливалась положением класса — антагониста буржуазии. Общественно-экономическим содержанием этого революционного переворо-

та Маркс считал *преодоление* частной собственности, и, как следствие, исчезновение классов и преобразование общества в систему свободных самоуправляемых коммун. Согласно теории, такой переход должен был совершиться в результате социалистической революции, на первом этапе передающей политическую власть и контроль за средствами производства в руки пролетариата. Тем самым к нему переходила роль правящего класса-организатора общественного производства. Представляющая его интересы политическая партия, экспроприруя буржуазию, вместе с государственной властью получала статус распорядителя всех ресурсов и всех видов работ в обществе, превратившемся теперь в единое предприятие. Однако неизбежен вопрос — каким в этой постреволюционной системе окажется положение непосредственных производителей? Ведь с ликвидацией частной собственности и рыночных отношений эта группа никуда не исчезала, она лишь теряла статус наемных работников, продающих рабочую силу на рынке труда. Но поскольку собственником всех предприятий теперь становилось государство, все прочие работники оказывались в зависимости от него как единственного работодателя, предписывающего номенклатуру, объемы и сроки производства, а также порядок обмена произведенной продукции. Причем в отсутствие свободного рынка производство, распределение, обмен и потребление не могли регулироваться законом объективно складывающихся стоимостных пропорций, а должны были подчиняться произвольным по существу усмотрениям и расчетам управляющих инстанций.

В этом, собственно, и заключается главный вопрос социалистической революции. Вопреки Ленину, это отнюдь не вопрос о власти, а о том, что неизмеримо важнее — об объективных предпосылках и условиях ее *действительного* совершения. Согласно логике метода Маркса, для изживания частной собственности одной лишь силовой экспроприации собственников совершенно недостаточно. Действительное ее преодоление становится *возможным* только тогда, когда развитие производительных сил приводит к качественному выравниванию всех видов общественного труда. Лишь при этом условии отпадает *необходимость* осуществления

продуктообмена в форме обмена товарами — через калькуляцию затрат и перманентное балансирование стоимостных эквивалентов. Соответственно, частная собственность на средства и результаты производительного труда, или, иначе, *частный капитал как форма организации общественного производства*, действительно становится бесполезным и ненужным.

Но вот если в силу наличного положения вещей к моменту совершения т.н. «пролетарской революции» неравенство видов труда сохраняется, то общество в своем новом качестве будет все же вынуждено регулировать производство и обмен его продуктами с учетом этих различий. И поскольку принудительная ликвидация института индивидуальной частной собственности делает свободный товарообмен невозможным, эта регуляция неизбежно будет осуществляться посредством распределения всякого рода квот, осуществляемого управляющим центром. Но тем самым сохраняется и частная собственность, поскольку она является *необходимой предпосылкой* осуществления централизованного распределения. Изменяется только *форма* этой частной собственности — теперь это *государственная частная собственность*. Частная потому, что государство-собственник противостоит здесь лишенным собственности непосредственным производителям. Итогом такого рода революции вместо чаемого обобществления производства становится его огосударствление — как говорится, почувствуйте разницу! Вместо прогрессивного преодоления отжившей свое, неэффективной частной собственности совершилось лишь замещение одной ее формы на другую — со всеми необходимо вытекающими из такого преобразования последствиями. Ведь согласно все той же логике теории Маркса, всеобщая национализация средств производства сама по себе не только не обеспечивает «освобождения труда», а, напротив, превращая государство в верховного собственника и монопольного распорядителя ресурсов и работодателя, влечет многократный рост эксплуатации оказавшихся от него в полной зависимости непосредственных производителей¹.

---

¹ См. об этом: Этнос, нация, ценности. Социально-философские исследования / Науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. М., 2015.

Это утверждение наглядно иллюстрируется известным по опыту СССР резким ростом объемов изымаемой у непосредственных производителей (особенно у «колхозного» крестьянства) прибавочной стоимости. И сколько бы пришедшие к власти большевики ни называли себя «партией рабочего класса», созданный ими общественный строй — «социалистическим», а государство — «государством трудящихся», действительного содержания сложившейся в СССР к 1927–1930 годам *системы отношений и обусловленных ею практик* это не отменяет.

Созданное усилиями партии большевиков советское общество, по сути, принадлежало тому же типу социально-экономической организации, что на заре цивилизации сформировался сначала в древних земледельческих обществах Месопотамии и Северной Африки, а спустя столетия и совершенно независимым образом — по другую сторону океана, в государствах Мезоамерики. «Ядром», или образующим принципом этой системы был институт единой власти-собственности, объединяющий в руках верховной администрации властные функции, а также распорядительные и контрольные полномочия в распределении и использовании основных ресурсов жизнеобеспечения. Уже одного только указания на такое неоспоримое типологическое сходство достаточно, чтобы посеять сомнения в достоверности утверждения о советской системе как новой, исторически-прогрессивной ступени общественного развития, «отрицающей» отжившую свое буржуазную его стадию¹. «Отрицание», несомненно, состоялось, вот только вектор исторического движения, вопреки убеждению приверженцев идеи неуклонного восхождения человечества по ступеням прогресса, оказался в этом случае обращенным назад, к самой архаичной форме классового общества.

В этом плане особенно ценно не раз приводившееся в литературе соображение о том, что благодаря традиционным особенно-

---

¹ Не случайно попытки обсудить особенности того общественного строя, который, согласно типологии Маркса, произрастал из «азиатской формы собственности», в советское время принудительно сворачивались. Подробнее см.: *Семанов Ю.И.* Политарный (азиатский) способ производства: сущность и место в истории человечества. М., 2008.

стям социальной организации в России нет и не может быть ни «левых», ни «правых», а были и есть только «верхние» и «нижние». Во имя изживания привычных иллюзий стоит этот довод усилить, сказав, что и «коммунисты» у нас никакими «левыми» не были — во всяком случае, с момента захвата власти. Силою вещей вчерашние революционеры вопреки собственным благим намерениям оказались вынужденными заменить собой прежнюю бюрократию. Под маской «пролетарской партии» партийно-государственная номенклатура стала тем, чем только и могла стать в этих условиях, то есть новой модификацией «верхних». Понятно, что подлинная их идеология соответствовала этому положению вещей; таковой она остается и по сию пору — «левизны» там не может быть по определению.

Достаточно очевидно, что вопреки всем заклинаниям и отсылкам к текстам Маркса идеологическое обеспечение *политической практики* ВКП(б) / КПСС прямо противоречило логике его учения. Всевластие и произвол партийной номенклатуры, легитимизируемые при посредстве фиговых листков «общенародной собственности» и «планового хозяйства», как раз и стали реальностью советской эпохи. Примечательно, что о таком исходе как раз и предупреждали авторитетные мыслители-марксисты — К. Каутский и Р. Люксембург, говоря о недостаточности «революционных стремлений» и попытках радикально, одним махом разрешить проблемы и противоречия буржуазного общества в забвении объективных законов социальной организации. И сам Ленин, и в особенности его преемники, не пожелали принять во внимание ряд ключевых положений марксистской теории, на практике подтвердив, что называется, «от обратного», их справедливость и обоснованность. В плане методологии это был тот самый случай, когда «отрицательный результат» со всей очевидностью подтвердил справедливость основных положений теории.

Увы, в исторической действительности теоретическая несостоятельность большевистских вождей обернулась трагедией десятков, а то и сотен миллионов людей. Альфой и омегой советской системы стала тотальная зависимость рядовых граждан от чинов государственного аппарата — не только «верховных вождей», но и

«руководителей на местах», гордо именовавших себя «рядовыми бойцами партии». Как раз от этих последних — поскольку именно они «распределяли», «выделяли» и «решали вопросы» — весьма существенно зависела повседневная жизнь народных масс. Вряд ли можно оспорить, что, хотя правящая группа именовалась «коммунистической партией», сути дела это не меняло ни в малейшей степени, — чиновник — он и есть чиновник, какой бы партбилет ни носил в кармане. На обложке билета можно изобразить серп и молот, а можно и державного орла — привилегия присвоения и последующего самовластного распределения статусной ренты сохраняется в любом таком случае. Рабочие и крестьяне очень дорого заплатили за свое безосновательное доверие к партии, которая привлекла их на свою сторону, пообещав отобрать землю и промышленные предприятия у частных хозяев, но забыв при этом сказать, что главной ее целью было оставить все отобранное за собой. К величайшему сожалению, в эту мышеловку и по сей день по-прежнему склонны забираться еще очень многие люди, остающиеся верными иллюзии получения бесплатного сыра. Простая экономическая истина — все, что потребляется человеком, производится с затратой труда и ресурсов, эти затраты требуют возмещения, а потому ничто и никогда не бывает бесплатным, — на протяжении всей истории советского общества оставалась (и, увы, по-прежнему остается) не воспринимаемой очень большим числом наших сограждан.

В заключение замечу, что в определенном отношении советская модель, конечно же, существенно отличалась от земледельческих обществ азиатского типа — новая форма деспотии сопрягалась с машинной индустрией и неизмеримо более разветвленной и сложной структурой отношений между глубоко специализированными производителями. Разумеется, это очень значимое отличие — но в том-то и дело, что имманентно присущая политарным структурам гиперцентрализация управления и порождаемое ею стремление подчинить всю жизнедеятельность общества тотальному контролю верховной власти противоречили достигнутому уровню сложности социальной организации. Перманентно меняющие свой характер зависимости между функциональными модулями

социальной системы не укладывались в прокрустово ложе административно-командной системы управления.

Осмысленная с позиций марксистской концепции, история советского общества очевидным образом продемонстрировала справедливость закона необходимого соответствия уровня развития производительных сил и формы производственных отношений — но только в негативном смысле, поскольку должного соответствия в этой системе как раз и не наблюдалось. Парадоксальным, но совершенно закономерным образом, общество, претендовавшее на замещение спонтанных изменений планомерным развитием, в силу указанных причин существенно потеряло как раз в управляемости. Но если сложная организация с большим числом переменных и быстрой сменой «управляющих параметров» была присуща уже индустриальному обществу, то что же говорить об обществе постиндустриальном, информационном, где постоянно возникают новые и отмирают старые элементы, а вослед этим изменениям перманентно перестраивается структурная композиция. В этих условиях дальнейшие попытки сохранить систему управления, построенную на принципах жесткой пирамидальной иерархии (то есть на пресловутой «вертикали власти»), неизбежно существенно ограничат, а то и вовсе заблокируют свободное формирование пластичных сетевых связей. Тем самым такие попытки следует расценивать как заведомо контрпродуктивные, влекущие избыточную растрату ресурсов и потерю темпов развития.

Историко-публицистические заметки философа об уроках социальных революций¹

Революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс... Чего бы она ни добивалась, достигается это чудовищной и непропорциональной великой ценой.

П.А. СОРОКИН. «Социология революции» (1923)

1. Что такое «социальная революция»?

Размышляя, например, над событиями 1917 года в России или конца 1780-х годов во Франции, мы не можем не задаваться вопросом, почему они (эти события) были названы «революцией» или даже «великой революцией». И вообще что такое «социальная революция», чем она отличается от «бунта», «государственного переворота», «восстания»? Важно разобраться с этим вопросом с научной точки зрения, поскольку понятие «революция» уже давно вошло в обиход обыденной речи. Произнося это слово, мы подразумеваем, как правило, довольно широкий круг явлений, относящихся к чему-то из ряда вон выходящего, какие-то крутые общественные ломки, кардинальные изменения обыденной жизни и т.п. В науке это понятие, разумеется, имеет более строгое и конкретное содержание.

Первоначально в науке понятие «революция» (от позднелат. *revolutio* — поворот, переворот, превращение, обращение) стало употребляться применительно к явлениям в природе. В этой связи

---

¹ В этих заметках автор пытается найти для себя ответы на вопросы, которые волнуют его очень давно, еще со времен армейских политинформаций и занятий по истории КПСС на первом курсе философского факультета МГУ, т.е. уже на протяжении почти пятидесяти лет.

чаще всего вспоминают книгу Николая Коперника «О вращении небесных тел» (1543)¹. Потом понятие «революция» стало употребляться и в истории, философии, и в других общественных науках. Долго это понятие относилось к широкому кругу общественных явлений, связанных с быстрыми и радикальными переменами в общественной жизни.

Более четкое и определенное содержание термин «революция» получает в формационной теории Маркса и Энгельса («Немецкая идеология», 1846), по которой переход от одной общественно-экономической формации к другой не может происходить эволюционным путем, он обязательно и закономерно осуществляется только в виде революции, социального взрыва, радикального и насильственного изменения условий жизни, когда далеко ушедшие в своем развитии производительные силы на определенном этапе резко взрывают, как оковы, свою оболочку — устаревшие производственные отношения. Таким образом, революция — это необходимый и закономерный этап социальной динамики, обязательный «перерыв постепенности», «скачок», обеспечивающий переход общества на новый, более прогрессивный уровень развития. Изменения эти происходят не сами собой, их делают люди, народные массы, которых организуют и направляют вожди, партии. Хотя революции — всегда спонтанный и стихийный процесс.

Оставим пока в стороне вопрос о неизбежности революций как формы переходных процессов в социальной динамике. Отметим только пока, что вопрос о соотношении необходимости и случайности в революционном, как и вообще — в общественном процессе остается одним из самых сложных и мало разработанных в философии и социальных науках.

Посмотрим на реальную природу социальных революций в истории, и прежде всего, на природу революции 1917 года в России, которую, несомненно, можно назвать «великой» хотя бы по тем «великим» последствиям, которые она вызвала как в России, так и во всем мире.

---

¹ В латинском оригинале: «*De revolutionibus orbium coelestium*».

2. Гражданская война и тотальная диктатура — двуглавый дракон социальной революции (русский исторический контекст)

Даже самый беглый анализ революционных событий столетней давности приводит нас к выводу, что русская революция породила два социальных бедствия («двуглавого дракона русской революции»): *гражданскую войну и тотальную диктатуру*.

Гражданская война. Любая революция — это гражданская война, т.е. вооруженное столкновение между двумя частями одного и того же народа. Можно сказать, что в России, как в других странах, такая гражданская война шла всегда. Но это были войны локальные, кратковременные, воспринимавшиеся большинством общества как аномальные явления.

К концу 1917 — началу 1918 года в стране была развернута уже тотальная гражданская война, в которую на гигантских просторах бывшей Российской империи были втянуты многие миллионы русских людей. Конечно, для такой войны должен был быть какой-то мощный импульсатор. И этим импульсатором, двигателем стала большевистская партия. Начиная с аморального лозунга «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую», выдвинутого лидерами большевиков в первые годы Мировой войны, т.е. как раз тогда, когда на полях сражений гибли миллионы русских людей, и кончая полемикой на Учредительном собрании между лидером эсеров Черновым и представителем большевиков Бухариным, большевики сознательно и упорно шли на развязывание гражданской войны, в которой они видели самое эффективное средство для достижения своих политических целей.

Приведем два главных тезиса этой полемики:

В. Чернов: «Учредительное собрание представляет собой самое живое единство всех народов России и потому уже фактом открытия первого заседания Учредительного собрания, уже самим фактом этого открытия провозглашается конец гражданской войне между народами, населяющими Россию»¹. На что *Н. Бу-*

---

¹ Учредительное собрание. Россия. 1918 г. М., 1991. С. 77.

харин ответил: «Мы полагаем, что вопрос о власти партии революционного пролетариата есть коренной вопрос текущей российской действительности, есть вопрос, который окончательно будет решен той самой гражданской войной, которой никакими заклинаниями никаких Черновых остановить нельзя вплоть до полной победы победоносных русских рабочих, солдат и крестьян...»¹

Одним словом, для того, чтобы продолжать революцию, большевикам нужна была гражданская война². Ведь революция тем и отличается от бунта или переворота, что меняется не только власть, но и собственник на основные средства производства (по Марксу, устанавливается новая форма производственных отношений). Но власть и собственность без боя никто не отдает. Веками накопленные злобы с обеих сторон вышли на поверхность. Вот и закрутился по стране кровавый маховик братоубийства.

Часто гражданскую войну в России представляют как вооруженные столкновения белых и красных армий, реже как вооруженные выступления матросов и солдат (Кронштадт) и крестьян (Антоновское восстание). Но гражданская война имела более глубокие и трагические пласты. Это была повсеместная разбойничья война неимущих против имущих и необязательно богатых. Не случайно Патриарх Тихон видел в развязывании большевиками такой гражданской войны главное их преступление. В своем обращении к Совету народных комиссаров в первую годовщину Советской власти он писал: «Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха, но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами и преступлениями»³.

---

¹ Учредительное собрание. Россия. 1918 г. М., 1991. С. 85–86.

² А может быть, именно большевики тогда лучше других «умеренных» революционеров понимали законы революции и, в частности, то, что без широко-масштабной гражданской войны никаких революций не бывает, тем более в такой стране, как Россия.

³ От Святейшего Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров. 13/26 октября 1918 г. // Родина. 1990. № 6. С. 72.

В совокупности все эти и другие формы русской гражданской войны нанесли глубочайшую, почти смертельную физическую, генетическую, психологическую травму российской нации. Эту травму нация залечивает и по сей день.

В советское время была принята героизация революции и гражданской войны. Идеологическая подоплека такой политики того времени совершенна понятна. Не понятны предпринимаемые уже в наше время своеобразные формы такой героизации. Некоторые деятели литературы и кинематографа говорят о том, что из огня и крови гражданской войны вышло новое поколение людей, которое и смогло победить во Второй мировой войне. Следуя такой дьявольской логике, чтобы подготовить страну к каким-то грядущим испытаниям, которые нельзя исключить в нашем турбулентном мире, в стране нужно опять пустить большую кровь.

Подобные нелепые умозаключения свидетельствуют о том, что нам (в отличие от некоторых других стран, например, США, Испании) нашу гражданскую войну начала XX века не удалось завершить до сих пор. С полей сражений эта гражданская война потом переместилась в души людей, в генетическую память поколений. Незавершенность эта проявляется, например, в доминирующей трактовке тех трагических лет как битвы красных и белых, «наших» и «ненаших». Мы до сих пор не примирили белых и красных. Конечно, такие понятия, как «классовый враг», «враг народа», уже вышли из употребления, но в сознании многих людей они еще живут.

Тотальная диктатура. В общественной науке доминирует положение о том, что революция — это переход к более справедливому и совершенному обществу, что революции совершаются для освобождения народа, для его блага. На самом деле исторический опыт революций свидетельствует о том, что, во-первых, плоды революции никогда не доставались народным массам, а во-вторых, революции никогда не приводили к более демократическому обществу, чем то, которое существовало до революции¹. Да и на ха-

---

¹ Даже такие революционеры-романтики, как декабристы, полагали, что до установления демократических форм правления — республики (П. Пестель) или конституционной монархии (Н. Муравьев) в стране должен быть установлен пе-

рактеристику нашей революции как освободительного движения напрашивается вопрос: от чего же «освободились» бесправные (по сути, крепостные) колхозники (основная часть населения Советской России) и многие сотни тысяч каторжников ГУЛАГа 1930-х годов? История всех революций свидетельствует о том, что они всегда совершаются под великими освободительными лозунгами («Свобода, равенство, братство!», «Заводы и фабрики — рабочим; земля — крестьянам!» и т.п.), но очень скоро становится ясно, что революционное освобождение от одного есть форма, способ закабаления чем-то другим.

Об иллюзорности освободительного характера революции П.И. Новгородцев, уже находясь в эмиграции, писал: «Нередко думают, что провозглашение всяких свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причём в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма»¹. Это Новгородцев говорит относительно Февраля. Что же касается Октября, то тогда была установлена диктатура, и говорить о каких-то правах и свободах уже вообще не приходится.

В начале 1917 года в России новая постмонархическая власть строилась в России исключительно на демократических лозунгах и принципах. Понятие «демократии» признавалось тогда незыблемым и священным. Но уже к лету в условиях резкого обострения общенационального кризиса все чаще в различных общественных (в том числе и демократических) кругах стали говорить о необходимости «сильной власти».

Требования этой «сильной власти» прозвучали от Временного комитета Государственной думы, который, обращаясь к Времен-

---

реходный период (до 10 лет) с диктаторским правлением, которое могло оказаться не лучше, а хуже самодержавия.

¹ *Новгородцев П.И.* Демократия на распутье // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 446.

ному правительству, в открытой форме ставит вопрос о том, что стране нужна «твердая и сильная власть, которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнения своего долга»¹. С требованием к Временному правительству стать «сильной и независимой властью» выступил также и Девятый съезд Партии народной свободы².

Необходимость такого поворота в политике сознавалась и внутри самого Временного правительства. Так, например, один из лидеров эсеров, входящий в состав правительства, — Н.Д. Авксентьев — призывал: «Мы не можем медлить с самыми решительными мерами и должны определенно продиктовать свою волю... Довольно дискуссий... Мы должны провести в жизнь диктатуру революционной демократии»³. Что касается большевиков, то для них идея сильной власти уже с апреля 1917 года является практической задачей. VI съезд партии (конец июля — начало августа) прямо призвал к непосредственной подготовке к вооруженному восстанию «для взятия государственной власти в свои руки»⁴. Политическая цель этого восстания и форма новой власти после его победы — прямо вытекали из марксистской доктрины, которую проповедовали большевики. Это — установление пролетарской диктатуры.

Тема «сильной власти» стала главной и на Государственном совещании в Москве, проходившем 12–15 августа 1917 года. На этом совещании выступило около 80 человек, и более половины из них прямо говорили о необходимости установления в России сильной исполнительной власти. Обнаружилось между тем два понимания такой власти. Одни отстаивали уже известное мнение о том, что этой сильной властью должно стать правительство Керенского путем придания ему дополнительных и даже неограниченных функций и полномочий. Другие в несколько завуалированной форме высказывались за передачу этой власти в руки военных, имея в виду, прежде всего, главнокомандующего русской армией Л.Г. Корнилова.

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. С. 318.

² Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 380.

³ Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 11.

⁴ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 256–257.

Вскоре различные политические силы переходят от дискуссий о диктатуре к реальным действиям. Так, получив в начале июля «неограниченные полномочия» от Советов, на путь усиления своей власти становится Временное правительство. Принимается целый ряд законов и постановлений, которые сам Керенский назвал «железными». Объявляется о введении смертной казни на фронте и об учреждении «военно-революционных судов», устанавливаются ограничения свободы печати, по которым без суда могли закрываться любые газеты и редакторы привлекаться к судебной ответственности, комиссарам на местах дается исключительное право без суда принимать решение о заключении под стражу лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей обороне государства и внутренней его безопасности, и т.д.

Одновременно с этим происходит и другой процесс. Все более громко и открыто свои претензии на власть начинают предъявлять военные, которые на передний план выдвигают генерала Л.Г. Корнилова. Еще до Государственного совещания Л.Г. Корнилов представил во Временное правительство согласованную с Б.В. Савинковым записку, в которой излагалась программа выхода России из кризиса в условиях войны с Германией. Эта программа предусматривала создание «армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников», т.е. подчинение военной дисциплине основных видов общественной деятельности¹, а также введения смертной казни в тылу².

В 20-х числах августа между Корниловым и Керенским (напрямую и через посредников) велись интенсивные переговоры, на которых на первых порах реально вырисовывалась перспектива компромисса, предполагавшего уступки с обеих сторон. Уступки со стороны Керенского Корнилов сформулировал следующим образом: «1) передать всю власть военную и гражданскую в руки верховного главнокомандующего и 2) отставка всех нынешних

---

¹ Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 166.

² Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 422, 626 (примеч. № 215). Необходимо отметить, что данные предложения Корнилова, вызвавшие бурю негодования в демократическом лагере в августе 1917 года, через два-три месяца были реализованы большевиками, но уже в гораздо более жестоких формах и громадных масштабах.

министров, не исключая и министра-председателя...»¹ В дальнейшем при организации нового государственного порядка Корнилов допускал установление как единоличной, так и коллективной диктатуры в зависимости от обстоятельств². Со своей же стороны Корнилов обязывался не порывать полностью с демократическим лагерем и предлагал ввести в новое правительство представителей этого лагеря, в частности Керенского и Савинкова.

Как известно, такому компромиссу не суждено было воплотиться в действительность.

После разгрома корниловских частей Керенский предпринимает отчаянную попытку стабилизировать положение. Создается Директория как прообраз сильного и независимого правительства. Но образование это изначально мыслится как временное, переходное. Вне коалиции Керенский по-прежнему не видит перспективы.

Дело в том, что кроме серьезных политических ошибок, которые допустил Керенский в июле-августе, было и еще одно обстоятельство, изначально не позволявшее ему организовать сильную государственную власть. Этим обстоятельством была догматическая вера в святость и всеислие демократии. Керенский как бы попал в «доктринальную ловушку»: догмы революционной демократии не позволяли ему — представителю демократического лагеря — стать диктатором России. Этим революционно-романтическим вирусом были заражены многие деятели умеренных социалистических партий, которые много говорили о необходимости сильной власти, диктатуры, но мало что делали на практике.

Размышляя в эмиграции над причинами поражения демократии, один из ее лидеров, И.Г. Церетели, был вынужден сделать следующее признание (1929 г.): «...Была одна проблема, которая требовала решения в первую очередь и практическое разрешение которой оказалось не под силу революционной демократии. Это

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 428, 441.

² Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 450.

была проблема государства, проблема создания твердой власти, опирающейся на демократические настроения массы и способной защитить завоевания революции не только от угрозы реакции, но и от атак левого максималистского меньшинства»¹.

Лидеры большевиков оказались в этой ситуации в лучшем положении. Проведя диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, они не испытывали сомнений и противоречий ни в трактовке доктрины, ни при ее практическом воплощении.

Таковы исторические факты. А что из них вытекает?

Диктатура революционных победителей есть не что иное, как политическая, государственная оболочка гражданской войны. Без этой оболочки невозможно довести победу в революции до логического завершения.

Надо различать разные виды диктатуры. Есть диктатура как тактический переходный ход, форма власти, для успокоения ситуации (военные, промышленники, демократы). Это диктатуры для завершения революции. А есть диктатуры как стратегия продолжения, наращивания революции, революционных разрушений. Такой диктатурой стала власть большевиков, которые прекрасно понимали, что они могут устоять, только если их диктатура будет тотальной. Такая диктатура должна с необходимостью охватить не только государственное и местное управление, экономическую сферу, но и духовную жизнь нации. Ширмой для такого тотального перелома стала идеологическая доктрина «нового общества» и «нового человека». Эта доктрина удачно охватывала и объясняла действия большевиков во всех сферах российского общества. Подавление имущих классов («буржуазии»), разгром православной церкви, репрессии против интеллигенции, ученых, деятелей культуры, кардинальные ломки в сфере образования — все делается ради светлого будущего, для построения нового общества и воспитания нового человека. Главное, чтобы в это поверили народные массы. И они не сразу, нехотя и не совсем добровольно в это поверили и пошли за большевиками.

---

¹ *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. Париж, 1963. С. 415.

3. Русская революция и марксизм

В общественных науках доминирует точка зрения об объективном характере революционных процессов. На определенном этапе эволюционный процесс развития общества с необходимостью прерывается социальным взрывом, социальной революцией. Данная модель социальной динамики исходит из формационной теории Маркса, и даже люди далекие от марксизма придерживаются ее при анализе и толковании общественных процессов. Разумеется, и русскую революцию 1917 года в основном трактуют в рамках данной парадигмы. Написано огромное количество книг и научных статей, где показывается, что революции 1917 года были детерминированы объективными причинами и были абсолютно неизбежны¹.

Против этого выступают два соображения.

Первое. Революции 1917 года стали полной неожиданностью как для многих активных участников этих событий, так и для сторонних, но компетентных аналитиков². Так, из работ и воспоминаний самих революционеров мы знаем, что революционные события 1917 года прогремели для них как «гром среди ясного неба»; многие из них (в том числе и Ленин) всю жизнь мечтали об этой революции, но никто из них не надеялся до нее дожить. Та-

---

¹ Общепринятым является утверждение о глубоком общенациональном экономическом кризисе, который и стал причиной революции. Но откуда взялся этот кризис, если накануне страна была на подъеме? Так, например, с 1908 по 1912 г. бюджет Российской империи вырос с 2,4 млрд руб. до 3,1 млрд руб., превышение доходов над расходами за эти 4 года увеличилось в 14,5 раз и составило 435 млн руб., а в 1916 году (в разгар Мировой войны) в России было построено более 2 тыс. км железных дорог. — См.: Аргументы и факты. 2016. №№ 5 и 6. Есть данные и о покупательной способности населения. В 1913 г. на среднюю зарплату россиянина можно было купить 1230 кг картофеля. В лучшие советские годы НЭПа — 900 кг, в 1930-е гг. — только 450. К предреволюционному уровню страна приблизилась только в конце 1980-х гг. — См.: Российская неделя. 27 апреля 2017 г. С. 34.

² Существует много серьезных фактов и свидетельств, что развитие революционных процессов в России в 1917 году происходило не без мощного воздействия внешних, зарубежных сил. Большую подборку документов и аргументов о существовании тогда такой «социальной инженерии» из-за рубежа см.: *Сабов А.* Как Анганта свергла царя. В феврале 1917-го можно разглядеть черты цветных революций нашего времени // Российская газета. Неделя. 6 июля 2017 г. С. 24–25.

кие настроения в эмигрантских кругах царили буквально накануне революции. Например, активный участник революционного движения, после февраля 1917 года один из руководителей Петросовета И. Церетели уже в эмиграции вспоминал, что никто из революционеров даже в самых оптимистических прогнозах не могли и мечтать «о таком молниеносном и решительном успехе, какой имела Февральская революция»¹. А вот, например, Джордж Ф. Кеннан (известный американский дипломат, историк, основатель Института Кеннана; 1904–2005) в своей книге «Маркиз де Кюстин и его “Россия в 1839 году”» пишет: «В настоящее время наиболее взвешенное мнение (в том числе и автора этой книги) заключается в том, что русская революция была все-таки достаточно случайным событием, явившись результатом нескольких внезапно совпавших обстоятельств, в стечении которых не просматривается никакой логической связи. Многие из них, если бы не игра случая, вполне могли происходить совершенно иначе, в том числе и так, чтобы не произошла, по крайней мере, вторая революция 1917 г.»²

Второе. Русская революция, особенно ее заключительная фаза (большевистский переворот), произошла не как реализация Марксовой модели перехода общества от капитализма к социализму/коммунизму, а скорее как (и это по Марксу) преждевременная авантюра, которая не могла не привести к неисчислимым бедствиям для народа, эту революцию совершившего.

Важным для научной интерпретации революционных событий 1917 года в России является вопрос о том, какая революция свершилась в октябре. Доминирующим ответом является такой: это была социалистическая (коммунистическая) революция, свершившаяся, в целом, в соответствии с теорией классического марксизма.

---

¹ *Церетели И.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 1. С. 15.

² *Кеннан Дж.* Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году». М., 2006. С. 128. Следует отметить, что четверть (26%) современной российской аудитории на сайте газеты «Культура» проголосовали за тезис: «Объективных предпосылок к перевороту не имелось: война приближалась к победному концу. Все дело в масштабном и многолетнем заговоре против Российской империи со стороны внешних врагов и конкурентов, прежде всего Германии и Англии». За тезис с противоположным смыслом проголосовало 32%. Тем самым, и сегодня не все однозначно в общественном мнении по данному ключевому вопросу. — См.: *Культура.* № 7. 3–9 марта 2017 г. С. 5.

Тезис о необходимости и неизбежности (отсюда — один шаг до полезности) социальной революции в современной общественной науке исходит из упрощения марксовых воззрений. Это упрощение обусловлено невнимательным и неполным прочтением гигантского теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. Из этого наследия часто вырывают фрагменты или абсолютизируют отдельные, как правило, небольшие работы (например, Манифест Коммунистической партии¹), без понимания целостности мировоззрения, которое формировалось в результате напряженной творческой эволюции (в том числе и на основе тщательного анализа основных событий европейской истории) на протяжении нескольких десятилетий XIX века.

Для Маркса ход истории — это восхождение от первобытно-общинной формации к коммунистической через феодализм и капитализм. В ходе этого восхождения, с одной стороны, более совершенной становится вся система социальных отношений (влияние прогрессизма), но с другой — происходит на новом витке *повторение* социальных связей и конфликтов, и прежде всего — конфликт производительных сил и производственных отношений, который в конечном итоге приводит к революционной смене одной менее совершенной общественно-экономической формации на другую, более передовую и совершенную (влияние идей циклизма). Наиболее детально эту, по мнению Маркса, неоднократно повторяющуюся в истории социальную коллизию он рассматривает применительно к переходу общества от капитализма к социализму (коммунизму).

Принципиальное значение для Маркса в его гипотезе о переходе общества от капитализма к коммунизму имеют два положения:

Первое. Переход от капитализма к коммунизму — это мировой процесс, или, по крайней мере, процесс, который должен охватить все цивилизованные, наиболее развитые страны. Коммунистическая революция является поэтому с необходимостью мировой революцией. Конечно, такой процесс не может быть скоротечным и

---

¹ Почему-то не обращают внимание на то, что эта работа была манифестом, партийным документом, где многие теоретические положения специально были упрощены, изложены в виде лозунгов и призывов, чтобы сделать их понятными для максимального количества потенциальных сторонников зарождающегося коммунистического движения.

тем более одноактным, а будет представлять из себя цепь коммунистических революций, прежде всего, в наиболее развитых передовых странах с последующим распространением революционного процесса на периферию капиталистической формации.

Второе. Коммунистическое общество естественным путем вырастает из капиталистического и является не только антикапитализмом, а — и это главное — посткапитализмом. Поэтому переходный процесс — это, прежде всего, развитие тех предпосылок коммунизма в различных общественных сферах, которые формируются уже внутри капиталистической формации. В экономической области в качестве таких предпосылок Маркс и Энгельс рассматривают различные монополистические формы промышленного и финансового капитала, которые имеют тенденцию к обобществлению. По Марксу и Энгельсу, этих и некоторых других предпосылок вполне достаточно для формирования коммунистического хозяйства, т.к. в ходе мировой коммунистической революции для этого процесса сложатся благоприятные условия. Ведь не только в отдельных странах, но и в мировом масштабе (во всяком случае, в цивилизованном мире) будет в результате этой революции происходить естественная смена устаревших форм экономической жизни новыми более передовыми и совершенными. Мировой капиталистический рынок преодолевается (снимается) коммунистическим мировым хозяйством, тем самым ликвидируется конкуренция в мировых экономических отношениях и образуется система во многих отношениях гомогенных и стремящихся к слиянию национальных хозяйственных структур. Мировой характер переходных процессов от капитализма к коммунизму и природа социально-экономических и политических преобразований в этот период у Маркса взаимосвязаны друг с другом и в отдельности теряют всякий смысл.

Из этих принципиальных положений классического марксизма однозначно следует, что коммунистическая революция «в одной стране» была авантюрой и поэтому была изначально обречена на провал. Это, кстати, очень хорошо понимал Ленин, по последним статьям и письмам которого видно, что он до последнего жил ожиданиями коммунистических революций в Западной Европе и, прежде всего, в Германии.

4. Планетарный Разум как барьер для социальных революций будущего (стратегия академика Н. Моисеева)

Вернемся к вопросу о детерминации революционных процессов. Оригинальное его решение мы находим в работах крупнейшего русского мыслителя XX века — академика Н.Н. Моисеева (1917–2000), который, к сожалению, является малоизвестным и непонятым мыслителем, в силу того, что развитие и популяризация основных его идей и концепций пришлось на 1990-е годы, то есть на тот период, когда научные книги и журналы в нашей стране имели очень узкую аудиторию.

Моисеев считал, что революционные способы решения общественных проблем принесли неисчислимые потери для человечества в прошлые века, но в современных условиях насыщенности планеты оружием массового поражения революции приведут его к неминуемой гибели.

Поэтому в XXI веке, по убеждению Моисеева, для развития человечества нужно новое миропонимание и новая стратегия, которая должна опираться на новый философский фундамент, каким являлась созданная им теория «нового рационализма».

Моисеев исходит из того, что в XX веке прогресс научного знания формирует «неизмеримо более сложное видение мира, в котором классические представления являются приближенным описанием некоторых очень частных случаев, относящихся преимущественно к макромиру»¹. Неизмеримо раздвигаются границы познания мира (Вселенной), но это изменения не только размеров, объемов познания. Происходит кардинальный сдвиг в природе человеческого познания. По мнению Моисеева этот сдвиг состоит в понимании Универсума (Вселенной) как единой субстанции, где Природа, Общество, Человек не просто составные ее части, а органично (внутренне) взаимозависимые элементы единого целого.

Такое миропонимание приводит Моисеева, по сути, к пересмотру основополагающего положения классического рациона-

---

¹ *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. М., 1995. С. 58.

лизма о детерминизме мировых процессов и к выводу о том, что «в основе всего мироздания, всех процессов Универсума лежит стохастика и неопределенность»¹. Природные процессы развиваются во взаимосвязи с социальными и человеческими (духовными, волевыми), поэтому нет и не может быть безусловной линейной каузальности, Абсолютной Истины по отношению ко всему Универсуму.

У нас же пока в общественной науке доминирует модель безальтернативности исторического процесса, модель линейной объективной детерминации. Революция 1917 года в России, Бельежское соглашение и развал Советского Союза были неизбежны в силу объективных обстоятельств. Иного не дано. Моисеев как раз и показывает, что во всех этих процессах участвовала человеческая воля, Разум как неотъемлемая часть универсума, а значит, не было ничего жестко predeterminedно, были и альтернативы².

Перенося эти выводы на интерпретацию социальной динамики, Моисеев считает, что в современных условиях наряду с объективными (материальными) детерминантами неизмеримо возрастает роль сознания людей, что он называет «Коллективным интеллектом» или «Коллективным разумом». «Роль коллективного интеллекта в судьбах человечества, — по убеждению Н. Моисеева, — становится решающей — без целенаправленного вмешательства Разума, Разума всего человечества, ему просто не выжить, не вый-

---

¹ Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993. М., 1997. С. 187.

² Кстати, творцы Февраля пугали народ и себя катастрофическими последствиями, которые могут случиться с Россией, если Николай II не отречется от престола. Но мы хорошо знаем, что произошло, когда он это сделал, — кровавая революция и гражданская война, гибель или эмиграция наиболее образованной части русского общества, массовые экспроприации и террор. Что еще могло быть хуже? (Кстати, эти самые лидеры Февраля по какому-то счастливому стечению обстоятельств почти все спаслись.) У такой «безальтернативности» есть и обратная сторона: констатируют, что именно большевики собрали страну, построили новую промышленность, которая позволила победить во Второй мировой войне, запустить человека в космос и т.д. Все это безусловные исторические факты. Но мы же не знаем, что было бы с нашей страной, если бы не было большевистского переворота. А может быть, лучше? На каком основании мы должны отвергать такую возможность?

ти из кризисов, сохранив себя как развивающийся биологический вид и свою цивилизацию»¹.

К XXI веку, по мнению Моисеева, закладывается «материальная база для зарождения Коллективного Интеллекта в масштабах Планетарного Сообщества»². Происходит это в силу стремительного развития мировой науки и техники, глобализации мировых коммуникаций и системы международных отношений. Человечество реально получает рычаги регулирования общественной жизни в рамках мирового сообщества, а значит, по представлениям Моисеева, становится возможным формирование «рационально организованного общества»³.

Моисеев признает, что конкретные структуры такого общества описать довольно сложно, но это общество должно соответствовать четырем неперенным требованиям.

Рационально организованное общество, во-первых, должно быть способным обеспечить раскрытие потенциала отдельной личности — ее таланта, ее интеллектуальных возможностей, ее воли; во-вторых, должен быть обеспечен высокий уровень социальной защищенности личности; в-третьих, должно быть способным выполнить условия экологического императива; и наконец, в-четвертых, должен быть достигнут стратегический компромисс в экономической сфере — между свободой рыночного механизма и направляющим воздействием общества, между рынком и антирынком⁴.

По глубокому убеждению академика Моисеева именно Коллективный Разум человечества может и ДОЛЖЕН создать такое общество в XXI веке, чтобы предотвратить революции и другие катастрофические социальные взрывы.

5. Выводы и уроки

Итак, главный вывод-назидание, который вытекает из исторического опыта «великих» социальных революций, заключается в

---

¹ Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М., 1995. С. 211.

² Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999. С. 177.

³ Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999. С. 256.

⁴ См.: Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999. С. 259–261.

следующем: все, кто героизирует революции, и тем более призывает к революциям, должны отдавать себе отчет в том, что тем самым они призывают к развязыванию гражданской войны и установлению недемократичного, диктаторского режима¹. Никаких «мягких», ненасильственных, демократических революций никогда не было и никогда не будет.

В русской же революции 1917 года, в силу ряда исторических и ментальных причин, в наиболее полной мере проявились самые крайние и радикальные характеристики социальных революций. Именно она породила самого свирепого и кровожадного двуглавого дракона. И поэтому совершенно прав был Н.А. Бердяев, когда писал: «Большевистская революция и есть настоящая русская революция, никакой другой революции у нас нет и быть не может»².

Русская революция также в полной мере показала, что революция — стихийный процесс. Поэтому можно согласиться с метафорической формулой А. Солженицына: «Революция — это хаос с невидимым стержнем. Она может победить и никем не управляемая»³. История показывает, что революции действительно могут развиваться без ясных целей и четкого плана действий. И даже если эти цели и планы сегодня есть, завтра без видимых причин все может кардинально измениться. Главный закон революции — это все разрушающая и ниспровергающая стихия. Невидимым «стержнем» этой стихии является жесткая и кардинальная ломка старого порядка. Революцию можно начать, остановить ее уже невозможно. Это процесс необратимый и почти не управляемый. Маховик этой ломки раскручивается уже самопроизвольно, сметая все на своем пути — институты, законы, отношения, идеологии, сословия и классы. Под этот маховик попадают не только адепты старого общества, но зачастую и сами революционеры.

---

¹ Героизаторам революции следует также иметь в виду и то, что по данным Института социологии РАН в современной России лишь **6% граждан** испытывают гордость за революции 1917 года. Для сравнения: горбачевской перестройкой гордятся 2%, а вот Победой в Великой Отечественной войне — 76% россиян. — См.: Российская газета. Неделя. 29 июня 2017 г. С. 29.

² Письмо Н.А. Бердяева А.В. Тырковой. 7 ноября 1922 г. // Политическая история России / Под ред. Ш.М. Мунчаева. М., 1998. С. 406.

³ *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией // Родина. Специальный выпуск. Февраль 2017. С. 8.

Указанные выше характеристики социальных революций ставят общественные изменения такого рода над временем. У них есть начало, но у них нет конца. Поэтому 1917 год — это не только прошлое, не только история, но и настоящее и, к сожалению, на какое-то время и наше будущее. Гражданская война внутри нашего общества, начавшаяся век назад в котле революционной стихии, будет (в «холодных» формах) продолжаться до тех пор, пока мы не поднимемся на уровень осознания тех событий как общей беды (и общей вины) того поколения российских людей, трагической страницы нашей общей национальной истории; пока люди будут будоражить друг друга вопросами, на которые никогда не будет однозначных ответов — «кто пролил больше крови?», «на чьей стороне была правда?», «кто больше любил Россию и желал ей блага?» и т.п. Нам нужно, наконец, понять и смириться с тем, что и правы и виноваты и те и другие, одновременно и одинаково. Нужна одинаковая память о павших в тех битвах — нужно, чтобы в российских городах стояли памятники, висели мемориальные доски не только красным, но и белым героям¹. Наверное, это и будет символическим завершением гражданской войны, что и позволит полноценно извлечь уроки из революционных событий 1917 года.

Гражданские войны не заканчиваются победой одной из сторон. Они могут быть завершены только взаимным прощением и общенациональным **примирением**. Тревогу за то, что это до сих пор не произошло, разделяют многие люди в современной России. Например, ректор МГИМО, историк А.В. Торкунов пишет: «До сих пор остаются непримиримыми сторонники красных, белых и других сил, действовавшие в революции и Гражданской войне... Современное российское общество очень нелегко примиряется со

---

¹ К сожалению, все идет в прямо противоположном направлении. В Петербурге, например, в июне 2017 года по решению районного суда была демонтирована мемориальная доска А.С. Колчаку («В этом доме с 1906 по 1912 год жил выдающийся русский офицер, ученый и исследователь Александр Васильевич Колчак»), которая с одобрения властей была установлена в ноябре 2016 года на доме № 3 по улице Большая Зеленина. Мемориальные доски героям гражданской войны с другой стороны, на руках которых не меньше русской крови, чем на руках Колчака, висят, и никто снимать их не собирается. Опять красные победили белых. Но могут ли такие победы принести благо России?

своей историей. Оно либо предпочитает видеть в ней череду побед, либо самоуничтожительно акцентирует внимание на ее темных сторонах... Пришло время вступить в диалог со своей историей и извлечь из нее уроки»¹. Аналогичной позиции придерживается и Святейший Патриарх Кирилл, который, открывая 28 марта 2017 года Палату попечителей литературной премии, сказал: «Общество до сих пор не примирилось в полной мере в том, что касается оценки событий столетней давности».

Примирение невозможно и без осознания глубины трагизма, который вытекает из революций и, прежде всего, из Русской революции 1917 года. Трудно спорить с тем, что эта революция была историческим событием, которое кардинальным образом изменила мир. Только какова цена этих изменений? Сторонники объективной необходимости революционных изменений скажут, что без них нет истории. Но в этой же истории совершенно явно прослеживается тенденция неуклонного нарастания разрушительных последствий насилия. От войны к войне, от революции к революции усугубляются и углубляются раны, которые они наносят обществу. В XXI веке революционный путь становится совершенно неприемлемым, поскольку современное человечество, отягощенное гигантскими запасами оружия массового уничтожения, мощнейшими средствами воздействия на сознание и поведение людей, еще одну «великую революцию» уже не переживет.

Особенно опасны революционные перевороты в России, где исторически существует стремление к бессмысленному и беспощадному бунтарству, тяга к тотальным (все сразу и быстро) решениям сложных проблем. Все это еще усугубляется ментальной верой в возможность волшебного избавления от тягостей жизни и быстрого овладения земными благами. Отсюда и излюбленные сюжеты русских сказок: скатерть-самобранка, поток яств из рукава, молочные реки и кисельные берега. Сюжеты эти исторические и они очень живучи, несмотря ни на что, хотя и гениальный Пушкин уже давно предостерегал на примере золотой рыбки, чем заканчиваются свалившиеся с неба блага.

---

¹ Независимая газета. 10 марта 2017 г. С. 5.

Так и в 1917 году многим русским людям казалось, что вот-вот, и осуществится многосотлетняя мечта о свободной и счастливой жизни. Но это было не так и не могло быть так. Потому что такие великие идеалы не осуществляются разрушительными социальными революциями, гражданскими войнами и кровавыми диктатурами. Они достижимы только длительной социальной эволюцией, многотрудной созидательной работой многих поколений.

Муза Д.Е.

К логике и аксиологии русского революционаризма

Ожидалось, что наступивший 2017 год в нашем календаре и общественном бытии станет годом «Русской (российской) истории». Ожидания не оправдались, ибо год, согласно указу Президента РФ В.В. Путина, стал «годом экологии». Но думается, причина отмены такой повестки дня лежит в ценностной плоскости. А именно: в обществе, к сожалению, наличествует поляризация политических сил, императивов и ценностей, корнями уходящая к событиям столетней давности, но могущая вызвать «извержение вулкана» и непредсказуемые последствия.

Но это обстоятельство не отменяет и другого: едва ли не самым затянувшимся спором отечественной мысли, своей нерешенностью довлеющим над нею и над самой Россией и по сей день, является спор о характере и направленности истории XX века — «красного столетия». Но пути русского, хотя и с некоторыми, часто спорными оговорками. К примеру, прошедшего через самосозидание — экстремум = Великую Победу — саморазрушение «советской цивилизации» (С.Г. Кара-Мурза). Или трактуемый как шествие исторической России по двум дорогам: 1) технологически-манипулятивной, либеральной, капиталистической; 2) административно-командной, марксистско-ленинской, социалистической, — ведущим Россию «к одному обрыву» (И.Р. Шафаревич).

Более того, сегодня, оглядываясь назад и пытаясь понять замысловатую историческую траекторию из «прекрасного далека» в новое, «светлое будущее», формально восходящую к двум русским революциям 1917 года — феноменам Февраля и Октября, но имеющую свои имманентные «разбеги» и экстерриториально направленные «силы дальнего действия», — мы часто остаемся заложниками историологических стереотипов. К примеру, говорящих о том, что революция может быть истолкована исключительно

в рамках закономерностей формационной парадигмы, т.е. с учетом неизбежного классово-антагонистического, радикального разлома и неистовой внутрисоциальной борьбы, как итог — «коренного переворота» или смены общественно-экономической формации с восхождением на новую ступень «эскалатора прогресса».

Между прочим, на этом фундаменте строится ленинская теория революции, восходящая к «Апрельским тезисам» как концентрированному выражению революционной борьбы за власть в России (тактика) и разжигание пожара «мировой революции» (стратегия). — Такова программа, помимо основных признаков «революционной ситуации»: а) «невозможность “верхов” управлять по-старому»; б) «обострение выше обычного нужды и бедствий народных масс»; в) «повышение социальной активности масс»; г) «есть такая партия», способная самостоятельно взять власть в свои руки для разрешения самой внутрисоветской ситуации путем сепаратного мира с кайзером Вильгельмом («превращения войны империалистической в войну гражданскую», причем в всеевропейском масштабе).

Именно эта установка на революционаризм довлекла и довлеет над отечественными общественными науками, в форме гипостазирования принципа «тождества разума и воли к власти» (А. Камю)¹, на деле же — ярко выраженного «метафизического бунта», конвертированного в «бунт исторический». И сегодня транскрипция данной проблемы, с учетом поиска формулы социального консенсуса в современном российском обществе, быть может, составляет важнейшую методологическую задачу.

Ниже будет предложен сильный вариант транскрипции феномена русского революционаризма, с одной стороны, индуцируемого социально-политическими и хозяйственно-экономическими процессами², а с другой, имеющего (никак не отсекаемое) некоторое

---

¹ Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 201.

² Следует вспомнить, что в марксистско-ленинской философии революция — «коренной переворот в социальной жизни, обеспечивающий поступательное, прогрессивное развитие». Ее структура задана экономическими основами и предполагает четкое представление о «движущих силах», решение «вопроса о государственной власти» и установление характера социально-экономических преобразований (см.: Бутенко А. Революция // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 480–482).

метафизическое измерение, тем более если речь идет о России и Западе, их сущностном антагонизме¹. В наши дни этот антагонизм очерчен в виде противостояния «номиналистического» и «реалистического» взглядов на человека и общество², столь разительно отличающихся в русской и западной цивилизационной истории.

Содержательно же данный антагонизм увязывается с петровскими и последующими этапами перманентных для бытия России цивилизационных преобразований, как и неоднозначной реакции на них внутри России и за ее пределами. Отсюда, из этого пункта, проистекает необходимость в создании метатеоретической позиции, способной учитывать не только огромную и часто противоречивую историографию и историософию феномена Русской Революции всемирно-исторического масштаба, но также либеральные, марксистские, элитарные, социально-психологические, геополитические, социологические, структурно-функционалистские, конфликтологические, религиозно-аксиологические и иные теории и концепции революции.

Тем не менее силовые линии спора о путях развития России, а значит, о революционаризме и эволюционизме, как мне кажется, располагаются вокруг нескольких центральных сюжетов: а) сценария «встраивания» России в структуру западной цивилизации модерна, пошедшей по пути индустриального капитализма; б) сценария дивергенции России и Запада на основе некоторых ориги-

---

¹ Антагонизм, который, как известно, зафиксировал Ф.И. Тютчев в записке «Россия и Революция» (1849) в виде тезиса «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой». На вопрос: почему? — мыслитель ответил ранее, в письме к Густаву Кольбу, известному под названием «Россия и Германия» (1844). Именно здесь дано понимание ненависти к России: «Мы обязаны вас ненавидеть; ваши устои, само начало вашей цивилизации противны нам, немцам, людям Запада; у вас не было ни *Феодализма*, ни *Папской иерархии*; вы не пережили войн *Священства* и *Империи*, *Религиозных войн* и даже *Инквизиции*; вы не участвовали в крестовых походах, не знали Рыцарства, четыре столетия назад достигли единства, которого мы еще ищем; ваш жизненный принцип не дает достаточно свободы индивиду и не допускает разделения и раздробления» (*Тютчев Ф.И.* Россия и Германия // Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2007. С. 39; курсив — Ф. Тютчева).

² *Панарин А.С.* Политология. О мире политики на Востоке и Западе. М., 1999. С. 73–108.

нальных идеологий — панславизма, византизма, «русского социализма», отчасти народничества и евразийства — с одной стороны, и заемных идеологий — русских вариантов либерализма и марксизма — с другой; в) сценария «похищения» Западом России как «вечной угрозы с Востока», т.е. «обнуления» её цивилизационной сущности как таковой; з) сценария «похищения» Россией Запада за счет актуализации его имманентных политических, военных и социально-экономических противоречий, но с привлечением ресурсов русской социокультурной модели развития. Сюжетов, подчеркну, нуждающихся в интегральной артикуляции и оценке.

Иначе говоря, предмет этого спора очерчивается как пространство коллективно-конфликтогенного выбора маршрута развития России под перекрестным воздействием эндогенных и экзогенных социокультурных факторов, кристаллизовавшихся в начале XX века. Причем взятых как в диахронном, так и синхронном измерениях.

Но главный фактор, поначалу экзогенный — это «вызов Запада» (А.Дж. Тойнби), на который у «творческого меньшинства» русской (советской) цивилизации был найден ответ в виде использования марксизма, как «духовного оружия» против того же западного мира¹. Правда, с известными ментальными и ценностными деформациями, а именно, православно / славянско / евразийскими. Они, как постоянные величины, стали, тем не менее, «внутренним Востоком», при параллельном конституировании «внутреннего Запада», образуя, быть может, перманентный и «сквозной» внутрицивилизационный антагонизм.

Но именно ему, образованному внутри системы «Россия — Запад», кристаллизовавшемуся по типу догоняющей модернизации (вестернизации) с ключевой ролью государства (с эпохи Петра I), не суждено быть разрешенным в силу полярных ценностных и социокультурных ориентаций — «архаизма» (романтически взыскуемого традиционализма) и «футуризма» (реалистически чаемого и осуществляемого модернизма, а затем и сверхмодернизма).

---

¹ Тойнби А.Дж. Мир и Запад // Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб., 1995. С. 160.

По сути, это напряжение установок и реальных дел выступает в виде своеобразной цивилизационной константы у теоретиков, предельно ориентированных на уяснение логики социальной динамики России — В.В. Аксючица, А.С. Ахиезера, И. Берлина, А.Н. Боханова, Дж. Биллингтона, В.В. Ильина, С.Г. Кара-Мурзы, В.И. Карпеца, В.В. Кожина, С. Козна, Л. Люкса, митрополита Иоанна (Снычева), В.А. Никонова, Р. Пайпса, А.С. Панарина, И.К. Пантина, О.А. Платонова, А.А. Проханова, А.И. Солженицына, А.Д. Степанова, И.Я. Фроянова, А.И. Фурсова, И.Р. Шафаревича и мн. др.).

Однако наибольшую трудность в этом вопросе вызывает аксиоматизация представлений о начале процесса, а значит, формах и векторе его протекания, вплоть до опрокидывания в хаос (гражданской войны) всей социальной конструкции с ее последующей хотя и относительной регенерацией, но на новой основе: Российская империя — СССР — современная Россия. Более того, такая аксиоматизация несет в себе аксиологическую предпосылку, влияющую как на сам характер дескрипции (что само по себе важно), но и на итоговую, причем нормативную формулу рассматриваемой столетней событийности / процессуальности.

Иначе говоря, главным фокусом тут выступает не эволюционное представление о развитии общества¹, но революционное преобразование России. Последнее, впрочем, имеет место тогда, когда эволюционные «механизмы» дают очевидный сбой. Но вопрос, который волнует и по сей день многих: была ли в феврале — октябре 1917 года в России революция, до сих пор не получил окончательного и вразумительного ответа.

Ниже в свете сказанного будет предложен цивилизационный вариант прочтения партитуры Русской Революции (собирательный термин, указывающий на внутреннее единство революционного «пробного камня» 1905–1907 годов, но главное, революционных

---

¹ Сегодня в науке под эволюцией — в широком смысле — понимают «процесс спонтанной самоорганизации (либо самодезорганизации) материальных систем, направления изменения их структуры и содержания, включающие как восходящие и нисходящие ветви, так и структурные (однополосные) изменения» (Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М., 2012. С. 30).

потрясений Февраля и Октября, при их разнокачественных интригах, природе, целях и средствах осуществления, что подметил ещё Г.П. Федотов¹), как события эпохально-трансэпохального масштаба. При этом само это прочтение видится в двух ракурсах: с одной стороны — иррационально-стихийным самоотрицанием Россией самое себя через самодеструкцию, а с другой — генерирование нового общества на основе рационального нормативного целеполагания.

Первый ракурс так или иначе ассоциируется с уничтожением почти всех основ, институтов и ценностей имперско-самодержавной, самобытно-цивилизационной формы бытия России: православной духовной традиции и соответствующего ей миропонимания, патерналистского государства с императором во главе, общества как большой семьи, служилого этоса, многоукладного и регионально разнородного хозяйства, скорее крестьянства, а не буржуазии, как ядра русского народа, антропоса «иоанновского» типа (В. Шубарт), при наличии нигитологической антропологии и вызываемых ею миропотрясающих сюжетов — «Петров Верховенских», «Шигалевых», «Иванов Карамазовых» и «Смердяковых» (идейных и реальных боготрицателей, человеконенавистников и отцеубийц).

Это наблюдение можно усилить аргументом от В.В. Аксючица: «Последние двести лет российской истории определяются тем, что русская православная цивилизация противостоит экспансии тлетворных идеологий (современных духов мирового зла). С одной стороны, органичный уклад жизни и традиционное мировоззрение — всё, чем строилась и жила Россия в течение тысячелетия. С другой — атеистическая материалистическая утопия, волонтеры которой стремятся радикально перекроить жизнь. Богоборческая идеология чужда русскому народу, но ею заразился русский образованный слой, она вобрала в себя накопившиеся в русской культуре духовные яды, усилила нестроения, углубила расколы в русской истории. В результате общество впадало в идейную манию, которая и была причиной катастрофы 1917 года»².

---

¹ Федотов Г.П. Февраль и Октябрь // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. СПб., 1993. Т. 2. С. 132–136.

² Аксючиц В.В. Миссия России. Опыт историософии России. М., 2000. С. 379.

Второй ракурс — с конституированием принципиально новых основ, институтов и ценностей советской империи (цивилизации): материалистического и секулярно подготовленного атеистического миропонимания, марксизма как «тотальной идеологии», в т.ч. реализуемого в створе пролетарского интернационализма, жесткой властно-иерархической конструкции общества и государства, культом науки и техники, развитием средств производства, а затем, с заметным опозданием, и потребления, плановой экономикой, социальным базисом в виде коллективистского типа антропоса — homo soveticus'a (А.А. Зиновьев), классовой моралью, наукой и искусством.

В этой связи вспоминается обобщение И.Я. Фроянова, показавшего, что в годы сталинских пятилеток был создан социально-ориентированный «государственный капитализм», обеспечивавший помимо всего прочего, оборону страны в условиях постоянной угрозы извне¹.

Естественно, у обоих теоретических флангов есть свои аргументы и контраргументы, и сегодня пока не уравновешенные в публичном дискурсе и политической практике (напр., Рождественское послание 2017 года Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, заявление Священного Синода РПЦЗ накануне 2 (15) марта 2017 года; и реляции, к примеру, Г.А. Зюганова о восстановлении исторической справедливости — возвращении 7 ноября в реестр общероссийских праздников).

Однако уже более-менее отчетливо наметился определенный крен в конвергенции обоих взглядов, который, к примеру, вытекает из представления о «непрерывности русской истории». Так, не случайно Н.А. Нарочницкая предлагает панорамно посмотреть на весь XX век (и по ходу различить в Феврале — Октябре революционный проект «до основания», который пытался «переломать Россию» и советский период истории, «когда Россия сама постепенно переламавала этот проект»), а именно с позиций тысячелетних «глубоких и неискоренимых традиций русской жизни» (!)².

---

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 120–129.

² Нарочницкая Н.А. Русский код развития. М., 2015. С. 340–341.

Именно поэтому имеет смысл дать социо-синергетическую версию произошедшего сто лет назад, заручившись рабочим определением революции: она суть «коренной, фронтальный тип трансформации, предполагающий смену формы социальности в результате кризиса»¹. Сам же кризис по большому историческому счету должен быть воспринят в более широком контексте, как следствие наступления европейского модерна на русскую архаику. Лапидарно: «В своем смысловом экстракте “модерн” — суть проект, связанный с выравниванием мира по западному образцу в качестве «естественного эталона человечества. Собственно, любой революционаризм и реформаторство после 1789 года сопряжен — хотим мы того, или нет — с этой логикой “выравнивания” (“подтягивания” к современности) народов, стран и цивилизаций. Причем без учета их цивилизационной природы и исторического опыта»².

Отсюда задача по прояснению стратегии и тактики этого наступления. Если следовать наблюдениям А.И. Уткина, то Запад трижды «проникал» в тело и душу России: 1) в петровский период (1721–1815); 2) в постнаполеоновско-венский период (1815–1855); 3) в период активной модернизации (1855–1914), т.е. новой встречи с Западом после переосмысления «ошибок» прошлого. Причем в качественном отношении периоды разнятся: если первый был активно-и-интуитивно-модернизаторским и подражательным, второй — периодом реализации иллюзий относительно просвещенного Запада и их краха, то третий характеризовался как период сотрудничества и союзничества³.

Само это проникновение имело ряд существенных признаков, среди которых: догоняющий характер модернизации; подражательность вместо творческого начала; редкая и не всегда конструктивная критика трансфера западных институтов, ценностей и технологий; «экстравертированность» психологии элит, выступивших в роли поводыря инертного и «интравертивного» «безмолвствующего

---

¹ Ильин В.В. *Философия истории*. М., 2003. С. 76.

² Муза Д.Е. XX век в горниле мировых революций: гиперконфликт архаики, модерна и постмодерна // *Культурологический журнал*. 2016. № 4 (26).

³ Уткин А.И. *Вызов Запада и ответ России*. М., 2002. С. 87–130.

большинства» с его архаичной ментальностью; неучтенность, а то и отрицание социокультурных и ценностных опор российской государственности, их стратегического потенциала.

Отсюда сам хаосогенный характер качественных трансформаций, ведь и управленческий «механизм» и объект управления выстраивают асимметричные связи ввиду растущего внутреннего напряжения в социуме, — вплоть до прохождения «точки бифуркации», по нашему мнению, совпадающей с 1917 годом, прошедшим в «режиме с обострением» с Февраля до Октября (кульминация кризиса, вначале искусственная, затем естественная) и содержащим несколько социетальных векторов движения в будущее.

Однако, прежде чем подойти к 1917 году, России, что теперь очевидно, нужно было пройти через «вызов модерна», так и не обрета релевантного цивилизационного «ответа», — разумеется, «творческим меньшинством» русской цивилизации, а затем и её цивилизационным большинством.

При прояснении характера «волн» идейного влияния верна следующая констатация: на Россию, прежде всего на политические элиты и образованные классы, последовательно воздействовали: идеи протестантизма (1717–1840) и Просвещения (1750–1824), политический либерализм (1770–1917), марксизм (1860–1917), технический модернизм (1890–1925)¹. И естественно, феномен масонства², который через столетия был явлен хотя бы в февральском заговоре элит — против Царя³.

По ходу замечу, что в свое время И.Л. Солоневич дал недвусмысленную картину «фальшивки» Февраля. «Это было, — читаем у него, — историческое явление, в котором желания и цели отдельных лиц так перекрещивались, что... получалось глупо, как получается со всякой революцией в мире и истории»⁴.

Речь, по сути, идет о том, что большая и влиятельная группа заговорщиков пришла к выводу, что торпедировать монархию — в

---

¹ Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 2002. С. 54.

² Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 2001.

³ Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 358–372; Рыбас С.Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот. М., 2016. С. 234–256.

⁴ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля // Солоневич И.Л. Революция, которой не было, или Великая фальшивка февраля. М., 2016. С. 29.

случае удачного для России исхода войны — будет затруднительно. Поэтому начал раскручиваться «маховик» психоза о невыносимых для России тяготах войны, в которых прямо или косвенно обвинялся император, двор и правительство.

Тот же Солоневич допустил, что Россия, ее правительство и народ столкнулись с заговором, основными фигурантами которого были:

а) земельная знать, которую возглавил Родзянко при участии и согласии некоторых членов династии;

б) денежная знать в лице Гучкова и К^о;

в) военная знать — генерал Алексеев и др.¹

Такая экспозиция, требует, тем не менее, конкретизации. Сегодня указанное обстоятельство осмысливается едва ли не как самое решающее в деле создания «управляемого хаоса». Правда, с той существенной оговоркой, что сам «управляемый хаос», поначалу созданный руководителями «Земгора» и ВПК в виде провала обеспечения гособоронзаказов, персонально — кн. Г.Е. Львовым и А.И. Гучковым; затем генералами-заговорщиками с их «Военной ложей» — М.В. Алексеевым, Н.А. Рузским, Н.И. Ивановым, А.А. Брусиловым, А.Е. Эвертом и др.; наконец, членами Временного правительства — А.Ф. Керенским, П.Н. Милюковым, Н.В. Некрасовым, А.И. Коноваловым, М.И. Терещенко, А.А. Мануйловым, А.И. Шингаревым, В.Н. Львовым, И.В. Годневым, — сам их поглотит (!).

Но если мотивация этих деятелей была сугубо властная или материально-финансовая, то у русской интеллигенции, ее художественного крыла, она заметно отличалась. По ходу замечу, что в русской культуре Серебряного века доминировали мотивы, связывающие или синтезирующие Революцию и Абсолют в подчеркнуто метафизическом выражении («темная» софиология А.А. Блока, А.В. Белого, В.В. Брюсова, М.А. Волошина); Россия как «промежуточный мир» между физическим и духовным мирами у М.И. Цветаевой; «дионисийство» русского народа, призванного обновить историю, у Вяч. Иванова; «Русь Третьего Завета» у Д.С. Мережковского

---

¹ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля // Солоневич И.Л. Революция, которой не было, или Великая фальшивка февраля. М., 2016. С. 16.

и т.д. Более того, эта плеяда вполне незаурядных софиологов, поэтов-символистов, богоискателей и богостроителей желала видеть в русской Революции инкарнацию самое Софии (!).

Это обстоятельство требует своей особой артикуляции, поскольку именно интеллигенция якобы взвалила на себя особую трансисторическую и сверхкультурную миссию, пытаясь вести Россию то ли в позитивном, то ли в метафизически правильном направлении.

На деле все выглядит наоборот: еще в 1867 году Ф.И. Тютчев в письме к Ю.Ф. Самарину предупреждал: «Есть у Славянства злейший враг, и еще более внутренний, чем немцы, поляки, мадьяры и турки. Это их так называемые *интеллигенции*. Вот что может погубить славянское дело, извращая его правильное отношение к России. Эти глупые, тупые, с толку сбитые интеллигенции до сих пор не могли себе уяснить, что для славянских племен нет и возможности самостоятельной исторической жизни...»¹ Однако это предостережение, прозвучавшее задолго до «Вех», так и не было услышано.

И здесь, при рассмотрении вопроса телеологии и аксиологии Революции, как мне думается, важен учет следующего обстоятельства. Еще в конце 90-х годов А.С. Панарин в специальном исследовании показал, что Россия в этот период проходила через социокультурный раскол и связанные с ним дилеммы по «революционной модели»: интеллигенция с народом против государства². Казалось бы, именно она, эта модель, стала доминантной в реализации Февраля — Октября, вопреки мнению А.А. Блока, пошопенгауэровски / ницшеански вещавшего в 1908 году: «Если интеллигенция все более пропитывается “волею к смерти”, то народ искони носит в себе “волю к жизни”»³.

На деле же конфигурация социально-политических сил выглядела гораздо сложнее: ввиду ориентации российских государ-

---

¹ Тютчев Ф.И. Письмо к Ю.Ф. Самарину от 24 ноября 1867 года // Тютчев Ю.Ф. Россия и Запад. М., 2007. С. 342.

² Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века // На перепутье (Новые Вехи). М., 1999. С. 11.

³ Блок А.А. Народ и интеллигенция // Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Л., 1982. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921. С. 113.

ственных элит (пожалуй, начиная с С.Ю. Витте) на разные политические центры силы, промышленные группы и банки западных держав — Францию, Англию, Германию, США, и в значительно меньшей степени — на автохтонные социокультурные, политические и экономические ресурсы, — указанная модель должна быть скорректирована, в том числе с учетом конфигурации партий и общественных движений, в их отношении к вопросам войны-и-мира, земли-и-собственности, власти-и-права.

В частности, события 22–27 февраля в Петрограде были инспирированы различными политическими, военными и хозяйственными группировками, в игре которых русский народ выступил «разменной картой». В рамках простой аттрактивности: «даешь хлеба!»; сложной аттрактивности: «долой войну!»; суператтрактивности: «долой самодержавие!» (читай: изменяй систему управления русской государственности и векторы ее внешней политики в пользу более «эффективных» западных?).

Тем не менее Император в беседе с послом Франции М. Палеологом недвусмысленно обозначил «общие основания мира»:

1) уничтожение германского милитаризма, пресечение того «кошмара», в «котором Германия нас держит вот уже больше сорока лет»;

2) исправление границ Восточной Пруссии, в т.ч., для воссоздания Польши и достижения Россией ее западных, естественных границ — Карпат;

3) в Малой Азии решить вопрос освобождения армян от турецкого ига;

4) достичь наконец-то положительного исхода в вопросе о проливах и придания Константинополю статуса «нейтрального города», но при гарантии для магометан сохранения их святынь и могил (!);

5) Северная Фракия, до линии Энос — Мидия, была бы присоединена к Болгарии;

6) Сербия присоединила бы Боснию, Герцеговину, Далмацию и северную часть Албании;

7) Греция получила бы Южную Албанию;

8) Австро-Венгрия пойдет на вынужденные уступки, как в отношениях с Италией и Румынией, так и с Балканскими славянами;

9) Франция возвратит Эльзас-Лотарингию¹.

Иначе говоря, перед нами *имперская парадигма существования России*, в которой ее геостратегия очерчивается объективными интересами, без ложных притязаний на чей-либо суверенитет. Причем данная парадигма с ядром «Самодержавия»² и в сопряжении с «Православием» и «Народностью» (уваровская триада) образует имманентный институционально-ценностный контур. И думается, что не случайно основной удар умеренных (февралистов) и ультра (большевиков) радикалов был нацелен на «Самодержавие», затем на «Православие» и, наконец, на «Народность»³. Иначе, на войну с Традицией (!). Но самой устойчивой из них, пережившей весь «красный век», было и остается Православие.

Иное — «парадигмы» пути развития России à la февралисты и à la большевики. Вплоть до трансформации «империалистической войны» — в «войну гражданскую» (согласно В.И. Ленину), и последняя в этой нелинейной логике конституирует эмерджентность нового — «светлого» будущего, являясь и антитрадиционной, и прожектерско-новаторской.

В свою очередь правые силы, как показал в свое время В.В. Кожинов, также не смогли агрегировать политико-культурные интересы элит и народа, не найдя поддержки ни у государя, ни у широких слоев русского общества по ключевым проблемам внутренней и

---

¹ См.: *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 127–133.

² И.Л. Солоневич справедливо замечал: «В течение одиннадцати веков русской истории русская национально-политическая традиция была воплощена в русской монархии. Если бы традиция была неудачна — удачна не всякая традиция, — то в данных исторических и географических условиях великая нация расти бы не могла. Она — выросла. В течение последних десятилетий русской истории эта традиция была воплощена в Николае II» (*Солоневич И.Л.* Миф о Николае II // Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 95).

³ В 1917 году Н.А. Бердяев, анализируя драму революции, писал: «Русский народ продолжает разлагаться от бессилия, от тиранической анархии, от невежества и тьмы, от неорганизованности и недисциплинированности, от отсутствия руководящих созидательных сил» (*Бердяев Н.А.* Была ли в России Революция? // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 гг. М., 2007. С. 652). Причем у него Февраль и Октябрь выступают моментами «разложения и гниения старой России». Секретом не является и другое: едва ли не главной потерей России в XX веке стала потеря крестьянства (см.: *Перевезенцев С.В.* Россия. Великая судьба. М., 2006. С. 630 и сл.).

внешней политики. Отсюда — полное отчаяние: «... Я вам говорю, что монархия гибнет, а с ней и мы все, а с нами Россия» (В.М. Пуришкевич)¹. Собственно это суждение верифицируется современным исследованием, подтвердившим, что «консервативный правый ренессанс в начале XX века так и не состоялся»². Имеется в виду весьма активная, но непродуктивная деятельность Союза Русского Народа, Русское Собрание и др., часто связанная с борьбой внутри правого движения. Итог: именно деятели правых организаций стали первой жертвой революционной вакханалии.

Словом, путь от Февраля к Октябрю оказался путем кардинальной ломки всей социетальной системы России, путем прохождения через режим сильной неравновесности, обрушения в хаос и выбора новых структурообразующих факторов за счет появления и доминации «джокера» — партии большевиков и их европейско-американских финансистов³. Партии, состоящей из людей, делающих «из невозможного возможное».

Но для уяснения упущенных шансов, т.е. недопущения восхождения на рукотворную Голгофу, важен еще один фундаментальный вопрос, поставленный незабвенным В.В. Розановым: «А что же русские? — Досыпали “сон Обломова”, сидели “на дне” Максима Горького и, кажется, еще в “Яме” Куприна... Русские всё зевали. Русские всё клевали... Мечтая о “золотой рылке” будущности и исторического величия»⁴.

Правда, это вопрошание ограничено образами русской литературы, которая не всегда сопрягалась с жизнью. Иное дело Российская Православная Церковь, как важнейший элемент Традиции, которая искала пути выхода из цивилизационной катастрофы. В этой связи напомним сюжет, указывающий на поиски такого решения в рамках Священного Собора РПЦ. Первый из них — обращение митрополита Московского

---

¹ *Кожин В.В.* Россия XX век (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 (Опыт беспристрастного исследования). М., 2001. С. 86.

² Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб., 2015. С. 34.

³ См., напр., интеллектуальное расследование американского историка Э. Саттона: *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция. М., 2005.

⁴ *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени // Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. С. 392–440.

и Коломенского Тихона (Белавина), будущего Патриарха, 15 (28) августа 1917 года — где указано на то, что именно Церковь по настоянию общества берет на себя обязанность «содействия в устройстве государственной жизни». Точнее: «Ныне Родина наша находится в разрухе и опасности, почти на краю гибели. Как спасти её — этот вопрос составляет предмет крепких дум. Миллионное население Русской земли уповает, что Церковный Собор не останется безучастным к тому тяжкому положению, которое переживает наша Родина. Созерцая разрушающуюся на наших глазах храмину государственного бытия, представляющую как бы поле, усыпанное костями, я, по примеру древнего пророка, дерзаю спросить: оживут ли кости сия? Святители Божии, пастыри и сыны человеческие! Прорцыте на кости сухие, дуновением Всесильного Духа Божия одухотворите кости сия, и созиждутся, и обновится лицо Святорусской земли!»¹

Собственно этот сюжет говорит о том, что Церковь может и должна выступать в роли «куколки» для строительства цивилизации (А.Дж. Тойнби), причем не только на этапе ее генезиса и развития, но и в кризисные этапы её бытия. В этом едва ли не главная ее функция. Правда, с той оговоркой, что после прихода к власти большевиков и их открытой борьбы с Церковью эта миссия меняется на духовную брань с большевиками, как десекуляризаторами России, а затем и миссию крестоношения.

Но этот сюжет будет неполон, если не вспомнить о принципе священной справедливости, которую Церковь своей проповедью «внушает» государству и обществу и которая «обращена к исторической перспективе, к смыслу истории, который раскрывается как миссия избранного народа, спасающего себя и вместе с собой — все человечество»². Понятно, что большевистская превращенная форма этой миссии была обречена на провал, ибо исходная, аутентичная форма, развернутая как к государству, так и к народу, была подвергнута жесточайшему прессингу, но не канула в Лету.

---

¹ Цит. по: «Приспело время подвига...»: Документы Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь / Сост., автор статьи Н.А. Кривошеева. М., 2012. С. 22.

² Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и Западе. М., 1999. С. 276.

Напротив, незримая трансляция этой миссии в наше время, поверх государственных, правовых и социально-стратификационных метаморфоз, позволила России обрести своё культурно-цивилизационное, имперско-мироудерживающее призвание. Более того, Революция 1917 года не смогла решить всех поставленных перед нею задач:

во-первых, страну не удалось использовать в качестве плацдарма для разжигания всемирной смуты... Лозунг «пролетарского интернационализма», предназначенный для разрушения русского национального самосознания, оказался недостаточно эффективен, будучи интерпретирован обществом в русле традиционных христианских ценностей «всечеловечности»;

во-вторых, не удалось уничтожить Россию в качестве самостоятельного геополитического субъекта. Человеконенавистническая теория «классовой борьбы», служившая сердцевиной и пропагандистским прикрытием механизма широкомасштабного, официально санкционированного геноцида русского народа, с течением времени утратила свою первоначальную эффективность, превратившись в очередную, далекую от практики догму». — И далее: «Несмотря на все репрессии, голод, разруху и богоборческий террор властей, ценой величайшего напряжения всех народных сил, ценой блестящей победы в Великой Отечественной войне, — страна обрела в мировой политике значение и вес, сведшие на “нет” все достижения Октября в этой области. Возникла реальная возможность постепенного перерождения СССР в духе российских национальных интересов с перспективой эволюционного возвращения страны на путь её естественного исторического развития»¹.

Собственно сегодня, пройдя через «эпоху Ельцина», рецидив «Болотной» и эксцессы фашизма на Украине, нам необходимо понять все перепутья русской истории, равно как мобилизовать все усилия для её Воскресения. Ведь именно Воскресение единственный — на фоне социокультурных катастроф — путь (и суператтрактор) для России как духовно-ориентированной и нравственно вмняемой цивилизации.

---

¹ Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Битва за Россию. СПб., 1993. С. 83–84.

Мюрберг И.И.

Понятийная оппозиция:
социальная эволюция vs социальная революция
в контексте развития политической
философии европейского Модерна

«Социальная эволюция» и «социальная революция»:
проблемы дефиниций

Говоря о политико-философских дефинициях таких парных явлений, как «социальная эволюция» и «социальная революция», следует, видимо, начать с утверждения, что в контексте политической философии эта оппозиция сегодня во многом перешла в разряд эпистемологических архаизмов. Дело, конечно, не в том, что смысл латинского *revolutio* (возвращение, круговорот) не имеет ничего общего с современным значением слова «революция» как социально-политического понятия. Анахроничным представляется само сохранение за естественно-природной научной терминологией роли средства описания общественно-политических процессов. Когда в Англии XVII века антикатолический политический переворот (его результатом стало возвращение протестантам ускользавшей из их рук власти) был осмыслен в терминах объективного события, т.е. чего-то, сопоставимого в смысле закономерности и неотвратимости с движением небесных тел (отсюда «славная революция»), то подобная унификация исследовательских подходов была отражением типичных черт эпистемологии начала Нового времени: новый метод познания бросал вызов традиционалистским познавательным установкам, в т.ч. — запрету на редуцирование «человеческого» к «естественно-природному».

Именно в недифференцированности представлений о законах природы и законах общества была заложена возможность характерного для раннего Модерна акта признания легитимности социальной

революции: последняя объявлялась законной в случаях нарушения властью *естественных прав* граждан. «Если какой-либо государственный строй нарушает эти права, — записано в Конституции Франции 1793 года, — то упразднение его и установление нового строя является священным правом и важнейшим долгом народа»¹. Интеграция в политическую философию Нового времени тезиса о сосуществовании постепенного и скачкообразного, мирного и насильственного типов развития государств находит отражение также в принадлежащих к указанному периоду теориях общественного договора Т. Гоббса и Дж. Локка; и это несмотря на то, что у первого суверен изображен полубогом, тогда как для второго правитель — существо смертное, ошибающееся. В развитие дискуссии о праве на революцию также внесли свою лепту отцы-основатели США Дж. Мэдисон и Т. Джефферсон, принявшие в этом вопросе сторону Локка. В указанном контексте распространение термина «революция» на любые глубинные качественные изменения в развитии явлений природы, общества или познания (промышленная научно-техническая революция, культурная революция, революция в физике, философии и т.п.) находило оправдание в осознанной цели формирования в Европе нового — светского, логоцентричного, ассоциированного с лозунгом свободы, равенства и братства — мировоззрения. И позже феномен Великой Французской революции, дополненный опытом европейских революций XIX века, утвердил «революцию» в статусе едва ли не самого популярного слова в составе политического лексикона эпохи Модерна. Так, волей стечения исторических обстоятельств (а еще больше — волей универсализирующей рационалистической эпистемы) концептуальная оппозиция «революция-эволюция» утвердилась в качестве рамочной как для естественнонаучного, так и для социально-политического познания; можно сказать, что по инерции она и сегодня продолжает восприниматься как рамочная — хотя, конечно, далеко не всеми исследователями.

Между тем, первые признаки отхода от концептуальной парадигмы, заданной понятийной парой «революция-эволюция», мож-

---

¹ Readings from the French Revolution — Chapter 13: Preface to the Constitution of 1793 / Columbia University. CUP. P. 135 // www.columbia.edu/acis/ets/CCREAD/frerev.htm.

но зафиксировать уже в период институционально-практической реализации плодов государственного строительства, нацеленного на искоренение сохранявшихся опор «старого режима». Так, к середине XIX века Великобритания успевает не только модернизировать собственные правовые принципы, но и накопить определенный опыт экономико-политического функционирования в условиях новой, освобожденной от традиционалистского наследия либеральной конституции¹. Приобретенный опыт принципиально меняет общий политико-философский настрой ученых кругов страны; выразителем нового отношения к «праву на революцию» (как и к самой революции) становится главный политический философ «золотого века либерализма» Дж.-С. Милль. Будучи одним из самых разносторонних мыслителей своей эпохи, Милль умел на интуитивном уровне предвосхищать некоторые из интенций, впоследствии положенных в основание новых исследовательских трендов, в частности, в области политической философии. Именно он стал выразителем духа морального неприятия революции как легитимного принципа современной политики — принципа, совпадающего в своем имморализме с предпринимательским принципом наживы. «Сознаюсь, что я вовсе не очарован жизненным идеалом тех, кто считает нормальным состоянием человеческих существ борьбу за преуспевание, и не уверен, что необходимость раздавить, уничтожить, растолкать локтями, обогнать всех остальных... представляет собой лучшую судьбу, которую человечество может себе пожелать»².

Как бы то ни было, уже следующий, XX век усилил скептическое отношение европейских философов к концепту «революция»; фактически, XX век был отмечен сломом самой «эпистемы», предписывавшей рассматривать социально-политические процессы и события в терминах их эволюционности/революционности. В этот период ведущая роль в модернизации политической фило-

---

¹ Многочисленные данные, отраженные в публикациях указанной эпохи, существенно повлияли на формирование политико-экономической философии Карла Маркса, изложенной им в «Капитале».

² Милль Дж.С. О состоянии застоя // Основы политической экономии. Т. 4. М., 1981. С. 78–79.

софии переходит к немецким теоретикам. Первой ласточкой капитальной смены ориентиров становится на рубеже XIX–XX веков философия Ф. Ницше, в частности, такие персонажи и темы его работ, как «последние люди» и «восстание рабов в морали». Под действием этих концептов-образов проблематизируются сами понятия революции и прогресса: объектом жесткой критики становится вера в причинно-следственную связь между первым и вторым, утрачивается доверие к их взаимному обоснованию в качестве морально-политических добродетелей. Ницше первым подверг критике антиисторизм морально-политической легитимации революции. «Существуют политические и социальные фантазии, которые пламенно и красноречиво призывают к перевороту всего общественного порядка, исходя из веры, что тогда тотчас же как бы сам собой воздвигнется великолепнейший храм прекрасной человечности. <...> К сожалению, из исторического опыта известно, что всякий такой переворот снова воскрешает самые дикие энергии — давно погребенные ужасы и необузданности отдаленнейших эпох; что, следовательно, переворот хотя и может быть источником силы в ослабевшем человечестве, но никогда не бывает гармонизатором, строителем, художником, завершителем человеческой природы»¹. В основе ницшевского неверия в осуществимость благих целей революции лежит скептицизм более общего плана: объектом его является теперь весь концептуальный костяк, весь образ мысли, присущий классической политической философии. Это делает его критиком не только революционной, но и связанной с ней эволюционной теории развития современного общества.

Следующий значимый для нашей темы шаг — критическое исследование Франкфуртской социологии феномена «массового общества». Франкфуртцы подтвердили опасения, высказанные еще в начале XIX века французом А. де Токвилем относительно отмеченного им (во время пребывания в Америке) зарождения нового типа демократической власти, которая, будучи «абсо-

---

¹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. М., 2016. С. 314.

лютой, дотошной, справедливой, предусмотрительной и ласковой»¹, на деле лишает своих подданных всяких надежд на формирование у них самосознания субъектов политики. Данная ситуация (в XX веке она стала типичнейшей ситуацией в большинстве европейских демократических государств) подрывает на корню идею революции; понимая это, франкфуртцы попытались найти в современном им западном обществе какие-либо социальные слои (напр., интеллигенцию), способные продуцировать субъектность, утраченную ее прежними носителями (рабочим классом и пр.). Этим попыткам сохранить некую концептуальную связь с основаниями классической политической философии наносят очередной удар концепции присущего Модерну «дисциплинарного общества» (М. Фуко) и «общества контроля» Ж. Делеза. Последний сохраняет значение революции, но не ее подлинный смысл как основополагающего концепта: «В своем качестве концепта и события, — утверждает он, — революция автореференциальна, то есть обладает самополаганием, которое и постигается через имманентный энтузиазм, а в состояниях вещей и жизненном опыте ничто не может его ослабить, даже разочарования разума. Революция — это настолько абсолютная детерриториализация, что она взывает к новой земле и новому народу»².

К сказанному можно добавить, например, концепцию «множеств» А. Негри и М. Хардта³, в рамках которой революция представлена как нечто, развивающееся *спонтанно*, и наконец, т.н. сетевые варианты «бессубъектных революций». В совокупности эти примеры, как мне кажется, наглядно демонстрируют не только утрату понятийно-методологических связей с парадигмой «революция vs эволюция», но и несуществование на сегодняшний день ничего подобного политической теории революции, какой она была известна эпохе классического Модерна.

---

¹ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Геофилософия // society.polbu.ru/delez_philosophy/ch04_vi.html.

³ Hardt M., Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire, New York: Penguin Press, 2004.

Революционные события в России в 1917 году: проблемы интерпретации

«Опыт мировой истории» свидетельствует о том, что практически любая революция обуславливается сочетанием факторов (в т.ч. объективными условиями и противоречиями, партийно-идеологическими стратегиями и проектами, деятельностью политических акторов, субъективным социально-политическим конструированием, в том числе и при помощи внешних сил), и в каждом конкретном случае подобные факторы будут явлены исследователю как связанные, соотнесенные между собой неким индивидуально-неповторимым образом. В свете сказанного вопрос о доминирующем факторе социальных революций должен быть сужен, поставлен в отношении ограниченного историко-культурного контекста.

Вместе с тем, нельзя не признать, что концепции, предлагаемые разными политиками и теоретиками революции, не могут обходить стороной вопрос о движущих силах; однако попытки интерпретировать заключенный в их теориях ответ на данный вопрос зачастую сами по себе оказываются проблематичными. Так, принадлежащая А. Бадью теория революции как события¹ (она представляется наиболее философичным на сегодняшний день осмыслением феномена современной революции; из отечественных политических философов теорию политического события развивает Б.Г. Капустин²) весьма трудна в этом плане, так как, согласно этой теории, революция представляет собой такое событие, *в процессе* которого формируется новый политический субъект, а именно, субъект как самой революции, так и порожденного ею нового социально-политического устройства. Получается, что, с одной стороны, так понимаемый субъект не может быть «главным детерминантом и двигателем» революции (в том понимании, которое заложено в вопросе), постольку поскольку он сам формируется, возникает по ходу развития этой революции; с другой сто-

---

¹ См.: Badiou A. L'être et l'événement. P.: Éditions du Seuil, 1988.

² См., напр.: Капустин Б.Г. О предмете и употреблении понятия «революция» // Капустин Б.Г. Критика политической философии. Избранные эссе. М., 2010. С. 118–170.

роны, выражение «субъект революции» по определению должен быть той действующей силой, которая данную революцию определяет, движет ею. Так, Б.Г. Капустин утверждает, что **«субъект не предшествует событию, субъект возникает в самом событии. По сути, событийность события и субъектность субъекта — это, если так можно выразиться, две стороны одной медали.** Это мне представляется глубокой мыслью, которую, пожалуй, наиболее отчётливо сформулировали теоретики итальянского марксоидного движения “автономистов”: пролетариат, как считали они, не предшествует пролетарской классовой борьбе, а формируется (в качестве политического субъекта) в её ходе»¹. Комментируя это видение современной революции, стоит отметить, что, в отличие от многих отечественных «политтехнологов», рассматривающих ситуацию с субъектностью в контексте «малой» (в данном случае, манипулятивной) политики, автор высказывания призывает оценить неоднозначность ситуации, требует оценить ее политико-философский масштаб.

Что касается революционных событий 1917 года в России, предложения характеризовать их с точки зрения анализируемой дилеммы, они все еще явлены нам в виде полярных оценок и мнений. На данной стадии роль интерпретаторов могут взять на себя лишь исследователи, имеющие опыт многолетнего изучения темы русских революций.

Революции и вожди

Если наличие организации — неотъемлемая черта социальной революции, то существование лидеров во главе формирующегося политического субъекта — явление столь же естественное, сколь и необходимое. Современные разговоры о бессубъектности представляются в этой связи демонстрацией некомпетентности говорящих (вообще, что касается компетентности суждений, с ней в эпоху *сетевых коммуникаций* у общества возникли большие проблемы). Вооб-

---

¹ См.: Капустин Б.Г. Бессубъектная политика перед лицом кризиса // www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Bessub-ektnaya-politika-pered-licom-krizisa.

ще же понятие сетевой «бессубъектности» легче всего вписывается в теории элитистской демократии¹, а это совсем не то, чего ожидают от бессубъектности сегодняшние защитники данной идеи.

Стоит напомнить, что основным импульсом к развитию теории элитистской демократии была появившаяся в 1942 году книга Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия»². В ней на первый план выходит мысль о несамостоятельности (=бессубъектности) «масс». Именно это убеждение позволяет Шумпетеру утверждать, что современной демократии адекватен элитистский тип правления, что, конечно, меняет весь традиционный подход к демократии: согласно Шумпетеру, политика — дело избранных, задача же неспособной к серьезным шагам «демократической массы» (ср. с «массовым обществом» у теоретиков Франкфуртской школы) — не противиться воле лидеров и по возможности беспроblemно встраиваться в их политику — в том числе, политику осуществления революционного мятежа, если таковым будет решение правящих элит... Таким образом, современная проблема сфокусирована отнюдь не на фигуре вождя, а на образе «демократических масс», этаких «дикарей»³, неспособных к истинно политической субъектности.

Революции и насилие

Минимизировать разрушительные и насильственные последствия революционных изменений возможно, как представляется, за счет снижения общего уровня политического насилия в стране (т.е. некоего «принятого» уровня, существующего вне зависимости от того, каким — «мирным» либо антагонизированным — за-

---

¹ См.: *Democratic Elitism New Theoretical and Comparative Perspectives // International Studies in Sociology and Social Anthropology*. Leiden: Brill, 2010.

² См. рус. пер.: *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия М., 1995.

³ «...Как только обычный гражданин затрагивает политические вопросы, он опускается на более низкий уровень умственной деятельности. Он аргументирует и анализирует так, что это показалось бы ему самому инфантильным применительно к сфере его собственных интересов. Он вновь становится дикарем: его мышление становится ассоциативным и эффективным» (*Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 347).

стают наше общество описанные проекты в каждый конкретный момент). Достаточно посмотреть на Великобританию, Швецию, Японию. Им подобное удается — и, конечно же, не в силу стихийного развития событий, а вследствие серьезного настроя равнодушного большинства общества на то, чтобы впредь не допускать тех зверств и бесчинств, воспоминания о которых хранятся в исторической памяти любой нации. Между прочим, то же самое можно утверждать об искоренении коррупции. Обществу по силам достижение большинства из тех *тактических* целей, к которым оно, общество (а не только правительство!) относится серьезно и ответственно. Правда, любые апелляции к «обществу в целом» предполагают наличие достаточно высокого уровня доверия граждан друг к другу и к правительству.

По этому показателю наше общество унаследовало от «развитого социализма» чрезвычайно низкий (по сравнению с общеевропейским) уровень доверия граждан друг к другу и к институтам власти. Вместе с тем, ситуация с доверием в принципе более лабильна, чем уровень насилия в обществе, т.е. относится к разряду задач, решаемых на уровне не только долгосрочной («большой»), но и «малой» политики. Если говорить о сегодняшнем российском обществе, то, при всех его громадных проблемах и противоречиях, нельзя не признать, что после смены политического строя уровень доверия в обществе демонстрирует признаки повышения. И все-таки даже на такие подвижки, как установление культуры взаимного доверия, может не хватить жизни одного поколения — того, которое эту работу начало. Вот почему на вопрос: как этого добиться? хочется ответить, как в анекдоте: «Трудно ли создать у себя английский газон? — Да очень просто: надо засеять травой ровный участок земли и потом постоянно подстригать траву — лет эдак 200».

Социальная эволюция: проблемы и возможности

Идеал не нарушаемого катаклизмами — эволюционного — развития, даже если размышлять о нем в терминах концепции

элитистской демократии Шумпетера (думается, никто из мыслящих людей не станет отрицать наличия у этой концепции рационального зерна) — подобный идеал будет выглядеть мало реалистичным. Так, в условиях элитистской демократии, где главным фактором стабильности является воля правящих элит, эти последние время от времени бывают вынуждены снижать возникающее по разным поводам напряжение в обществе, и нередко оптимальным (с точки зрения элит) способом достижения этой цели становится переключение разрушительных энергий масс на более безобидные объекты. В условиях сегодняшнего «столкновения цивилизаций» выбор объекта напрашивается сам собой... В результате, как можно убедиться на имеющихся примерах, общество оказывается в некоем промежуточном состоянии («ни войны, ни мира»); это состояние едва ли можно отождествить с *идеалом* эволюционного развития. Сказанное, однако, не снижает значения данного идеала как *утопии* — в том смысле, что даже К. Маннгейм (он, как известно, желал вытеснения в будущем оппозиции: идеология *vs* утопия «адекватными идеями») признавал, что освобождение от утопического сознания поставило бы нас перед проблемой поиска нового источника развития.

...Иначе говоря, с какой отправной точки ни пытались бы мы рассматривать оппозицию «революция-эволюция», ответ на заданные вопросы потребует от нас выхода за пределы очерченных ею понятийно-методологических рамок.

Никандров А.В.

Диктатура пролетариата
и Коммунистическая партия:
К проблеме доктринальных основ
советского государственного строя

Столетие Великого Октября — юбилей особого рода, дата чрезвычайной важности не только для российского государства и истории, но и для общественно-политических наук. Это время заново открыть тексты основоположников марксизма, перечитать труды В.И. Ленина, И.В. Сталина, книги по истории Коммунистической партии и партийные документы, тексты Конституций СССР, труды советских историков, правоведов, политических мыслителей, идеологов. Юбилей — неизбежный повод для концептуальных размышлений и оценок, ведь по прошествии ста лет изначальное событие предстает, может быть, не столько неизбежным образом искаженным, сколько концептуально перегруженным, наполненным множеством новых смыслов и оценок, преобразенным, возможно, до неузнаваемости творцами доктрин, теорий и концепций; в его образе отражается столетие дискуссий, идейных столкновений, идеологических битв и научно-политических баталий.

Своего рода «идейным каноном» мысли (и во многом жизни) в советское время были труды Ленина и (с оговорками) Сталина; впрочем, и в наши дни без обращения к ленинским и сталинским работам, посвященным проблемам государства, построению теории диктатуры пролетариата, обоснованию роли партии в «переходном государстве», каковым виделась «классикам-практикам» диктатура пролетариата, равно как и в социалистическом государстве, — не так много можно увидеть и понять в современных реалиях и проблемах российского государства и права, российского конституционализма, правового государства и демократии; равно

как и в нынешних международных коллизиях, в которых, используя выражение Антонио Грамши, «излучение престижа» СССР, как бы *ушедшего* в историю без малого тридцать лет назад, не только не угасло, но и неуклонно возрастает, — и в особенности это связано с идейным крахом американского «интернационально-либерализма» и с (гео)политическим банкротством «глобализма по-американски». — «Советский период был и, по всей вероятности, останется навсегда, — пишет А.А. Зиновьев, — вершиной российской истории. И как бы ни относились строители новой социальной организации России, советизм стал и будет в дальнейшем одним из решающих факторов в определении типа создаваемой ими социальной организации»¹.

В.И. Лениным была создана удивительная по своей идейной силе и значимости в истории политическая конструкция, без преувеличения исторический шедевр, «умная сила», — большевистская партия; заложены основы советского государства; И.В. Сталиным создана советская сверхдержава и в целом построена система права; последующими руководителями партии и государства это строительство было продолжено. — И это то, что стало фундаментом для современной российской государственности и отправным пунктом для развития российского права после ухода СССР в историю (несмотря на кажущийся разрыв с советской традицией в 90-х годах). Именно поэтому интерес к истории партии не только не угасает (как это было в довольно короткий отрезок времени около тех же 90-х годов), но наоборот — возрастает, причем это характерно также и для западных историков и исследователей политической мысли.

Чем был *коммунизм* для советской марксистской мысли, теории, истории и права? «Солнечной весной, которую несет человечеству рабочий класс, обновляя мир на основе свободы и равенства» (Сталин), т.е. идеалом, моделью, императивом; или же — квазирелигиозным культом, мифологической системой? Что такое *диктатура пролетариата*? Одна из догм «культы», кульминация классовой борьбы, захват власти пролетариатом и осуществление им своего «деспотич-

---

¹ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 422.

ного» правления, синоним революции («основное содержание пролетарской революции» — Сталин); «удобное прикрытие» для диктатуры партии или личной диктатуры вождей? Какова была роль *партии* в осуществлении диктатуры пролетариата и в советском государстве, чем вообще была коммунистическая партия для нашей страны; какими были отношения партии и советского права? Имеют ли смысл описание и анализ сущности и роли партии в категориях, понятиях и терминах западной политической мысли и теории?

Догматический универсализм и апология пролетариата

Величественное здание марксистской теории и догматики пролетариата и пролетарской революции выстроено прежде всего как интеллектуальный проект, предполагающий *встроенность разума* в историю и политику. Этим Маркс обязан во многом панлогизму Гегеля; здесь же — и источник ленинского «политического панлогизма». Американский историк Аллан Мегилл утверждает: «Сам Маркс считает, что разумность является центральным понятием в анализе и переустройстве государства и политике. Задача законодателя аналогична задаче ученого»¹. — Догматический характер построений Маркса связан с тем, что Мегилл характеризует как «стремление видеть мир как, в конечном счете, унифицированное целое (можно назвать это стремление Марксовым “унитаризмом”). Оно заметно, например, в настойчивом подчеркивании Марксом феномена *обязательного* разрешения противоречий, ведущего к некоему более высокому уровню единства, и неодобрения им консервации противоречий без попытки их разрешения. С унитаризмом Маркса связана и разделяемая им тенденция рассматривать соотносимые друг с другом понятия в холистском смысле, то есть как вариант одного и того же понятия или, говоря другими словами, как разные аспекты одной общности»². В этом плане интерес-

---

¹ Мегилл А. Карл Маркс: бремя разума. М., 2011. С. 98.

² Мегилл А. Карл Маркс: бремя разума. М., 2011. С. 145.

но также наблюдение С.Н. Булгакова, который обращает внимание на «геометризм» Маркса: «Для взоров Маркса люди складываются в социологические группы, а группы эти чинно и закономерно образуют правильные геометрические фигуры, так, как будто кроме этого мерного движения социологических элементов в истории ничего не происходит...»¹

Но «исторический панлогизм» и «социальный геометризм» (заставляющий вспомнить о роли геометрии в политическом учении Платона) прочно увязаны у Маркса с квазирелигиозным «пролетарским мессианизмом» и стремлением к догматическому *развертыванию* своих построений. «Догматический марксизм» с его «метафизикой пролетариата» не раз подвергался критике (и редко — бывал удостоен взвешенной оценки) именно с этой стороны — создание догматической системы с неизменяемыми фундаментальными постулатами (аксиомами). Представляя свой глубокий анализ учения Маркса («абсолютного социализма») как своего рода *религиозной доктрины* (но вовсе не сводя марксизм к религии), П.И. Новгородцев в работе «Об общественном идеале» говорит, что марксизм «несет с собою человеку такую полноту обетований, что поистине можно сказать, он сам становится религией, и более того: как всякая единоспасающая вера, он вступает в непримиримую вражду с той другой религией, которую издавна исповедовали люди — религией неба и Бога...»².

В особой степени религиозный характер учения Маркса, утверждает П.И. Новгородцев, высвечивается в его *апологии* пролетариата — «класса-богоносца»: Марксу «нужен такой класс, который являлся бы безусловно единым и обособленным по своей природе, который мог бы приять во всей чистоте абсолютную истину социального преобразования». — Именно такой класс и *созидается* Марксом, *возводится* догматическим образом, как догмат; и поэтому, когда Маркс «говорит о грядущем господстве и значении пролетариата, реалистический язык изменяет ему. Мы попадаем здесь в полосу чудесных превращений и абсолютных явле-

---

¹ Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 315.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 213.

ний». — В самом деле, говоря о Марксовом понимании пролетариата, этой мистической субстанции истории и политики, невозможно, по словам Новгородцева, обойтись без признания «магических, волшебных метаморфоз», ибо тут — «настоящее чудо: совершив насильственный переворот и став господствующим, класс пролетариев отнимает у своего господства характер классового господства, а у своего классового существования характер класса; его господство превращается в свободу, а сам он из отдельного класса становится целым обществом». — Таким образом, «пролетариат возносится здесь над всеми прочими классами и наделяется признаками, ставящими его на некоторую абсолютную и недостижимую высоту... на пролетариат переносятся у Маркса черты абсолютного идеала: он является символом полного возрождения человека и человечества»¹. Пролетариат был введен Марксом и Энгельсом в качестве исходного положения «догматики коммунизма» и водружен на вершины истории, политики, политической теории и историософии. Догматика, подкреплённая мощной риторикой, или, лучше сказать, *догматика в единстве с риторикой*, оказалась могущественным фактором в осуществлении пролетарской революции и в деле дальнейшего социалистического преобразования в России.

Однако в чем же, по Новгородцеву, фундаментальное отличие марксизма от религии, и в чем состоит могущество марксизма? «Поскольку марксизм был своего рода религией, он мог давать известное утешение тем, кто в него верил. <...> Но сам он хотел быть не религией, а наукой, и влиять не на воображение, а на мысль. Свои религиозные обетования и надежды он облакал в форму научных выводов и аксиом. Свойственный ему пафос морально-религиозного настроения он соединял с торжественным провозглашением культа науки. <...> Получалось гордое и могущественное сооружение, опирающееся на незыблемый фундамент науки. Это и был тот первоначальный классический марксизм, который имел столь могущественное влияние в истории. Если спросить, что было в нем важнее — верования и пророче-

---

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 221–223.

ства или научные положения и доказательства, — на это следует ответить: то и другое было одинаково важно для его необычайного практического успеха»¹. Как явствует из этого, влияние марксизма и его, как можно сказать, «догматическая сила» и «идеологическое могущество» — не были бы так велики (да и, пожалуй, ни силы, ни могущества не было бы вовсе), не будь этой религиозно-метафизической (или просто метафизической) составляющей.

Куда как более жестко отзывается об учении Маркса его непримиримый, в высшей степени пристрастный и, скажем прямо, совершенно необъективный критик — Людвиг фон Мизес: «Марксизм — это антилогика, антинаука, антимышление... Показательно, что он нацепил на себя ярлык научного социализма и таким образом приобщился к престижу науки, доказавшей победоносность своих методов»². — Мизес совершенно отказывает марксизму в научности, всецело сводя учение Маркса к вере и обещаниям рая, демагогии и пропаганде. Однако при этом Мизес делает довольно интересное замечание о роли *слов* в марксистской мысли — слов, нагруженных особыми смыслами, по сути, обожествленных, таких как «класс», «пролетариат», «революция», «диктатура пролетариата». По Мизесу, марксизм использует слова как политические лозунги — «для гипнотизации психики масс»: «Марксистская диалектика, в сущности, есть не что иное, как обожествление слов. Каждый из предметов веры воплощается словом-идолом, неоднозначность которого позволяет выражать им несовместимые идеи и требования»³.

Если П.И. Новгородцев вскрывает религиозно-магические аспекты марксизма и, в частности, основного марксистского догмата о пролетариате — «мифологическом классе», а Мизес прямо обвиняет Маркса в сотворении идолов (и пролетариат, в оценке Мизеса, есть «главный идол») и соответственно в «идолопоклон-

---

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 229.

² Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический взгляд. М., 1994. С. 18.

³ Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический взгляд. М., 1994. С. 59.

стве»¹, — то другие критики, также отмечая «пролетарский фидеизм» Маркса и Энгельса, делают упор на несоответствие приписываемого классиками практически божественного *статуса* тому *классу*, который они «воспевали». Так, Э.Л. Розин пишет: «Марксизм-ленинизм приписывал пролетариату, как якобы движущей силе общественных изменений и орудию революционного процесса, особую историческую роль в установлении социалистического общества. Но эти надежды на историческую миссию пролетариата можно отнести скорее к вере, нежели к науке. Никогда и нигде пролетариат не исполнил той миссии, той задачи, которая ему приписывалась, и нет ни малейших признаков того, что эта социальная группа, все более исчезающая в современном мире, потерявшая почти полностью свой социальный статус (работа Розина писалась в 90-е годы XX века. — А.Н.), сможет когда-либо в будущем выполнить возложенную на нее марксизмом-ленинизмом задачу...»².

---

¹ Заметим, что Мизес в принципе отрицает возможность классового единства, равно как и само существование пролетариата как некоей политической общности — во всяком случае, вне социалистических идей. Поскольку для сторонника классического либерализма, по его же словам, «теория общности интересов всех членов общества есть единственная теория, которая показывает, как вообще возможно общество; и если отбросить эту теорию, единое общество распадается даже не на классы, а на взаимно враждебных индивидов», — постольку «класс, объединенный общим особым интересом, просто не существует — это изобретение непродуманной теории». — Ergo, «до социализма пролетариат не существовал как класс. Социалистическая идея сформировала пролетариат как класс, объединив определенных индивидуумов для достижения определенных политических целей» (*Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический взгляд. М., 1994. С. 219–221*). — Равным образом и буржуазия, надо полагать; здесь можно вспомнить небезызвестный афоризм Мориса Мерло-Понти «класса никто не видел и никто не создавал» — со второй частью этого высказывания Мизес, учитывая выше сказанное, вряд ли согласился бы.

² *Розин Э.Л. Ленинская мифология государства. М., 1996. С. 100.* Учение же о диктатуре пролетариата вызывает у Э.Л. Розина недоумение: «Не поддается ни теоретическому, ни практическому обоснованию исходный тезис Ленина, что лишенная всякого нравственного начала диктатура “пролетариата” призвана осчастливить человечество... что именно пролетариат, являющийся, по словам Энгельса, продуктом разложения всех сословий, представляет собой единственно прогрессивную силу современного общества. Не правильнее ли было бы предположить, что класс, которому нечего терять, легко увлечь идеями насилия и террора...» (С. 147).

О «марксистской догматике»: так ли плох или вреден догматизм?

«Важно отметить, что понятие “догматизм”, — говорит В.Н. Расторгуев, — чаще всего употребляется в научной литературе не как научный термин, а как сугубо оценочное суждение, своего рода обвинительный приговор для той или иной идеи, теории или деятельности — научной, общественной, политической»¹. — Совершенно очевидно, что речь в таком случае идет не о понятии и тем более не о термине, а о ярлыке, полемическом приеме. Соответственно, защищающийся вынужден использовать симметричный прием, и так получается не полемика, а столкновение «талмудистов и начетчиков». — В действительности же догматизм — это, согласно В.Н. Расторгуеву, «способ мышления, предполагающий верность человека, в том числе ученого или политика, какой-то избранной позиции, определенному научному учению либо политической доктрине, единожды принятому решению. Сам по себе этот тип мышления и соответствующее ему человеческое качество не должны вызывать ни осуждения, ни отторжения, поскольку только благодаря верности слову, преданности идее, уважению к авторитету учителей и лидеров создаются политические сообщества, партии и научные школы»².

Американский психолог Милтон Рокич определяет догматизм как «относительно ограниченный способ мышления, оперирующий убеждениями, утверждающими и отрицающими что-либо в отношении действительности, образованными вокруг *центральной группы убеждений, обладающих абсолютным авторитетом...*» (курсив мой. — А.Н.)³. Догматизм — важнейший принцип и одна из базовых установок построения политической теории; догматика при этом — попросту совокупность содержательных моментов теории, ее аксиомы, подкрепленные как научно, так и

---

¹ Расторгуев В.Н. Догматизм // Философия политики и права. 100 основных понятий. Словарь / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова. Пушкино, 2014. С. 54.

² Расторгуев В.Н. Догматизм // Философия политики и права. 100 основных понятий. Словарь / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова. Пушкино, 2014. С. 53–54.

³ Цит. по: Канаков Д.В. Феномен религиозного догматизма. М., 2017. С. 33.

авторитетными суждениями мыслителей (чаще двояким образом, но научность не всегда совпадает с *авторитетностью* высказывания, причем, как правило, то, что *magister dixit*, куда как важнее научной строгости, доказуемости, релевантности высказывания). Догматика в теории — это то, что не может быть изменено, именно аксиомы — *достойные* быть вечными (для данной теории, разумеется) истины, отказ от которых означает отказ от теории; впрочем, иногда такого рода догмы — суждения, концепты, конструкты, часто идеологемы — переживают и саму теорию, т.к. обладают собственной «политической энергией» и вне теории.

Догматика не требует полного запрета на критику, ведь политические аксиомы-догмы потому и «вечные» (или как минимум долгоживущие), что являются результатом глубокого анализа или интуитивного прозрения исторической или политической проблемы, ситуации; долгого и трудного поиска ответов на запросы времени. Любая политическая теория предполагает свою аксиоматику, т.е. набор догм. Любая доктрина не может избежать непререкаемых, догматически оформленных утверждений. Равным образом и всякая партия, принимающая теорию, учение, — принимает и эту догматическую составляющую, и поэтому не может избегать известного догматизма, но для партийной деятельности и доктринального творчества важна еще «риторическая сбалансированность» кардинальных утверждений. Догмы практически невозможно заменить или откорректировать (для этого нужен сам авторитетный мыслитель — создатель учения, или же не менее значимый и авторитетный продолжатель учения, *magister*).

Безусловно, и в политике, и в науке нередко (но далеко не сплошь и рядом) происходит так, что и теории перестают соответствовать действительности, и убеждения, идеи, доктрины теряют свою силу. В этих случаях догмы, не терпящие критики, становятся в самом деле тормозом на пути движения вперед. Тогда говорят об «окостенелости», «догматизации», «схоластике» и т.п. Напор критики в конечном счете сметает любую «закостенелую догму», схоластическую систему; тем более если критика стала возможна — значит, догма перестала быть таковой (и в результате должна быть заменена новой). Но что если «оружие критики» находится в ру-

ках политического или геополитического противника? Что если «критический напор» — хорошо организованная акция, если не стратегия (допустим, стратегия антикоммунизма)? Что если речь идет не о критике, дискуссии, а об идейном противостоянии, идеологической войне? Или если идейный противник использует лозунги защиты марксизма от «деформаций», догматизма, возвращения к «подлинному Марксу», очищения «аутентичного» марксизма от ленинизма и сталинских «искажений» и т.п.? В этом случае догматика с ее неизменностью, даже «неповоротливостью», авторитетными корпусами текстов, последователями, — становится защитой от подобной «критики».

«Марксизм — не догма», но без догматической системы он не существует, как и любое другое политическое учение, особенно если оно одновременно является и «руководством к политическому действию», т.е. доктриной; и «руководством к мысли и жизни», т.е. идеологией. — «Идеологическое учение, — пишет А.А. Зиновьев, — есть не просто сказка о бытии, а руководство к поведению людей. Оно в этой роли по самой своей сути должно быть догматичным и априорным, установочным независимо от изменений и вариаций реальных ситуаций. <...> После того, как она сложилась... она должна функционировать в неизменном виде как вневременная истина, имеющая априорную силу»¹. Догма предполагает, требует безусловного признания, приверженности, но это вовсе не означает никакого «бездумного следования», ведь здесь главное — дух, а не «буква» (но что касается формулировок, звучания слов — «буква» также имеет значение). Тем не менее «догматизм» употребляется в основном как слово ругательное, да и сами классики употребляли его, как правило, именно так, в противопоставлении некоему «живому учению», как антитезу некоей «диалектике», — как если бы эта «живая диалектика» была каким-то протеистическим, постоянно изменчивым образованием (эдакая гераклитовская река), а не системой мысли с фиксированными постулатами: что же тогда, собственно, живет? (Впрочем, «живое учение», «жизненность», «диалектичность» — своеобразные «за-

---

¹ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 317.

щитные» догмы марксизма-ленинизма; диалектика же играет в нем роль своеобразного теоретического и идеологического гирескопа.) Нельзя не признать, что во многом «благодаря» полемическому употреблению слова «догматизм» именно в марксистской парадигме — за ним и сохранился этот «обличительный» характер, когда «обвинение в догматизме — традиционный способ диффамации (обличение противника) или форма аргументации с целью самозащиты, поскольку такое суждение чаще всего предполагает, что изрекающий его сам свободен от догматизма и осуждает любые проявления этого порока»¹. С другой стороны, марксисты «отбивались» от обвинений как раз в догматизме же, которые им «предъявляли» оппоненты (не менее догматичные, если уж на то пошло дело), — так что слово приобрело то значение, которое оно имеет и ныне. Однако полемический задор марксистов и их оппонентов совершенно не обязательно принимать «за элемент теории», и тем более в качестве обвинения; а «догматизм» — за некий порок теории ли, партии ли, идейной системы.

Марксистско-ленинское учение в СССР (в западной литературе часто называлось «советским марксизмом»²) — это политико-догматическая идейная система, являющаяся фундаментом идеологии партии и государства, источником доктринального творчества, в основе которой лежит универсалистская концепция истории и политики, экономического и политического развития общества, созданная Марксом и Энгельсом, развитая и обоснованная применительно к первому государству победившего социализма Лениным и Сталиным. Роль партии по отношению к «единственному и единственному учению» состоит в его догматическом, научном, идеологическом оформлении, трансляции, развитии и защите от враждебных и оппонирующих идей, концепций, теорий и доктрин (равно как и во взаимодействии с ними): «Ленинизм, — говорит В.Г. Мосолов, — и в более общем плане — марксизм-

---

¹ *Расторгуев В.Н.* Догматизм // *Философия политики и права. 100 основных понятий. Словарь* / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова. Пушкино, 2014. С. 54.

² Формула «советский марксизм» была введена в научный оборот и политическую публицистику Гербертом Маркузе в его достаточно сдержанной работе «Советский марксизм. Критический анализ» (1958).

ленинизм, в каждый данный момент равен самому себе, а каким он должен быть в этот момент или в данном отношении — это решает партия, ее руководство, в конечном счете, ее вождь»¹. Таким образом, марксизм-ленинизм как универсальное догматическое учение сыграл безусловно положительную, благотворную роль при создании и строительстве советского государства; относительно успешно марксизм-ленинизм исполнял цементирующую и ориентирующую роль в жизни государства и его деятельности в сложнейшей геополитической обстановке второй половины XX века, вплоть до конца 80-х годов.

Ясно, что интересы государства несопоставимо выше «интересов теории», текстов и их интерпретаций: марксизм, поставленный Сталиным на службу СССР, стал *орудием* государства. Так, Милован Джилас, практически восхищаясь сталинским умением «соединить марксистско-ленинское учение с властью, с государственной мощью», определяет «сталинский марксизм» следующим образом: «Это марксизм партии, жизненная необходимость которой — превращаться во власть, в “ведущую”, господствующую силу»². Однако этот сталинский «государственный прагматизм» не следует абсолютизировать, как если бы марксизм-ленинизм мог при необходимости, а то и желании, быть заменен на другую теорию, более подходящую в данный момент для государства; равным образом не имеет смысла приписывать советским руководителям «ритуализацию» марксизма (как якобы следствие его «догматизации»). Марксизм был сущностно связан со Страной Советов, и поэтому никак нельзя полагать марксистско-ленинскую догматику и идеологию некоей завесой, флером «истинных намерений» вроде восстановления Империи и т.п. (разве что метафорически). Опять же нет спора при этом, что советское (как и любое другое) государство не могло идти вслед за максимумами и постулатами марксистско-ленинской (как и любой другой) теории, *подчиняясь идеям и текстам*, тем более что идеи можно переинтерпретировать, а тексты — «откорректировать» в нужную сторо-

---

¹ Мосолов В.Г. ИМЭЛ — цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956. М., 2010. С. 209.

² Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 140.

ну. Основы же теории, т.е. ее фундаментальные догмы, изменить, переформулировать без последствий для государства невозможно, поэтому они и должны оставаться «самотождественными» и в принципе быть «руководством к действию» (но не планом, алгоритмом действия).

Дело вовсе не в том, что, как сказал К. Шмитт, «диктатура — противоположность дискуссии»¹. Жизнь советского (и не только) государства — не вечная дискуссия и полемика, а идеология — не праздник ума и не интеллектуальные игры и непрекращающееся творчество новых форм и смыслов в вечно изменчивом политическом пространстве, когда любая идея ли, концепция ли, факт — обязательно нуждается в «дальнейшей разработке»². Тут и вправду необходимы «священные тексты», «основы теории» — «идейные каноны», вечные и неизменные «платоновские идеи», догматика, «суммы марксистской теологии» (именно это имел в виду Сталин, когда говорил: «Без теории нам смерть, смерть!»). — «И если кто спросит, — говорит Сталин, — как же у вас нет ничего вечно-го? Сегодня одно, а завтра другое. Как же жить? Надо объяснить так: если вы хотите быть марксистами, то должны понять, что основы теории не меняются, а отдельные положения могут изменяться, значит, головой надо думать»³. — Это хорошо прочувство-

---

¹ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 95.

² В письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931) Сталин обрушивается с критикой на «любителей интеллектуальных игр», не желающих понять, что есть вещи, которые не могут быть подвержены ни критике, ни даже сомнению, он пишет: «Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссии по вопросам, являющимся аксиомами большевизма. Это значит, что вопрос о большевизме Ленина вы вновь думаете превратить из аксиомы в проблему, нуждающуюся в “дальнейшей разработке”. Почему, на каком основании? <...> Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома. А вы тянете нас назад, пытаетесь превратить аксиому в проблему, подлежащую “дальнейшей разработке”» («Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленев, Д. Бранденбергер. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931–1956. М., 2014. С. 65).

³ «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленев, Д. Бранденбергер. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931–1956. М., 2014. С. 463. Краткий курс истории ВКП(б) явился монументальным шедевром сталинской теоретико-догматической системы, построенным на слиянии ленинизма и истории партии, истории и теории. Одна из важнейших задач Краткого курса, по словам Сталина, «состояла в том, чтобы на этой неболь-

вал и М. Джилас: «...Для Сталина все было преходящим. Но это была его философская точка зрения. Потому что за преходящим и в нем самом — за данной реальностью и в ней самой — скрываются некие абсолютные великие идеалы, его идеалы, к которым он может приблизиться, конечно, исправляя и сменяя при этом саму реальность и находящихся в ней живых людей»¹.

Следует подчеркнуть, что роль И.В. Сталина как признанного классика марксизма-ленинизма в развитии теории огромна, однако она зачастую принижается, а иногда и просто отрицается историками, политологами, а также публицистами. Дело часто представляется так, будто бы Сталин «омертвил» ленинское учение, превратив его в непререкаемый канон, и так получился безжизненный «марксизм-ленинизм в сталинской интерпретации». Так, Перри Андерсон, очень внимательный исследователь интеллектуального развития марксизма, совершенно несправедливо и некорректно говорит: «К тому времени, как правление Сталина достигло своего апогея, марксизм в России практически был сведен к формальному упоминанию. Страну, занимавшую в мире передовые позиции в развитии исторического материализма и обогатившую Европу разнообразием и силой ума своих теоретиков, за десятилетие превратили в полуграмотное болото, в страну, выделяющуюся лишь своей жесткой цензурой и грубой пропагандой»².

П. Андерсон не понимает, что учение, ставшее мировоззрением (идеологией) правящей партии и государственной идеологией, источником доктринальных разработок и решений, неизбежно дог-

---

шой книжке показать, продемонстрировать силу и значение знания законов развития общества». И далее: «Теория — это есть законы развития общества и руководство к тому, чтобы, если старых законов не хватает, открыть новые. Это очень хорошая штука, уверяю вас» (С. 455). Вся соль книги — в ее «теоретическом уклоне». — Сталин добавлял: «Уклон этой книги — в сторону теоретических вопросов»; «Кадры надо воспитывать на идеях, на теории»; «Но не в лицах соль, а в идеях, в теоретическом уклоне» (С. 428–429). Речь, таким образом, шла, по выражению Дэвида Бранденбергера, о «доктринальном толковании истории партии» (*Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1917–1941. М., 2017. С. 42).

¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 56.

² Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М., 2016. С. 39.

матизируется, становится общеобязательной догмой, каноном, так что «разнообразие ума», несанкционированное творчество в обстановке внешних (да и внутренних) угроз и политической мобилизации народа не может быть допущено. Нужен не просто марксизм, а догматическая система; и не просто «теоретический преемник», а сугубый догматик, вождь — и одновременно, если угодно, толкователь, «священнослужитель догмы»¹. Это хорошо понимал Ленин, и судя по многим фактам, основатель партии большевиков лично определил, предназначил Сталина быть своим политическим и теоретическим (догматическим) преемником (при том, что Ленин готовил Сталина в качестве продолжателя дела и «наследника власти» задолго до своей болезни²). Так, А.А. Зиновьев дает великолепную характеристику и оценку этой политической и духовной мессианской преемственности власти и учения: «Сталин дал наилучшее изложение ленинизма как идеологии. Он

---

¹ Р. Арон иронизирует: «Генеральный секретарь партии, владеющий жизнью и смертью миллионов людей, тоже интеллигент: на закате своей блестящей жизни он дает верным какую-нибудь новую теорию капитализма и социализма, и эта книга как бы подчеркивает величие достигнутого. Императоры часто бывали поэтами или мыслителями, но впервые император властвует как диалектик, толкователь учения и истории» (Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 211). И тот же Раймон Арон в той же работе в качестве замены марксизма — «опиума интеллектуалов» — предлагает без критики и размышлений *принять* американизм, *american way of life*, который, полагает мыслитель, есть «отрицание того, что европейский интеллигент понимает под идеологией». — «Американизм не формулируется системой понятий или предположений; он не знает коллективного спасителя, ни завершения истории, ни причины, определяющей развитие... Американизм не знает разработанного правоверия или официального толкования» (С. 215). — Как если бы это было правдой! Американизм — пожалуй, куда как более догматичен, чем марксизм; при этом американизм лишен всякой интеллектуальной привлекательности и догматической убедительности. «Вопреки» Арону, американизм *знает* и «коллективного спасителя» (США) и «завершение истории» (вспомним Фукуяму), и смысл истории (глобальная победа доллара и Америки); знает он и своих «правоверных и праведных» — это, возьмем яркие примеры, фанатичные догматики Хайек и Поппер; как и прочие неолибералы-неотроцкисты-неоконы. При этом и тональность, и отчасти лексика «мессианской» программы «либерального интернационализма» неоконов во многом напоминали образцы советской пропаганды всемирной пролетарской революции.

² Этой проблеме посвящено немало исследований; в частности, см.: Марков В.С. Ленин и Сталин — основатели советской цивилизации // Сталин и современность / Отв. ред. Д.В. Джохадзе, Р.И. Косолапов. М., 2010. С. 160–164.

был верным учеником и последователем Ленина. Какими бы ни были их конкретные личные отношения, с социологической точки зрения, они образуют единую историческую личность. Случай в истории уникальный». — Но и с другой стороны, обратно: «Я не помню другого такого случая, чтобы один политический деятель большого масштаба поднял буквально на божественную высоту своего предшественника у власти, как это сделал Сталин с Лениным»¹.

Сталину предстояла сложнейшая операция собрать из *западных* понятий, терминов и концептов убедительную конструкцию, которая должна быть положена в основу *советского* государства: речь шла, по словам Д. Бранденбергера, о «гегемонии нового политического языка», которая «дала толчок развитию особой советской формы социальной идентичности»². Более того, затем эту конструкцию предстояло «предъявить» тому же Западу, и не просто предъявить, но и завоевать успех у значительной части западной аудитории. Пролетариат, класс, диктатура, партия, марксизм, империализм, капитализм, социализм — все эти концепты предстояло вписать в одну стройную схему, почти платоновский идеальный чертеж «умного (и сильного) нового мира», нового идеального государства.

Поскольку историческая новизна — новизна во всех отношениях (и прежде всего, говоря словами Ленина, «в таком новом, для всей мировой истории новом деле, как создание невиданного еще *типа* государственного устройства»³) — СССР была ярчайшим фактом, признаваемым всем миром, постольку идейно-политический фундамент монументального здания Страны Советов должен быть выстроен незыблемо и абсолютно убедительно. Партия была для Страны Советов источником государства, власти и закона — практически божественной *инстанцией*, которая должна была иметь своего рода «теологическое» оформление. Требовалось подчинить

---

¹ Зинovieв А.А. Сталин. Сталинская эпоха. Сталинизм // Сталин и современность / Отв. ред. Д.В. Джохадзе, Р.И. Косолапов. М., 2010. С. 143.

² Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1917–1941. М., 2017. С. 25.

³ Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. М., 1964. С. 148.

историю — доктринальной логике, историческое — логическому, что и было сделано Лениным и Сталиным¹.

Политика и концепты

Надо заметить, что и Ленин, и Сталин «работали» с уже воздвигнутым Энгельсом и Марксом историософским концептом «пролетариат», равно как и с другими концептами, или «идеолого-теоретическими конструктами» (В.Л. Шейнис), или «терминами-идеологемами» (Д.М. Фельдман). Пролетариат — эта по сути политическая теологема, или «идеолого-политический конструкт», возведенный в ранг политической теологеми, создана («построена») и введена в общественную мысль Запада основателями марксизма настолько мощно и уверенно, что имеет силу и поныне. Догмат единства пролетариата не полностью потерял свою силу и в наши дни (правда, в основном речь идет скорее о лозунге, что же до признания, так сказать, наличного бытия «самого» пролетариата — тут мнения расходятся).

Об этой марксистской «политической концептологии», «идеологической филологии» (В.С. Нерсесянц²), или, в конечном счете, догматике необходимо сделать несколько уточнений. В.Л. Шейнис, разбирая полемику 1918 года Ленина, Каутского и Троцкого о диктатуре пролетариата, пролетарской демократии и социализме, справедливо заключает: «Все они оперировали идеолого-теоретическими конструктами, имевшими очень отдаленное отношение к существу дела. Ни в России, ни в Европе переход к социализму, как он рисовался Марксу, Ленину (да и Каутскому), в порядке дня не стоял, как и не стоит он век спустя»³. Однако в за-

---

¹ Сталин, по словам Е.И. Суименко, «сумел подчинить *историческое логическому* — в этом его величие. Хотя историческое и логическое... далеко не всегда совпадают, то для такого подчинения ему временами приходилось применять силу власти — идти напролом и рубить сплеча» (Суименко Е.И. К вопросу о реконструкции сталинского наследия // Сталин и современность / Отв. ред. Д.В. Джохадзе, Р.И. Косолапов. М., 2010. С. 239).

² См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2003. С. 227.

³ Шейнис В.Л. Большевицкая власть и первая советская Конституция // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 120.

служу Марксу и Энгельсу следует сказать, что эти *конструкты* все же надо было прежде *сконструировать*, создать, облечь определенной авторитетностью; сконструировать не по отдельности, а в качестве элементов «научно-политической конструкции»; наделять их идейной силой и смыслом, — с тем, чтобы они обладали идеологической убедительностью и привлекательностью. Все это оказалось под силу классикам-основателям и классикам-практикам марксизма — сделать, помимо перечисленного, еще и так, чтобы последующая политическая мысль лишь с огромным трудом могла бы вырваться из их категориально-понятийных «сетей»; чтобы мыслители, теоретики, идеологи, полемисты и политики не вышли бы за рамки марксистских конструктов, не уклонились от использования их в своей деятельности.

Идеологическая убедительность и привлекательность научно-политических по форме, политико-догматических по сути построений не может быть достигнута также и без воздействия на эмоции тех (как групп, так и отдельных людей), кого идеологам и политикам необходимо убедить и привлечь на свою сторону. Исследуя «маркированные политические термины» в отвлечении от теоретического содержания, но делая упор на идеологическую и эмоциональную нагруженность, Д.М. Фельдман использует понятие «термин-идеологема»: «Весьма часто термины, используемые для описания политических событий (и в особенности, хочется добавить, для создания концепций и теорий. — А.Н.), маркированы, эмоционально окрашены. Соответственно, передающий информацию задает изначально — посредством термина — эмоциональное отношение к описываемым событиям. <...> Весьма часто маркированные политические термины — часть какой-либо идеологии. Целенаправленное использование маркированных терминов-идеологем было и остается средством управления массовым сознанием. Средством эффективных манипуляций. Это закономерно. Термин легко запоминается, легкость запоминания и, соответственно, распознавания создает иллюзию понимания»¹.

---

¹ Фельдман Д.М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2015. С. 9.

Интересно, что после окончания Второй мировой войны перед американскими политиками и идеологами, стратегами и тактиками встала задача продвижения в общественно-политической мысли Западной Европы «своих» концепций, идей и теорий; внедрения «своих» идеологием и интеллектуальных конструкций, в достаточной мере удобных в качестве подспорья для насаждения американизма, для перестройки «интеллектуального каркаса» западноевропейской политической мысли. Политическая наука, политическая философия Европы, равно как и все другие социальные науки, согласно этим гегемонистским замыслам и планам, должны быть переформатированы по американским принципам. В самом деле, как иначе удобные и нужные для атлантистских идеологов идеологемы, мифологемы и другие конструкты (вроде «конца идеологий», «постиндустриализма», «тоталитаризма»), или, иным образом, *догмы*, — превратить в научные концепции, если не теории; как различным идейным конструктам из арсенала «наступательной идеологии» придать научный статус? Равным образом — как «уберечь» от анализа свои методы внедрения стереотипов, достижения управляемости обществом и общественным мнением; как представить в качестве желательного образа мира свою гегемонию? — Одним словом, как внедрить в европейскую мысль *американский догматизм*?

Американская «теоретическая монополия» заключалась не столько во влиянии, «теоретическом диктате» и пр. Суть дела состояла во «встраивании», «внедрении» американских образцов, стереотипов, штампов в понятийно-категориальный аппарат европейской политической науки, который под американским воздействием должен быть подвергнут кардинальной переработке (так оно и вышло). По сути, речь шла о пересоздании понятийного «каркаса» политической науки (введение одних понятий и снижение понятийного статуса других, элиминация ряда категорий или их «переформулировка» в «нужном» ключе, изъятие марксистской терминологии, вообще ликвидация «языка марксизма», и т.д.). — «Язык, а не деньги или власть, — говорит канадский публицист Джон Ролстон Сол, — обеспечивает легитимность. До тех пор пока военные, политические, финансовые или религиозные институ-

ты не установят контроль над языком, воображение масс будет оставаться в плену своих собственных представлений. Неконтролируемые слова для властей куда опаснее, чем вооруженные силы»¹. — Поэтому не столь очевидная, но достаточно ожесточенная борьба за «утверждение своего языка» велась атлантистами, и велась успешно, во второй половине XX века. В наши дни некогда «всепобеждающий» либерализм в его американском «исполнении» стремительно теряет силу, влияния, престиж; марксизм же — может быть, конечно, не с такой стремительностью, — восстанавливает свою былую силу.

Революционная диктатура пролетариата

Понятие (концепт, догмат) диктатуры пролетариата, введенное Марксом и Энгельсом, логично включается в их монументальное учение об этом «богоносном классе», авангарде истории. Именно диктатура, а не что-либо иное: ведь если, согласно Манифесту Коммунистической партии, «пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»², а затем «использует свое политическое господство для того, чтобы

---

¹ *Сол Дж.Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007. С. 14. Язык был оружием: так, С.К. Роцин подчеркивает принципиальную важность владения словом, ценность мастерства использования слов в политическом и идейном противостоянии, ведь «язык не только выражает мысль, но и определяет зачастую, как эта мысль будет понята. Большую роль в этом отношении могут сыграть отдельные слова, которые занимают в тексте как бы особое положение и создают определенную установку на его понимание и интерпретацию. Такие слова можно назвать словами-индикаторами, явно или незаметно направляющими ход мысли читателя или слушателя. Умелое и точное использование слов предполагает помимо хорошего знания языка и его формальных правил своего рода чувство языка, позволяющее уловить тончайшие оттенки не только прямого смысла слов, но и их эмоциональной и оценочной окраски. Кроме того, слова обладают такими качествами, как сила или слабость, активность или пассивность, твердость или мягкость, упругость или жесткость и т.д., и мы хорошо, хотя обычно неосознанно, это чувствуем» (*Роцин С.К.* Психология и журналистика. М., 1989. С. 141–142).

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Первая программа Союза коммунистов. «Манифест Коммунистической партии» в контексте истории / Отв.ред. Г.А. Багатурия, Д.В. Джохадзе. М., 2007. С. 61.

вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс», — значит, речь идет о диктатуре, и ни о чем больше: «Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения»¹.

Допускали ли основоположники мирный переход к социализму? Известны колебания Энгельса, однако в конце концов он признал, что без насильственной революции — как высшей формы классовой борьбы — завоевать политическую власть пролетариату не удастся. Классики не были против того, чтобы на пути к власти пролетариат использовал бы достижения западной демократии, к завоеванию которых он и сам был непосредственно причастен². Но «взять» саму власть никакими «демократическими процедурами» для пролетариата невозможно, что совершенно ясно, уже без всяких оговорок, выразил Ленин: «Мирного пути к социализму быть не может»!

Ясно, что диктатура класса как его политическая власть — это не диктатура в обычном понимании слова. Чем отличается диктатура пролетариата в марксизме от диктатуры в обычном понимании и от теоретически и практически невозможной «диктатуры массы», «диктатуры толпы»? *Во-первых*, диктатура пролетариата

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Первая программа Союза коммунистов. «Манифест Коммунистической партии» в контексте истории / Отв. ред. Г.А. Багатурян, Д.В. Джогадзе. М., 2007. С. 72.

² Об этом очень обстоятельно пишет академик Т.И. Ойзерман в работе «Марксизм и утопизм». — При всех допущениях мирного перехода совершенно очевидно, что «одно дело повышение заработной платы рабочих... но совершенно иное дело — переход государственной власти в руки этого класса» (Ойзерман Т.И. Марксизм и утопия. М., 2003. С. 349). — Резюмирует ученый так: «Всеобщее избирательное право, полагает Энгельс, создает возможность мирного завоевания власти рабочим классом. Это, однако, не исключает того, что на пути к мирной победе рабочий класс, по-видимому, столкнется с антиконституционным, насильственным сопротивлением буржуазии, которое он вынужден будет подавить революционным насилием» (С. 357). Так и Ленин в работе, написанной в 1899 году, иронично предполагает: «Рабочий класс предпочел бы, конечно, мирно взять власть в свои руки...» — И далее уже саркастически продолжает: «Очень вероятно — даже наиболее вероятно — что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием» (Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 4. М., 1962. С. 262).

конструктивно-теоретически противопоставляется и одновременно находится в отношениях исторической преемственности с «диктатурой буржуазии»: диктатура пролетариата необходимым образом приходит на смену диктатуре буржуазии, отрицая и ликвидируя ее. При этом диктатура пролетариата не может пониматься и не понималась классиками как режим, совокупность методов правления, особое состояние общества и т.п. Это — специфическое, исторически новое и необычное, но государство — т.е. *тип, а не форма* государства¹. Во-вторых, пролетариат не является массой, это — класс сплоченный и организованный, поднимающийся на *высшую* ступень классовой борьбы, т.е. класс, у которого имеется боевая революционная марксистская *партия*, «руководимая передовой теорией» (Ленин). В-третьих, «пролетариат-диктатор» в известной степени интеллектуализируется Марксом и в особенности Лениным: компартия «наделяет», вооружает передовой класс теорией — марксизмом-ленинизмом, и ставит перед ним цель — коммунизм; поэтому пролетариат — класс целеустремленный. Интеллектуализм, организованность и целеустремленность пролетариата — те фундаментальные свойства этого класса, которые делают его диктатуру возможной (вопреки возражениям некоторых теоретиков и интеллектуалов²). В-четвертых, говоря об отношениях пролетариата и его авангарда — партии, необходимо признать своего рода политический *иерархизм*, напомирующий военную иерархию: сам пролетариат — гегемон, или авангард общества, организованный и дисциплинированный класс, компартия же — авангард пролетариата — обладает еще большей степе-

---

¹ Диктатура в этом ключе, — пишет Ленин, говоря о диктатуре пролетариата в марксизме, — «не есть “форма правления”, это смешной вздор. И Маркс говорит не о “форме правления”, а о форме или типе *государства*» (Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 37. С. 250).

² К примеру, на невозможности осуществления и вообще абсурдности диктатуры пролетариата настаивал Жан-Поль Сартр: «Диктатура пролетариата никогда не существовала (в виде реального осуществления власти). “Сама идея этого является абсурдом, незаконным компромиссом между активной и суверенной группой и пассивной серийностью”. “Невозможность для диктатуры пролетариата осуществлять свою диктатуру конкретно подтверждается невозможностью превращения группы в любой ее форме в гипер-организм”» (Евменов Л.Ф. Диалектика и революция. (Критический очерк). Минск, 1969. С. 231).

нию организации, и так получается некая новая пирамида власти, иерархия гегемонии. *В-пятых*, «диктаторский» характер власти пролетариата компенсируется у классиков марксизма, особенно у Ленина, известным демократизмом пролетарской власти как ее сущностной чертой. Этот демократизм нивелирует отрицательные черты диктатуры как таковой — известный деспотизм, незаконность и временный характер; и главным образом — понимание диктатуры как диктатуры меньшинства или отдельного лица, — и так совершенно меняется *смысл диктатуры*: пролетарская диктатура превращается в своего рода демократичную диктатуру, «диктатуру демократии». Пролетарская демократия, полагал Ленин, есть демократия высшего типа, или, другими словами, подлинная демократия. Это, однако, не означает императива добиваться власти исключительно демократическим путем, как настаивал Каутский: борьба за демократию не должна подменять революцию.

«Диктатура пролетариата» — необходимый, если не фундаментальный, элемент марксистской догматической системы. Диктатура пролетариата, можно сказать вместе со Сталиным, — это самое дорогое и ценное, что есть в ленинизме, и с доктринально-теоретическим (если угодно, догматическим) определением ее, равно как и ее субъекта — пролетариата — проблем нет (о социологическом смысле и определении пролетариата при этом споры начались уже ближе к концу XIX века). Диктатура пролетариата — это именно тот момент и пункт теории, где, если пользоваться выражением С.А. Левицкого, ленинский панлогизм превращается в панполитизм¹.

Монументальная теоретическая конструкция, возведение которой довершает Сталин, согласно его словам, есть *ленинизм*, развитие верным ленинцем доктрины Ленина, который в свою очередь опирается на Маркса и Энгельса. «Ленинизм, — определяет Сталин, — есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в

---

¹ «Ленин построил классический марксизм в боевой порядок, внося поправки там, где это диктовалось соображениями воинствующего панполитизма» (*Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии*. М., 1996. С. 430).

особенности»¹. Если Ленин утверждал, что «главное в учении Маркса, — это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как создателя социалистического общества»², то главное в учении Ленина, в ленинизме, — повторим вместе со Сталиным, — это диктатура пролетариата: «Правилен ли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата является “коренным содержанием пролетарской революции”»? Безусловно, правилен. Правилен ли тезис о том, что ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции? Я думаю, что правилен. Но что же из этого следует? А из этого следует, что основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата»³.

Диктатура пролетариата или «диктатура» партии: Сталиньские определения и дистинкции

Необходимо выделить и проследить связь идейного (теоретического, или «догматического») и исторического развития партии: как менялась теория в движении от партии-«революционера», «партии-авангарда» во главе с Лениным, партии, которая взяла власть; — к партии-«диктатору», которая, установив «диктатуру пролетариата», уничтожила «старое» государство и «старое» общество; — и далее к партии-«строителю» (диктатура пролетариата при этом не отменялась и силы не теряла) во главе со Сталиным, которая на расчищенном и подготовленном месте выстроила новое государство и фактически новое общество (партия в этом пути постоянно обновлялась; при переходе от роли диктатора к роли строителя партия была преобразована кардинально); — и наконец, отдельным образом может быть рассмотрен следующий

---

¹ *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 106. «Отныне, — пишет Сталин в работе 1927 года, — **единственным** носителем и оплотом марксизма является ленинизм, коммунизм» (С. 181).

² *Ленин В.И.* Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 21. М., 1961. С. 1.

³ *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 108. Конечно, нельзя сбрасывать со счета и момент, который, казалось бы, не имеет отношения ни к теории, ни к догматике, ни к политической обстановке, — это экспрессивное, энергичное звучание словосочетания «диктатура пролетариата».

этап жизни партии (после XXII съезда) — «партия-гегемон», партия как «всенародный представитель», выразитель *volonté générale*. (По оценкам многих исследователей и самих коммунистов, «отмена» диктатуры пролетариата и перевод партии в квази-гегемонистский по отношению к «общенародному государству» *формат* был непоправимой ошибкой, ибо партия попросту стала подменять государство — вместо того, чтобы им руководить, неважно, диктаторскими методами или иными, т.е. превратилась в «партию-государство», «партию-бюрократа».)

Партия-«диктатор»... Возможно ли это? Безусловно, иное дело — практика, иное — теоретические конструкции; хотя и если говорить о практике, то, во-первых, ведь только пролетариат — «единственный и единственный», тогда как партий пролетариата может быть много; во-вторых, словосочетание «диктатура партии» из броского лозунга может быть легко превращено и в обвинение. Это хорошо чувствовал Сталин: так, когда на XII съезде партии (1923) Г.Е. Зиновьев пытался утвердить «догмат» диктатуры партии, Сталин — и в пику зиновьевско-троцкистскому «ультрадиктаторскому» подходу, и как бы отвечая на жесткую критику диктатуры пролетариата со стороны Каутского, говорил о «приводных ремнях», которые связывают партию и с пролетариатом, и с крестьянством¹.

Сталин пишет: «Партия осуществляет диктатуру пролетариата. “Партия — это непосредственно правящий авангард пролетариата, это — руководитель” (Ленин). В этом смысле партия **берет** власть, партия **управляет страной**. Но это еще не значит, что партия осуществляет диктатуру пролетариата помимо государственной власти, без государственной власти, что партия правит страной помимо Советов... Партия есть ядро власти. Но она

---

¹ Карл Каутский в ноябре 1917 года иронизировал по поводу слома старой государственной машины: «...Ведь кроме солдат и пушек у большевиков нет пока ничего. Без государственного механизма, без аппарата власти вся деятельность нового правительства похожа на машину без приводных ремней, вертеться — вертится, но работы не производит» (Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. / Гл. ред.: П.Н. Поспелов (пред.). Т. 3. Коммунистическая партия — организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и обороны Советской республики. Март 1917 — 1920 г. Кн. 1. (Март 1917 — март 1918 г.) М., 1967. С. 433).

не есть и не должна быть отождествлена с государственной властью»¹. — Вписывая партию как руководящую силу в систему диктатуры пролетариата и признавая, что «диктатура пролетариата есть, **по существу**, “диктатура” его авангарда, “диктатура” его партии, как основной руководящей силы пролетариата»², Сталин делает массу оговорок, уделяет внимание оттенкам смысла, проводит линию различения между «диктатурой пролетариата» и «“диктатурой” партии», выступая, если вспомнить выражение В.С. Нерсисянца, талантливым и изощренным «идеологическим филологом». Цель Сталина — вовсе не доказать того, что никакой *диктатуры партии* не существует, не исключить это словосочетание из политики и риторики, — но оформить теоретически и догматически «диктатуру» партии так, чтобы этот новый концепт был особым образом включен в партийно-политический дискурс *не в противопоставлении, но наряду с «диктатурой пролетариата»*.

Уже когда Сталин задается вопросом, можно ли «между диктатурой пролетариата и руководящей ролью партии (“диктатурой” партии)... провести **знак равенства**», — ясно, что «диктатуру» партии нельзя назвать несуществующей: во всяком случае, уже можно трактовать «диктатуру» партии как ее руководящую роль, и наоборот. — Тем более это следует из несколько противоречивого утверждения: «Если партия проводит диктатуру пролетариата, и в этом смысле диктатура пролетариата является, **в сущности**, “диктатурой” его партии, то это еще не значит, что “диктатура партии” (руководящая роль) **тождественна** с диктатурой пролетариата, что первая **равняется** второй по своему объему». — И далее идут пять пунктов почти теологических обоснований, исходящих из того, что «диктатура пролетариата по объему шире и богаче руководящей роли партии»³. Смысл обоснований — показать «диктатуру» партии по отношению к диктатуре пролетариата как ее сущность, квинтэссенцию. — Поэтому нельзя не только отождествлять «диктатуру» партии и диктатуру пролетариата, но

---

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 124.

² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 121.

³ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 122–123.

и, настаивает Сталин далее, нельзя их *противопоставлять*: «Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству (диктатуре) партии. Нельзя, так как руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколь-либо прочную и полную диктатуру...»¹

Почему в качестве пары для запрета отождествления/противопоставления диктатуре пролетариата избирается именно «*диктатура*» партии, почему отношения устанавливаются между диктатурой пролетариата и «*диктатурой*» партии; почему бы просто не потребовать запрета, исключения из теории, полемики и пр. этого необычного понятия — «диктатура» партии (оставив только «руководство»)? Потому что без него система не будет «работать», повиснет в воздухе, потеряет прочность и полноту (по Сталину), оставит слишком много вопросов, сомнений и соблазнов перетолкования, переинтерпретации, теоретических «доставиваний» уже готовой иерархической *системы диктатуры*. Слово «руководство», хотя и употребляется синонимично «диктатуре» партии, явно недостаточно, неконкретно; не исчерпывают смысла *предстояния* партии перед пролетариатом и ее трактовки как «вождя», «учителя», — без «диктатуры» не обойтись. Поэтому, обставляя множеством уточнений, оговорок, дистинкций; сознавая, что «формула диктатура партии, взятая без... оговорок, может создать целый ряд опасностей и политических минусов в... практической работе»², — Сталин, несмотря на все это, оставляет концепт «диктатуры» партии в лексиконе и теории. Дело тут в неразрывной связи пролетариата и партии: партия единосущна пролетариату, и только ему; партия есть *энтелехия пролетариата*, и только этого класса; и если уж пролетариат добился диктатуры, то и партия необходимым образом, но в определенной мере — также диктатор. Если «отменить» диктатуру пролетариата (рабочего класса), то придется «отменять» и саму партию (так, собственно, и вышло некоторое время спустя после смерти И.В. Сталина).

---

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 128.

² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 135.

«Умная партия» как умная сила

Но что же такое партия («правящая партия»)? Представляется, она занимает место *силы*, обеспечивающей единство и монолитность пролетариата-суверена (да и само существование его как единого и монолитного класса), равно как и его «единство воли»¹; и *инстанции*, осуществляющей руководство пролетариатом-сувереном («пролетариат царствует, партия правит»). Партия «цементирует» пролетариат, делая его настоящим сувереном в том государстве, «официальным» диктатором которого он является (или, если не противоречить сложившемуся употреблению термина «суверенитет», делая государство диктатуры пролетариата — сувереном).

Надо особо отметить, что слова «партия» и «сила» в советском — не только политическом, но и научном лексиконе стояли рядом, сливались, — так, что понятие силы, можно сказать, изначально включалось в определение партии. «Власть» — «трудящихся», «диктатура» — «пролетариата», а «сила» — почти исключительно «партии», а если и «класса» — то в связке с партией: «Мозг класса, дело класса, сила класса, слава класса — вот что такое партия!» (Маяковский). С «классом» (т.е. пролетариатом) ассоциировались слова «мощь», «могущество», но не «сила». Именно как *силу* партия вписывает себя в Конституцию 1977 года; вписывает, ибо имеет *силу*, власть вписывать себя в Основной закон; но как раз собственно то, что «непререкаемый принцип партийного руководства государством и обществом потребовалось подкрепить законом»², — и есть свидетельство как раз о начавшемся уходе, отступлении *от* партии *ее* силы (раз потребовалось подкрепить

---

¹ Единство воли пролетариата, обеспеченное единством воли партии, в 60-е годы с «заменой» диктатуры пролетариата на общенародное государство было заменено красиво звучащим, но теоретически бессодержательным руссоистским постулатом «единства народной воли», или «общей воли советского народа» (т.е. *volonté générale*), выразителем которого «осталась» партия. — Об этом см.: *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. С. 464.

² *Бахтатов Р.* Великолепная шестерка // Страна и мир. 1990. № 1 (55). Январь-февраль. С. 18.

законом ту силу, которая сама была законом). К тому же понятие *силы* едва ли было уместно в *Основном законе*, не говоря о других понятиях и формулировках¹. Получается, по сути, что в правовом документе столь высокой юридической значимости, как конституция, сила предшествует праву (как бы нарушая старый принцип *potentia debet sequi iustitiam, non antecedere*). При этом авторы текста ст. 6 постарались не забыть и о разуме (подключив, так сказать, дублирующий источник закона), однако сделано это было с подчеркиванием опять-таки «силовой» составляющей: партия, «вооруженная марксистско-ленинским учением». — Иными словами, партия не могла воспринимать себя иначе, как силу, *вооруженную силу*, — даже пытаясь встроиться в право, которое до этого она же сама творила. Но, следует оговориться: эта сила — особая, умная сила, ведь «обычная сила» — вещь изменчивая, сложно обладать силой постоянно, время от времени она уходит, оставляет своего обладателя, теряется. Право же, вполне возможно, помимо дополнительной легитимации («основную легитимацию» партии предоставляли *теория и история*), могло придать лишнюю, в некоторых моментах остро необходимую устойчивость. Но сила партии имеет иную природу. Какова же природа той силы, которой обладала партия? Как представляется, источник (или, во всяком случае, важнейший источник) силы партии или *партии как силы* — это идеи, идейный комплекс, идейный фундамент (учение Маркса и Энгельса, развитое Лениным и Сталиным). Иными словами, партия — это «умная сила», или «умная партия»², обладающая умным логосом. Интересно, что именно силой идей СССР (во главе с компартией) поддерживал свое влияние в мире: коммунистические партии, рождающиеся по всему миру с

---

¹ Ст. 6 Конституции 1977 года, по словам А.Н. Медушевского, «включала квазиправовое определение партии — давала его не в четких юридических, но скорее метафизических и политических понятиях» (*Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. С. 539*).

² Тут можно вспомнить пассаж из ленинского письма немецким коммунистам 1921 года, в котором Ленин призывал их «терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию» (*Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. М., 1964. С. 89*).

начала 20-х годов, стали «идейными базами», — в противоположность США, с начала XX века развивающим систему военных баз.

Итак, повторим, ясно, что из того, что *революционная власть* (в лице партии, руководящей государством диктатуры пролетариата) не могла ограничивать себя правом, не следует, что и новое общество будет лишено правового регулирования. Но ясно также, что при этом государство диктатуры пролетариата, как и любое другое государство, не могло полностью избежать подвластности праву, которое оно же и создавало; оно и не избежало этой «власти права». Однако партия — как *целое*, как «ядро власти», как «основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата» (Сталин), как «*непосредственно правящий* авангард пролетариата, руководитель» (Ленин); наконец, как источник и творец государства и права (Grundnorm, говоря языком Ганса Кельзена), могла и должна была (во всяком случае, какое-то время) избегать связанности правом, быть «изъятой из права»; — вспомним «*princeps legibus solutus est*», только принцепс был свободен от закона согласно закону же; партия же *legibus solutus est* (конечно, *erat*) не по закону, а, так сказать, субстанциально. — «Абсолютность партийного суверенитета, — пишет А.Н. Медушевский, — со времен Ленина подразумевала, что партия стоит над правом и государством, и потому едва ли может ограничить даже сама себя»¹. Понятно, что подобное «изъятие из права» не означало отсутствие внутренней партийной системы норм («партийного права»); также и пребывание партии над законом не означало неподсудность ее членов советскому закону (правда, вряд ли кому могло придти в голову регистрировать, допустим, Устав партии в некоей контролирующей инстанции).

Умная сила и мистическая целостность... Вообще «партия» — это «часть», но советская компартия если и принимала по отношению к себе предикаты «частичности», то всегда — в активном смысле: ядро, авангард и т.п. При этом партия не мыслила себя частичным образом, обнимая, если не *перекрывая* целостность об-

---

¹ Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. С. 465.

щества ли, государства ли, народа. Так М.Я. Вайскопф, анализируя ряд высказываний Сталина о партии, о соотношении партийного аппарата и партийных масс, усматривает в сталинских конструкциях «ноуменальное инобытие партии», некий таинственный «главенствующий элемент, а именно “партия” как таковая... Это столь же неуловимая, сколь и могущественная абстракция, которая витает, подобно божественному арбитру, над обеими своими составными (аппарат и массы. — *А.Н.*). Ближе всего к ее сущности стоит, очевидно, понятие “единое целое”, но и здесь нет полной тождественности — ибо партия эту свою целостность оценивает тоже как бы извне, словно отвлекаясь от себя самой». — Вчитываясь в слова Сталина «Трудности будут. Но мы их преодолеем, как преодолевали до сих пор, ибо мы — большевики, выкованные железной партией Ленина», — исследователь восхищается: «Оказывается, партия — как отвлеченное субстанциальное единство — “выковывает” именно тех, из кого она состоит, т.е. самое себя. Партия одновременно имманентна и трансцендентна сообществу большевиков, тождественна и внеположна ему»¹. — Практически партия, единая партия, выступает здесь как Единое Плотина, одновременно имманентное и трансцендентное сущему.

О «метафизике партии» немного иронично, но, впрочем, вполне серьезно рассуждает Р.Б. Бахтамов: «Руководящая роль партии действительна только как *данность*: она существует, потому что она существует. Любая попытка обосновать этот принцип или хотя бы задуматься над ним смертельно опасна. Все это — сфера метафизики, первооснов бытия... Внести этот высший, божественный принцип в конституцию (наряду с правом на жилье и унылым перечнем министерств и госкомитетов) значит сделать его *земным*, превратить в мишень»². — И далее практически гимн партии: «Это была сила всепроникающая, загадочная, метафизи-

---

¹ *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2002. С. 69–71. Не менее характерно и приводимое Вайскопфом сталинское высказывание: «Ильич учил нас учить партию на ее ошибках. <...> Задача наша состоит в том, чтобы улавливать эти ошибки, вскрывать их корни и показывать партии и рабочему классу, как мы ошибались» (С. 74).

² *Бахтамов Р.* Великолепная шестерка // Страна и мир. 1990. № 1 (55). Январь-февраль. С. 19.

ческая, вознесенная над человеком, обществом, государством, наделенная сверхчеловеческой способностью видеть будущее человечества... *Метафизическое, иррациональное* — таково, пожалуй, главное, что отличало партию от всех других учреждений и институтов XX века. Сталин, назвавший партию орденом меченосцев, довольно точно уловил истоки этого иррационального могущества...»¹

«Метафизика партии», «партийный неоплатонизм», — отсюда и проблемы определения (и политического, и юридического) как самой партии (что взять за *genus proximus?*), так и роли партии в советском обществе (если не пользоваться словами «сила», «ядро», «авангард» и т.п.), — ведь определение — это ограничение, а, как уже не раз было подчеркнuto, партия не могла себя ограничивать ни на практике, ни в общепринятой теории: как ограничить силу, которая не могла полагать себе пределов? — Ожесточенная дискуссия, и ныне представляющая серьезный научно-политический интерес, разгорелась в ходе т.н. «дела КПСС» (1992). Острые споры — решить, была ли КПСС политической партией в общепринятом смысле слова (т.е. общественно-политической организацией с определенными чертами и функциями). Противники коммунистов категорически отрицали, защитники же — пытались отстоять этот тезис². Достаточно противоречивыми были и советские юридические определения партии: так, А.А. Безуглов пишет: «В юридической литературе отмечалось, что Коммунистическую партию в политической организации советского общества следует считать *самостоятельным элементом системы*. Это обусловлено тем, что она хотя и является общественной организацией, но *организацией особого рода*, осуществляющей политическое руководство как

---

¹ Бахтамов Р. Великолепная шестерка // Страна и мир. 1990. № 1 (55). Январь-февраль. С. 24.

² См. об этом: Рудинский Ф.М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде. Записки участника процесса. М., 1999. С. 55–66, 108–122. Понятно, что когда «определение» из указа Ельцина — «...КПСС никогда не была партией. Это был особый механизм формирования и реализации политической власти путем сращения с государственными структурами или их прямым подчинением КПСС» — предьявляется не как попытка дефиниции партии, но в качестве обвинения ей, то ясно, что на данный момент партии уже фактически не было.

государством, так и всеми без исключения негосударственными организациями» (курсивы мои. — *А.Н.*)¹. Так и А.Н. Медушевский замечает, что советская «политическая система представлена... тремя элементами — КПСС, государством и общественными организациями»². Вернемся к А.А. Безуглову, который в другом издании своей работы, посвященной суверенитету советского народа, говорит: «...В осуществлении суверенной власти народа участвуют все компоненты политической организации общества — государство, общественные организации и Коммунистическая партия. Именно они обеспечивают и гарантируют осуществление этой власти, а следовательно, служат ее политической основой»³. Возьмем еще некоторые определения партии. Д.А. Журавлев утверждает, что партия «выступает как особая организация, специальный институт... Она не только авангард рабочего класса, но и организующее начало, инструмент расширения и укрепления диктатуры (рабочего класса. — *А.Н.*), ключевой управленческий институт»⁴. В диссертации, посвященной статусу партийных актов как норм права, С.А. Токмин утверждает: «Особое положение коммунистической партии как центрального субъекта политической системы советского общества, органически вросшего в государственный аппарат, предопределяло его статус как полноценного субъекта правотворчества и признание партийных актов источниками права»⁵.

Пожалуй, наиболее интересное определение было предложено А.А. Зиновьевым, который определяет сущность и роль партии по отношению к «советскому сверхгосударству»: «...Коммунистическое общество в Советском Союзе было государственно-организованное человеческое объединение. Более того, тут следует говорить даже не просто о государственности, а о сверхгосударственности. А основу,

---

¹ Цит. по: *Шевцов В.С.* Суверенитет Советского государства. М., 1972. С. 66–67. Речь идет о работе А.А. Безуглова «Суверенитет советского народа» (М., 1969).

² *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. С. 464.

³ *Безуглов А.А.* Суверенитет советского народа. М., 1970. С. 35.

⁴ От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя / Ред. кол. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, М.В. Романенко. М., 2017. С. 132.

⁵ *Токмин С.А.* Партийные акты в системе источников советского права. Автореферат дис. ... к.юрид.н. Омск, 2016. С. 9.

ядро, стержень, скелет и голову этой сверхгосударственности образовывал социальный феномен, который называли словом “партия”, но который на самом деле не был партией в смысле привычных политических партий Запада. Он имел лишь подобие партии, имел какие-то генетические источники в партии. Но фактически он был явлением качественно иного рода»¹.

Такое понимание партии, пожалуй, наиболее зримо демонстрирует невозможность ее ограничения юридическими рамками² и принципиальную «невписываемость» ее в рамки западной политической науки, которая к концу 70-х годов, надо заметить, уже оказывала влияние на советскую общественно-политическую мысль, несмотря на сопротивление теоретиков и идеологов, представляющих опасность такого влияния, ведь если допустить неконтролируемое вмешательство, вторжение науки, рациональности в сферу догматики, это будет иметь для последней фатальные последствия. Впрочем, раз такое и было допущено, — значит, догматика *уже* лишилась своей былой силы, и нет смысла задавать вопрос, с какой целью партия, которая некогда во главе пролетариата уничтожала буржуазную государственность вместе с ее принципами (в общем виде — принципами «правового государства»), вдруг решила встроиться в ее же отправленную на слом систему, — систему, в понятиях которой эта партия существовать не может³.

---

¹ От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя / Ред. кол. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, М.В. Романенко. М., 2017. С. 376–377.

² А.Н. Медушевский рассказывает о спорах разработчиков Конституции 1977 года по поводу конституционализации партии: «На всех этапах разработки сталкивались с проблемой правовых последствий юридического определения КПСС. Если партия выступает как общественная организация, то каков должен быть круг ее прав и обязанностей, каковы их пределы и ограничения, наконец, какими могут быть юридические последствия их неадекватного исполнения? <...> Разработчикам была ясна неопределенность понятия “ядра политической системы” и невозможность прямой постановки вопроса о юридическом ограничении партии» (*Медушевский А.Н. Конституция «развитого социализма»: откуда взялся принцип руководящей роли партии?* // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3. С. 93).

³ Приняв решение юридически зафиксировать принцип своей руководящей роли, партия, справедливо утверждает Медушевский, «совершила радикальный и во многом самоубийственный шаг, юридически очертив реальное положение и контуры своего (фундаментально антиправового) господства» (*Медушевский А.Н. Конституция «развитого социализма»: откуда взялся принцип руководящей роли партии?* // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3. С. 97).

Социальные революции: проблема типологии¹

В своем исходном и основном значении *социальная революция* есть смена общественно-экономических формаций — основных социально-экономических типов и одновременно стадий развития человеческого общества, фундаментом которых являются основные способы производства. Причина смены: та или иная система социально-экономических отношений становится препятствием для развития производительных сил общества — они перестают развиваться или даже деградируют. Единственный способ обеспечения прогресса общества — замена старой системы социально-экономических отношений новой, которая обеспечит дальнейшее поступательное развитие производительных сил.

Революция происходит в результате внутреннего саморазвития конкретного отдельного общества — социоисторического организма, и заключается в его превращении в общество более высокого, чем раньше, основного социально-экономического типа.

Социальные революции происходят по-разному. Один способ смены социально-экономического типа общества — постепенная, иногда длящаяся веками, замена одних производственных отношений другими. Процесс идет совершенно стихийно. Люди не принимают никакого сознательного участия в нем. Не происходит никакой социальной борьбы, никаких социальных движений. Это, прежде всего, возможно в обществе, где нет социальных антагонизмов. Такого рода социальную революцию можно назвать *социально-экономической трансформацией*. Пример: переход от первобытно-коммунистической формации к первобытно-престижной.

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке фонда РФФИ № 15–03–00868 «Российское общество и государство в их становлении и эволюции: этно-религиозные, культурно-исторические и коммуникативные контексты».

В классовом обществе, когда возникает необходимость замены одной системы социально-экономических отношений другой, обычно существуют силы, одна из которых заинтересована в сохранении старого порядка, а другая — в утверждении нового. Государственная власть при этом находится в руках сторонников старого строя, и они используют ее для задержки развития. В этих условиях возникает социальное движение, имеющее целью преобразование общества, т.е. революционное движение.

Если господствующий класс упорно цепляется за старое, то для прогрессивных сил остается только один выход — захват государственной власти. В таком случае социальная революция, включающая в себя в качестве необходимого момента, по меньшей мере, один государственный переворот, — такая революция может быть названа *социально-политической революцией*. Когда в литературе говорят о социальной революции или просто революции, то обычно имеют в виду именно такую революцию¹. И это понятно. Почти все революции Нового времени были социально-политическими. Именно на материалах о них строились все концепции революции.

Сводя понятие социальной революции к понятию социально-политической революции, К. Каутский приходил к выводу, что марксово положение о социальной революции не может быть применено в точном смысле его слов ни к истории первобытного общества, ни к истории Древнего Востока и Античности. «То, — писал он, — что Маркс в 1859 году считал всеобщим законом общественного развития, в настоящее время, строго говоря, представляется лишь как закон такого развития с периода появления промышленного капитализма»². В этом он был совершенно не прав. И до капитализма шла смена общественно-экономических отношений, но по-другому, чем в Новое время.

В случае, когда социальная революция не может обойтись без захвата власти передовыми общественными силами, государ-

---

¹ Подробнее на эту тему см. мои статьи в книге: Этнос, нация, ценности. Социально-философские исследования. / Науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. М., 2015.

² *Каутский К.* Материалистическое понимание истории. Т. 2. Государство и развитие человечества. М.-Л., 1931. С. 619.

ственный переворот совершенно не обязательно является началом социальных преобразований. Это особенно наглядно видно на примере перехода от феодализма к капитализму. Буржуазный уклад сложился еще в недрах старого общества, но он не был господствующим, не определял типа общества. Таковым он стал только после перехода государственной власти к буржуазии.

Бывает, что одна социально-политическая революция не решает всех задач. Случается, что после победоносной революции происходит частичная реставрация старых порядков. В результате возникает необходимость в новой социально-политической революции. И так может повториться несколько раз. Социальная революция становится циклом нескольких социально-политических революций.

Обращаясь к вопросу о том, что следует понимать под завершением буржуазно-демократической революции, В.И. Ленин писал: «Вообще говоря, под этим термином можно понимать две вещи. Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, “завершение” ее, т.е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция *завершена* была лишь 1871 годом (а начата в 1789 году). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из “волн”, если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле революция 1848 года в Германии была “завершена” в 1850 году или в 50-х годах, несколько не устранив этим почвы для революционного подъема 60-х годов. Революция 1789 года во Франции была “завершена”, скажем, в 1794 году, несколько не устранив этим почвы для революций 1830, 1848 годов»¹.

Последние революции в этом цикле обычно ограничиваются приведением политической надстройки в соответствие с вполне

---

¹ Ленин В.И. Заметки публициста // Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 19. М., 1961. С. 246–247.

сложившимся капиталистическим базисом, являются по сути дела не социально-политическими, а лишь *политическими революциями*. Такой была революция 1871 года во Франции. Самой последней такой революцией в Западной Европе была «революция гвоздик» 1974 года в Португалии. Она привела лишь к замене авторитарного политического режима демократическим.

Кроме двух основных форм социальной революции: социально-экономической трансформации и социально-политической революции существует еще одна — дополнительная.

Когда в обществе возникает необходимость в ликвидации старых социально-экономических отношений и утверждений новых, в нем рано или поздно разворачивается революционное движение. Если оно становится все более мощным, возникает опасность социального взрыва, а силы господствующего класса слабеют, то его представители могут пойти на серьезные уступки.

Последние особенно глубоки в том случае, когда значительная часть старого господствующего класса пошла по пути замены прежней формы эксплуатации новой. Проводимые государством реформы открывают дорогу к смене типа общества. Происходит то, что в литературе принято называть «революцией сверху». Такого рода социальную революцию можно назвать *социально-политической реформацией*.

Примером могут послужить реформы Солона и Клисфена в Афинах, обеспечившие победу рабовладельческих (серварных) отношений. Многие историки прямо характеризуют эти преобразования как социальную революцию.

Примером революции сверху может послужить отмена крепостного права в России в 1861 году. Ликвидация крепостнических социально-экономических отношений назревала уже давно. Росло недовольство крепостного крестьянства, проявлявшееся в различного рода протестных движениях, включая вооруженные восстания. Еще в 1839 году шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения А.Х. Бенкендорф писал в отчете царю: «При каждом новом царствовании, при каждом важном событии при дворе или в делах государства, издревле и обыкновенно пробегает в народе весть о предстоящей перемене во внутреннем управле-

нии и возбуждается мысль о свободе крестьян; вследствие этого и в прошедшем году происходили в разных местах беспорядки, ропот и неудовольствия, которые угрожают хотя отдаленною, но страшной опасностью... Дело это опасное, и скрывать эту опасность было бы преступлением. Простой народ ныне не тот, что был за 25 предшествовавших лет. Подьячие, мелкие чиновники, купечество и выслужившиеся кантонисты, имеющие общие интересы с народом, привили ему многие новые идеи и раздули в сердце искру, которая когда-нибудь может вспыхнуть... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же...»¹

И далее шеф жандармов говорит о целесообразности начала постепенной отмены крепостного права. «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только будет мера спасительная, когда только будет предпринята самим правительством, тихо, без шума, без громких слов, и будет соблюдена благо-разумная постепенность. Но что это необходимо и что крестьянское сословие есть пороховая мина, в этом все согласны»².

А с 1856 года в стране начала быстро нарастать настоящая революционная ситуация. Это было осознано многими и в их числе новым императором. Выступая 30 марта 1856 года перед уездными предводителями дворянства Московской губернии, Александр II сказал: «Слухи носят, что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, и вы можете сказать это всем направо и налево; но чувство враждебности между крестьянами и помещиками, к несчастью, существует, и от этого было уже несколько случаев неповиновения к помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны прийти. Я думаю, что и вы одного мнения со мной, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели

---

¹ Отчет о действиях III отделения собственной вашего императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1839 год // Крестьянское движение 1827–1869 годов. Вып. I. М., 1931. С. 31.

² Отчет о действиях III отделения собственной вашего императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1839 год // Крестьянское движение 1827–1869 годов. Вып. I. М., 1931. С. 32.

снизу»¹. Все время до реформы царь чувствовал себя как на вулкане, с минуты на минуту ожидая революционного взрыва.

Об этом убедительно свидетельствует его резолюция на докладе председателя Секретного комитета по крестьянскому делу князя А.Ф. Орлова, написанная после ознакомления с мнениями членов этого комитета и ряда других авторитетных лиц, в середине 1857 года. «Я, — говорится в ней, — прочел все бумаги с большим вниманием... Из чтения всех сих бумаг я еще более убедился, как дело это *трудное и сложное*, но при всем этом *желаю и требую от вашего комитета общего заключения, как к сему приступить, не откладывая оное под разными предложениями в долгий ящик*. Гастгаузен отгадал *мое главное опасение, чтобы дело не началось само собой снизу*»².

Открывая в январе 1861 года цикл заседаний Государственного совета, посвященных проекту реформы, Александр II заявил о необходимости скорейшего решения крестьянского вопроса. «Дальнейшее ожидание, — сказал он, — может еще больше возбудить страсти и подвести к самым вредным и бедственным последствиям для всего государства вообще и для помещиков в особенности»³.

Вслед за отменой крепостного права были проведены судебная, военная и другие формы. Россией был сделан важный шаг по пути к превращению в капиталистическую страну. Конечно, все эти преобразования носили крайне половинчатый характер. Но удивляться этому не стоит. Выше уже было сказано, что даже социально-политические революции не всегда приводят к полной ломке старого порядка. Что ж тогда ждать от революции сверху.

---

¹ Попельницкий А. Речь Александра II, сказанная 30-го марта 1856 г. московским предводителям дворянства // Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 393.

² Цит. по: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 77.

³ Цит. по: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 122.

Идеология как фактор социальных трансформаций¹

Выбор каким-либо обществом эволюционного или революционного пути развития во многом связан с выбором им своих идеологических ориентиров. Будучи важным фактором социальной динамики, идеология побуждает своих приверженцев к действиям, направленным на сохранение (консервирование или, возможно, постепенное усовершенствование) того или иного строя или на его полное низвержение и установление нового. Целью идеологии всегда является воздействие на социальную действительность. Представляя собой духовное образование, она тем не менее всегда имеет сугубо практическое назначение. Идеология воплощается и реализуется через политическую деятельность людей. Так, Л. Альтюссер утверждает, что «идеология всегда существует в некоем аппарате (государственном. — *Е.С.*), в его практической деятельности или практиках»². Иногда говорят, что подлинная цель идеологии — это «преобразование идей в рычаги социального воздействия» или даже «превращение идей в оружие»³. Надо признать, что схожие идеи высказывал еще К. Маркс: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»⁴. Нацеленность на трансформацию не только духовной, но и материальной действительности отличает идеологию от других, более «камерных» форм духовной практики.

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке фонда РГНФ (проект № 15–03–00868 «Российское общество и государство в их становлении и эволюции: этно-религиозные, культурно-исторические и коммуникативные контексты»).

² *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html

³ *Bell D.* The End of Ideology. Illinois, 1960. P. 370–371.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике гегелевской философии права. Введение // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1954. С. 422.

Идеология способна мотивировать своих приверженцев к активной деятельности. Деятельность эта может носить реформаторский или революционный характер, быть созидательной или разрушительной. В этом смысле говорят о важнейшей функции идеологии — мотивационной. Однако иногда, если целью идеологии является сохранение существующего режима, она будет, напротив, стремиться формировать в людях пассивность и конформизм. Подобное свойство идеологии отмечали, к примеру, М. Хоркхаймер и Т. Адорно. Философы утверждали, что современное им общество середины XX века предоставляет людям различные варианты легкодоступных удовольствий (к примеру, такой популярный вид досуга, как просмотр по вечерам телепередач). Но в то же время, по их мнению, это «освобождение, обещаемое развлечением, является освобождением от мышления»¹, а значит, от необходимости и возможности принимать участие в политической жизни. Таким образом, культуриндустрия в качестве идеологии отстраняет людей от политического процесса, формирует конформистский тип поведения, который в свою очередь позволяет сохранить имеющийся социальный режим.

Мотивируя людей, идеология ориентирована на будущее, ставит перед ними определенные цели. Важно отметить, что тот факт, что она способна направлять деятельность своих приверженцев к достижению этих целей, еще не является гарантом их достижения. Идеология может успешно сыграть свою мотивационную роль, но это вовсе не значит, что ее сторонники будут способны предугадать все последствия действий людей или же обойти объективные социальные связи и закономерности. К примеру, фашистская идеология в Германии 30-х годов была успешна в том смысле, что смогла мобилизовать множество людей на то, чтобы начать войну, но в конечном итоге война была проиграна, страна потерпела крах, а идеология потеряла свои доминирующие позиции. Также в истории существовали общества, строившие различные модели коммунизма, но независимо от того, что для достижения этой цели

---

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., 1997. С. 181.

удавалось мобилизовать населения целых стран, оказывалось невозможным обойти объективные социальные, экономические и исторические закономерности, из-за которых весь проект в итоге был неуспешным.

Таким образом, для того чтобы идеология могла успешно способствовать претворению своих идеалов в жизнь, ей необходимо сперва адекватно выполнить познавательную функцию, достоверно «отразить» окружающую действительность, оценить реализуемость собственных целей и правильность тех или иных мер по их достижению. Важно, что познание действительности как таковое никогда самостоятельной целью идеологии (в отличие, например, от науки) не является, — данная функция для нее оказывается только служебной. Поэтому еще со времен К. Маркса и Ф. Энгельса одним из самых распространенных является определение идеологии в качестве «иллюзорного сознания». Однако важно помнить, что, даже если мы называем идеологию иллюзией, ее иллюзорность будет особенной. Она никогда не «повисает в пустоте», не оказывается случайной, потому что содержание идеологии всегда обусловлено в конечном итоге объективными социальными нуждами той или иной социальной группы или класса. Причина иллюзорности идеологического сознания является сложным вопросом. Многие исследователи по-разному на него отвечали. К. Маркс, к примеру, видел ее в объективных социальных условиях. Т. Адорно видит ее в объективно-исторической констелляции. Барт считает, что идеология фактически обречена быть ложной в качестве познавательной установки¹. Таким образом, с одной стороны, идеология вынуждена сохранять определенную степень адекватности, «отражая» действительность, иначе она попросту не сможет добиться собственных целей; с другой — она иллюзорна, но лишь в той мере, в которой данная «иллюзорность» является социально необходимой.

В целом же, в исторической перспективе можно заключить, что именно сосредоточение на идеологии как части рефлексивного сознания, на ее попытках дать свое описание и трактовку социальной реальности (подчас, действительно, далекую от объективности),

---

¹ См.: Этнос, нация, ценности. Социально-философское исследования / Науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. М., 2015.

сравнение науки и идеологии (не в пользу последней), в конечном итоге привело к появлению концепций деидеологизации. Действительно, некоторые ученые предполагали, что, постепенно развиваясь, наука как объективное и независимое знание вытеснит предвзятый и ангажированный взгляд на мир, характерный для идеологии. Негативное отношение к данному феномену было распространено и в России в 90-е годы прошлого века. Была отброшена идеология коммунизма, а люди, сбросив иго господствующей тоталитарной системы, порой хотели освободиться от любой идеологии вообще, рассматривали ее как зло. Однако в современный период отношение к идеологии изменяется. Все больше исследователей обращают внимание на другой, валюативный, аспект этого феномена, а потому видят, что каждый раз, принимая те или иные решения, политики опираются на различные системы ценностей, что в каждом обществе всегда ставятся те или иные цели и формулируются программы по их достижению. В этом смысле говорят об идеологии как о том, что содержит в себе программу действий, совокупность целей и ценностей, которые управляют поведением ее приверженцев.

Как мы уже отметили, некоторые идеологии могут стремиться сохранить существующий режим, другие — модифицировать его. На саму суть феномена идеологии то или другое ее стремление не влияет. Иногда в социальной теории встречается понимание идеологии в качестве силы, целью которой является только поддержание или даже консервация имеющегося режима. В таком смысле система идей, направленная на свержение имеющейся власти и установление нового строя, идеологией не считается. Корни подобных утверждений идут к теории К. Манхейма. Именно по признаку отношения к доминирующей власти философ различал идеологию и утопию: идеология, согласно его определению, направлена на поддержание существующей власти. Философ пишет: «Мышление правящих групп может быть настолько тесно связано с определенной ситуацией, что эти группы просто не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве»¹. Утопия же, по его мнению, харак-

---

¹ Манхейм К. Идеология и утопия. Ч. I. М., 1992. С. 67.

теризуется тем, что направлена на свержение имеющейся власти: «Определенные угнетенные группы духовно столь заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества, что невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание»¹.

Получается, по мнению Манхейма, то или иное политическое движение становится идеологическим или перестает им быть в зависимости от того, удастся ли ему завоевать власть или же оно терпит в этом поражение. Манхейм сам признавал, что идеологии постоянно становятся утопиями и наоборот, поэтому сложно окончательно разграничить эти два понятия. Мы предлагаем вынести вопрос о том, принадлежит та или иная система идей правящему сословию или оппозиции, за скобки, деление на идеологию и утопию кажется нам избыточным. Форма духовной практики может являться или не являться идеологией, независимо от того, оправдывает она режим уже существующий или же призывает свергнуть его и установить новый. Более оправданным представляется просто разделять идеологии на те, которые стремятся сохранить имеющийся порядок (полностью или частично законсервировать или же эволюционно его видоизменять, совершенствовать); и те, которые стремятся ниспровергнуть имеющийся социальный строй и установить новый (при этом, опять же, следует учитывать, что данного рода идеологии могут находить приемлемыми или неприемлемыми радикальные меры для достижения своей цели).

Таким образом, идеология действительно является одним из важных факторов социальной динамики. Это связано с ее способностью выполнять мотивационную функцию. Однако, как мы показали, вовсе не всегда ее целью является побуждение людей к активным действиям, иногда она, напротив, стремится формировать конформистское поведение. В то же время, даже если идеологии удалось «овладеть массами», это еще не является гарантом успешной реализации поставленных ей целей, — необходимо учитывать как принципиальную реализуемость этих целей, так и объективные социальные, экономические, исторические и иные обстоятельства и закономерности, которые могут мешать или способствовать их достижению.

---

¹ Манхейм К. Идеология и утопия. Ч. I. М., 1992. С. 68.

Социальная эволюция, социальная революция и война

Прежде чем приступить к размышлениям по сути проблемы, попытаемся дать определение понятиям, составляющим основу данной статьи. Во-первых, это «социальная эволюция». Данное понятие обозначает период, который по своей продолжительности значительно превосходит временной отрезок, приходящийся на революцию. По нашему мнению, *социальная эволюция — это качественные изменения основополагающих сторон жизни общества в течение периода времени, превышающего одно или несколько поколений (в зависимости от темпов процесса) и заключающееся в изменении наследуемых обществом устоявшихся черт (социальных форм или социальных структур).*

Не впадая в крайности редукционизма, можно утверждать, что изменения, постепенно происходящие в обществе и обусловленные его всесторонним развитием (техническим, экономическим, политическим, культурным, духовным и т.д.), имеют соответствующие регуляторы, соразмерные уровню и сложности проблем, требующих разрешения. Но эти решения далеко не всегда способны полностью снять противоречия, которые постепенно «зашлаковывают» социальный организм. Именно проблемы, возникающие в недрах старого общества, приводят к его радикальному «очищению» от накопившихся препятствий через революцию для обеспечения динамичного развития социума.

Вторым важным понятием, требующим определения в рамках данной статьи, является «социальная революция». С чем ее можно сравнить? Конечно, любое сравнение страдает неточностью, но здесь, наверное, вполне уместно вспомнить один из подвигов Геракла, связанный с чисткой Авгиевых конюшен, когда он использовал мощь водного потока двух рек, который он направил на не убиравшиеся в течение 30 лет конюшни элидского царя, для уда-

ления всего ненужного. На этот подвиг Гераклу потребовался всего один день.

Социальная эволюция и социальная революция как формы общественного развития представляют собой единое целое, соответствующие потребностям конкретного общества на определенном этапе его развития. Оба названных понятия связаны с другими близкими понятиями, такими как «изменение», «развитие», «прогресс», «скачок» и др.

Термин «революция» появился в XIV веке. Его использование в научном контексте связано с именем Н. Коперника, использовавшего данное понятие в своей работе «Об обращении небесных тел» (*De revolutionibus orbium coelestium*, 1543). Этот термин имел естественнонаучный смысл и обозначал вращательное, круговое движение при описании траекторий небесных тел. Новое время закрепило за понятием независимость от Провидения и обретение автономии и постоянства в движении. Позднее, в XVII веке он наполнился политическим смыслом и стал означать циклическую смену правителей. В таком понимании он был употреблен в 1660 году по поводу реставрации английской монархии — под этим подразумевался политический процесс, приводящий к резкому и глубокому изменению в политической и социальной структуре государства.

Проблеме возникновения революции уделяли внимание многие исследователи. Одним из них был известный французский политик, философ и социолог Алексис де Токвиль, посвятивший этому событию свое историко-философское и историко-политическое исследование «Старый порядок и революция», вышедшее в 1856 году. Чтобы понять смысл происшедшего, он сосредоточил внимание на внутренней политике предреволюционной Франции. В своем исследовании автор размышляет о причинах того, как «революция мгновенно, судорожным и болезненным усилием, без постепенных переходов, без предосторожностей и без пощады положила конец тому, что позднее мало-помалу окончилось бы само собой»¹. Одна из глав его книги так и называется «О том, как все

---

¹ Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.; Челябинск, 2017. С. 44.

предшествующее само собой привело к Революции». В этой главе он подмечает одну из интересных черт Французской революции: «Контраст между мягкостью теории и жесткостью действий, составляющий одну из самых странных особенностей французской Революции, никого не удивит, если принять во внимание, что Революция эта была подготовлена наиболее цивилизованными классами наций, а совершена самыми необразованными и грубыми»¹.

Но, если «все предшествующее *само собой* (курсив мой. — А.С.) привело к Революции», напрашивается вопрос: нужны ли революции вожди? Можно найти различные ответы на этот вопрос. Нам представляется, что в любом социальном процессе, наполняющемся политическим содержанием, на определенном этапе возникает необходимость в координации и руководстве. Как показывает исторический опыт, хаос постепенно уступает место порядку и согласованности. Токвиль так описывал ситуацию развития революции: «...Когда это могучее поколение, начавшее революцию, было истреблено или обессилено, как бывает обыкновенно со всяким поколением, предпринимающим такие действия; когда, следуя естественному ходу подобных событий, любовь к свободе остыла и утомилась среди анархии и диктатуры черни, и нация в смятении начала как бы ошупью искать себе господина, — тогда абсолютная власть нашла для своего возрождения и обоснования удивительно легкие пути, которые и были без труда открыты гением человека, ставшего в одно и то же время продолжателем Революции и разрушителем ее дела»².

Конечно, революции нужен лидер, который сумел бы повести за собой революционные массы, как в артиллерии для того, чтобы доставить снаряд до цели, необходим не только заряд пороха и снаряд, но и дуло орудия, которое будет направлено стреляющим в нужном направлении. Революция является сложным процессом, в котором участвуют многие силы, имеющие различную направленность в зависимости от интересов, которые ими движут. Поэтому в ходе революций часто можно наблюдать наличие нескольких

---

¹ Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.; Челябинск, 2017. С. 243.

² Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.; Челябинск, 2017. С. 245.

лидеров, стремящихся направить события по своему сценарию. Соответственно, противники пытаются изменить ход революции не только путем политической борьбы, но и прямым устранением вождей (Ш. Корде, Ф. Каплан и др.), ведь устранение лидера революции вполне может привести к спаду революционного накала, если нет соратников, способных компенсировать исчезновение главной фигуры. Трудно представить себе социальную революцию без вождя (вождей). Революция не является делом одиночек, она требует наличия группы людей (партии), которая обладает определенной структурой и иерархией, опирающейся на массы. Достаточно вспомнить в качестве примера модель организации политической партии, предложенную М. Дюверже. Если обратиться к астрономии (из которой пришло понятие «революция»), связанной с небесными телами, мы заметим, что в соответствии с объективными законами организации природы различные звездные системы организованы иерархично. В социуме также действуют закономерности, отражающие в трансформированном виде законы природы с той разницей, что на происходящие процессы накладывает отпечаток рациональная деятельность человека. Вопрос о том, является революция случайным событием или закономерным, решается в пользу закономерности этого явления. Многие авторы склоняются именно к такой трактовке данной проблемы. Уже в начале Октябрьской революции 1917 года французский автор Пьер Паскаль, находившийся в то время в Санкт-Петербурге, писал в своих дневниках, опубликованных позднее: «Русская революция, какова бы ни была последовавшая на нее реакция, будет иметь такой же огромный отклик, как революция 1789 года, и даже намного больший: это не случайность, это эпоха...»¹ Французский историк Альбер Собуль также настаивает на неизбежности революции (французской), ссылаясь на своего именитого предшественника: «Токвиль, в свою очередь, со свойственной ему пронизательностью показал неизбежность Революции. “Всего менее Революция была событием случайным. Правда, мир был застигнут ею врасплох, но тем не менее она была лишь

---

¹ Цит. по: *Werth N. Les révolutions russes. Paris, 2017. P. 120.*

завершением более продолжительной работы, стремительным и бурным окончанием дела, над которым трудились десять человеческих поколений»¹.

Не претендуя на исчерпывающий характер дефиниции, исходя из вышесказанного, социальную революцию можно определить следующим образом: *социальная революция — это ускоренная форма преодоления накопившихся в обществе структурных противоречий путем насильственного устранения сковывающих развитие отношений и институтов, приводящего к коренным изменениям во всех сферах жизни общества.*

Принято считать, что революция как социальное явление в своей современной форме появилась в истории в конце XVIII века, когда на Западе развитие философских и политических концепций существенным образом повлияло на изменение политического устройства и хода исторического развития ряда стран. Х. Арндт утверждала, что современное понимание революции можно датировать временем двух великих революций конца XVIII века, связывая это с рождением свободы. Она ссылалась на Кондорсе, сформулировавшего постулат, гласивший о том, что слово «революционный» не может быть применено к революциям, целью которых не является свобода. Из этого Х. Арндт делает вывод, что главным в современных революциях является соединение идеи свободы с опытом начала чего-то нового².

Яркими примерами в этом отношении являются Американская революция 1776 года, приведшая к созданию США, и Французская революция 1789 года, результатом которой стало рождение республики во Франции. Они положили начало целой серии революций, которые в значительной степени изменили лицо мира: революции 1848 года в Европе, Парижская коммуна (1871), революция в России в 1917 году, революция в Китае (1949), революции XX века в Африке, Латинской Америке, на Кубе.

У них есть общие черты и отличия. Одной из общих черт между перечисленными революциями является их связь с другим не

---

¹ Собуль А. Классическая историография французской революции о нынешних спорах // Французский ежегодник. 1976. М., 1978. С. 168.

² См.: Арндт Х. О революции. М., 2011.

менее важным социально-политическим феноменом — с войной. Было бы весьма самонадеянно утверждать, что соотношение между войной и революцией носит характер жесткой детерминации. Конечно, здесь скорее можно говорить о стохастической закономерности, свойственной многим социальным феноменам. Тем не менее, основа для гипотез подобного рода существует. Причинно-следственная связь между войной и революцией может быть прямой и обратной. То есть война может породить при определенных условиях революцию, но далеко не всегда. В то же время революция может послужить точкой отсчета для начала войны или серии войн. Это зависит от исторических и иных условий, определяющих развитие событий.

В ряде случаев война выполняет функцию революции, а именно, коренных социальных, политических, экономических и прочих изменений. Так, Первая мировая война привела к ликвидации четырех империй, две из которых — Османская империя и Австро-Венгрия — распались без революций.

Наиболее ощутимо революции проявляют себя в социальной и политической сферах общества. Очень важной составляющей коренных преобразований общества является политическая революция, выделяемая социологией социальных изменений в качестве одной из основных концепций революции (поведенческой, психологической, структурной и политической). Общеизвестным фактом является то, что первым актом социальной революции является революция политическая, а именно, завоевание государственной власти, т.к. вопрос о власти — главный вопрос всякой революции.

Однако трактовка революции исключительно как политического феномена обедняет понимание этого многогранного явления и сводит ее до крайней формы соперничества за политический контроль.

Революция в обществе может выступать как глубокое общественно-политическое преобразование всего социального организма и как качественная трансформация отдельных сфер жизни, например, политической. Революция является результатом воздействия различных факторов объективного и субъективного характера.

Чтобы ответить на вопрос, что является главным детерминирующим фактором и двигателем социальных революций, — объективные условия и противоречия или партийно-идеологические стратегии и проекты, деятельность политических акторов, субъективное социально-политическое конструирование, в том числе и при участии внешних сил, — обратимся к уже имеющимся точкам зрения. Принципиально их можно разделить на две позиции: противники и сторонники преимущества объективных факторов. Однако и та и другая точка зрения в своих крайних интерпретациях страдают однобокостью и не могут убедительно ответить на поставленный вопрос. Те, кто утверждают, что социально-политические процессы (например, революция, война и т.п.) полностью неуправляемы, пожалуй, не столь многочисленны. Тем не менее, Жозеф Мари де Местр, рассматривая Французскую революцию как социальное явление, отождествлял ее с мистическим существом: «Совсем не люди осуществляют революцию, это революция руководит людьми»¹. В этом отношении достаточно красноречиво описывает субъектно-объектные отношения между войной и людьми (читай, между революцией и людьми) известный французский полемолог Г. Бутуль. Рассуждая о теориях, рассматривающих войну как один из видов рациональной деятельности людей, он пишет: «...Обманчивые доктрины, так как они заставляют нас верить в то, что война является инструментом, который служит нам, которым мы можем пользоваться по своему усмотрению — “продолжение политики иными средствами”»; словом, предполагать, что мы властвуем над ней вместо того, чтобы быть игрушкой в ее руках. Несомненно, война и особенно ее подготовка могут показаться рациональными какому-нибудь штабному офицеру вроде Клаузевица, так как его профессия состоит в подготовке и заблаговременном составлении планов войн, как своего рода инженера»². В этом контексте, на наш взгляд, гораздо ближе к реальному положению вещей находится трактовка проблемы А. Собулем. В ряде работ, посвященных революции, он показывает реальное соот-

---

¹ Цит. по: *Triomphe R.* Joseph de Maistre. Etudes sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique. Genève, 1968. P. 12.

² *Bouthoul G.* Traité de polémologie. Paris, 1970. P. 533.

ношение субъективного и объективного фактора в революции¹. Так, он пишет о влиянии политического сознания на развитие Французской революции 1789 года: «Не следует чересчур преуменьшать роль идейного движения при подготовке Революции. В частности, должностные лица, достигшие если не богатства, то зажиточности и независимого положения благодаря покупке своих должностей, составляли культурную среду, где люди свободно критиковали существующий строй. В этом смысле и те и другие — и должностные лица и интеллигенты — способствовали формированию идеологии, которая вызывала пробуждение всех категорий буржуазии, а затем и появление у них классового сознания — явление, без которого Революция была бы невысказима»².

Минимизация разрушительных и насильственных последствий революционных изменений представляется плохо управляемым процессом. Это зависит от глубины и масштабов накопившихся противоречий, с одной стороны, и реальной расстановки сил внутри страны, где происходят революционные события, с другой. Проигрывающая сторона, как правило, будет стремиться к обострению и эскалации противоборства, пока будет обладать кадровым, людским превосходством и источниками финансирования.

Нередко предлагается и рассматривается гипотеза, что при определенных условиях мир способен избавиться от революций и войн в том числе. Такое желание возникло не вчера. Гипотетически такое не исключено. Вполне вероятно, что такое когда-то случится. Тогда наступит «конец истории». Но даже сторонники этой концепции в последнее время отказываются от такого взгляда на современный исторический процесс. Конечно, можно выбросить из словарного запаса понятие «революция» и заменить его другими — «революция гвоздик», «бархатная революция», «революция роз», «оранжевая революция», «тюльпановая революция» и т.п., —

---

¹ Sobul A. *La Révolution française*. Paris, 1965. P. 30–40; *Собуль А.* Классическая историография французской революции о нынешних спорах // Французский ежегодник. 1976. М., 1978. С. 155–170.

² *Собуль А.* Классическая историография французской революции о нынешних спорах // Французский ежегодник. 1976. М., 1978. С. 163.

но как быть с самим феноменом? Еще удобнее — избавиться от неудобного термина, как, например, в случае с «арабской весной». Чувствуется, что «брита Оккама» сильно затупилась, — и не без участия заинтересованных сторон.

Может ли человечество надеяться на будущее без революций и войн. Конечно, может, но с уверенностью рассчитывать на это — вряд ли имеет смысл, по крайней мере, в обозримом будущем (это относится в равной мере к войне). Свидетельством этому являются процессы, происходящие в мире, результаты которых наглядно свидетельствуют, что есть объективные и субъективные условия для нарушения равновесия как внутри стран, так и между ними. Созвучной такому подходу является позиция П.И. Новгородцева по поводу общественного идеала. Мыслитель воспринимал общественный идеал как недостижимое стремление людей к справедливости, направленное в будущее, как принцип всеобщего объединения на началах равенства и свободы. Критикуя исторически складывающиеся формы позитивного права и государства, в т.ч. правового государства, в качестве нравственных ценностей и идеалов, он признавал, что эти реальные формы, институты и учреждения являются «необходимым и незаменимым средством для того, чтобы идти вперед по пути нравственного прогресса»¹. Тем самым он отходит от позиции Аристотеля, не противопоставлявшего идеал действительности, и склоняется к взгляду Платона, для которого идеал есть нечто недостижимое и умозрительное. Именно Платон подчеркивал, что сутью всех земных стремлений является *приближение* к идеалу. В работе «Об общественном идеале» среди прочих проблем П.И. Новгородцев поднимает проблему войны, но война рассматривается им как атрибут современного общества. Скорее, он реалистично относится к ее существованию, воспринимая ее как историческую данность.

Очевидно, что важным моментом в понимании причин и следствий революции является анализ соотношения революции и войны. Исторический опыт подтверждает, что между ними существу-

---

¹ Цит. по: *Нерсесянц В.С.* История политических и правовых учений. М., 2007. С. 647.

ет определенная связь, которая может быть расценена как вероятностная. Показательно то, что оба явления являются разновидностями насилия. С точки зрения причинно-следственной связи революция может быть причиной войны (внутренней, внешней или одновременно обеих) или следствием войны (как одного из факторов, приводящих к революционной ситуации).

Война — общественно-политическое явление, главным содержанием которого является вооруженная борьба между субъектами политики на международной арене или внутри государства, смысл которой заключается в продолжении политики насильственными средствами. Иногда расширительно трактуется как состояние вражды, борьбы с кем-либо.

Война является феноменом, присутствующим в жизни народов на протяжении многих тысячелетий, она является органичным элементом социокультурного контекста их развития. Характерно, что во время войны в социуме обостряются все процессы, латентно протекающие в мирное время.

В конце XIX века возобладало мнение о том, что войны должны уйти из жизни человечества и уступить место мирному развитию, свободному от военных столкновений. Но история доказала правоту тех, кто вопреки кажущемуся благополучию не поддался успокаивающим иллюзиям.

Указывая на закономерную связь между революцией и войной, французский историк Клод Мазорик утверждает, что война является «естественной составляющей революции». По поводу этого высказывания Ф. Фюре уточняет, что «развязывание войны между французской Революцией и Европой является, возможно, одной из наиболее важных и наиболее показательных проблем в истории Революции. Эта война... скорее навязана, чем желаемая Европой королей, вопреки давлению эмигрантов и королевской семьи». — «Но именно Революция хотела этой войны...»¹

Сторонники марксистско-ленинского подхода интерпретировали связь между войной и революцией в терминах классовой борьбы: «Собрав в один узел все империалистические противоречия,

---

¹ Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1989 (1978). P. 198, 202.

война ослабила мировой капитализм, ускорила и облегчила революционные битвы рабочего класса. Революция стала на очередь дня как непосредственно практическая задача пролетариата, как закономерное развитие его классовой борьбы»¹.

В целях победы пролетариата в классовой борьбе с помощью пролетарской революции В.И. Ленин выдвинул лозунг поражения российского правительства в империалистической войне, поддержанный его сторонниками. Они выступали за превращение войны империалистической в войну гражданскую, исходя из того, что революция во время войны есть гражданская война. Таким образом, большевики не только говорили о причинно-следственных связях между войной и революцией, но даже отождествляли их (конечно, с определенными оговорками²).

Для рассмотрения связи между феноменами войны и революции определенный интерес представляет коллективный труд французских исследователей из Французского института полемологии под руководством Г. Бутуля³. В этом исследовании анализируется почти 200-летний период (1740–1974) с точки зрения насыщенности его войнами и революциями, причинами их возникновения и взаимной связи.

Революция и война являются самостоятельными социальными явлениями. Между ними существуют сходство и отличие. К сходству можно отнести следующие моменты: 1) они относятся к явлениям социально-политическим; 2) и та, и другая являются средством решения политических противоречий; 3) обе приводят к обострению всех процессов, латентно протекающих в мирное/бескризисное время; 4) являются резким переходом количественных изменений в качественные; 5) являются разновидностями насилия; 6) в ходе их осуществления, как правило, применяется оружие.

К отличию можно отнести следующее: 1) войны происходят чаще, чем революции; 2) отличаются по длительности (революции

---

¹ Хоменко Е. О войнах справедливых и несправедливых. М., 1954. С. 56.

² См.: Ленин В.И. О поражении своего правительства в империалистической войне // Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26. М., 1961. С. 286–291.

³ Bouthoul G., Carrère R. Le défi de la guerre (1740–1974). Deux siècles de guerres et de révolutions. Paris, 1976.

происходят в короткий промежуток времени); 3) революция происходит внутри страны, в то время как война чаще бывает внешней и реже внутренней (гражданской); 4) революции происходят в центрах сосредоточения политической власти, а войны охватывают значительные территории; 5) в войне противоборствующие стороны одеты в униформу, отличающуюся от униформы противника; 6) война предполагает применение регулярных частей и различных типов оружия; 7) целью войны (внешней) является защита государства и населения от войск противника, а революция ставит перед собой целью захват политической власти.

Вместе с тем, они могут вступать в причинно-следственные отношения между собой. Они не являются однонаправленными, но могут обладать свойством реверсивности. То есть в одних случаях война становится причиной революции. При других обстоятельствах революция может стать причиной войны или интервенции. В каждом случае война предстает в конкретном качестве. Обычно причиной революции бывают неудачные, изнурительные внешние войны. А следствием революции являются войны гражданские, но иногда и внешние (революционные войны после Французской революции 1789 года).

В заключение можно утверждать, что социальная эволюция, представляющая собой постепенное развитие общества, периодически подвергается воздействию со стороны таких феноменов, как революция и война, которые резко изменяют обстановку в государстве, провоцируя социальные, экономические, политические и иные метаморфозы, приводящие к необратимым изменениям, провоцирующим трансформацию облика государств, подвергнувшихся этим ускоренным формам потери стабильности.

Революционный тупик цивилизационного распутья России в начале XX века

Согласно достаточно распространенной точке зрения среди историков, причем не только коммунистической ориентации, в начале XX века Россию сотрясли несколько революций — так называемая Первая русская революция 1905–1907 годов, Февральская буржуазная революция 1917 года и Октябрьская социалистическая революция 1917 года. Не ставя перед собой задачу проанализировать и дать оценку различным историографическим подходам к обозначенной проблеме, хотелось бы обратить внимание на то, что отмеченные события, обозначаемые как революции, имели не только формально-процедурные и процессуально-содержательные отличия, но и существенно различались по результатам. А в данном случае, как и во многих других, не декларации, а достигнутое состояние позволяет давать обоснованное определение. Также следует отметить, что само понятие революции (социальной и политической) означает принципиальное изменение социально-экономического устройства и политико-государственного строя в стране, а отнюдь не реформирование и не провозглашенную установку на изменения, даже если она сопровождается персональной сменой аппарата государственного управления с временным его обозначением.

События 1905–1907 годов корректнее было бы определять как Всероссийское восстание, включившее в себя ряд политических выступлений, экономических забастовок, акций гражданского неповиновения, характерных для центральных промышленных, западных и южных земель страны, имеющих разную мотивацию и не связанных организационно, но с общим фактором — социально-экономическим кризисом и проблемами политико-государственного устройства. Под влиянием восстания (или восстаний первого периода 1905 года), Императором были произведены существенные

государственные и политические, социальные и экономические реформы. Хотелось бы обратить внимание, что все три манифеста, принятые Николаем II, — Высочайший Манифест «Об учреждении Государственной Думы» от 6 августа 1905 года, Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года, и Высочайший Манифест «О преобразовании Государственного совета» от 20 февраля 1906 года — были направлены на обустройство и упорядочивание социокультурного пространства, т.е. имели цивилизационную направленность. Потому Всероссийское восстание 1905–1907 годов, равно как и социально-политические потрясения 1917 года, следует рассматривать в контексте цивилизационного выбора России, проблема которого была обозначена еще в XIX веке в знаменитом споре славянофилов и западников, и выражена в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». При этом необходимо особо подчеркнуть, что к началу XX века, и даже ранее, к середине XIX столетия, возникает потребность в поиске новой цивилизационной модели для развития страны. С эпохи Петра Великого Россия обустроивала свое социокультурное пространство с использованием имплантируемых из Европы цивилизационных стандартов и механизмов, которые спустя полтора-два столетия уже не соответствовали требованиям социального развития. Именно исчерпаемость европейской цивилизационной модели в российских условиях побуждала к реформированию, которое должно было двигаться в сторону замещения иноцивилизационных ориентиров на собственную русскую / российскую цивилизационную модель, определяемую Н.Я. Данилевским как славянский культурно-исторический тип. — И надо отметить, что среди реформ Александра II 1857–1874 годов была такая — Земская, которая строилась на основе российских социокультурных ценностей и уже российских цивилизационных стандартов, когда механизмы земского самоуправления и земских учреждений не имплантировались из европейской цивилизации, а образовывались исходя из отечественной традиции социального управления. В этом реформировании 1864 года явно обозначается и связь с преобразованиями местного управления Ивана Грозного. Однако то были, к со-

жалению, скорее частные эпизоды, нежели признаки комплексного российского цивилизационного проекта.

Существенные изменения государственного устройства и социального управления, произведенные Императором в 1905–1906 годах, заложили основания для проведения требуемых преобразований, к реализации которых приступило правительство П.А. Столыпина. В силу того, что столыпинские преобразования не были завершены, нет целесообразности рассматривать их соответствие или несоответствие российским культурно-цивилизационным ценностям; хотя и есть возможность говорить, что идейное обоснование и ясный идеологический фундамент, выстраивающие новый, столь подходящий образ будущего для России, у преобразований П.А. Столыпина отсутствовали. Но при этом следует отметить, что идея и идеология, выводящие на цивилизационное своеобразие России, могли возникнуть и сложиться при условии продолжения и успешного завершения столыпинских преобразований. Более того, с достаточной уверенностью (имея результаты последующего послереволюционного развития России в форме СССР) можно говорить о том, что при любых раскладах — привели бы преобразования Столыпина к утверждению намеченного Императором в манифестах 1905–1906 годов формата обустройства общества и государства, смягчили бы режим государственного управления или, наоборот, усилили бы власть Государя, — российское общество избежало бы тех невзгод и потрясений, которые оно пережило в период Гражданской войны 1917–1920 годов, политического произвола большевиков, социального закабаления, сродни крепостничеству, возникшего при осуществлении политики коллективизации.

Сравнивая намеченные преобразования Столыпина и реформы Александра II, можно обнаружить проблемное сходство. Крестьянская реформа 1861 года коррелируется с земельно-аграрными преобразованиями 1906–1911 годов; реформы высшего (1863) и среднего (1871) образования — с проектами в области народного просвещения 1908 года, предполагающими введение обязательного бесплатного начального образования в возрасте от 8 до 12 лет, создание трехступенчатой единой системы образования, включа-

ющей в себя начальное, среднее и высшее специальное образование; Земская реформа 1864 года и Реформа городского самоуправления 1870 года — с реформами местного управления и земского самоуправления Столыпина; Судебная реформа 1864 года — с преобразованиями местных судов в 1906–1907 годах — и так по многим позициям. Такие сравнения показывают, прежде всего, что *а)* потребность преобразований в российском обществе реально существовала, а не была выдумкой властей предержавных, *б)* реформы Александра II и П.А. Столыпина касались фундаментальных вопросов социального устройства и государственного управления, *в)* по этой причине они выходили на проблемы цивилизационного обустройства страны.

Незавершенность или свертывание социально-государственных преобразований второй половины XIX — начала XX веков во многом и спровоцировали Вторую русскую смуту, начавшуюся в феврале 1917 года. Но не меньший урон обществу, оказавшемуся свергнутым в революционную пучину, нанесло отношение Российского государства к Православной церкви. Упразднение патриаршества, фактическое в 1700 году и формальное в 1721 году, имело сугубо политическую мотивацию, которая уже к началу XIX столетия полностью исчезла. Управление делами Православной церкви через Духовную коллегию, а потом через Святейший Правительствующий Синод, для которого Император Всероссийский рассматривался в качестве «крайнего судии», формировало в глазах российской общественности и прежде всего интеллигенции образ служителей Православной церкви как государственных чиновников, задействованных в духовно-религиозной сфере. Такие искаженные представления о православных священнослужителях в целом начали проявляться уже в начале XIX века, что, собственно, отразилось в известном произведении А.С. Пушкина «Сказка о попе и о работнике его Балде». К началу XX века отсутствие патриаршества в Православной российской церкви стало еще более пагубным для всего российского общества. Нельзя не принимать в расчет, что зачастую люди, занимавшие сугубо чиновничью должность обер-прокурора Синода и подчиняющиеся непосредственно Императору, были далеки от церковных потребностей и даже Пра-

вославленной веры, что, естественно, приносило большой урон не только Православной Церкви, но православной религиозности российского народа.

Развитие Русской Православной церкви как самоуправляющейся, фактически начавшееся с 1448 года, когда во главе митрополии, без согласования с Константинополем, был поставлен Православным собором рязанский епископ Иона, определение особой исторической судьбы Руси с того же времени, как правопреемницы Византийской империи, Третьего Рима, обеспечило условия для *своеобразного* насыщения русского православия глубокими и действенными религиозными идеями.

Русские не просто приняли православие, они вдохнули в него новую жизненную струю, новые идеи, обогатили религиозное содержание фундаментальными постулатами. Русское православие, не разрывая христианской традиции, идущей от первых апостолов, выстроило свои специфические параметры религиозной системы, создало свою принципиальную религиозно-философскую идеологию, в основу которой положены постулаты нестяжательства (идущие рядом и связанные с исихазмом), подвижничества (старчества) и соборности.

Одним из наиболее значимых представителей русского **нестяжательства** был **Нил Сорский** (ок. 1433–1508), в миру — **Николай Майков**, собственно и основавший это учение. Оно фактически и стало русским исихазмом, обретя черты самобытности и своеобразия. Нестяжательство развивало идеи нравственного самоусовершенствования и проповедовало освобождение человеческого духа от мирских проблем. Как и исихазм (от греч. *hesychia* — покой, безмолвие, отрешенность), нестяжательство означает проповедь о пути единения человека с Богом, самососредоточенности индивидуального сознания, в том числе в молитвенном озарении. Таким образом, достигается постижение Бога или Божьего сознания, т.к. индивидуальное сознание является элементом абсолютного сознания. Корни исихазма уходят в раннее христианство и связаны с византийской религиозной культурой, потому связанное с ним учение нестяжательства обозначает преемственность русского православия с византийской религиозной традицией.

Подвижничество или **старчество** на первый взгляд можно представить как учение, вытекающее из нестяжательства (хотя бы на основании того, что первая община нестяжателей, основанная Нилом Сорским, получила название «заволжские старцы»). Однако, на самом деле это не так. *Во-первых*, подвижничество реализует принцип духовного руководства мирской жизнью, а не уход от нее. *Во-вторых*, подвижничество возникает в русском православии раньше, чем утверждается нестяжательство. *В-третьих*, подвижничество в большей степени есть явление чисто русской религиозной культуры. Подтверждением этому служат имена и деятельность **Сергия Радонежского** (1321–1390) и **Серафима Саровского** (1759–1833), в миру — **Прохора Мошнина**.

С другой стороны, между нестяжательством и подвижничеством существует глубокая внутренняя связь. Она заключается в том, что человек, прежде чем приступить к духовному руководству мирской жизнью, должен внутренне очиститься, подготовиться, освободив себя от призрачных житейских хлопот и соблазнов. Поэтому для реализации принципа подвижничества необходимо должна быть преодолена ступень нестяжательства.

Принцип **соборности** предполагает духовное единение верующих в рамках Церкви. Причем Церковь здесь понимается скорее не как религиозный институт, а как форма единения, в том числе в виде религиозного сооружения, где верующие могут собираться. Соборность обосновывает духовное равенство всех верующих — и мирян, и церковных служителей. Кстати, в традициях русского православия проводить религиозные съезды с равным представительством и равными полномочиями всех категорий верующих.

Русское православие стало одной из ведущих скреп российского социокультурного пространства, самобытность и особенность которого позволяло русскому обществу не растворяться в иноцивилизационных моделях, не становиться в положение репродуктивной цивилизации, всего лишь воспроизводящей другие цивилизационные устои — византийские или европейские, а имплантируя стандарты, методы и механизмы иных цивилизационных конструкций, всегда достигать собственного своеобразия. Естественно, что для полноценного выполнения своей роли скрепы российского социокультурного

пространства, а отсюда и важнейшего фактора его цивилизационного обустройства, Русская Православная церковь должна быть самодостаточной, быть *с государством*, как формой цивилизационного выражения в нашем случае, а не структурой этого государства. В такой роли миссия Патриарха и функция патриаршества становится определяющей. Лишенная этого, Россия много потеряла в 1917 году.

Не в виде исторической аналогии, а как констатацию исторического факта отметим, что введение патриаршества в России в 1589 году (хотя оно могло состояться и значительно раньше) стало новым духовным импульсом развития и сбережения страны. В Уложенной грамоте об учреждении в России патриаршего престола восстанавливается идея Третьего Рима и содержится прямое обращение к царю Федору Ивановичу с призывом выступить охранителем (катехоном) христианского мира: «Понежь убо ветхий Рим падесея Аполинариевою ересью, Второй же Рим, иже есть Костянтинополь, агарянскими внуцы — от безбожных турок — обладаем; твое же, о благочестивый царю, Великое Росийское царствие, Третей Рим, благочестием всех превзыде, и вся благочестивая царствие в твое во едино собрася, и ты един под небесем христьянский царь именуешишь во всей вселенней, во всех христианех»¹. Нельзя исключать, а скорее следует предполагать, что начавшаяся вскоре после утверждения патриаршества, в 1590 году, война со Швецией, когда были возвращены многие земли, утраченные по итогам Ливонской войны, именно благодаря этому событию завершилась успешно для России.

Благотворным следствием введения патриаршества стало сохранение русского народного духа в Смутное время. Именно патриарх Ермоген (Гермоген) вдохновил Россию на борьбу с иноземной интервенцией и продажным олигархатом (Семибоярщиной). С конца 1610 года, находясь в заключении в Чудовом монастыре под стражей поляков и при пособничестве семибоярцев, патриарх стал рассылать грамоты по городам и селам России с призывом подняться и освободить Москву от захватчиков. Именно грамота Ермогена воодушевила

---

¹ Уложенная грамота об учреждении в России Патриаршества. 1589 г., май / Седмица. RU. Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия». — 11 сентября 2003 // www.sedmitza.ru/text/443574.html

осенью 1611 года нижегородского мещанина Кузьму Минина, который встал вместе с князем Дмитрием Пожарским во главе Второго ополчения, освободившего в конце октября 1612 года Москву и Кремль от польско-литовских агрессоров.

Отмеченные факторы — нерешенные проблемы социального обустройства и государственного устройства, огосударствление религии (не только православия), связанные с цивилизационным распутием России, — и ввергли страну в катастрофу 1917 года, которая, казалось бы, стала случайным недоразумением. Действительно, если сравнить ситуацию на фронте и социальное положение российского народа в феврале 1917 года с положением СССР в октябре 1941 года, то тяготы испытаний советского народа были неизмеримо больше. Но если в СССР в 1941 году вопрос цивилизационного выбора был решен, пусть и в такой уродливой форме, как коммунистический проект (правда, значительно подправленный в тридцатых годах благодаря устойчивым ценностям русского социокультурного поля), то в 1917 году российское общество пребывало фактически в состоянии цивилизационного безвременья. А любое социальное безвременье создает благоприятную среду для разного рода авантюристов и произвола. В этих условиях и произошло под влиянием олигархических и популистских кругов отречение императора Николая II от российского престола. — Вместе с такими популистами-авантюристами, как П.Н. Милуков (имевший тесные связи с британским посольством), А.И. Гучков (дрейфовавший в стан разрушителей государственности на основе неприязни к последнему Императору), А.Ф. Керенский, — с конца 1916 года действовала т.н. «Великокняжеская фронда», в которую входили члены императорской фамилии. Некоторые из них пали жертвой большевистского террора, как следствие Октябрьской революции, которой они косвенно способствовали, — великие князья Николай Михайлович (руководитель «фронды», прозванный «Филипп Эгалите»), Павел Александрович (требовавший конституции), Георгий Михайлович. Великий князь Дмитрий Павлович был участником убийства Г.Е. Распутина. Великий князь Кирилл Владимирович еще до отречения Николая II перешел на сторону Государственной думы и заявил о поддержке революции, а вели-

кий князь Николай Николаевич, командующий Кавказским фронтом, уже 28 февраля 1917 года, на другой день после захвата власти в Петрограде мятежниками, на встрече с командующим Черноморским флотом адмиралом А.В. Колчаком, обозначил свою склонность к поддержке отречения Николая II. В то время как А.В. Колчак оставался верен монарху, что чрезвычайно раздражало Николая Николаевича.

События конца февраля — начала марта 1917 года принято называть революцией. Однако *de facto* прозвучала лишь заявка на революцию, хотя и сопровождавшаяся достаточно радикальными политическими действиями, прежде всего — отречение императора Николая II от престола в Российской Империи и ликвидация имперского устройства государства. Но произошедшие вследствие восстания в Петрограде рабочих и солдат изменения были временными, как и возникшее Временное правительство, а окончательную форму государственного устройства должно было определить Учредительное собрание. И не исключалось возвращение к имперской форме правления с монархическим или конституционно-монархическим режимом. Следует отметить, что для общества в целом и большинства политических партий и движений необходимость проведение Учредительного собрания вытекало из состояния «непредрешенности» устройства власти в России, которая после отречения Николая II в течение шести месяцев имела неопределенную форму правления и лишь постановлением Временного правительства 1 сентября 1917 года была провозглашена Российская республика как временная форма государственного устройства до окончательного определения в этом вопросе именно на Учредительном собрании. Говорить при таких условиях о завершённой, т.е. состоявшейся, революции не представляется возможным. Точнее будет определять события февраля-марта 1917 года как государственный переворот, в результате которого возникло двоевластие Временного правительства, стремящегося обеспечить легальность трансформации государственной власти через Учредительное собрание, и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (Петросовета), не только претендовавшего на власть во всей России, но и, по сути, отрицав-

шего, в принципе, какую-либо форму власти, кроме республиканских Советов.

В конце концов, именно противоборство между Временным правительством, с одной стороны, и, с другой стороны, сначала Петросоветом, а затем с июня 1917 года — Всероссийским Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК) — спровоцировало безвластие, которое завершилось октябрьским захватом государственной власти большевиками, что привело к действительно революционным изменениям в стране. В этом контексте февральский государственный переворот стал прелюдией Октябрьской революции, которая не просто обеспечила захват власти у Временного правительства и у Учредительного собрания (разогнанного ею в январе 1918 года) в пользу ВЦИК, но и волюнтаристски решила вопрос государственного устройства в форме республики Советов, приступив к формированию нового социального строя на основе новой цивилизационной модели, с новой идеологией.

Оценки Российской Коммунистической революции октября 1917 года разнятся от крайне восхвалительных до резко отрицательных и уничижительных. Любопытно отметить, что, начиная с годов Гражданской войны и вплоть до недавнего времени, коммунисты говорили о том, что они не только свергли власть помещиков и капиталистов, но и царя. Но в последние годы представители Компартии РФ подчеркивают, что большевики в октябре 1917 года свергли Временное правительство, но не царя, что, в принципе, является правдой. Однако правдой является и то, что именно коммунисты жестоко расправились с Николаем II и его семьей, и со многими другими родственниками последнего императора России. А это говорит о том, что коммунисты выступили преемниками самых радикальных политических кругов, участвовавших в Февральском государственном перевороте, и именно они насильственно прервали эволюционную трансформацию российской государственности, которая должна была завершиться установлениями, принятыми Учредительным собранием. Мысль не нова, но получается, что в 1917 году победили либералы — умеренные в феврале и крайние в октябре.

С другой стороны, захват власти большевиками и свершенная ими Коммунистическая революция стали реакцией на паралич власти в России, ущербную внутреннюю и внешнюю политику. И в этом смысле возникают условия ее неизбежности, что, конечно же, не оправдывает сам факт насильственного захвата власти (включая и разгон Учредительного собрания) и последовавшую Гражданскую войну, спровоцированную этим фактом. При этом еще более значительная, основная доля ответственности за начавшуюся в 1917 году Вторую великую смуту в России лежит на том олигархате, олигархическом окружении императора, который не смог и не захотел извлечь уроки из восстания 1905–1907 годов, вредил правительству П.А. Столыпина и, возможно, был причастен к его гибели, расшатывал империю и власть императора, не имея никаких проектов будущего, не представляя способов развития страны. Недаром один из твердых российских государственников и монархистов И.Г. Щегловитов, понимавший опасность олигархического правления в ущерб имперской власти и видевший ущербность послестольпинского правительства в конце 1916 года, на одном из заседаний Государственного совета Российской империи произнес, имея в виду состав тогдашнего Совета министров: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя, борются с эпилептиками революции»¹.

Иными словами, не было бы ни Февральского государственного переворота, ни Октябрьской коммунистической революции, если бы в Российской Империи в начале XX века (хотя бы после восстания 1905–1907 годов) утвердилась охранительная, сдерживающая структура, обязательно под началом императорской власти, типа Опричнины Ивана Грозного, которая смогла бы как минимум нейтрализовать давление и влияние разлагающего общества олигархата. Но еще более правильным было бы, наряду с образованием охранительного учреждения, осознание и идеологическое оформление своего проекта российского цивилизационного строительства, исходя из учения о культурно-исторических типах Н.Я. Данилевского и с использовани-

---

¹ Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. — Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960–62. (1, 2 книги — 1960, 3 книга — 1962) // militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/03.html.

ем идейных скреп русской философской мысли. Нерешенность этих злободневных и насущных вопросов до 1917 года привело к их решению — по сути в извращенной форме — в виде института большевистских комиссаров и коммунистической цивилизационной модели, как искаженной вариации европейской цивилизации. Да и сама Коммунистическая революция в октябре 1917 года стала такой же формой решения нерешенных вопросов.

Очень важно отметить, что достаточно длительное существование, в измерении человеческой жизни, коммунистического режима, утвердившегося в результате Гражданской войны 1917–1920 годов, непосредственно доказывает, что отмеченные вопросы действительно были злободневны и существенны для этого отрезка пути исторического развития России. Таков был выход России из Второго смутного времени, такое было преодоление очередного цивилизационного распутья российского общества. Не сумев выстроить свою собственную цивилизационную модель и применить ее стандарты к обустройству своего социокультурного пространства, российское общество сполна испытало на себе все тяготы чуждых иноцивилизационных регуляторов, особенно в первые два десятилетия коммунистического правления. Стремясь утвердиться в российском социокультурном пространстве, адепты коммунистической модели постарались выбить один из краеугольных камней этого пространства — Русскую Православную церковь. Борьба коммунистов против православия, равно как и против других традиционных конфессий России — ислама, иудаизма, буддизма — показывает процесс иноцивилизационного моделирования в другом, российском, социокультурном пространстве. К месту сказать, что для европейской цивилизации, природно оппозиционной, а то и враждебной России, ее традиционные конфессии — и прежде всего русское православие — всегда были объектами нападков и козней. Но, как и после проевропейских реформ Петра Великого, российское социокультурное поле перемололо иноцивилизационные стандарты и механизмы, не позволив им разрушить традиционные ценности, смыслы и символы¹.

---

¹ См.: *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Потому падение коммунистического режима в 1991 года было проявлением очередного цивилизационного кризиса в нашей стране. Коммунистическая цивилизационная модель, ее стандарты, механизмы, правила и приемы обустройства и устройства социального пространства (постоянно изменяющегося и совершенствующегося) исчерпали себя. Это был кризис модели социального управления, вследствие этого кризис общества и государства, но никак не кончина страны — исторической России. Именно этот цивилизационный кризис, а вовсе не падение цен на нефть и другие энергоносители, и привел к распаду СССР и Третьей великой смуте. И даже происки спецслужб США и их пособников с Западной Европы и др., моральное растрепывание советского народа разного рода «голосами» и «волнами», подпитываемые тем же Западом, диссиденты, — не стали конечными разрушителями СССР. Да, расшатывали устои, но ничего бы не сделали, если бы система социального обустройства, политического устройства и государственного строя не дала бы сбой. Кстати, куда подевались после 1991 года все те диссиденты, что «шатали» советский строй? Куда-то подевались, но в политике РФ 90-х годов прошлого столетия их заметить не получается. Естественно, я имею в виду реальную политику федерального уровня, а не политические тусовки в актовых залах, скверах и малотиражных изданиях.

С 1991 года начался период цивилизационного распутья, когда вначале — 90-е годы XX века — расколовшиеся фрагменты страны (все без исключения, хотя и в разной степени) попытались применить модернизированные европейские цивилизационные стандарты, а затем — уже в XXI веке — в матричной части страны, в Российской Федерации, стало происходить переосмысление цивилизационной ориентации, — хотя, к сожалению, пока без осознания на уровне государственного руководства страной и в сфере общественного сознания в целом, своей российской цивилизационной модели.

Как минимум, для имевших место в истории нашей страны состояний цивилизационного распутья — во второй половине XVI — начале XVII столетий, в начале XVIII века, в начале XX века и в конце XX — начале XXI столетий — характерным является воз-

никновение различных форм олигархического правления, попытки олигархата управлять страной исходя из своих личных и корпоративных интересов. Примечательно, что наиболее эффективный выход из цивилизационного распутья был совершен Петром Великим с опорой на институт гвардейцев, как системы защиты государства и противовес олигархату, а также с использованием имплантационной европейской цивилизационной модели. Опричнина Ивана Грозного, безусловно, обуздала боярский олигархат. Но тогда не определились с цивилизационной моделью и даже не подошли к пониманию необходимости таковой, что спровоцировало Великую смуту начала XVII века, хотя Опричнина и отсрочила ее возникновение. В начале XX столетия не было ни сдерживающей олигархат структуры, ни цивилизационного проекта, — и никакой остановки, возможной для предотвращения Смутного времени не стало. И это — самый трагический эпизод цивилизационного распутья России.

Основной урок для нашего времени по событиям 1917 года видится в том, что цивилизационное распутье рано или поздно приводит к социальной катастрофе, если не решаются две главные задачи в этом состоянии: 1) не образуется эффективная структура для сдерживания и подавления своеволия олигархата, и 2) не принимается адекватный сложившимся историческим условиям цивилизационный проект развития страны и государства.

Утрата обществом цивилизационных ориентиров социокультурного развития, состояние цивилизационного распутья (особенно в фазе возникновения и длительности протекания) провоцирует пробуждение племенного мышления, разрушение моральных норм и нравственных ценностей духовно развитого общества, приносит этническую и групповую сегрегацию, что приводит к отторжению не только общенациональных, общедержавных и общесоциальных интересов, но и подавлению личностно-индивидуальных. А это — как раз почва для Гражданской войны, которая мало чем отличается от племенных распрей в древних и архаичных обществах. Собственно, само современное общество в условиях Гражданской войны становится архаичным, где архетипы поведения группового изоляционизма по схеме

свои-чужие провоцируют все новые и новые социальные конфликты.

Выбор иноцивилизационных ориентиров, пусть и ограничивающийся имплантацией определенных стандартов и механизмов иной цивилизации, при некоторой пользе в сравнении с отсутствием какого-либо продуктивного плана будущего, несет еще одну проблему, можно сказать беду для общества, которая состоит в том, что в каждодневную жизнь, в т.ч. институтов социального и государственного управления, включается ценностная ориентация чуждой культурно-цивилизационной системы. И это приводит к тому, что общество получает такой аппарат власти, который больше старается и стремится угодить и понравиться иноземцам, у которых копируется ценностная ориентация, нежели своему народу. Как ни прискорбно, но это становится именно проблемой и бедой общества, потому что власть в своем персонифицированном выражении при такой раскладке чувствует себя вполне комфортно. Правда, до определенного момента, пока общество не начинает избавляться от такой власти.

Относительно цивилизационных ориентиров для России в нынешнее время следует отметить, что никакой имплантационной модели европейского или, тем более, китайского образца уже быть не может. И не только по причине исторической исчерпаемости отмеченных моделей, но и вследствие того, что Россия со своим социокультурным пространством сейчас никакую иную, кроме своей, цивилизационную конструкцию не приемлет¹. Но даже в случае возникновения задержки с принятием цивилизационного проекта органами социального и государственного управления, решение уже перезревшего вопроса о создании учреждения, сдерживающего проявления олигархического правления, должно быть в повестке дня Президента Российской Федерации. В качестве ориентации, но, конечно же, не копирования и воспроизводства, могут служить такие структуры, как Опричнина Ивана Грозного, институт гвардейцев, фискальной службы и «майорских» следственных канцелярий Петра Великого и институт большевистских комиссаров в Советской России.

---

¹ Подробнее об этом: *Филатов А.С.* Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении. М., 2016. С. 234–252.

Фролова Е.А.

Революция и реформа: pro et contra

Революция (лат. *revolution* — поворот, переворот, круговращение) — ключевое понятие теорий развития природы, общества, человека, познания. Термин «революция» появился в XVI веке и первоначально означал вращательное движение, хождение «по кругу» (круговращение)¹. Начиная с Нового времени, в социальной философии под революцией понимается смена правителя или государственной элиты в целях коренного переустройства общества. После Французской революции в это понятие вкладывается в большей степени оттенок радикальности изменений по пути прогресса, что, как представляется, обуславливалось не в последнюю очередь методологией самой эпохи — рационализмом Просвещения.

Понятие «революция» предполагает некий «скачок» в развитии, перерыв постепенности в изменениях, преобразование сути явления. Содержание этого понятия различно. Так, революцией называют «скачки» в естественных науках (революция в физике, биологии), в философии («коперниканский переворот» в методологии познания, осуществленный Кантом), в культуре («культурная революция»), в науке в целом и в умах людей. Во всех этих смыслах данный термин используется для обозначения смены одной социокультурной системы другой, более прогрессивной. Дело в том, что революцию вместе с реформой признают разновидностью прогрессивного типа изменений, которым противостоит консервативный (оставить в обществе все, как есть) и реакционный (призывы вернуться назад) виды изменений. В этой связи можно заметить, что категория «прогресса/регресса» относится к области

---

¹ Первоначально термин «революция» был связан с учением Коперника. Трактат Н. Коперника «Об обращении небесных тел» (в других переводах — «О вращении небесных сфер») был издан в 1543 году в Нюрнберге.

оценочных суждений, что позволяет рассматривать понятия революции/реформы не только конкретно-исторически, с помощью генетического метода исследований, но и изучать с помощью систематического метода, который применим в философии, — в том числе и в философии права.

Любое общество представляет собой динамично развивающуюся систему, в которой периодически возникают отношения, требующие упорядочивания. Воплощение общественных ожиданий в позитивном праве — задача государственных органов, уполномоченных отменять, изменять, применять новые законы и другие нормативные правовые акты. В случае промедления государственной власти в оценке и учете потребностей общества с помощью реформирования действующего права возникают конфликты и столкновения, которые могут принимать массовый характер. Иными словами, неспособность правящих лиц провести назревшие социальные реформы порождает социальные революции.

В социальном смысле революция представляет собой полный, быстрый переворот во всем общественном и государственном строе страны, сопровождаемый, как правило, вооруженной борьбой. При этом насильственная составляющая, как известно из истории, не является обязательным признаком революции (например, события Английской революции 1688 года за их бескровный характер названы «Славной революцией»); качественным признаком революции стоит признать концентрированное, глубокое обновление социальных явлений. Революции происходят всегда вследствие движения, охватившего широкие круги населения. Суть социальной революции заключается в захвате политической власти¹. Как полагают специалисты, захват государственной власти одним лицом (несколькими лицами) с помощью интриг или заговора лиц, принадлежащих к правящему классу (например, дворцовые перевороты), нельзя назвать революцией — последние вызревают долго и готовятся десятилетиями. Вместе с тем, в научной литературе отмечается, что иногда к революциям относят

---

¹ «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве» (Ленин В.И. О двоевластии // Ленин В.И. Избр. произв. в 2 т. Изд. 4-е. Т. II. М., 1946. С. 9).

любой крупный общественный переворот, произошедший не только без кровопролития, но и без смены правительства (например, события XVIII–XIX веков в Англии, несмотря на то, что все общественные изменения проходили постепенно, Тойнби называл «промышленной революцией»).

Проблема изменения общественного строя — один из ключевых вопросов каждой политической доктрины. На уровне политико-правовой идеологии тема революции/реформы затрагивалась многими мыслителями. Размышляя о судьбах человечества, теоретики и философы права, государственные и общественные деятели, в зависимости от своих ценностных установок, направленности мыслей, учета конкретных исторических условий времени, обычаев и традиций своего/других народов, и с учетом многих других факторов, — предлагали развернутые обоснования изменения существующего политико-правового порядка.

Этот опыт представляет интерес в научном и практическом значении; в его широком спектре можно выделить две принципиальные позиции: обосновывается ли насильственное ниспровержение существующего строя и доказывается пагубность революционных потрясений общества; и разъясняется ли необходимость реформизма.

Среди теорий, отстаивающих путь реформ, можно выделить политические доктрины Э. Берка, И. Канта и сторонников критической философии, Г.В.Ф. Гегеля — эти мыслители, при всей концептуальной разности их учений, отрицательно относились к социальной революции.

Напротив, с обоснованием необходимости революционного переворота выступил ряд крупных идеологов. Франсуа Ноэль Бабеф, больше известный по избранному им самим псевдониму Гракх, был пламенным революционером, теоретиком и руководителем тайного общества¹. Бабеф расценивал события после 9 термидора²

---

¹ 31 марта 1796 года по инициативе Бабефа была создана «Тайная директория общественного спасения» (впоследствии «Повстанческий комитет общественного спасения») для установления подлинного равенства. Движение «равных» вынужденно носило нелегальный характер, однако оно было связано с широкими массами. «Равные» готовили восстание народа против ужасающей нужды, за «всеобщее счастье и совершенное равенство». Душой этого общества был Бабеф.

² Переворот 9 термидора (27 июля 1794 года) привел к установлению диктатуры

как победу контрреволюции: «На обломках трона поднимается новая тирания. Благоденствие наемных основано на нищете народа». — Он подверг резкой критике режим термидора и Директории, при которых, по его словам, «игнорировался суверенитет народа». Бабеф пришел к выводу о необходимости новой революции, т.к. «для народа революция отнюдь не завершена»¹; он связывал право народа на революцию с демократическим пониманием принципа суверенитета. «Тайная директория общественного спасения» распространяла революционную литературу; были составлены документы, определившие цель революции, разработаны меры, подлежащие немедленной реализации в период восстания. «Тайная директория» просуществовала всего 40 дней², однако авторитет Бабефа был столь велик, что участников заговора называют бабувистами, а разработанное им учение — бабувизмом.

Программный документ общества — «Анализ доктрины Бабефа, народного трибуна, преследуемого Исполнительной директорией за то, что он высказывает правду». Бабеф, опираясь на «Кодекс природы» Морелли, доказывал, что в частной собственности скрыт источник неравенства и угнетения. Богачи завладели государством — «и в роли хозяев диктуют тиранические законы бедняку, скованному нуждой, униженному невежеством и обманутому религией». Бабувисты последовательно проводили мысль, что равенство перед законом является «условным равенством», «красивой и бесплодной фикцией закона». Только революция, уничтожив частную собственность, способна разрешить социальный конфликт. Путь к строю «всеобщего счастья и совершенного равенства» бабувисты видели через свержение существующего режима и установление временной революционной диктатуры.

крупной буржуазии, закрепленной Конституцией 1795 года. Коммерческий ажиотаж и спекуляция резко ухудшили положение трудового народа, в Париже начались выступления с требованием «хлеба и Конституции 1793 года». Буржуазное правительство (Исполнительная директория) жестоко подавляло эти восстания.

¹ *Бабеф Г.* Соч. В 4 т. М., 1975–1982. Т. 4. С. 45.

² Выданные предателем Бабеф и его сподвижники были арестованы и преданы суду. 27 мая 1797 года Грахх Бабеф и Огюстен Дарте были казнены, других подсудимых ждала ссылка. Бабеф мужественно встретил смерть, полный уверенности в правоте своего дела.

Согласно планам бабувистов, достижение строя общности даст возможность осуществить Французскую Конституцию 1793 года. Бабеф высоко ценил ее, как провозгласившую суверенитет народа в сочетании с гарантией индивидуальных свобод. Из опыта истории революционных событий 1789–1794 годов во Франции он заключил, что «все великое, все поистине достойное народа всегда создается самим народом, и только им одним». Конституция 1793 года была действительным шагом вперед к подлинному равенству — так близко, полагали бабувисты, к нему еще никогда не подходили. Грядущая революция должна восстановить ее действие: целью восстания является восстановление Конституции 1793 года, свободы, равенства и всеобщего счастья.

Классической доктриной, в рамках которой обосновывается необходимость социальной революции, является марксизм. К. Маркс и Ф. Энгельс уверяли в неизбежности социальной революции, которая есть могучий двигатель прогресса. Суть их теории заключается в следующем. В результате противоречия между ростом производительных сил общества и устаревшей системой производственных отношений через социальную революцию происходит смена общественно-экономических формаций. Таким образом, более передовой социальный класс свержает реакционный класс и производит преобразования во всех сферах общественной жизни.

Согласно марксистской идеологии, построение нового общества связано с пролетарской революцией: «Пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии». Программа пролетарской революции изложена в «Манифесте Коммунистической партии» (1848): «Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии». Став господствующим классом, пролетариат должен *вырвать* у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. «пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил». Это произойдет, по мнению Маркса и Энгельса, с помощью «деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения». В «Манифесте Коммунисти-

ческой партии» изложены конкретные мероприятия программы революции: отмена права наследования, высокий прогрессивный налог, конфискация имущества эмигрантов и мятежников, монополизация государственного банка, плановое производство, трудовые колонии, общественное воспитание детей.

В работе «18-е брюмера Луи Бонапарта» (1852) К. Маркс акцентирует внимание на радикальности процесса: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее». — «Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе»¹. Разделяя идею насильственного захвата власти, В.И. Ленин в «Государстве и революция» называл эти рассуждения К. Маркса «громдным шагом вперед по сравнению с «Коммунистическим Манифестом»: «Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осознательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве»².

В период подготовки и проведения октябрьской революции В.И. Ленин написал ряд острополемических работ: «О задачах пролетариата в данной революции», «О двоевластии», «Задачи пролетариата в нашей революции. Проект платформы пролетарской партии», «Уроки революции», «Задачи революции», «Марксизм и восстание», «Государство и революция» и др.

Оценивая российскую действительность за период 27 февраля — 27 августа 1917 года, Ленин писал: «Реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и “ошибки” раздела исправлены несколькими переделами». — Такой ход событий, разъяснял он, вынуждает революцию «концентрировать все силы разрушения против государственной власти, вынуждает поставить задачей не

---

¹ Маркс К. 18-е брюмера Луи Бонапарта. Изд. 4. Гамбург, 1907. С. 98–99 (цит. по: Ленин В.И. Избр. произв.: В 2 т. Изд. 4-е. Т. II. М., 1946. С. 143).

² Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Избр. произв.: В 2 т. Изд. 4-е. Т. II. М., 1946. С. 143.

улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение ее*»¹.

Работа «Государство и революция» была написана в августе-сентябре 1917 года; в этой работе он утверждал, что политической формой диктатуры пролетариата в России должна явиться Республика Советов. В.И. Ленин собирался написать (уже был составлен план работы) вторую часть брошюры «Государство и революция». В этой части предполагалось обобщить опыт русских революций 1905–1907 и 1917 годов, однако, как отмечал сам автор в послесловии к первому изданию работы, кроме заглавия он не успел написать на эту тему ни строчки: «помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Отсутствие текста не повлияло на практическое осуществление поставленных задач: «Такой “помехе” можно только радоваться. <...> Приятнее и полезнее “опыт революции” проделывать, чем о нем писать»².

В Обращении «К рабочим, солдатам и крестьянам» указывалось: «Второй Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов открылся. <...> Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки. Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства арестовано. <...> Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок». — В конце обращения призывалось: «Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже! Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград! Солдаты, рабочие, служащие, — в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира! *Да здравствует революция!*»³

---

¹ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Избр. произв.: В 2 т. Изд. 4-е. Т. II. М., 1946. С. 145.

² Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Избр. произв.: В 2 т. Изд. 4-е. Т. II. М., 1946. С. 208.

³ Второй Всероссийский Съезд Советов Р. И С. Д.7–8 ноября (25–26 октября) 1917 г. // Ленин В.И. Избр. произв.: В 2 т. Изд. 4-е. Т. II. М., 1946. С. 209–210.

Альтернативой революции являются реформы. Под реформой (лат. *reform* — преобразование) в научной литературе принято понимать осуществляемое правящими кругами, т.е. «сверху», изменение важной области общественной жизни при сохранении основ существующей социальной структуры. Можно выделить несколько характерных черт реформ, отличающих их от революций: частичное преобразование, постепенный характер, сохранение социальных основ, сознательный характер. Реформы могут быть разными: комплексными, отдельных сторон, широкими и др. Своевременно проведенный комплекс реформ решает назревшие общественные проблемы мирными средствами. Таким образом, реформами предотвращаются социальные революции.

К теоретикам, принципиально отвергающим революцию, относится англо-ирландский политический деятель и публицист Э. Берк. В 1790 году он опубликовал работу «Размышления о революции во Франции»¹, содержащую полемику с идеями дворянских клубов, отстаивающих идеологию Просвещения и Французской революции.

Берк полагал, что революция есть общественное зло. Выступая против кардинальных изменений в государственном строе Англии, он утверждал, что все преобразования должны совершаться только с учетом предыдущего опыта. К принципам общества он относил стабильность, равновесие, постепенность обновления. К основам государственного строя Англии он относил идеи наследования. Со времени Великой Хартии Вольностей (1215) идея наследования, замечал Берк, сохраняет свободы поколений и совершенствует государственный строй: «У нас есть палата общин и народ, унаследовавший свои привилегии и свободы от долгой линии предков».

Английский мыслитель полагал, что право и государство не могут быть перестроены по воле человека: они создаются в результате длительной исторической работы. Он ссылаясь на конституцию Англии, которая создавалась несколько веков. «Славная

---

¹ Полное название сочинения: «Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию, в письме, предназначенном для парижского дворянина, написанном достопочтенным Э. Берком».

революция» 1688 года только закрепила государственный строй Англии, права и свободы англичан, которые существовали задолго до революции. Французская революция, полагал Берк, отличается от «Славной революции» тем, что французы стремятся все построить заново, а английская революция была необходима для закрепления свобод и вольностей, основанных на традициях общества. Задача политических умов заключается в том, чтобы «сохранять и одновременно реформировать». Своим благополучием, пояснял Берк, мы обязаны нашей Конституции, причем не каким-то отдельным ее частям, а всей целиком. В вопросах изменения существующего строя, метафорично замечал он, «я прибежал бы к лекарству, только когда больному совсем плохо. Занимаясь ремонтом здания, я сохранил бы его стиль». Осторожность, осмотрительность, нравственность — вот, согласно Берку, руководящие принципы наших праотцов.

Что касается французских революционеров, они, замечал Берк, склонны в полчаса разрушить то, что создавалось веками — «слишком сильно ненавидя пороки, они слишком мало любят людей». — «Заговоры, массовые побоища, убийства кажутся некоторым людям незначительной ценой государственного переворота. Спокойное, бескровное реформаторство кажется им плоским и пресным. Им нужна перемена декораций...»¹ Поэтому, по оценкам английского мыслителя, лидеры французской Революции стремятся разбить все вдребезги, «в своих опытах рассматривают людей как мышей», а «честный реформатор не может рассматривать свою страну как всего лишь чистый лист, на котором он может писать все, что ему заблагорассудится». — Свобода французских революционеров — это тирания, их знание — высокомерное невежество, их гуманность — дикость и грубость².

Приблизительно в одно время с английским общественным деятелем и теоретиком традиционализма разрабатывал свою философию И. Кант. Кенигсбергский мыслитель, революционер в области методологии познания, к социальной революции относился отрица-

---

¹ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. С. 74.

² Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. С. 82.

тельно. Революция, по его мнению, есть нарушение права, «горячий бред»; люди, совершившие революцию, рассуждал он, не меняются, и ничего не меняется в обществе — изменению подлежали только вывески на государственных учреждениях. С помощью революции, замечал философ, можно уничтожить власть тирана, но нельзя создать прочный порядок. В революции повинна тупость правительства, медлящего с проведением реформ; умное правительство должно вовремя перехватить знамя реформ оппозиции.

Такая оценка революции обуславливалась пониманием правового феномена в философии Канта и априорными принципами права: свободы, равенства, самостоятельности. Согласно его философии, в наибольшей степени на качественные изменения в социальных отношениях оказывает наличие/отсутствие в этом обществе свободы.

По Канту, свобода члена общества как человека предполагает следующие положения.

Во-первых, рассуждал он, «ни один человек не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (так, как он представляет себе благополучие других людей)». Каждый человек вправе сам искать своего счастья. Границей моей свободы на пути поиска своего счастья являются только права других лиц, т.е. моя свобода не должна наносить ущерб свободе других лиц.

Во-вторых, согласно Канту, правление в государстве должно быть отечественное, но не отеческое, поскольку последнее не предполагает свободу подданных. Правление отеческое, убеждал философ, есть величайший деспотизм, при котором подданные как несовершеннолетние дети не могут различать, что для них полезно, а что вредно; решение вопроса о том, как они должны быть счастливы, ожидают только от главы государства.

Согласно философии Канта, «всякое неповиновение верховной законодательной власти, всякое подстрекательство к деятельному выражению подданными неудовольствия, всякое возмущение, которое переходит в бунт, составляет злейшее и самое наказуемое преступление в рамках общности, потому что оно разрушает самые ее основы»¹. Революция, по рассуждениям Канта, проистекает из

---

¹ *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 310–311.

«принципа счастья», который вообще есть «зло», поскольку понятие счастья носит субъективный характер. Каждый человек понимает счастье по-своему: «С точки зрения счастья вообще нельзя указать для законов какой-либо общезначимый принцип. Ибо и условия времени, и весьма противоречащие друг другу и притом постоянно изменяющиеся иллюзии, в которых каждый усматривает свое счастье (а в чем он должен его усматривать, этого никто не может ему предписать), делают все прочие основоположения невозможными и в качестве принципа законодательства сами по себе негодными»¹; «счастье вообще нельзя подвести ни под какой определенный принцип в государственном праве, так же как и в морали, даже при самых лучших намерениях его проповедников»². Подведение *счастья под принцип* грозит злом — состоянием социальной революции. Дело в том, рассуждал Кант, что согласно принципу счастья, суверен ставит перед собой задачу сделать свой народ счастливым (согласно собственным представлениям о счастье народа), и потому рано или поздно становится деспотом. В свою очередь, народ, понимая свое счастье иначе и устремляясь на пути к нему, не хочет, чтобы его лишили общечеловеческого притязания на личное счастье, и становится бунтовщиком³. Эти идеи Канта схожи с рассуждениями Берка: «Короли станут тиранами из соображений политических, а их подданные — мятежниками из принципа»⁴. Во избежание социальной катастрофы надо, по мысли философа, сначала определить право и обосновать публично-правовое устройство, при котором правитель был бы связан со своим народом договором⁵. Кроме того, пояснял

---

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 307.

² Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 317–318.

³ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 318.

⁴ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. С. 81.

⁵ Публично-правовой договор, согласно Канту, приводит к пониманию того, что «народ не имеет никакого права принуждения по отношению к своему повелителю, потому что только через него народ и может по праву принуждать; когда же всеобщая воля существует, также не может иметь место принуждение народа по отношению к повелителю, так сам народ был бы тогда верховным повелителем; следовательно, народу никогда не может принадлежать право при-

Кант, необходимо учитывать, что правитель временами может ошибаться в своих решениях, поэтому в государстве должна быть обеспечена свобода печатного слова: «Гражданин государства... должен иметь право открыто высказывать свое мнение о том, какие из распоряжений государя кажутся ему несправедливыми по отношению к общности»¹.

Таким образом, философ отстаивал либеральный образ мыслей в рамках любви к своему Отечеству. Согласно Канту, в любом государстве должны быть две составляющие, уравнивающие друг друга: с одной стороны, повиновение механизму государственного устройства по принудительным законам, с другой стороны, дух свободы. Если государство идет по пути тотального запрещения и повиновения, рано или поздно в таком обществе возникнут тайные общества, ставящие цель свержения данного правления. Поэтому в каждом обществе должна быть гарантирована свобода слова: «свобода печатного слова есть единственный палладиум прав народа — свобода в рамках глубокого уважения и любви к своему государственному устройству, поддерживаемая либеральным образом мыслей подданных, который оно внушает».

Большое влияние Французская революция оказала на политическое и правовое учение Г.В.Ф. Гегеля. Размеренная жизнь осмотнительного, уравновешенного, вдумчивого Гегеля, занимавшегося в это время богословием в Тюбингенском университете, была прервана событием, сразу приковавшим к себе внимание Европы. Все с одинаково радостным сочувствием приветствовали начало революции. Ликование на первых порах было общим, на всех перекрестках кричали о наступлении новой эры, о том, что пришло время царства свободы и братства. На революцию любовались, как любят на начинающееся извержение вулкана. Немцы и раньше любили свободу, но любили ее как идею, как представление, не предполагая, что она может стать фактом жиз-

---

нуждения по отношению к главе государства (право сопротивляться ему словом или делом)». — *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 318.

¹ *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 324.

ни. Слова вызывали восторги; действия же, проводившие эти слова в жизнь, возбудили почти общее отвращение. Гегель был одним из самых ревностных, но не красноречивых ораторов за права свободы и равенства¹. Однако революционное увлечение в нем быстро сменилось не только реакцией, но и ненавистью к революциям вообще. Гегель отвергал якобинский террор в теории и на практике. «В Гегеле, — писал Гайм, — опять пробудилась его рассудительность и положительная сторона его характера, требовавшего во всем известной меры. Его приводили в ужас проливаемая террористами кровь и совершаемые ими насилия; но и независимо от всего остального для Гегеля уже было достаточно неизящной и эксцентрической обстановки революционной драмы, чтобы возбудить в его душе полное к ней отвращение»².

Революция, согласно философии Гегеля, есть «фурия разрушения», «самосознание отрицательной свободы», «рассудочная воля», которая только отрицает и ничего не создает. В области политики эта «свобода пустоты» становится «фанатизмом разрушения всего существующего общественного порядка и устранением всех подозреваемых в приверженности к порядку, а также уничтожением каждой пытающейся вновь утвердиться организации. Лишь разрушая что-либо, эта отрицательная воля чувствует себя существующей...»³

В добавлениях к «Философии права» есть положения, близкие к оценкам революции Канта. Так, отмечается, что «в один из периодов Французской революции добродетель была возведена в принцип, не должно было быть ничего, кроме добродетели. Это время и принцип Робеспьера, страшное время. Однако тогда добродетель требовала еще и враждебного отношения против недобродетельного... и добродетель была вынуждена бороться с недобродетельным, поскольку оно еще существовало... К принципу

---

¹ О юности Гегеля, дружбе его с Гельдерлином см., например: *Соловьев Е.* Гегель. Его жизнь и философская деятельность. Биографический очерк. СПб., 1891 // Дэвид Юм. Кант. Гегель. Шопенгауэр. Огюст Конт / Сост. «ЛИО Редактор». СПб., 1998. С. 185–201.

² См.: *Соловьев Е.* Гегель. Его жизнь и философская деятельность. Биографический очерк. СПб., 1891 // Дэвид Юм. Кант. Гегель. Шопенгауэр. Огюст Конт / Сост. «ЛИО Редактор». СПб., 1998. С. 200–201.

³ *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 70–71.

добродетели пришлось присоединить принцип ужаса. <...> К каким последствиям привел этот ужас, известно из истории, добродетель стала страшной потому, что она должна была стать убеждением современного народа...»¹

С темой революции в политическом учении Гегеля связана проблема построения нового государства. По его убеждению, этот вопрос означает не создание, а *изменение* государства. Все процессы, нацеленные на реформирование существующего общественного порядка, должны осуществляться, по Гегелю, только конституционным путем. Согласно его философии, каждый народ имеет свою историю, характерные для него опыт и дух, которые отличают данный народ от любого другого. В силу этого, рассуждал философ, каждый народ имеет свое государственное устройство, свойственное для его стадии развития. Так, например, английское устройство является государственным устройством англичан, и, если бы захотели дать его пруссакам, то, пояснял Гегель, это было бы столь же абсурдно, как решение дать прусское государственное устройство туркам. — «Каждое государственное устройство есть только продукт, манифестация собственного духа данного народа и ступени развития сознания его духа». — Принципиально важным оказывается для Гегеля механизм развития государственного устройства, которое требует только «поступательного движения, в котором ни одна ступень не может быть пропущена, нельзя опережать время...»².

Путь реформ и необходимость объединения страны на духовных началах русского сознания и русской культуры последовательно отстаивал сторонник неокантианства и глубокий исследователь философии права Гегеля П.И. Новгородцев. Как известно, события октябрьской революции он воспринял как национальную катастрофу. Революция 1917 года есть «диссолюция, разрыв связей, возмущение страстей против обязанностей и частей против целого,

---

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 466–467.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 469. В другом месте «Философии права» замечается: «Нет народа, который не имел бы того государственного строя, которого он заслуживает, каждый народ складывается как результат своей истории и может создать только то, что уже является его результатом» (Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 473).

разложение государства и народа»¹. Новгородцев видел опасности лозунгов «завоеваний революции» для страны в создании «революционной вседозволенности». Под знаменем этих лозунгов Россия «с неуправляемой силой катится к торжеству большевизма», что предполагает, по оценкам правоведа, состояние общей анархии в стране. Он замечал, что в таких условиях путь к власти открыт для наихудшей демагогии: «Отсюда и вышло, что легализованная анархия кн. Львова и Керенского с естественной неизбежностью уступила место демагогическому деспотизму Ленина»².

Революция в России, по Новгородцеву, являет собой «не завоевание, не победу, не торжество нравственной идеи, а кару, страдание и трагедию». — Последствия октябрьской революции таковы, замечал он, что Россия не только не слилась с демократией всего мира, а, напротив, противопоставила себя ей как «система управления диктаторского, деспотического и вместе с тем разрушительного. Являя собою картину голода и болезней, разорения и умирания, Россия оправдывает в наши страшные дни горькое предчувствие Чаадаева: “Мы как будто живем для того, чтобы дать какой-то великий урок человечеству”»³.

Демократии в России, полагал Новгородцев, не было ни в начале революции, ни в дальнейшем ее развитии, при создании советской власти. Вначале искренно стремились к народовластию, но достигли только безвластия; после прихода к власти большевиков идея народовластия была отвергнута, «на ее место была поставлена так называемая диктатура пролетариата, практически сводящаяся к олигархи-

---

¹ *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь (посвящается памяти В.Д. Набокова) // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 561.

² *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь (посвящается памяти В.Д. Набокова) // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 564.

³ *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь (посвящается памяти В.Д. Набокова) // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 565. Анализ российской государственности — см., напр.: *Лукьянчикова Л.В.* Осуществление непосредственного народовластия в России XVI–XX вв.: генезис, исторический опыт. М., 2016; *Лукьянчикова Л.В.* Вопросы народовластия в политико-правовой мысли российского консерватизма // *Право и государство: теория и практика.* 2011. № 4. С. 83–87. Оценки политико-правового учения П.И. Новгородцева — см.: *Жуков В.Н.* Философия права П.И. Новгородцева. М., 2004; *Фролова Е.А.* П.И. Новгородцев о праве и государстве. М., 2001.

ческому господству партийных вождей, властвующих и над партией и над народом при помощи демагогии и тирании»¹. Причиной распада государства Новгородцев называл направленность политического мирозерцания русской интеллигенции по пути народнического анархизма Бакунина, суть которого — вера в созидательную силу революции: надо только разрушить старую власть и порядок, а затем все само собой устроится. Руководствуясь такими идеями, резонно замечал Новгородцев, нельзя было организовать ни народовластия, ни управления. Кроме того, важной причиной гибели государства отечественный правовед называл бездействие «призрачной», «безвластной» власти. Временное правительство, писал он в статье «Восстановление святынь», не противостояло процессу разрушения государственности.

Оценивать итоги революции, справедливо считал Новгородцев, должны не современники эпохальных перемен, — истинное значение революции проявляется только со временем. Однако уже в начале 20-х годов XX века для русского философа была ясна необходимость восстановления русского государства. Для этого, горячо доказывал он, необходимо перестроить сознание народа: воссоединение России может совершиться только подвигом общего национального объединения, духом связанности высшими началами и святынями, сознанием ответственности перед целым: «Россия и русская культура выше партий и политических догм». В 1923 году Новгородцев писал: «Не механические какие-либо выборы и не какие-либо внешние формы власти выведут наш народ из величайшей бездны его падения, а лишь новый поворот общего сознания»². Поэтому на уровне политических партийных требований следует не только провозглашать отвлеченные идеи — либерализма, гуманизма, начала

---

¹ *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь (посвящается памяти В.Д. Набокова) // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 566.

² *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь (посвящается памяти В.Д. Набокова) // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 580. Это не означало, что Новгородцев отвергал значимость политической свободы и путь правового государства. Речь шла о том, что для осуществления прав и свобод необходимо вначале, чтобы русский народ «перестал вымирать и от безумия коммунизма, и от новых опытов продолжения революции» (С. 570–571, 573). — См. также: *Лукьянчикова Л.В.* Вопросы народовластия в политико-философской мысли русского зарубежья // Право и государство: теория и практика. 2010. № 12. С. 144–148.

свободы и равенства, принципы демократии и правового государства, — но сначала объединить народ высшим началом — преданностью русской культуре и духовному единству.

Оценивая революционные события в XX веке, мы вспоминаем рассуждения А.И. Герцена о методах преобразования в обществе, в частности, его замечание Н.Г. Чернышевскому: Русь надо звать «не к топору», а к метлам, чтобы вымести грязь и сор, скопившиеся в России. Если с помощью революционного насилия можно упразднить самодержавие, рассуждал он, то построить социализм таким способом невозможно. «Насилием можно разрушать и расчищать место — не больше. Петроградизмом социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдет». В статье «К старому товарищу» (1869–1870) Герцен, полемизируя с Бакуниным, замечал, что попытка быстрого перехода от современного состояния к конечным результатам в итоге приведет к поражению. «Идя без оглядки вперед, можно затесаться, как Наполеон в Москву, — и погибнуть, отступая от нее». Любая попытка обойти, перескочить сразу — от нетерпенья, увлечь авторитетом или страстью — приведет к страшнейшим столкновениям. «Неужели цивилизация кнутом, освобождение гильотиной составляет вечную необходимость всякого шага вперед?...» Все великие перевороты, по мнению Герцена, не делаются «разнуздыванием дурных страстей»: «Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам», — писал Герцен в июле 1869 года.

За каждым теоретически значимым именем в истории политико-правовой мысли стоит программное обеспечение их концепций, связанное с улучшением права и государства. Как было показано, способы изменений в социальной сфере виделись идеологами поразному. Однако многовековой исторический опыт наводит на мысль, что путь социальных революций, при всем благостном желании революционеров кардинального переустройства общества, несет с собой массовые нарушения прав и свобод человека и гражданина, потерю стабильности правопорядка общества. Альтернативой социальным революциям является своевременный процесс социально-политического реформирования.

Шамшурин В.И.

Об утопии земного рая: Революция как традиция

До сих пор нашему обществу не удается достигнуть духовного равновесия в своем национальном самочувствии. По-прежнему оно страдает от рационалистического космополитизма своей интеллигенции и от воинствующего национализма правящих сфер и руководящих партий. <...> Между тем путь, который повелительно указывается нам историей, должен бы вести нас к подъему культурного патриотизма и ослаблению политического национализма.

С.Н. БУЛГАКОВ «Два града. Исследование о природе общественных идеалов».

Творчество С.Н. Булгакова являет собой пример счастливого сочетания исследовательской стратегии и тактики — изучения глубинных основ бытия и человеческого познания и существования, — с одной стороны; с другой же стороны — их прикладной области в конкретной повседневности и жизни любого человека. Это — та самая любовь к практической мудрости, которая всегда отличала историю русской мысли в её лучших проявлениях и называется в православной традиции смиренномудрием. Интересен парафраз самого Булгакова, данный им в «Свете Невечернем» на известное высказывание Теренция: «*Homo sum et nihil divini a me alienum esse puto*»¹. Творчество Булгакова — безбрежно. И это тот случай, когда обилием чувствований не превысит достоинств прославляемого. В этом отношении наилучший способ исследования русской мысли — это «интеллектуальная агиография», когда большее внимание уделяется не столько биографическим сведениям. Я бы сказал — «биографиям монографий». Но это не тот слу-

---

¹Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М., 2001. С. 433. «Я — человек, и ничто *божественное* мне не чуждо (лат.) — парафраз известного изречения Теренция (ничто *человеческое*)» (С. 659).

чай. Время «цитатничества» и разного рода «реферативных пере- сказов» прошло, — и приходит, наконец, по справедливому выска- зыванию Ю.Н. Давыдова, пора узнавания наших российских мыслителей по их действительному вкладу в философскую культуру, а не по их обещаниям. А это возможно лишь при переходе от «ин- вентаризации» идей того или другого из философов, произведших на нас более или менее сильное «впечатление к осмыслению связи этих идей, их внутренней сопряжённости друг с другом»¹. И здесь «неброский» Булгаков, работы которого предполагают неспешное, вдумчивое чтение, исключаящее «ту судорожную, захлёбываю- щуюся торопливость, на какую, судя по типичным комментариям нынешних “квалифицированных читателей”, настраивают, напри- мер, профетически лихорадочные тексты Н. Бердяева»², проигры- вая в афористичности, выигрывает в аналитичности. Добавим, многие современные авторитетные эксперты, как почившие, так и доселе действующие, работают именно в этом ключе «оракулов» и «властителей дум человечества», нимало не задаваясь вопросом если уж не о самозванстве, то хотя бы о *законности* своих претен- зий на «эсхатологические предсказания» и «метафизический хи- лиазм» своей, по сути дела, публицистики и поп-философии.

Мы же подчеркнём не только критическую, но и самокритиче- скую сторону творчества Булгакова, особо и очень отчётливо пока- завшего именно все социально-прикладные, социологические (не го- воря уж о религиозно-метафизических) опасности и издержки весьма своеобразного феномена околонаучной «материалистической религиозности» как особого рода субъективно-психологической фа- натичной светской веры, основанной на пантеистическом богоборче- стве, — этой «методологии» религиозного, точнее, квази-, крипто-, парарелигиозного самоопределения. «О, я был, как в тисках, в плену “научности”... Как ненавижу я тебя, исчадие полуобразования, ду- ховная чума наших дней, заражающая юношей и детей»³.

---

¹ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 415.

² Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 415.

³ Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М., 2001. С. 22.

Особый, тоталитаристский подтекст «человекобожества»¹ и даже «социобожества» в отличие от традиционных форм гностико-просветительского атеизма Цельса и Вольтера, ведущегося, на самом деле, с позиций дуализма псевдорелигиозности маздаизма и манихейства, усматривается здесь в работах Фейербаха, Ницше, Штирнера; и конечно же, Маркса и его последователей, особенно в эпоху постмодерна. И каждый раз речь идёт о светских прогнозах. Булгаков, особенно в «Двух градах», рассматривал эту традицию не только в её «актуальном», но и историко-генетическом планах.

Действительно — это, пожалуй, одна из самых древних светско-языческих ересей в христианстве, соблазнам которой в той или иной степени поддавались, за исключением Иоанна, уже святые апостолы, особенно Пётр и Фома. И если «здоровый эмпиризм» апостола Фомы «не уверю, пока не пощупаю» был свидетельством религиозности, в которой внутреннее состояние верующего сильно зависит и даже не отделено от внешних обстоятельств, т.е. не имеет свидетельств внутреннего опыта о «Царствии не от мира сего», — то «политологические» рекомендации апостола Петра прибегнуть к властным рычагам изменения внешних обстоятельств, — не важно, в духе hard или soft power, для решения сложнейшей экзистенциальной ситуации, — были встречены решительной отповедью: «Отойди от меня, Сатана».

В дальнейшем традицию поклонения настоящему, культа современности, модернизму вплоть до Постмодернизма с его «здесь и теперь», «всё или ничего», кроме и дальше которого уже нет ничего, — сделают уже главной идеей, а не минутной слабостью своего мировоззрения очень многие. Как ни странно, плотский ге-

---

¹ В «Свете Невечернем» С.Н. Булгаков пишет: «Можно ещё указать, что существуют разные виды религиозных суррогатов, как, например, религия прогресса или человечества. Однако и здесь, поскольку мы имеем дело с отношением религиозным, оно связано именно с устремлением за эмпирическую данность к некоему трансцендентному ноумену, — Grand Être О. Конта (Высшее существо (*франц.*) — бог “позитивной религии” О. Конта, которым объявляется общество или совокупное человечество и которое должно почитаться каждым отдельным человеком)» (*Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М., 2001. С. 646*). Можно считать такое обожествление собирательного понятия логическим фетишизмом и видеть в нём низшую ступень религиозного сознания, но нельзя отвергать религиозных черт, ему присущих» (С. 38).

донизм сомкнётся с «танато-дицеей» иллюзионизма и докетизма, коль скоро «тео-дицея» будет отвергнута. Установка: «наслаждайся сейчас, потому, что потом смерть и ты ничто» совершенно естественно перейдёт хотя и в более последовательное, но от этого в не менее непродуманное «раз ты ничто, иллюзия, то наслаждайся и смертью». Кстати — одна из самых заманчивых буддистских установок для незрелых умов в соцсетях. И коль скоро есть страдание от неправильных форм жизни, то вся жизнь — страдание — и как таковая должна быть отвергнута. Но, как говорили римляне, «незнание закона — не есть укор закону; нарушение закона — не есть укор закону; забвение закона — не есть укор закону; искажение закона — не есть укор закону». Не случайно Отцы Церкви, будучи по образованию риторам, философами и юристами, усматривали в римском праве преддверие и предчувствие Христианства. Именно в забвении права и монотеизма как целостности, системности и универсализма мышления и жизни — корни самых разных форм радикализма, который посягает на святость жизни и творения, считая их несовершенными, историко-преходящим началами, «надстройкой», «традиционно разыгрываемым чудом», «символическим капиталом» «травматическим термином», «вздохом угнетенной твари», «опиумом для народа» и т.д. и т.п., — а не абсолютными, сакральными, неотчуждаемыми и неотъемлемыми ценностями, без которых теряется различие добра и зла, должного и недолжного, происходит оправдание уголовного преступления в виде смуты и мятежа как средств внезапного переустройства общества.

Секуляризованный хилиазм, стремление к «земной эсхатологии» и «прогрессу» проявит уже Исава, который вслед за Адамом и Евой с их яблочным грехом как надеждой простыми и быстрыми средствами решить сложную запутанную ситуацию, продолжит цепь грехопадения. При этом человечество по легкомыслию и жестокосердию одновременно постоянно будет неравноценно менять сакральную ценность, благодать, спасение души, первородство на преходящее осязаемое благо как средство брэнного внешнего могущества — на обманчивую, потому что постоянно голодную сытость; на ложное, потому что быстро устаревающее, т.к. ничего не

решающего по сути знание; на ускользающий успех, ускользающую политическую власть; на магический обряд, «риторическое высказывание-заговор», социальный ритуал, т.е. оккультное влияние земных средств, связывающих по необходимости волю бесконечного Бога волей конечного человека. Эту ребяческую установку сделают допустимой Цельс, Евномий, гностики, альбигойцы, стригольники, розенкрейцеры и многие-многие другие, вплоть до самых современных, — любители всякого рода гороскопов, «предваряющего знания и исправления несовершенства жизни», когда «боженька ошибся». Революция и есть такого рода прогноз, но уже не астрологический, как было в Вавилоне у «халдейских мудрецов-философов», а прогноз уже общественно-политический с военно-административным ресурсом той части элиты, которая желает получить полноту власти в обход закона, используя протестные настроения гражданского общества и боевые навыки уголовно-террористического спектра девиантных общественных групп.

К радикально-социальным, политическим средствам общественной, а уже не «природно-алхимическим» и «риторическим», средствам магии-ворожбы впервые прибегнут сыновья Едомовы. Они, как засвидетельствовано уже в «Ветхом Завете» говорили: «Разрушайте Храмы Иерусалима до основания его» (Пс. 136). Правда, как и многие их дальнейшие последователи, они были весьма уклончивы в объяснениях того, что же будет построено на этом месте «затем» — в виде «светлого будущего человечества». А ведь в том же иудаизме есть страшное предостережение — земной «шелом» (рай) имеет тенденцию превращаться в «шеол» (ад).

Не менее известен случай и с основателем русской монастырской жизни святым Феодосием Печерским, которого ещё в XI веке древнерусский просвещённый и «прогрессивно-настроенный» обыватель, а именно возница, заставил сесть вместо себя на облучок, попрекая праздной монашеской жизнью и не понимая значимости внутренней работы молитвенного труда в сравнении, так сказать, со «стадиями экономического роста», ставя «феноменологию духа» выше ноуменологии... Вообще русская история, особенно современная, полна такого рода примерами — куда менее безобидными. И серьёзность предостережений о. С.Н. Булгакова в

этом плане против разных видов беспочвенничества, как неукоренённости в сакральных ценностях, эдаких, скажем так, «безальтернативных» идеологий «перекати-, гуляй-поле» новатизма и антитрадиционализма — секулярной, социалистической, атеистической, либерально-демократической, космополитической, — нельзя недооценивать.

Трагизм русской западнической интеллигенции — в продолжающемся уповании на «безблагодатную религиозность», «атеистическое верослужение», «земную святыню», «земной рай» и отторжении Божественного священства. Как говорится, «интеллигент в России — больше чем интеллигент». Логика не только странная, но и просто социально опасная, в основу которой, как отмечал Булгаков, положен «грех гордыни».

Действительно, полагал Булгаков, не логичней ли вслед за Штирнером отвергнуть всякую святыню (в том числе и земную) вообще, утвердив приоритет «Едиственного», «сверхчеловека» с его сугубо телесно-земной ориентацией и экономико-предпринимательской деятельностью? Но в этом случае без Судьи и Посредника, свидетельствующего о духовном родстве людей в общих ценностях «Образа и подобия» всё сведётся к неупорядоченному и постоянному столкновению несообщающихся и чужеродных друг другу «атомов-титанов» или «монад» — претендентов на звание «Едиственного». В социологическом отношении идейные установки «Богоборческой метафизики», «внутренней религиозной войны» означают закрепление порочной социальной практики постоянных и непрекращающихся междоусобиц. Получается в светском режиме, что любой конфликт может быть решён не с помощью культуры внутреннего *мира*-согласования, убеждения, переговоров, т.е. мирного решения ситуации. Эта «Божественная установка», по атеистическому мировосприятию язычества, не имеет решающего значения, т.к. главное — теория не просто «большого взрыва», а бесконечного количества повторяющихся и корректирующих друг друга «взрывов» в духе «апокастазеос тон пантон» Гераклита и Зенона стойка Китийского.

Главное — материально-репрессивное действие механически сталкивающихся друг с другом напрямую или косвенно атомов

(Левкипп–Демокрит, Тит Лукреций Кар). А слова, идеи, мотивы, обоснования в целях политической конъюнктуры могут быть и допускаются в силу их вторичности самыми разнообразными... Но вот что интересно — в творчестве Булгакова есть очень интересная черта, без которой, на мой взгляд, нельзя говорить об истинно продуктивном творчестве того или иного мыслителя: вера в благополучное решение любой сколь угодно трагической ситуации и **исследовательское обнаружение** возможности такого благополучного решения. Речь идёт об анализе предпосылок единства культуры (в данном случае, России). «Речь идёт, — по справедливому определению Ю.Н. Давыдова, — о встрече — в пределах одной и той же формы религиозного сознания — двух взаимоисключающих вер: веры в Христа и веры в неверие»¹. Повторяю, на примере творчества Булгакова можно дать (и это будет оправдано) уникальное эвристико-энциклопедическое и в то же время методико-библиографическое и биографическое обеспечение в виде самых обстоятельных комментариев.

Можно работать с информацией, способной удовлетворить научный интерес любого свойства: сведения о трудах Булгакова, биографические данные, анализ терминологии, комментарии и указание на источник практически любой представленной в его творчестве точки зрения. И именно такие критерии делают знание достоверным, а истолкование интерпретируемого автора — представительным. При этом обширность и амплитуда представленных на суд читателя позиций, т.е. эрудиция интерпретатора, помноженная на эрудицию интерпретируемого им автора, не позволят упрекнуть интерпретатора в тенденциозности, предвзятости, «партийности». Но по этой же причине возможен уход от жизненных проблем. А главное — от авторской позиции — и интерпретаторов и интерпретируемого в сторону очень удобной и для всех приемлемой позиции — назовём её жанром «музейной схоластики» в исследовании истории идей.

Вместе с тем, в творчестве Булгакова содержится и множество других животрепещущих сюжетов. На некоторые из которых (о всех

---

¹ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 447.

сюжетах, естественно, — судить одному автору не по силам) и попробуем обратить внимание. Да, это — критика «богоборчества» или, назовём его вслед за А.С. Панариным, «прометеева начала», или — скажем сами — «гуманистического титанизма» с его прикладными последствиями в виде апологетики социально-репрессивного конфликта, представленная Булгаковым во вступительной статье к «Двум градам» и таких статьях 1-го тома, как «Религия человекобожия у Л. Фейербаха», «Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха)». И это, повторяю, анализ определённой традиции, как своеобразной ереси внутри христианства.

Но Булгаков не ограничивается историей проблемы, он показывает её внутреннюю логику, главную идею антихриставсверхчеловека, суть которой «разъяснил новейшему человечеству Ницше. Последний смысл человекобожия сводится к тому, чтобы присвоить себе творение Божие, объявить себя его богом. Это путь сатаны, который, не имея своей силы бытия и в своём отпадении от Бога становясь духом небытия, может проявлять эту силу только метафизическим воровством, получая лишь призрачное “метеорическое” (по выражению Шеллинга) существование в колебаниях между бытием и небытием, существует только обманом, который раскроется только при полном отделении от бытия и небытия, света от “тьмы кромешной”, находящейся за краем (“кромешное” бытия)¹.

Здесь Булгаков органично продолжает святоотеческую и русскую религиозную традицию, чётко представленную, например, в том числе и в творчестве В.С. Соловьёва. Антихристианство, атеизм — это не иррелигиозные течения. А антихрист — не «вольнодумец» просветительства. Всё это становится понятным именно в плоскости религиозной и мистической, так как антихрист-мистик-богослов до дна души, знающий, но не верящий в Бога, себя предпочитающий Ему, как это подчёркивалось в трудах новоникейцев — великих каппадокийцев: св. Афанасия Александрийского, св. Василия Великого,

---

¹ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 9.

св. Григория Нисского (Философа философов) и св. Григория Назианзина (Богослова). О том же писал и В.С. Соловьёв в «Трёх разговорах».

Вот это свидетельство православно-христианской традиции «о неправде», лжи как небытию правды, зле как тени, искажении, нарушении, болезни добра; в отличие от западного христианства с его концепцией двойственной истины веры и разума. Это свидетельство как опровержение онтологии дуализма очень характерно для русского православного религиозного философствования. Именно оно характерно для русской традиции (и Булгаков здесь яркий её представитель). И именно оно встречает активное отторжение и в среде «социально-экономически активного» современного западного христианства. И в среде «светско-гуманистического мировоззрения» либерально-демократического направления. Это единая культура, с единой мировоззренческой базой язычества. И не важно, присутствует ли здесь христианская символика и риторика или нет. Через папизм, иудейский хилиазм мечта о земном граде, полагал Булгаков, — возродилась в западном христианстве и послужила причиной многих для него несчастий. Впрочем, продолжает свою мысль русский философ, делая это без всякого пристрастия и предвзятости, — этот же яд проникает и в православие в учении о мистическом самодержавии, будто бы призванном осуществить земной град. В этом плане учение о коммунизме и странегегемоне, олицетворяющем чаяния прогрессивного человечества, ничем от такой, светски-исторически интерпретируемой самодержавной версии «Москва — Третий Рим» — не отличается. Просто вместо Православия — марксизм, вместо Церкви — партия, а вместо русского народа — пролетариат.

Но вот ведь в чём дело. В Православии это мнение в отличие от западного христианства никогда не получало характер догмата и не делало его заложником превратно понимаемого мессианизма, догмата, непреложной истины о «непогрешимости» папы, как в католичестве, или общины — как в протестантизме. «Земной град на холме» истинно верующего или истинно верующей общины оставался в Православии самое большее на положении местного или частного мнения. Цезарепапизм, папоцезаризм для Правосла-

вия есть лишь плод злоупотребления, раскола, порождение греховной слабости членов Церкви, их вмененно-ответственного попустительства, — но никогда не догмат. Кстати, на этом основании в отличие, скажем, от Леонтьева, Победоносцева и др. Булгаков вслед за Хомяковым совершенно отвергал мистическую связь между Православием и самодержавием. Если она и существует, то имеет церковно-исторический и религиозно-психологический характер. «Не существует никакой внутренней и нерушимой связи между православием и тем или иным политическим строем, а потому православные могут иметь разные политические взгляды и симпатии»¹. В дальнейшем патриарх Тихон и историк русской Церкви А.В. Карташёв также подчеркнут: эта связь была создана историей и ею же на наших глазах медленно, но верно — разрешается.

Православие, считал Булгаков, уберёглось от примеси иудейского хилиазма. Оно остаётся не связанным с определённым идеалом земного града и потому, «как ни противоречит это, по видимому, существующему историческому положению вещей, православие и внутренне независимей, свободнее, чем папизм, ибо оно остаётся царством не от мира сего. Церковь не град»². Правда, продолжает эту мысль Булгаков, она существует в граде и, поскольку становится ему причастна, постоянно подвергается опасностям обмирщения (что, кстати, и случилось с протестантизмом и отчасти с католицизмом) и пленения, «паралича». На этой почве возникает и исторический цезарепапизм. Но это не природа Православия.

Впервые самостоятельный подход к подобного рода проблемам в русской религиозно-философской мысли был намечен уже у Нестора-летописца, Илариона Киевского и ряда других русских авторов; затем он прослеживается у И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Продолжен этот подход Соловьёвым и Булгаковым, затем — В.В. Зеньковским, В.Н. Лосским и др. Была совершенно справедливо отмечена догматическая неясность установки, благословленной в XIII веке

---

¹ Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 341.

² Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 11.

Фомой Аквинским, на автономную силу «естественного света разума», независимого от откровения веры. В этом случае движение от избранного «первосвященника»-политика к «избранной общине» экономически удачливых верующих, а затем к избранному обществу, государству, классу, политической системе — прослеживается довольно ясно. Социализм, социализация как обобществление, секуляризация, обмирщение, тоталитарное мещанство обличается Булгаковым совершенно определено. Кстати, насколько органичен такой подход для русской мысли, показал даже такой представитель леволиберального лагеря, как Герцен со своим типично «православным» неприятием европейского мещанства. Более же последовательный в этом отношении Булгаков вслед за Достоевским указывает на то, что социализм и мещанство, буржуазность — это явления одного порядка, порождение одной и той же сущности, «которая классически выразилась в иудейском хилиазме»¹. Кстати, почему-то сложилось так, что подобного рода критика, предъявленная Западу, повторяю, в русской православной традиции ещё Хомяковым, всегда оставалась и до сих пор остаётся без ответа. Если, конечно же, не считать ответом упрёки православным «схизматикам» в упорном и неоправданном аскетизме «жестоких русских монахов» (так, по крайней мере, считал И. Кант).

Но вот что интересно: вселенская, казалось бы всепобеждающая сила «автономного безбожного человека и общества» для Булгакова — «сила прошлого, лишённая будущего». «С ней неизбежно приходится считаться практическому политику, но она представляет малый и лишь отрицательный интерес для русской культуры»². — Как бы при этом ни было велико фактическое влияние этой силы благодаря исторической, социально-политической или экономической конъюнктуре. А вот интеллигенту, в отличие от политика, как творцу новой культуры и одновременно её носителю, гораздо легче проникнуть к животворным источникам культурного созидания. Когда культура теряет теистические основы,

---

¹ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 11.

² Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 13.

она становится пантеистической, и речь, по Булгакову, идёт уже не об интеллигенции, а об «интеллигентщине» как крайнем человекобожии, сосредоточенном лишь на интеллигенции, т.е. на самой себе, и соединённой с примитивной некультурностью. Понятие культуры как труда, со-трудничества с Высшими жизненными началами в тяжкой работе спасения, совершенствования, переосмысления и исправления после самоосуждения, — утрачивается. Утрачивается то, что в патристике носит название «синергия» (сотрудничество), «апокатастазис» (бесконечное совершенствование как развитие ввысь) и «метанойя» (покаяние как «переделка сознания»).

Критические взгляды Булгакова на интеллигенцию вызвали, как известно, волны обид и негодований как справа, так и слева. Всё это свидетельствовало о потревоженном самолюбии оппонентов, с одной стороны. И о правильности поставленного в «Вехах» диагноза — с другой. Но не только об этом. Осуждение социальных процессов, связанных с разрушением святыни в человеке и поставлением на место святыни самого себя как единственной святыни в мире было болезненно воспринято именно представителями, как известно, социалистического движения. Небезызвестно, что и сейчас сторонники социалистического «светлого будущего человечества» очень нервно реагируют на любую религиозную проблематику, призывают «грудью встать на пути клерикализма». Социализм направлен к защите обездоленных не только в капиталистическом, но и в любом обществе; и к преобразованию общественного строя на началах справедливости, равенства и свободы. Казалось бы, по своим целям социалистическая деятельность должна быть признана работой по созиданию Царства Божия или близкой ей во многих отношениях. Почему же, спрашивает Булгаков, защита униженных и оскорблённых и борьба за социально-экономическую справедливость привела и приводит к богоборчеству и религиофобии? — И отвечает: «Здесь мы имеем именно тот тонкий и самый опасный соблазн, когда добро и зло различаются не снаружи, а изнутри»¹. Здесь Булгаков имеет в

---

¹ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 70.

виду, что, борясь с религией, религиозностью вообще, Маркс и его последователи задаются, по сути, религиозными задачами.

Надо сказать, что проблемы соотношения христианства и социализма рассматривались Булгаковым очень пристально, например, в таких статьях 1-го тома «Двух градусов», как «Христианство и социальный вопрос», «О первохристианстве (О том, что было в нём и чего не было. Опыт характеристики)»¹. Эти, а также многие другие работы из 2-го тома также связаны с указанной проблематикой, остающейся, кстати, весьма актуальной до сих пор. Надо сказать, что её самым тщательным образом исследовали и другие русские мыслители, — например, «философствующие юристы» П.И. Новгородцев и Б.Н. Чичерин, которые каждый раз спрашивали: чего больше в уравнении социализма с христианством — невежества или лукавства? Ведь в христианстве всякая общность всегда связана прежде всего с нравственным добровольным выбором, тогда как в социализме речь идёт об административно-юридическом, а значит, принудительном обобществлении — обобществлении как экспроприации. «Всё моё — твоё» и «всё твоё — наше» — это принципиально разные подходы. Булгаков делает здесь следующее уточнение: социалистически звучащие суждения апостолов в действительности совершенно не имеют социалистического характера. Они содержат лишь увещания, обращённые к личной совести относительно пользования богатством; но это — отнюдь не совет заменить институт частной собственности институтом собственности социалистической.

В первохристианстве есть зачатки даже социальной политики («приискание работы»). Но, в общем, считает Булгаков, вопрос о богатстве и бедности не ставился здесь иначе, как в рамках личной благотворительности. «Стремиться к общему переделу и равнению имуществ было противно эсхатологическому настроению первохристианства, ибо это слишком привязывало бы внимание к земле и даже предполагало бы такую привязанность»². А в работе «Первохри-

---

¹ Есть также и специально подобранный сборник на эту тему: Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России / Ред.-сост., автор предисл. и коммент. В.Н. Акулинин. Новосибирск, 1991.

² Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 160.

стианство и новейший социализм» 2-го тома «Двух градов» Булгаков делает ещё и социологическое уточнение по поводу преобладающего социального состава первохристианства, которое не было ни классовым, ни массовым, ни даже национальным, «ибо оно стряхивает с себя черты иудейской ограниченности»¹.

Говорить о христианстве иначе — это, считает Булгаков, подобно тому, как если бы историк русской литературы, отбросив всю поэтическую «идеологию» как несущественную и неинтересную, сообщил бы нам о Пушкине только то, что тот был помещиком, получал доход с земли, и в этом качестве был совершенно подобен окружающим; или же как если бы подобного же рода музыкальный критик сообщил нам о Бетховене, что он был мелкий буржуа, и в этом-то весь секрет его Девятой симфонии. «Спорить с представителем такой точки зрения так же невозможно, как с тем фабрикантом красок, который стал бы утверждать, что сущность картин Бёклина или любого из великих мастеров сводится к химическому составу проданных им красок, а всё остальное — надстройка, идеология, и единственная реальность в живописи не картина, а её краски»².

Тем не менее, в работе «Религия человекобожия у русской интеллигенции» спор с подобной «химико-фабрикантской» точкой зрения продолжается. Булгаков задаёт следующий вопрос: как и почему комочек материи, хотя и известным образом организованный, может познавать вселенную, воспроизводя её в себе? И что это за таинственная сила идеальной репродукции? «Иногда отмахиваются от этих вопросов ссылкой на завоевания науки: да разве современная техника не свидетельствует о силе ума и знания? Но ответить так — значит неизвестное подтверждать известным, отодвигать проблему, и не требует ли в таком случае уже самый этот факт объяснения?»³ Ни на один из этих вопросов социализм,

---

¹ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 192.

² Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 193.

³ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 255.

взявший за основу материализм и атеистический нигилизм, вразумительного ответа не дал. Не отвечает на них и пантеистический мистицизм.

Здесь, как уже отмечалось, Булгаков усматривает особую роль незаконно игнорируемых творений православной святоотеческой литературы. «Православная мистика, — утверждает Булгаков в работе «Философия князя С.Н. Трубецкого и духовная борьба современности», — вообще остаётся ещё совершенно незатронутой областью для гносеологического исследования, конечно, неразрывно связанного с религиозной философией»¹. В этом смысле, любое творчество, создающее духовные ценности, конкретно и национально-традиционно. Как национально-традиционна и конкретна Русская православная церковь, идея «Святой Руси» и «симфонии» Церкви и государства. И это не удивительно, считает Булгаков, поскольку единое благовестие каждый слышит по-своему в переводе на язык своей национальной души и отзывается на неё также по-своему.

Надо сказать, что проблемы, связанные с Церковью, национальностью, как и проблемы, связанные с культурой и социальными вопросами, Булгаков рассматривает, опять-таки, в контексте опасностей богоборчества, религиозного безверия и «титано-гуманизма». Социально-политическую подоплёку этих проблем Булгаков обнаруживает так: «Вследствие рационалистического космополитизма нашей интеллигенции, задающей тон в печати и общественном мнении, у нас как-то получилось такое положение вещей, что русская национальность в силу своей одиозной политической привилегированности в общественном сознании оказывается под некоторым моральным бойкотом; всякое обнаружение русского национального самосознания встречается недоверчивостью и враждебностью, и этот бойкот или самобойкот русского самосознания в русском обществе отражает его духовную слабость»².

---

¹ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 313.

² Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 339.

И здесь, по Булгакову, для русской интеллигенции, — учитывая её богоборчество, огромные перспективы сотрудничества с самыми разными частями гражданского общества, в том числе и с Церковью. Главное тут, как впоследствии скажет А.В. Карташов, «не обмирщение Церкви, а воцерковление мирян», добровольно сделавших свой выбор. Собственно говоря, то же имел в виду и А.С. Хомяков, когда так же как и Булгаков рассуждал о судьбах России: «Достоинства наши затаены, а пороки дерзко выставляются напоказ и особенно мечутся в глаза в той столице нашей и в тех слоях нашего общества, на которых наиболее останавливается внимание иностранца»¹. Это — особенности (с плюсами и минусами) покаянного характера русской культуры. В утрированном, искажённом виде она приобретает карикатурные черты. В её истинном значении все недостатки стираются скромностью её достойных носителей. Не будем забывать и о другой, важнейшей, наряду с покаянием христианской добродетели, без которой покаяние как и любая другая христианская добродетель — ничто. Это смиренномудрие². Труды нашей отечественной классики, напоминающей нам о самом главном в жизнеустройении, и неослабевающий, даже всё время усиливающийся к ним интерес всё более широких слоёв общественности, совокупно позволяют надеяться на успешный для нашей Родины ход событий.

---

¹ Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 250.

² Булгаков предупреждает: «Православие не в том, чтобы отрицать мир в его подлинности, но в том, чтобы делать центром человечности обращённое к Богу, молитвенно пламенеющее сердце, а не автономное мышление и не самоутверждающуюся волю: вне этого центра и мир перестаёт быть космосом, творением и откровением Божиим, но становится орудием для искусителя, обольщающим кумиром. Мироотрицание, с которым связано нечувствие истории, к сожалению, вообще легко вкрадывается в православное сознание, образуя в нём тоже свой уклон к монофизитству (“трансцендентализму”) или приближая его к дуализму манихейства (богумильство)» (Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 10).

Шевченко В.Н.

Социальная революция: формационная логика и цивилизационное своеобразие

Изучение проблематики социальной революции приобретает в последнее время все большую актуальность. Растущая нестабильность мирового процесса вынуждает осмысливать заново многие ее аспекты. Но прежде чем о них говорить, остановимся на самых простых и понятных положениях теории социальной революции.

Главный вопрос социальной революции — это вопрос о власти. Решающий признак того, что революция одержала победу, свершилась, есть переход власти от одного класса к другому. Вопрос о власти есть вопрос овладения важнейшими институтами власти. Восставший народ должен либо создать свои собственные органы государственного устройства, либо овладеть существующими. Революция как массовое выступление жителей страны начинается с открытых требований смены людей, находящихся у власти, а затем и самого устройства государственной власти. Таким образом, революция делится на два этапа — от начала революции, которому предшествует возникновение революционной ситуации, до завоевания власти. Начало революции может носить стихийный характер, тогда случайные люди нередко на несколько дней получают огромную известность, но на самое краткое время. В дальнейшем при продолжении революции у нее появляются реальные вожди. Так было и в Русской революции 1917 года, но о ней мы поговорим несколько позже.

Второй этап революции продолжается от момента завоевания власти до окончания революционных преобразований в обществе. Окончание означает, что общество обретает качественно новые параметры — государственно-политическое устройство, отношения собственности, социально-классовую структуру и т.д. Общество начинает демонстрировать свою высокую жизнеспособность, дина-

мизм развития, т.е. начинает воспроизводить себя в качественно новых параметрах своего бытия. Здесь и возникает вопрос, а как быть с известным утверждением, «есть у революции начало, нет у революции конца». Так сменяется ли революционное преобразование общества его эволюционным развитием? Или это просто идеологический лозунг, способный воздействовать на настроения людей, повышать их энтузиазм и жизненный оптимизм?

С тем чтобы ответить на такие рода вопросы, необходимо ввести в теоретическое рассмотрение фактор направленности процесса развития. Иными словами, нужно теперь говорить о реальной истории общества. Человеческое общество — сверхсложная целостная динамически развивающаяся система. Уже в силу этого его различные части и элементы не могут развиваться соразмерно, одни части развиваются быстрее, чем другие. В таком обществе возникают противоречия. Рано или поздно эти противоречия должны найти свои разрешения в революции. Здесь возникают принципиальные отличия в трактовке социальной революции в либеральной и марксистской философской литературе.

Социальная революция в либеральной и марксистской философской традиции

Классический либерализм признает, по сути, только антифеодальную, буржуазную социальную революцию. А что дальше после ее победы? Оказывается, в конечном счете, должен наступить конец истории. Классовые причины такого решения вопроса вскрыл в своё время К. Маркс в работе «Нищета философии»: «Говоря, что существующие отношения — отношения буржуазного производства — являются естественными, экономисты хотят этим сказать, что это именно те отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершаются сообразно законам природы. Следовательно, сами эти отношения являются не зависящими от влияния времени естественными законами. Это — вечные законы, которые должны всегда управлять обществом. Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее

более нет»¹. Именно в том смысле, что история, как она ни развивайся далее, никогда уже не выйдет за границы, поставленные ей буржуазным обществом, его организацией. Так, К. Маркс, задолго до выступлений в конце 80-х годов XX века американского политолога Ф. Фукуямы, указал на пределы историзма в либеральной мысли, которая открыто признает дальнейшее развитие буржуазного строя эволюционным. Как говорится, лимит на революцию исчерпан. Отсюда отказ от философии истории и превращение ее в гносеологию исторического познания, отсюда же и расцвет социологического типа мышления в западном обществе, которое делает излишним философско-исторический взгляд на развитие общества. Проблема исторической альтернативы вытесняется на периферию исследовательского интереса.

Отношения между обществом и историей — одна из фундаментальных проблем марксистской философии истории. Какого типа единство они составляют, иначе говоря, как ведет себя общество в истории? К. Маркс выступил критиком любого общества, когда его социальные структуры, господствующие в нем общественные отношения, становятся, как пишет В.М. Межуев, преградой, своеобразной плотиной на пути его развития: «Во все предшествующие эпохи общество, условно говоря, было пожирателем времени: каждое из них пыталось остановить, задержать историю на себе, считало себя последним в истории. И нужны были огромные усилия, вплоть до революционных, чтобы из одного общества прорваться в другое»².

Классический марксизм, как и классический либерализм, признает антифеодальную, буржуазную революцию, и признает историческую необходимость капитализма, когда после прихода буржуазии к власти начинается бурная революционная перестройка всего общества. Об этом хорошо сказано в «Манифесте Коммунистической партии». Капитализм как общественно-экономическая формация после завершения революции с точки зрения логики истории становится парламентской республикой. Затем капитализм

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 142.

² Межуев В.М. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса // Логос. 2011. № 2. С. 17.

обретает адекватную материально-производственную (фабрично-заводскую) основу в ходе промышленной революции. Но домонополистический капитализм оказался лишь одним из этапов его развития, зрелые объективные, материальные предпосылки последующей социальной революции складываются лишь на стадии монополистического капитализма и империализма.

Именно к этому времени на политической арене все возрастающую активность проявляет пролетариат. Либерализм говорит о расширении границ формальной демократии, а марксизм идет дальше и говорит о том, что классовая борьба между пролетариатом и буржуазией с неизбежностью закончится социалистической революцией и приходом к власти рабочего класса. В результате революционных преобразований будет создано социалистическое государство, которое ставит своей важнейшей целью создание материально-технической основы, адекватной новому общественному строю, — социализму (коммунизму). По мере продвижения вперед к намеченной цели государство будет отмирать, а развитие общества постепенно будет превращаться в эволюционный процесс. Вся эта проблематика основательно раскрыта в марксистской литературе.

Разумеется, по ряду вопросов теории социальной революции можно видеть совпадение либеральной и марксистской точек зрения, тем более что они родились и развивались на Западе, явились идейным продуктом развития западного общества. Но в главном и основном — в вопросах социалистической революции — они антитепы.

Либерализм сегодня не очень любит рассуждать на тему о конце истории, когда неолиберальный проект глобализации потерпел историческое поражение. Потерпела политика, проходившая под лозунгом «демократия главное развитие», в том смысле, что только переустройство всех незападных стран по единому либеральному лекалу откроет им путь к устойчивому развитию и процветанию. О реальных перспективах социальной революции в современных западных странах говорить не приходится. Что же касается незападного мира, то здесь проблематика социальной революции давно уже приобрела особое содержание.

Формационная логика анализа исторического процесса, по Марксу, рассматривает общество как единую целостную систему. И она, эта целостность, трансформируется от капитализма к социализму по определенной, однолинейной «дорожной карте». К примеру, К. Маркс пишет в 1853 году в работе «Будущие результаты британского владычества в Индии» о том, что «Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, — с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии»¹.

В ставшем классическим определении материалистического понимания истории, данном К. Марксом в работе «К критике политической экономии. Предисловие» говорится о том, что «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»².

В 70-е годы XIX века Маркс стал много размышлять над особенностями исторического развития России, и пришел к пониманию огромной значимости неравномерности развития для судьбы России, что нашло отражение в основном в письмах русским адресатам. Здесь нет возможности обсуждать всю затронутую выше проблематику по существу. Отметим только, что многие работы, посвященные изучению марксистского учения о формации, до сих пор ограничиваются в основном анализом логики формационного развития общества как единой целостной системы. В них не уделяется должного внимания анализу неравномерности становления формаций на исторической арене на основе современного миросистемного подхода И. Валлерстайна, подхода, который в свою очередь требует вдумчивого переосмысления с марксистских позиций.

В конце XIX века на периферии капиталистической экономической миросистемы наряду с Россией, периферийными империями

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. М., 1957. С. 225.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. М., 1959. С. 7.

в этой системе становятся Германская империя, Австрийская (Австро-Венгерская), Китайская, Османская империи, Персидское царство, Индия и т.д. Периферийные империи и европейский Центр капиталистической миросистемы связаны неравноправными торговыми и финансовыми узами, которые постоянно расширяются и становятся все более разносторонними. Внутри этой системы возникает устойчивое межцивилизационное разделение общественного труда, которое имеет решающее значение для понимания коренных различий в историческом развитии Европы и остального мира, в том числе и Российского государства. Эти страны не просто становятся отставшими от ушедших вперед в своем экономическом развитии стран Европы, они во все большей степени впадают в зависимость от Центра, т.е. наиболее развитых по тем временам европейских стран.

Неравномерность исторического развития порождает в этих империях социальные революции особого рода. Общая схема социальной революции раскрывает структуру революционного процесса на уровне формационной логики, но между конкретикой революций в отдельных государствах-цивилизациях и этой логикой находится теоретический, философско-исторический уровень анализа, связанный с неравномерностью общественного развития.

Внутренняя структура этих революций имеет свое собственное и очень сложное содержание. Но внешние контуры определяются общей схематикой социальной революции — начало, высшая точка революции, революционное преобразование общества, конец революции. Всякая революция происходит в определенной стране, помещенной в исторический контекст. Чтобы понять внутреннюю структуру такого рода социальных революций, необходимо принимать во внимание взаимосвязь, диалектику внешних и внутренних детерминант социальной революции. Самая общая характерная цель этих революций — решение трех задач: задач национально-освободительного движения, буржуазно-демократического и социального (социалистического) движения. Особенности их взаимодействия требуют своего конкретно-исторического анализа. Неодновременность протекания революций делает каждую из них весьма специфичной по динамике решения этих задач. Высказы-

вать здесь широкие обобщения можно при условии изучения целой линейки данного типа революций.

Либеральная точка зрения на Русскую революцию 1917 года

Гибель добуржуазных империй закономерна. Все революции в империях имели большое сходство, хотя в своих результатах они были различны. Далее мы остановимся только на гибели Российской империи, произошедшей в результате необычно протекавшей социальной революции 1917 года. Впервые в России произошла победоносная социальная революция, которую можно определить и как социалистическую революцию.

Важно подчеркнуть, что капитализм в дореволюционной России действительно был не вполне самостоятельным. Причина его не вполне самостоятельного характера была связана, как сказано выше, с действием внешних факторов. Примерно с середины XVII века Российское государство оказывается на периферии европейской капиталистической экономики, что обуславливает, говоря современным языком, зависимый и потому отсталый характер его экономики.

Вопреки распространенным взглядам, которых сегодня придерживаются либералы, пореформенная Россия вовсе не двигалась быстро и успешно по капиталистическому пути. К 1917 году в ней не сложился целостный капиталистический уклад, как способ общественного производства, способный стать основой капитализма как общественно-экономической формации. Это чрезвычайно важно подчеркнуть. Страна являла собой пример крайне неорганичного, «разорванного» типа развития, когда по мере ее продвижения вперед росла несвязанность, обособленность, разрыв в уровнях развития различных социально-экономических укладов.

Как писал в свое время известный историк К.Н. Тарновский, «Россия конца XIX — начала XX века на рубеже веков есть живая модель тогдашнего разнородного мира»¹. Ленин впервые разработал такое понимание России, говоря о ней как о слабом звене капиталистической мировой системы эпохи империализма. Что же представляла собой социальная революция, которая разразилась в

---

¹ Тарновский К.Н. 24 декабря 1900. М., 1977. С. 209.

России и которая получила название Русской революции 1917 года? Вот здесь у марксистов с либералами не столько научный спор, сколько глубокие идейные разногласия.

Рассмотрим либеральную точку зрения на революцию 1917 года. Недавно для учителей общеобразовательных организаций (средней школы) было написано методическое пособие, некий историко-культурный регламент, в котором в концентрированном виде выражена либеральная интерпретация истории России. Пособие называется «Великая Российская революция 1917 года. Дискуссионные вопросы»¹. Мы возьмем только ту часть этой интерпретации, которая связана с так называемым новым взглядом на Октябрьскую революцию 1917 года. Смысл этого нового взгляда, который сконструирован для учителей истории и, разумеется, не только для них, состоит в следующем.

1. В 1917 году свершилась единая Великая российская революция, в которой следует выделять два этапа — Февральскую революцию и Октябрьскую революцию (переворот).

2. Именно Февральская революция является центральным и главным звеном Российской революции. Она есть вершина революции. Именно Февраль стал символом возвращения России на общечивилизационный, общемировой путь развития. Он снял основное препятствие к этому, которое состояло в отсутствии демократических свобод.

3. Суть и назначение Октябрьского переворота состояла в том, чтобы не допустить свободных выборов в Учредительное собрание, которое могло бы заложить основы легитимности нового государственного строя.

4. Насильственный захват власти большевиками предопределил всю дальнейшую историю страны. Партия Ленина, разогнав Учредительное собрание и не передав власть от Временного рабочего и крестьянского правительства законному правительству во главе с эсерами, которых поддержало большинство народа на выборах, предприняла и сползание страны в Гражданскую войну, и красный террор, и ГУЛАГ.

---

¹ Шестаков В.А. Великая Российская революция. Дискуссионные вопросы. Пособие для учителей общеобразовательных организаций. М., 2015.

5. Октябрьская революция положила начало переходу от единого цивилизационного русла развития страны к особому, формационному пути, иначе говоря, к социалистическому этапу развития.

6. Октябрьский переворот выражает нисходящую ветвь революционного процесса, это, по выражению идеолога перестройки А.Н. Яковлева, — контрреволюция, положившая начало созданию тоталитарного государства. Октябрьский переворот — шаг назад. Большевицкая диктатура уничтожила возможность движения в сторону демократии. Октябрь 1917 года, прежде всего, означал разрыв с Февралем по этой линии. Совершенствовать демократию, бороться за общественный прогресс легально, парламентскими методами можно было в условиях абсолютной свободы уже с Февраля.

7. Октябрь привел к возникновению варварской формы общественного прогресса. Октябрь явился катастрофической формой модернизации России, варварской формой прогресса с неоднозначными последствиями.

Нельзя отказать этой точке зрения в логике ее изложения, но в основу логики положена идея капитализма как естественного состояния общества, о чем ранее было подробно сказано. Но Октябрьская революция была попыткой вырваться за пределы жесткой рамки «конца истории». Тогда историческая реальность тех времен получает совершенно другую теоретическую интерпретацию.

Февральская революция как пролог Октябрьской революции

Можно согласиться с тем, что Русская революция 1917 года была одной народной революцией, в которой можно выделить два этапа. «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹. В.И. Ленин ведь

---

¹ Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 31. М., 1962. С. 114.

не может сказать, что впереди именно Октябрьская революция. Она таковой становится постфактум. А в октябре Ленин уже может сказать, что вершиной социальной революции стала Октябрьская революция, которая задает новый вектор развитию страны. «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась. Значение этого поворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство... будет новый аппарат управления в лице советских организаций... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»¹. Тем самым Октябрьская революция заявила о социалистическом выборе, который делает Россия. Мы революцию совершили, говорит В.И. Ленин в другом месте, теперь переходим к реализации неотложных задач социалистической революции.

Февральская революция возникает стихийно, но развивается в процессе взаимодействия и противоборства двух совершенно разнородных революционных сил. «В силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно “дружно” слились *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к захвату власти *в интересах продолжения империалистической войны...* А с другой стороны — глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб, за мир, за настоящую свободу*»². Февраль — это народная революция по своим движущим силам. Она начинается со стихийного революционного выступления «снизу» рабочих и солдат, горожан и крестьян. Ее лозунги — «дой самодержавие!», «мира!», «хлеба!», «земли!», «свободы!». Незамедлительно последовал перехват этого революционного выступления сверху, со стороны заговорщиков, со стороны буржуазии. Это важно подчеркнуть.

---

¹ Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 35. М., 1962. С. 2.

² Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 31. М., 1962. С. 16–17.

Если революционный процесс нельзя остановить, то его нужно возглавить и повернуть в нужном направлении. Буржуазия захватила власть силой и обманом. Социальная революция рабочих, солдат и крестьян останавливается на первом этапе. «Это надо признать; материальная сила — в руках пролетариата, а буржуазия оказалась сознательной и подготовленной. Это — чудовищный факт, но его необходимо откровенно и прямо признать и заявить народу, что не взяли власть потому, что неорганизованы и бессознательны»¹. Буржуазия и пролетариат выступают вместе на первых порах, но не представляют целостной революционной силы. С согласия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов формируется Временное правительство. Возникает двоевластие.

Достижения Февральской революции по своим результатам — это достижения буржуазно-демократической революции. Главное достижение Временного правительства, т.е. тех, кто захватил власть в стране, — это разрушение самодержавной империи, старого, отжившего государственного устройства.

Выдвинутый принцип непредреждаемости формы будущего государственного устройства, которую вправе установить только Учредительное собрание, в условиях продолжения войны означал неминуемый распад государства, который из месяца в месяц все более ускорялся и вел к катастрофе. В августе-сентябре становится очевидностью для всей страны фактический распад государства.

Происходит возвращение к революционным лозунгам первых дней революции, приходит осознание того, что Временное правительство, захватив государственную власть в стране, уводит революционное движение в сторону, в тупик, потому оно и становится главной помехой на пути дальнейшего развития революции. Временное правительство больше не способно ни приручать, ни возглавлять далее революционный процесс. Начинается активный процесс формирования в этом процессе восходящей линии Русской революции, которая приводит к тому, что будет названо Октябрьской революцией. Так что одна революция или две — этот вывод зависит от угла зрения на революционный процесс.

---

¹ Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 31. М., 1962. С. 106.

Октябрьская революция была абсолютно необходимой с точки зрения спасения российской государственности от катастрофы. Во всемирно-историческом плане она смогла осуществить практический разрыв единой цепи капиталистической мировой системы в ее самом слабом месте. Она привела к созданию первого в мире государства рабочих и крестьян. Это был первый, спонтанный, самостоятельный выход за рамки капиталистической системы, после которого началась целая серия буржуазно-демократических, социалистических и национально-освободительных движений во всем мире — во многом благодаря помощи со стороны Советской России, а затем и Советского Союза. Историческое значение Октябрьской революции, в интересующем нас аспекте, состоит в том, и это главное, что она открыла реальные возможности для развития западных стран по некапиталистическому пути, ведущему к некапиталистическому социализму. Россия совершает исторический рывок «в сторону», мимо капитализма как формации, рывок, напоминающий обходной маневр наступающего войска¹. Это означает, что многие структуры традиционного общества, которые не были разрушены в ходе колониального наступления на них западного капитализма, приобретают свою новую конкретно-историческую форму и новую роль, но, по сути, остаются неизменными. При этом некапиталистический социализм включает в себя на весьма длительное время госкапитализм как свою неотъемлемую часть, что порождает большие сложности на пути его развития.

Окончание социальной революции: что дальше?

Остановимся теперь на вопросе о том, когда заканчивается революционный процесс для этого типа революций. И в частности, когда заканчиваются преобразования в российском обществе, начатые в Октябре 1917 года. Иначе говоря, речь идет об истори-

---

¹ См. подробнее: *Шевченко В.Н.* Значение исторического опыта Китая для современной России и других государств-цивилизаций // *Философские науки.* 2016. № 8.

ческих рамках переходного периода — от завоевания власти до создания материально-производственных основ нового общественного строя — социализма¹. Это время действия революции, которая в основном заканчивается, когда структура общества приобретает устойчивые конституционные рамки, «затвердевает». Для Советского Союза — это вторая половина 30-х годов XX века.

Революция заканчивается созданием жизнеспособного общества, основанного на принципиально новых принципах. Это вовсе не означает, что оно совершенно. Но теперь начинается новый этап длительного в историческом плане постоянного совершенствования общества. В целом начинается эволюционный процесс: отдельные преобразования революционного характера, порожденные сложностью преобразований той или иной сферы жизни, в принципе подчиняются уже логике эволюционного развития. Но они продолжают существовать и оказывать непосредственное влияние на формирование и дальнейшее развитие общества. Отсюда сохранение значимости революционных идеалов Октября на всем протяжении советского периода. Но гарантированного прогресса здесь не может быть как с точки зрения решения внутренних задач, так и с точки зрения действия внешних, как правило, неблагоприятных и даже враждебных по направленности факторов.

Весь ход развития требует исключительного внимания к теории, чего не было в советском руководстве после смерти Сталина, который, как известно, сказал вещи слова — «без теории нам смерть». Несовершенство требует существенного обогащения основ социализма, оно предполагает наличие мощной социальной энергетики, новых идей, а также и оппозиции, которая постоянно оценивает действия властей с точки зрения правильной стратегии и тактики в рамках, разумеется, социалистического выбора. Революционные преобразования всех сфер жизни общества закончи-

---

¹ Переходный период можно выделить и в структуре антифеодальной, буржуазной революции. В наиболее явном виде он показал себя в «Старом порядке» во Франции. Это была абсолютистская монархия, которая поддерживала баланс между нарождавшимся капитализмом и феодальным сословным строем. В этой революции переходный период протекает формально в рамках феодальной формации. А в социалистических революциях переходный период начинается уже в рамках нового в политическом отношении строя.

лись к середине 50-х годов. Но отсутствие четкого, теоретического понимания всей сложности нового этапа совершенствования социалистического общества неизбежно вело к тому, что социалистические ценности и цели переставали служить смысловыми ориентирами в жизни для миллионов людей. И если власть не в состоянии ответить на стоящие перед страной вызовы, тогда в обществе начинается поиск путей выхода из надвигающегося кризиса. Следовательно, в эволюционном процессе могут возникать предпосылки возможной новой будущей революции или контрреволюции, предпосылки, которые носят, прежде всего, рукотворный характер. Творцами такого рода революционных потрясений в высокоцентрализованных государствах незападного типа нередко выступает первое лицо и приближенный к нему узкий слой правящей элиты. Так что ни один процесс эволюционного развития нового общества не может считаться постоянно и устойчиво протекающим, поскольку история творится людьми и не имеет запрограммированного характера.

Здесь следует сказать о такой разновидности социальной революции, как «революция сверху». Ее появление связано с особенностями развертывания буржуазных революций в докапиталистических империях, когда императивная потребность в преодолении отсталости становится для этих стран очевидной после победы промышленной революции в развитых странах Запада. Наиболее репрезентативной выступает «революция сверху», осуществленная канцлером Бисмарком, который с согласия германского императора осуществил в основном с помощью реформ революционный переход к конституционной монархии и к наделенному большими полномочиями парламенту.

«Революция сверху» и революция снизу обычно дополняют друга друга в ходе протекания единой революции, что объясняет волнообразный (прилив-отлив) ее характер на протяжении длительного времени, пока страна не заложит прочные конституционные основы нового государственного и общественного строя. Но и сегодня вопросы создания экономического базиса, материально-производственных основ нового строя остаются глубоко дискуссионными. Очень нелегко ответить на вопрос, какими чер-

тами должны обладать экономические основы социалистического общества, не является ли сам социализм состоянием постоянного перехода, постоянного движения к своим более зрелым и совершенным формам. В качестве примера можно рассмотреть проблему перестройки в Советском Союзе.

Перестройка как социальная революция

Доклад генсека компартии М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», посвященный 70-летию Октябрьской революции, был написан, на первый взгляд, в традиционном марксистском ключе. Настораживало только сравнение перестройки с длительным процессом революционного обновления общества, имеющим свою логику и этапы. К тому же это сравнение было подкреплено ссылкой на ленинские слова «время революции есть время действия, действия и сверху, и снизу»¹. Эта позиция Горбачева — революция продолжается — стало началом радикальных перемен в официальной позиции партии и генсека Горбачева на Октябрьскую революцию и советский социализм. Известно, что попытка проведения нового этапа социалистической революции закончилась поражением. Лицемерное непонимание «архитекторами перестройки» того, что, в действительности являет собой революция и каковы будут ее последствия, было просто поразительным, — прежде всего, потому, что победа революции означает переход власти из рук одного класса, уходящего с исторической арены, в руки другого, более прогрессивного класса. Теперь хорошо известно, какой класс и какие социальные силы пришли к власти в стране в результате перестройки. Призывы к продолжению социалистической революции раскачали народные массы в стране, но их действия привели лишь к разрушению советского общества. Они не сопровождались и не могли сопровождаться энергичным и целенаправленным стремлением к созданию неизвестных самим «архитекторам перестройки» новых социали-

---

¹ Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 11. М., 1960. С. 85.

стических общественных связей и отношений. «Революционное» развитие перестройки и ее бесславный конец в августе 1991-го показал, что главной ее целью было разрушение советского общественного строя и погружение страны в хаос. Создание новых общественных отношений было «поручено» другим, антисоциалистическим силам, которые только и смогли набрать силу и получить политическую власть в этом хаосе.

В 1988–1991 годах М.С. Горбачев время от времени обращался к идеям Ленина и говорил об их важности для перестройки. В отчетном докладе на последнем XXVIII съезде КПСС в июле 1990 года отмечалось: «Мы пришли к пересмотру всей нашей точки зрения на социализм, к пониманию перестройки как новой революции, логического продолжения дела, начало которому положил Великий Октябрь»¹. Разговоры о продолжении Октябрьской революции и фактические действия Горбачева являли собой полную противоположность. В итоге, в результате успеха антисоциалистической революции в августе 1991 года к власти пришли люди, которые отреклись от идей социализма и сломали советскую форму политической организации общества. Началась реставрация капитализма. Переходный период закончился примерно к началу XXI века. И вот сегодня российский капитализм, похоже, вновь заходит в тупик, как и сто лет назад. Возвращение на путь социализма и с точки зрения внутренних условий жизни, и с точки зрения международной ситуации начинает все больше обсуждаться в обществе. Не исключено, что этот поворот может стать исторической необходимостью, что будет означать тогда новый этап революционных преобразований в обществе.

Сегодня можно со всей уверенностью говорить о том, что такие большие государства-цивилизации, как Китай, Индия, Иран, Турция, Россия, никогда не станут странами либерального капитализма. Их путь в исторической перспективе лежит мимо капитализма как общественной формации, хотя они будут широко использовать многие его достижения в сфере экономики, финансовых институ-

---

¹ Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 36.

тов, технологий. Впечатляющий тому пример — современный Китай, который успешно продвигается вперед по выбранному им национальному, цивилизационному пути развития.

Таким образом, идейный спор между либерализмом и марксизмом, в том числе и по проблеме социальной революции, вновь и вновь возвращается к «вечной» проблеме, является ли капитализм со всеми его атрибутами естественным состоянием всего человечества. Если это так, тогда всякие попытки обоснования выхода за его границы должны считаться чистой идеологией, не имеющей отношения к подлинной науке. Или, напротив, социализм, унаследовав все исторически значимые достижения капитализма, открывает перед человечеством новую страницу в истории человечества. Сегодняшняя дискуссия об Октябрьской революции есть лишь один из эпизодов исторического противоборства между марксизмом и либерализмом. У каждого из них есть своя правда, своя историческая миссия. Но как бы ни расходились идейные противники в своих спорах, забота о сохранении цивилизации, человеческого рода, сохранении Российского государства есть та основа, которая вынуждает к поиску компромиссов и согласия между идейными противниками, вынуждает переходить от вражды к научному спору, предъявлять новые аргументы и научные доказательства в пользу своей точки зрения.

Революция и исторические разрывы: условия объективного анализа

Начиная разговор о 1917 годе и его ближайших и отдаленных последствиях, важно соблюдать три условия, которые обеспечивают системный подход к событиям XX века.

Первое условие. Пришло время посмотреть на XX век с имеющейся и возрастающей временной дистанции и с учетом диалектики исторических процессов. Важна не только оценка конкретных деятелей и решений, но и вся социокультурная динамика, а также процессы формирования самосознания народа, которые шли и идут до сих пор под влиянием событий XX века. Это главный предмет разговора.

Второе условие. События 1917–1990 годов следует рассматривать в контексте «большой» русско-европейской истории XX века, временная ось которой располагается между 1914 и 2017 годами, то есть в контексте мировых войн, имевших социально-расовый характер.

Третье условие. В конечном счете, только общество в целом, а не отдельные группы и «клубы» по политическим интересам имеет право принимать легитимные социально значимые решения в рамках данной темы. Это, конечно же, не исключает наличия любых субъективно-личных взглядов на историю и свободы мнений по всем вопросам, связанным с темой XX века.

Теперь зададим себе вопрос: что такое 1917 год? События 1917 года привели вначале к национальному предательству элит и верхушечному перевороту, а затем к гражданскому расколу и войне уже внутри самого общества, распавшегося на «красных» и «белых». Но мы не должны забывать о том, что и с той и с другой стороны были представители части народа, и, следовательно, война была братоубийственной с обеих сторон. Фактически мы имели в 1917 году аналог русской Смуты 1605–1612 годов, когда разные

лагеря боролись друг с другом, а дело закончилось иностранной интервенцией.

Разница заключается в том, что в 1917 году Смута не была вовремя остановлена общенародным консенсусом, как это удалось сделать во времена Минина и Пожарского. Успешная, но трагическая война 1941–1945 годов лишь частично, но не до конца выполнила эту роль. Новым этапом смуты стали события 1991 года и распад СССР, в особенности его русско-славянского ядра.

Поэтому хотя 1991 год идеологически противопоставляется 1917 году, объективно он является его продолжением. Дело в том, что идеология становится «правильной» или «неправильной» только в контексте определенных исторических обстоятельств. «Неправильность» чаще всего означает антисистемность, деструктивность. Советская модель была демонтирована именно в тот момент, когда возникла вероятность ее очищения от большевистского нигилизма и коммунистического догматизма, вероятность перезаключения союзного договора на новых идеологических принципах. Демонтаж страны осуществили представители коммунистической элиты, вовремя сменившие политическую окраску, — в ущерб народу, но в своих собственных интересах. Это позволило им переписать на себя и своих покровителей общенациональную собственность. Иными словами, в 1991 году имело место такое же предательство элит, как и в феврале 1917-го, когда дворянская верхушка предала монарха и народ и объективно расчистила дорогу большевизму.

Большевики победили в значительной степени потому, что сделали то, чего не смог или побоялся сделать царь — они опирались непосредственно на народ, на те самые 85%, о которых так много сегодня говорят. И убийство Николая II с его семьей, каким бы преступным оно ни было, все же было убийством скорее конкурента, нежели классового врага, что бы там ни писала большевистская пресса.

Идеология используется субъектами власти как инструмент. Особенно ярко это видно в условиях цифрового общества. И если отбросить идеологические догмы, становится понятно, что у событий февраля 1917 и августа 1991 годов, несмотря на показа-

тельную, но малоубедительную смену флага, одна и та же внутренняя подоплека. Она связана с антинациональной политикой в корыстных интересах элит и не имеет ничего общего с социальной справедливостью.

Теперь о сути социальных изменений, которые происходили после 1917 года и проблеме применимости к этим процессам понятий «социальная революция» и «социальная эволюция».

У нас сейчас принято называть революцией все что угодно. На мой взгляд, разрушение государства — это еще не революция. Революция в классическом понимании — это переход власти и контроля за ресурсами из рук одного класса в руки другого. Если смотреть с этой точки зрения, то вопрос — был ли 1917 год революцией? — не такой уж простой. Да, конечно, бывший «гегемон» — дворянство — власть потерял. Но кто ее приобрел? Рабочие и крестьяне? На первом этапе точно нет. На первом этапе власть оказалась в руках радикальной революционной интеллигенции, но это не класс. Внутри интеллигенции боролись глобалистская и «почвенная» тенденции, при этом глобалистская, естественно, побеждала, поскольку СССР был достаточно зависим от внешнего влияния. Крестьяне не получили обещанную землю, но получили коллективизацию, то есть превращение в полуподневольных сельхозрабочих. Индустриального пролетариата в России было мало, и политика индустриализации предполагала, в частности, ускоренное превращение в пролетариев выходцев из деревень. Таким образом, более или менее пролетарское общество сложилось только к 1950-м годам, и произошло это в ускоренной и искусственной форме. А крестьянство практически перестало существовать. Получил ли этот новый пролетариат власть? Если говорить о распределении, социальном статусе и гарантиях — в итоге да, он был в СССР социально защищен. Но влиять на процессы все равно не мог — в этом смысле не получил. Например, пролетариат не выступил против демонтажа СССР.

Можно сказать, что вся советская история была затянувшимся переходным периодом, когда власть находилась в руках интеллигентов-временщиков (партии). А им противостояли интеллигенты-антисоветчики, как снаружи (диссиденты), так и внутри самой КПСС. В конечном счете эти коминтеллигенты сдали власть об-

ратно буржуазии и обуржуазились сами (по большому счету это одно и то же), а затем была проведена приватизация, то есть конвертация номенклатурных льгот в частную собственность. Круг замкнулся. Было ли это революцией? Судя по тому, что пролетариат и крестьянство потеряли свои социальные позиции, революция так и не была доведена до конца, а возможно, ее и не собирались доводить до конца, не было такого намерения у внешних кураторов советского руководства. СССР делал свое дело, а потом стал не нужен. Отсюда неестественность многих элементов советского государства, которые частично и постепенно адаптировались под традиционные запросы народа с его врожденной тягой к социальной справедливости и традиционализму. Правда, допустить, чтобы эта адаптация прошла точку невозврата, коммунистическая власть не захотела. Это противоречие заложено в самой структуре советской политической модели: СССР ведь очень странное явление — эгалитарно-олигархическая республика.

Что касается социальной эволюции, то с этим понятием еще больше проблем, чем с «революцией», поскольку в зависимости от политических взглядов разные люди видят эволюцию по-разному. Обычно речь идет о развитии социальных институтов, но как их оценивать? Я, например, считаю развитие институтов либерально-капиталистического общества не прогрессом, а регрессом, поскольку вместо прямой дороги от феодальной сословности к социальному равенству капитализм уводит социальные процессы в сторону и консервирует неравенство в новых формах — монетарно-глобалистских. Формально сословных запретов нет, но фактически нет и социальных лифтов. Общество все равно иерархично. Пользоваться политическими свободами может только политический класс, а избиратель играет роль массовки. Зато социальные свободы у избирателя на позднем этапе капитализма отнимают, особенно в странах мировой периферии. Сейчас период кризиса системы — и мы видим, что на месте прежде скрытой возникает явная новая сословность, растет расслоение, общество вновь феодализируется. Только это монетарный феодализм.

Растет и новый вид неравенства — информационный, в связи с чем общество теряет опыт научно-критического мышления, кото-

рое считалось достоянием и завоеванием капитализма еще в XX веке. А теперь оно утрачивается. Техническое развитие потеряло темп и живет прорывными наработками 1970-х годов. О техническом прогрессе теперь уже речь не идет, только об «инновациях». О прямой демократии как народовластии — тоже. Если же говорить о моральном состоянии общества, то оно деградирует особенно быстро. А с войнами XX века не сравнятся по интенсивности и количеством жертв никакие религиозные войны. Эти войны — продолжение войн колониальных, а они тоже являются детищами эпохи модерна.

Вопрос: была ли социальная эволюция? Я бы сказал так: если что-то и было, то оно уже демонтировано самой логикой развития системы. Маркс считал капитализм прогрессивной формацией по отношению к феодализму, но регрессивной по отношению к социализму. Иммануил Валлерстайн считает капитализм изначальным регрессом, поскольку он надолго затормозил нормальный переход от феодализма к социализму. Я согласен с Валлерстайном.

Теперь подведем некоторые итоги. Главный итог российских событий XX века — это двойной разрыв национальной традиции. Разрыв 1917 года и разрыв 1991-го осуществлялись людьми одного и того же склада, причем второй был прямым продолжением первого, и многолетние попытки идеологов и пропагандистов скрыть эту связь только ярче ее подчеркивают.

К сожалению, вероятность предательства элит существует в России и сегодня. Она растет по мере углубления мирового кризиса и расшатывания российской экономики. Верх в этой ситуации возьмет тот, кто сможет опереться на народ, на те самые 85% «крымского консенсуса».

Крымский консенсус в этом смысле важен, это шаг в верном направлении, шаг необходимый, но, к сожалению, недостаточный. Чтобы не утратить первоначальный импульс, необходимо его продолжение. К счастью, есть обнадеживающие признаки.

Сегодня мы можем с удовлетворением констатировать, что *русская гражданская война, продолжавшаяся в сфере идеологии на протяжении советского и постсоветского периодов, в 2014 году завершилась*. Завершилась она национальным примирением. Это

произошло потому, что народу был брошен исторический вызов, на который пришлось ответить всем вместе. Принцип партийности уступил принципу солидарности. Основой примирения послужил Крымский консенсус.

Освобождение Крыма, русское национальное и антифашистское интернациональное движения на Украине, сопротивление России политическому и экономическому давлению извне — все это создало закономерную ситуацию, когда бывшие «белые» и бывшие «красные» оказались перед лицом общего врага и встретили его плечом к плечу. Именно так, на пути общих испытаний, заканчиваются гражданские войны. Сегодня мы понимаем, что несмотря на прежний исторический разрыв, у нас одна традиция и одни ценности. И как минувший разрыв был историческим поражением для обеих сторон, так сейчас мы можем говорить об общей победе.

Все это, разумеется, не отменяет ответственности конкретных лиц за конкретные деяния, совершенные в советское время — в частности, за неправосудные политические приговоры и классовые чистки. Но это именно личная, а не коллективная ответственность. И она не накладывает на наших современников никаких дополнительных исторических обязательств. Мы осуждаем конкретных виновников, но мы не осуждаем ту или иную сторону конфликта. Главный вопрос: что делать дальше?

Важно признать, что принцип *личной*, а не коллективной *ответственности* есть залог прочности в деле национального примирения и преодоления разрывов национальной традиции.

Если говорить об исторических последствиях событий XX века, то первое, что необходимо учесть, — это неправомочность выделения «малой истории России» (1917–1991) из контекста «большой истории» (1914–2014) как нашей страны, так и всего мира.

При этом нет и не может быть никаких «априорных» ответов на трудные вопросы. Такие ответы действительны только в рамках общенационального консенсуса. Тем не менее, уже можно высказать некоторые предварительные соображения, которые не дают готовых ответов, но служат поводом для размышлений в рамках общественной дискуссии.

Необходимо объективное исследование исторического периода с 1914 по 2017 годы, его истоков и предпосылок с учетом как мирового контекста XX века, так и современности.

Нуждается в серьезном переосмыслении идеология Февраля 1917 года, носители которой разрушили государство, объективно открыв дорогу большевизму. Февраль и Октябрь 1917 года необходимо рассматривать как два этапа одного исторического явления.

Нельзя исключать события, происходившие в XX веке в России, из общемирового контекста, как нельзя и рассматривать их отдельно от современных исторических вызовов. В частности, надо учитывать, что коммунизм XX века имеет не российское происхождение, но он связан с идеологией радикального модерна и антидемократической идеей неограниченных социальных экспериментов, характерных для либерального мировоззрения.

Необходимо избавить общество от мифа «коллективной вины» и исторического алармизма, которые нередко используются, чтобы заставить людей отречься от идеи социального государства и от плодов Победы 1945 года. Автор идеи социального государства — не Сталин, а этническая война 1941–1945 годов была развязана не против «коммунистического режима», а против русских и дружественных им народов, причем эта война получила продолжение в 2014 году на Украине.

XX век отмечен этническими чистками и военным террором в отношении ряда наций, включая русскую, которые сопровождали как Первую, так и Вторую мировые войны. Все это привело к страданиям людей, многочисленным жертвам, к исходу или изгнанию соотечественников за пределы Родины, а также к искусственному разделению единого русского народа и искусственной дерусификации православного населения.

Необходимо признать русских и дружественные им народы жертвами не только революционной (гражданской), но также этнической и социально-расовой войн. Необходима юридическая оценка геноцида русского народа и дружественных ему народов в XX и в XXI веках.

Если идеологию классовой ненависти к концу столетия удалось преодолеть, то идеология расизма получила продолжение и разви-

тие в XXI веке, как в старых, так и в новых формах. Идеи коммунизма и классовой войны сегодня уже не представляют непосредственной опасности, поскольку они не определяют идеологический мейнстрим и интеллектуальную атмосферу нашего времени, тогда как идеи неонацизма, культурного и цивилизационного превосходства, социал-расизма до сих пор считаются приемлемыми и официально одобряются некоторыми политическими элитами. С этим положением мы не вправе мириться, но обязаны ему противостоять.

2017 год может стать переломным: национальная история перестанет быть яблоком раздора и станет одной из основ гражданского консенсуса. Идеология этого консенсуса складывается на наших глазах. Ее присутствие ощущается в общественной атмосфере, но она еще не сформулирована.

Социальная революция и эволюция сквозь призму современной демократизации

Наверное, практически все наиболее заметные социально-политические изменения с начала 1990-х годов, какими разными бы они ни были (и революциями, и эволюциями), объединяет две черты: направленность на демократизацию и самое активное участие внешних сил, а именно — США и их ближайших союзников.

На первый взгляд, эти обстоятельства наводят на мысль о правоте Ф. Закарии, С. Хантингтона и других адептов американской политической науки (возможно, точнее написать — американских политических технологий) в части их утверждений о зримых преимуществах народовластия в американской интерпретации и, соответственно, о неизбежной устремленности к нему всех, кто мечтает о переменах общественного и государственного устройства. При этом предполагается, конечно же, ведущая роль экспертов с той стороны Атлантического океана, которые на сегодняшний день фактически монополизировали весь демократический лексикон, а вместе с ним и понятия, связанные с социально-политическими изменениями. Более того, самая значительная часть научных исследований по указанной тематике концентрируется именно вокруг сюжетов политического перехода от авторитарных к демократическим режимам.

Поэтому представляется, что ныне именно в рамках теории демократизации чаще всего происходит осмысление процессов общественно-государственных преобразований, а практика социально-политических трансформаций сводится к установлению демократии по умеренному или насильственному сценариям. Например, Ф. Вильмар еще в начале 1970-х годов описал демократизацию как «совокупность всех действий и процессов, направленных на замену авторитарно-иерархических форм власти и внедрение общественного контроля, самоопределения и механиз-

мов базисного управления»¹. Придерживающийся этой же логики Х. Линц, анализируя политические изменения, выделил два их вида, сводящие к демократизации: реформа (фактически, это социально-политическая эволюция, в ходе которой правящий класс инициирует установление народовластия); «руптура» (по существу, это революция: оппозиция свергает авторитарную элиту и начинает демократизацию)². Позднее эту структуру уточнили и дополнили Д. Шер и С. Мейнуоринг: урегулирование (то же, что реформа у Х. Линца); слом/крушение (то же, что «руптура» у Х. Линца); выход из кризиса (стадия урегулирования, примирение сторон, достижение компромисса между правительством и оппозицией и совместные действия в деле демократических преобразований)³.

В свою очередь, по замыслу С. Хантингтона, реализуются три типа политических преобразований (демократизации):

– трансформация: «Стоящая у власти при авторитарном режиме верхушка берет на себя инициативу и играет решающую роль в уничтожении этого режима, превращении его в демократическую систему»⁴;

– замена: «Оппозиция набирает силу, а правительство теряет ее до тех пор, пока не рухнет или не будет свергнуто»⁵;

– замещение: «Демократизация осуществляется в ходе совместных действий правительства и оппозиции»⁶.

Легко заметить, что в первом случае речь идет о социально-политической эволюции, во втором — скорее, о революции, наконец, в третьем — скорее, снова о социально-политической эволюции. Вместе с тем С. Хантингтон, обобщая данные революцион-

---

¹ Fritz V. Strategien der Demokratisierung. Berlin, 1973. S. 21.

² Linz J. Crisis, Breakdown, and Reequilibration // The Breakdown of Democratic / Ed. By J.J. Linz, A. Stepan. Baltimore, 1978. P. 35.

³ См.: Share D., Mainwaring S. Transition Trough Transaction: Democratization in Brasil and Spain // Political Liberalization in Brasil: Dynamics, Dilemmas, and Future Prospects / Ed. by W.A. Selcher. Boulder, 1986. P. 177–179.

⁴ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 136.

⁵ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 156.

⁶ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 165.

ных и эволюционных политических изменений в разных обществах, отмечает, что нет универсальных и единых объясняющих и необходимых факторов развития демократии, а сам процесс демократических преобразований «есть результат комбинации причин», при этом комбинации различаются в каждом отдельном случае¹.

Г. О’Доннелл и Ф. Шмиттер внесли свой заметный вклад в обсуждение социально-политических преобразований, обосновав тезис о том, что их успех, разумеется, связанный с переходом к демократии, предполагает соглашение между центристами сменяемого режима и умеренными оппозиционерами-демократами. Именно такой пакт позволяет избежать социальных конфликтов и избавляет политическую систему от революционных потрясений². Таким образом, они сформулировали собственный рецепт социальной демократической эволюции.

Результаты указанных выше и других исследований открывают перед наблюдателем довольно оптимистичную картину глобальных революционных и эволюционных изменений с целью демократизации (пусть и с откатами, как бы выразился С. Хантингтон), в которых руководящая роль по умолчанию отводится США как основной силе, ведущей мир к «прогрессу народовластия». Однако критическое рассмотрение сводит на нет эту иллюзию. Такое рассмотрение в широком смысле означает взгляд с применением положений марксистской теории. Несмотря на то, что со времен написания К. Марксом своих трудов прошел, пожалуй, не один эон, и облик мира серьезно преобразился, многие выводы этого мыслителя о реальном существе либерально-демократической (буржуазной) системы, установленной в свое время путем масштабных революций, актуальны до сих пор³. Например, парламент, вместо того чтобы осуществлять народное представительство, контролировать правительство и служить связующим звеном

---

¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 49.

² См.: O’Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Johns Hopkins University Press, 2013.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М., 1955. С. 184, 342–344, 447.

между гражданами и политиками, на практике остается непреодолимым барьером между демосом и правящим классом. Аналогичным образом принцип равенства, свободы для всех, не перестал быть иллюзией. Эти и другие обстоятельства подтверждаются получившей наиболее широкое распространение интерпретации демократии посредством осуществления регулярных, честных и массовых выборов, что на практике означает сомнительную возможность широкого гражданского участия в политике примерно один раз в четыре-шесть лет, и только. Кроме того, хотя западные демократические системы достигли некоторого успеха в деле осуществления вдохновляющего либерального идеала свободы от тотальной политической власти (т.н. негативная свобода), однако они так и не смогли решить вопрос о реальных возможностях рядовых граждан свободно выбирать стратегию, следовать избранным путем в своей деятельности, активно и эффективно влиять на политику (т.н. позитивная свобода)¹.

С учетом обозначенной выше специфики толкования демократии и общего давления капиталистического порядка на индивида получается, что, по большому счету, положение рядового гражданина в западном мире практически не изменилось со времен К. Маркса: обычный человек все так же принужден подчиняться требованиям капиталистической системы, чтобы сохранить имеющийся материальный комфорт (достигнутый за счет эксплуатации периферии). В незападном мире индивид аналогичным образом должен подчиниться этим же требованиям, чтобы не лишиться надежды на приобщение к тем относительно комфортным социально-экономическим условиям, которые достигнуты на Западе. При этом для среднестатистического западного человека это требования означают, в сущности, соблюдение статуса-кво (что ставит под сомнение возможность успешной социальной эволюции), а для такового незападного — изменения общественно-политического строя по западному лекалу (или демократизацию-вестернизацию, осуществляемую, скорее всего, революционным

---

¹ Подробнее о типах свободы см.: *Берлин И.* Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19–43.

путем). Здесь очередной раз подтверждаются тезисы рассуждающих в марксистской (или критической) парадигме авторов теории зависимости, которые убедительно показывают, как капиталистический центр подчиняет и удерживает под контролем страны, находящиеся на периферии мировой системы¹. Выход из этой зависимости возможен, по мнению К. Маркса, только революционным способом.

Но можно ли действовать иначе? Ответ на этот вопрос можно сформулировать на основе трудов Г.В. Плеханова, который в свое время дал обширный анализ опыта политической работы социалистов Франции, Великобритании, США и других стран. Автор полагал, что к радикальному изменению существующего политико-государственного строя и даже к его замене вполне можно прийти путем его же постепенных изменений посредством легальных институциональных механизмов. Для этого он советовал, в частности, русским революционерам «встать на точку зрения социальной демократии Запада», чтобы использовать действующие политические институты для расширения политических прав и возможностей пролетариата и «организации рабочих в особую партию»². Далее становится возможным «выставить требование демократической конституции, которая, вместе с “правами человека”, обеспечила бы рабочим “права гражданина” и дала бы им, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны»³. После этого открывается путь и для законной трансформации политической системы — посредством удовлетворения требования пролетариата о «прямом народном законодательстве, как единственной политической фор-

---

¹ См.: *Амин С.* Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира. М., 2007; *Баран П.* К экономической теории общественного развития. М., 1960; *Пребиш П.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992; *Dos Santos T.* The Structure of Dependence // *Readings in U.S. Imperialism* / Ed. by K.T. Farm and D.C. Hodges. Boston, 1971; *Sweezy P.M.* The Transition from Feudalism to Capitalism: A Symposium. Science & Society, 1967.

² *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1938. С. 65.

³ *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1938. С. 65.

мы, при которой возможно осуществление его социальных стремлений»¹. Таким образом, предполагается, что революционный социалистический порядок вполне можно установить путем эволюции существующей буржуазно-демократической системы под влиянием активно и легально участвующего в политической жизни пролетариата.

Необходимо отметить, что сегодня сам концепт демократизации и аргументация многих американских, европейских и даже некоторых российских (например, Л. Шевцовой) авторов в его поддержку оказались скомпрометированы связями со спецслужбами стран Запада. Критические исследователи (Д. Горовитц, Г. Рэнсом и др.) и активисты (Э. Сноуден, сотрудники Wikileaks) обнародовали факты и сведения о финансировании ЦРУ, Пентагоном и др. теоретических исследований по тематике политической модернизации и демократизации. При тщательном анализе текстов, созданных в рамках этих исследований и опубликованных в ведущих политологических журналах, выяснилось, что в них скрыто превозносится американская политическая система и ведется пропаганда против режимов, недружественных США, и потому относимых к недемократическим. Кроме того, многие проекты, проводимые под лозунгом демократизации в странах Азии, Африки, Ближнего Востока, оказались лишь прикрытием. В СМИ были опубликованы секретные данные, которые пролили свет на истинные причины инициирования «демократизации» таких стран, как Египет, Ирак, Ливия, Сомали, Сирия и др. Как следует из представленной информации, в отмеченных странах под руководством американских специалистов и при поддержке спецслужб и вооруженных сил США были проведены военно-политические операции, направленные на свержение режимов, недружественных правительству США². Вследствие этих действий были разрушены системы М. Каддафи, С. Хусейна и др., которые имели достаточно широкую поддержку граждан, сохраняли порядок и обеспечивали социально-экономическое разви-

---

¹ Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1938. С. 37.

² См.: All Leaks // wikileaks.org/-Leaks-.html.

тие. Взамен наступил коллапс государственности, начались затяжные гражданские войны, гуманитарные катастрофы и прочие масштабные бедствия.

На основе изложенного можно сделать следующие основные выводы. Социальная революция в условиях XXI века может рассматриваться как слом авторитарной модели правления и переход к демократической системе по сценариям и под руководством западных экспертов («технологическая» демократизация). При этом происходит импорт и освоение не только политико-государственных моделей, но и системы ценностей из западных обществ во главе с США, которые заняли ведущие позиции в мире и стремятся сохранить это положение (в том числе за счет конструирования благоприятной среды путем приобщения к своей системе ценностей). Эта трактовка отражает наиболее широко распространенные изменения, произошедшие после распада социалистического блока стран и диссоциации СССР. В критическом антиимпериалистическом рассмотрении эти процессы в большинстве своем означают установление зависимости незападных государств от западного капиталистического центра. В некоторых иных случаях указанные изменения — это формальная инкорпорация отдельных небольших и не обладающих значимым потенциалом государств (например, Латвия, Литва, Эстония и др.) в капиталистический центр для решения его стратегических геополитических задач.

В ряде трудов по политическим изменениям, касающимся демократизации, при тщательном рассмотрении обнаруживаются стремление интерпретировать демократию исключительно как текущую политическую жизнь США и их союзников. При этом за аргументацией в пользу развития и совершенствования демократического порядка (или шире — социальной эволюции) в трактовке западных экспертов часто скрывается намерение сохранить статус-кво мировой капиталистической системы. Само обоснование западных политических систем оказывается выполненной в имперском духе пропагандой превосходства западного мира и продвижением требования о необходимости прямого копирования западных институтов для демократизации и модернизации неевропейских государств.

Особенно это заметно в работах, посвященных России и другим странам бывшего СССР¹.

Однако эти выводы вряд ли ставят крест на всем теоретическом наследии по демократизации и политическим изменениям. Они заставляют по-новому, критически взглянуть на многие концептуальные положения по демократизации, а также на труды таких авторов, как С. Хантингтон, которые долгое время работали в правительстве США. Вместе с тем эти данные позволяют более решительно и смело вести научный поиск в иной научной парадигме, используя тезисы наподобие тех, что сформулировал Г.В. Плеханов и другие критические исследователи.

---

¹ Исследования такого рода во многом берут начало в советологии, в них часто перефразируются или прямо повторяются ангажированные пропагандистские тезисы времен «холодной войны», в которых нередко искажаются исторические факты из истории Российской империи и СССР. Иллюстрацией этому служат, например, сочинения З. Бжезинского, Б. Мура, Л. Шапиро и др. См.: *Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Beacon Press, 1993; Shapiro L. The Origin of Communist Autocracy. N.-Y., 1977.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Моцелков Е.Н.

Русская революция 1917 года: аналитическая хроника основных событий и фактов¹

В начале 1917 г. в условиях обостряющегося экономического и военно-политического кризиса в различных городах Российской империи начались волнения рабочих. В конце февраля в столице империи — Петрограде началась всеобщая забастовка, в которой участвовали рабочие крупнейших заводов, мелкие служащие, а также солдаты из воинских частей, находящихся в городе. К **27 февраля**² забастовка начала перерастать в вооруженное восстание. В этих условиях руководящие круги Государственной думы (высшего представительного органа, действующего в России с 1906 г.³), пошли на создание Временного комитета Государственной думы во главе с Председателем IV Государственной думы **М.В. Родзянко (1859–1924)**. Одновременно с созданием Временного комитета представителями рабочих и солдат был образован другой орган власти, претендующий на высшие государственные функции — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет). Председатель — меньшевик **Н.С. Чхеидзе (1864–1926)**, заместители — трудовик, с марта 1917 г. — эсер **А.Ф. Ке-**

---

¹ Переработанный и дополненный вариант статьи, опубликованной в зарубежном энциклопедическом издании на английском языке: Russian Revolution // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements. Volume III. Re-Z. 2013. P. 1133–1142 (в соавторстве с Губиным О.).

² Здесь и далее все даты указаны по так называемому «старому стилю» времянисчисления («юлианский календарь»), который действовал в России до февраля 1918 г. Для того чтобы перевести даты на действующий и по настоящее время «новый стиль» («григорианский календарь»), нужно прибавить цифру 13.

³ IV Государственная дума Российской империи (с 1912 г.) накануне февральских событий в Петрограде была досрочно распущена Указом Николая II.

ренский (1881–1970), и эсер **М.И. Скобелев (1885–1938)**. Сразу же Временный комитет и Петросовет заявили о себе как об альтернативных органах высшей государственной власти, берущих на себя ответственность за положение дел в стране при наличии еще формально существовавшего режима монархического правления.

28 февраля Временный комитет рассылает всем командующим фронтами и флотами, а также председателям губернских, уездных и городских управ циркулярные телеграммы о переходе в руки Комитета всей полноты правительственной власти. Кроме этого Комитетом назначаются особые комиссары в Сенат, министерства и другие правительственные учреждения.

1 марта Петросовет принимает «Приказ № 1», в соответствии с которым всем воинским частям предписывалось во всех политических выступлениях подчиняться Совету и своим комитетам и выполнять распоряжения органов Государственной думы лишь в том случае, если они не противоречат приказам и постановлениям Совета.

В ночь с 1 на 2 марта¹ на основе Временного комитета было создано первое Временное правительство во главе с князем **Г.Е. Львовым (1861–1925, примыкал к кадетам)**, в которое входили в основном представители правых и центристских партий. Следует отметить, что созданное новое правительство было революционной альтернативой еще действующей императорской системы власти, в том числе и существующему еще старому царскому правительству.

И, наконец, около полуночи **2 марта** фактически потерявший власть **Император Николай II Александрович (1868–1918, Император с 1894 г.)** подписал отречение от престола в пользу своего брата **Михаила**², который менее чем через сутки также отрекся от престола в пользу Учредительного собрания³.

---

¹ По поводу этой ночи со свойственной ему художественной образностью А. Солженицын пишет так: «Если надо выбрать в русской истории роковую ночь, если была такая одна, сгустившая в несколько ночных часов всю судьбу страны, сразу несколько революций, — то это была ночь с 1 на 2 марта 1917 года» — *Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Родина. Специальный выпуск. Февраль 2017. С. 14.*

² Великий князь Михаил Александрович, младший брат Николая II (1878–1918).

³ Историки обратили внимание на ряд интересных и даже загадочных фактов,

Таким образом, за два дня (1 и 2 марта 1917 г.) в России революционным путем происходит ликвидация прежней, существовавшей многие столетия, монархической системы государственной власти, и утром 3 марта 1917 г. начинается постмонархическая история России¹.

Этот период российской истории начался с усиливающегося противоборства различных политических и идеологических сил, опирающихся либо на Временное правительство, либо на Советы, что привело к ситуации, вошедшей в историю под названием «двоевластие».

Главной и общей целью для большинства политических сил тогдашней России стал созыв Учредительного собрания, которое должно было определить форму государственного правления в России, ее национально-государственное устройство, систему землевладения и землепользования, и другие важнейшие вопросы политического и социально-экономического развития страны. Но именно эти вопросы и явились камнем преткновения для нормального развития политического процесса, причиной бескомпромиссной политической борьбы.

В первые недели своего существования Временное правительство производит реорганизацию системы государственных институтов. В качестве главных принципов данной реорганизации провозглашается «преемственность власти» и «непрерывность права». В соответствии с этим признавались действующими фактически все статьи «Основных законов империи» 1906 г. Официально были упразднены лишь институт императора и органы, непосредственно с ним связанные — Министерство двора и

связанных с Актом отречения Николая II. В частности, что он был подписан императором карандашом. Но главное в другом — отречение Николая II за себя и за своего сына наследника Алексея и тем более в пользу Михаила, который состоял вmorganатическом браке, а значит, по закону не имел прав на русский престол, было юридически несостоятельным и незаконным. Видимо, Николай надеялся, что его отречение из-за этих юридических нестыковок потом признают недействительным, но это могло произойти только в рамках старого правового поля, а начавшаяся русская революция как раз и была нацелена на ликвидацию этого старого (монархического) правового поля и формирование на его основе нового.

¹ Следует отметить, что романовская династия всего 3 дня не дотянула до своего 304-летия (6 марта 1613 г.).

Императорская канцелярия. Государственная дума и Государственный совет потеряли свой прежний государственный статус, но как органы полностью не упразднились и продолжали свою деятельность в других формах. Государственная дума, например, продолжала оказывать значительное влияние на политику правительства через регулярно созываемые так называемые «Частные совещания членов Государственной думы». Сенат и Синод были подчинены Временному правительству и сохраняли при этом в значительной степени свою компетенцию. Акты об отречении Николая II и Михаила, например, были посланы в Сенат на утверждение. 3 марта на заседании Сената состоялась церемония приведения к присяге Временного правительства. Специальным законом прежний Совет министров был переименован («временно») во Временное правительство. Продолжали свою деятельность все основные министерства, хотя были созданы и новые.

В конце апреля — начале мая первые изменения происходят во Временном правительстве. Под напором сильных волнений среди населения в связи с заявлением Временного правительства («Нота Милюкова»), в котором подтверждались союзнические обязательства и стратегические цели России в мировой войне, происходит отставка двух ключевых министров — **П.Н. Милюкова (1859–1943)** и **А.И. Гучкова (1862–1936)**¹. Образовавшийся правительственный кризис удается преодолеть в результате соглашения между Временным правительством и Исполкомом Петросовета, по которому в новый состав правительства были включены представители левых и левоцентристских партий. В результате **5 мая** образуется первое коалиционное Временное правительство. Во главе его остается кн. Г.Е. Львов, а из 15 членов правительства — 9 являлись представителями правых, правоцентристских партий и беспартийными, а **6** — представителями левых и левоцентристских партий.

В мае–июне в Петрограде собираются два Первых Всероссийских съезда — крестьянских депутатов (**4–28 мая**) и рабочих и

---

¹ В первом составе Временного правительства кадет П.Н. Милюков занимал пост министра иностранных дел, а октябрист А.И. Гучков — пост военного и морского министра.

солдатских депутатов (**3–24 июня**). Оба съезда большинством голосов одобряют политическую линию Временного правительства, подтверждают решение о незамедлительной подготовке к проведению Всероссийского Учредительного собрания.

На съездах были избраны постоянно действующие руководящие органы Советов — Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов (ИВСКД или Исполком), председатель — эсер **Н.Д. Авксентьев (1878–1943)**; и Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК или ЦИК), из состава которого было избрано Бюро ВЦИК во главе с председателем **Н.С. Чхеидзе** (позднее — **М.И. Скобелев**).

Таким образом, важнейшим политическим итогом первых съездов Советов стало не только объединение Советов в единую (хотя пока и бинарную) систему представительной власти от трех наиболее многочисленных классов российского общества — крестьян, рабочих и солдат, но и создание руководящих органов двух Советов на всероссийском уровне, что ознаменовало окончательное формирование новой постсамодержавной власти в России.

Создание коалиции не привело к нормализации ситуации в стране, поскольку России продолжала испытывать серьезные экономические трудности, в частности, постоянные перебои с продовольственным снабжением городов. Эти экономические трудности усугубились летом 1917 г. неудачами русской армии на фронтах Первой мировой войны, а также сепаратистскими тенденциями и настроениями, которые начали проявлять себя на национальных окраинах бывшей Российской империи.

3–4 июля в Петрограде произошла грандиозная вооруженная демонстрация, организованная одной из радикальных социалистических партий — Российской социал-демократической рабочей партией (большевики)¹ во главе с **В.И. Ульяновым (Лениным) (1870–1924)**. Все конструктивные политические силы, входящие в органы власти того времени (включая умеренных социалистов),

---

¹ Создана в 1898 г. в Минске. В 1903 г. на II съезде (Брюссель, Лондон) партия раскололась на две фракции — большевиков (Ленин) и меньшевиков (**Л. Мартов (1873–1923)** и **Г.В. Плеханов (1856–1918)**). В 1917 г. РСДРП (меньшевики) действовала как самостоятельная партия.

это выступление истолковали как явную попытку большевиков взять власть.

Эта попытка потерпела неудачу. Произошла смена составов Временного правительства, во главе которого стал представитель левого лагеря — А.Ф. Керенский. Руководство Советов в этих условиях посчитало необходимым пойти на серьезный компромисс, передав всю полноту власти Временному правительству, которое, в свою очередь, опираясь на эту власть, наметило ряд решительных мер по исправлению ситуации как внутри страны, так и на фронте. Одной из акций правительства было объявление лидеров большевиков вне закона и издание приказа об их аресте.

12–15 августа 1917 г. в Москве состоялось **Государственное совещание**, на котором участвовали представители практически всех политических сил, промышленности, армии, духовенства. Совещание ставило перед собой задачу выработать общую платформу для дальнейшего развития страны, для нормального созыва и проведения Учредительного собрания. Несмотря на общую поддержку этих целей со стороны участников совещания, выработать конкретные позиции не удалось. Правительственная политика опять буксовала на месте и не приводила к заметным улучшениям ситуации в стране.

В последний день работы Государственного совещания (**15 августа 1917 г.**) в Успенском соборе Московского кремля открывается Священный Поместный собор Православной Российской церкви, на котором синодальная церковь впервые с конца XVII века приступила к свободному обсуждению накопившихся проблем.

В конце августа Временное правительство сталкивается с другой попыткой своего смещения. Если в начале июля такая попытка была предпринята большевиками, то в августе ее предпринимают представители армии. **23 августа** главнокомандующий русской армии генерал **Л.Г. Корнилов (1870–1918)** обратился к Временному правительству с ультимативным требованием сложить государственные полномочия и передать их военным, т.е. с требованием установить в стране военную диктатуру. Для подкрепления своего ультиматума Корнилов организовал наступление ряда воинских частей в сторону Петрограда. Это привело к новому пра-

вительственному кризису, но не к полному падению правительства Керенского. Наоборот, заручившись поддержкой Советов, Керенский вооружил рабочих петроградских заводов и призвал их к противостоянию наступающим частям Корнилова. Исход этого противостояния не в пользу Корнилова был решен нерешительностью его солдат, большинство которых постепенно стали переходить на сторону отрядов Временного правительства. **30 августа** наступление Корнилова было окончательно остановлено, а сам он был арестован.

После этой победы Керенский становится не только верховным главнокомандующим, но главой Директории («Совета пяти») — компактного правительства, состоящего из премьер-министра Керенского и еще четырех руководителей основных («силовых») министерств.

1 сентября Директория, не дожидаясь Учредительного собрания, объявляет Россию республикой (Российская республика). Данным актом Керенский преследует двоякую цель: с одной стороны, он тем самым солидаризируется с Советами и вообще левыми и левоцентристскими силами, которые в вопросе о будущем государственном устройстве России однозначно придерживались республиканской идеи; с другой — он тем самым как бы укрепляет государственную основу власти Временного правительства, которое становилось правительством Российской республики, а не неопределенного государственного образования, каким, собственно, Россия и была после свержения монархии в марте 1917 г.

Политические сдвиги, которые произошли в России в конце августа — начале сентября однозначно свидетельствовали об усилении влияния в органах государственной власти левых, социалистических сил. Дальнейшие события покажут, что тенденция левой социалистической радикализации политической обстановки в стране будет только усиливаться.

14–22 сентября в Петрограде было проведено **Демократическое совещание**, в котором участвовали представители в основном левых партий. На этом совещании была предпринята попытка сформировать правительство страны на широкой демократической основе, но проявившиеся серьезные разногласия между левыми

силами по ряду принципиальных вопросов не позволили это сделать. Возможно, именно тогда и была упущена последняя возможность мирного варианта выхода из глубочайшего кризиса, в котором оказалась Россия в том этапе своей истории.

На Демократическом совещании удалось договориться только об одном конкретном вопросе — был сформирован представительный орган — Временный совет Российской республики, который получал право контроля за деятельностью правительства и перед которым ставилась задача подготовки проектов основных документов на предстоящее Учредительное собрание. В состав Временного совета вошли представители всех левых партий, за исключением большевиков, которые заявили о своем бойкоте этого органа.

25 сентября под руководством Керенского было сформировано новое (уже четвертое и, как оказалось, последнее) Временное правительство, которое утвердило специальное положение о Временном демократическом совете, который получил новое название — **Предпарламент**. В соответствии с этим положением Предпарламент наделялся в основном совещательными функциями, и в него дополнительно к первоначальному составу (**313 чел.**) были включены кадеты, представители торгово-промышленных объединений и различных союзов. После такой реорганизации в Предпарламент стало входить **555 чел.**, из них около **260** представителей эсеров, меньшевиков и народных социалистов (**46,8%**). После Государственной думы Предпарламент стал первым представительным органом, представляющим все слои российского общества (Советы представляли интересы только неимущих классов). Регулярные заседания Предпарламента, председателем которого был избран Н.Д. Авксентьев, начались **7 октября**.

Обстановка в стране осенью 1917 г. характеризуется резким обострением социально-экономического кризиса. По сравнению с 1916 г. валовая продукция промышленности сократилась почти на 40%. Работали с перебоями и вообще закрывались сотни промышленных предприятий, было фактически парализовано железнодорожное сообщение, которое в то время являлось важнейшей национальной основой экономики. В результате неуклонного роста цен

на продовольствие и потребительские товары с одновременным уменьшением заработной платы в течение нескольких месяцев на 40–50% заметно активизировалось забастовочное движение. В сентябре–октябре 1917 г. в забастовках участвовало около 2,5 млн человек, и в них все чаще стали звучать политические требования. Заметно расширились и становились более решительными крестьянские волнения.

Положение сильно усугублялось неудачами русской армии на фронтах Первой мировой войны. В сентябре российские войска сдали Ригу. Серьезная угроза нависла над Петроградом.

В этих условиях стремительно стали наращивать свой потенциал и влияние на настроения населения большевики. Эта партия, которая за несколько месяцев смогла увеличить численность своих рядов почти в 15 раз, к осени 1917 г. заняла наиболее радикальную и бескомпромиссную позицию по отношению к Временному правительству. Большевики выдвинули лозунг «Вся власть Советам!», имея в виду неуклонное усиление своих позиций в этих представительных органах власти.

Вместе с тем, большевики все же не были уверены, что существуют реальные возможности и способы захватить власть мирным, легальным путем, и встали на путь подготовки вооруженного восстания, политическое решение по которому было ими принято еще в августе 1917 г. на полулегальном VI съезде партии. Для подготовки вооруженного восстания большевиками были созданы специальные комитеты и штабы, которым были поставлены конкретные задачи по подготовке различных акций вооруженного восстания. 12 октября Петросовет, председателем которого с сентября был член ЦК большевистской партии **Л.Д. Троцкий (1879–1940)**, принял решение о создании Военно-революционного комитета (ВРК), ставшего легальным и имеющим в своих руках реальную власть органом восстания в Петрограде.

Правительство Керенского предприняло ряд попыток противостоять усилиям большевиков, но события принимали уже необратимый характер. Временное правительство и руководство Советов не имели необходимой поддержки со стороны населения, все более широкие слои которого склонялись в сторону лозунгов и дей-

ствий большевиков. Понимая эту ситуацию, большевики пошли на вооруженный захват власти.

Следует констатировать, что в конце лета — в начале осени 1917 года предпринимались попытки установления диктатуры, по меньшей мере, в трех вариантах:

Первый. Диктатура военных и верхушки буржуазии (с поддержкой кадетов) и при участии некоторых представителей демократического лагеря. Попытку установить такую диктатуру предпринял генерал Корнилов в конце августа. Достаточно быстрое поражение этих сил было обусловлено полным отрывом их от Советов, что в тех условиях делало нежизнеспособной любую политическую силу.

Второй. Диктатура Керенского как представителя демократического лагеря («демократическая диктатура»), имеющего хорошие контакты и влияние среди определенных буржуазных кругов и военных. Эта диктатура не состоялась, поскольку к этому оказался не готов, прежде всего, сам Керенский и его окружение.

Третий. Диктатура большевиков под прикрытием марксистского доктринального положения о диктатуре пролетариата как государственной форме перехода к социализму. Именно этот вариант диктатуры и реализовался на практике.

В ночь на 25 октября 1917 г. вооруженные отряды большевиков заняли основные стратегические объекты Петрограда, а утром по всему городу были развешаны листовки с воззванием ВРК «К гражданам России», в котором объявлялось о низложении Временного правительства и переходе власти к большевистскому ВРК. **Днем 25 октября** вооруженные отряды рабочих и солдат распускают Предпарламент, а **поздно вечером этого дня** открылся 2-й Всероссийский съезд Советов. Во время работы этого съезда, которая не прекращалась и в ночное время, отряды большевиков предприняли штурм Зимнего дворца и арестовали находившихся там министров Временного правительства. Когда уже **под утро 26 октября** об этом было объявлено на заседании съезда, делегаты-представители умеренных социалистических партий (эсеры, меньшевики и др.) обвинили большевиков в узурпации власти и в знак протеста покинули съезд. С этого момента 2-й Всероссийский съезд Со-

тов продолжает свою работу уже под полным контролем большевиков.

Съезд объявляет себя единственной и законной властью в России. **26–27 октября** съездом принимаются два основополагающих для страны закона — Декрет о мире и Декрет о земле. В Декрете о мире съезд обращается ко всем воюющим странам с предложением о немедленном перемирии для проведения переговоров о заключении мира «без аннексий и контрибуций». В Декрете о земле объявлялось о национализации земли с последующей ее передачей в распоряжение местных земельных комитетов и советов для дальнейшего ее распределению между крестьянами. Оба этих декрета были с воодушевлением и пониманием восприняты народными массами, измученными затянувшейся войной и неустойчивым крестьянского быта. Вопрос же о том, к каким последствиям для страны может привести реализация привлекательных лозунгов, содержащихся в этих декретах, уходил в то время на второй план.

Следующим важнейшим актом 2-го съезда было формирование нового правительства. Поскольку созыв Учредительного собрания продолжал еще оставаться в повестке дня, это правительство, как и предыдущее, было объявлено временным и получило название — Совет народных комиссаров (СНК, или Совнарком). Во главе первого Совнаркома встал лидер большевиков — В.И. Ленин. В заключительной части своей работы съезд избрал новый ВЦИК, в котором доминировали представители большевистской партии, а председателем стал один из лидеров большевиков — **Л.Б. Каменев (1883–1936)**.

Последующие два месяца после 2-го Всероссийского съезда Советов следует считать периодом упрочения власти большевиков. Этот процесс имел несколько направлений. *Во-первых*, большевиками стала проводиться репрессивная политика по отношению к политическим силам, которые выступали против их власти и которые были квалифицированы новой властью как «контрреволюция». Совнарком официально объявил о запрете деятельности правых и центристских партий и организаций, о закрытии их печатных органов. Для реализации этих запретов был создан специальный орган — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе

с контрреволюцией и саботажем, во главе которого был назначен **Ф.Э. Держинский (1877–1926)**. *Во-вторых*, начался процесс распространения влияния большевиков и реального захвата власти их сторонниками в различных регионах бывшей Российской империи, не только в Петрограде, Москве и ряде других промышленных центров, где установление большевистской власти произошло в конце октября — ноябре 1917 г., но и на национальных окраинах — на Украине, на Дону, в Закавказье. И *в-третьих*, новым правительством стали приниматься законодательные акты, легализующие новые государственные и правовые порядки в стране. Упразднились сословия, чины, звания и титулы. В ноябре 1917 г. была обнародована «Декларация прав народов России», провозглашавшая равноправие граждан, а также народов России на государственное самоопределение. Отменялось само право на частную собственность. Началась национализация промышленных предприятий, частных банков, производилась конфискация недвижимого имущества и денежных средств населения, нажитых «нетрудовым путем».

14–15 ноября 1917 г. уже в условиях господства новой большевистской власти на Поместном соборе восстанавливается Патриаршество и впервые после 217-летнего перерыва избирается **Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин; 1865–1925)**. Тем самым в стране восстанавливают персонифицированный институт церковной власти, что не могло не оказать влияния не только на церковную, но и на политическую жизнь страны.

В декабре 1917 г. в Брест-Литовске большевистским правительством было заключено сепаратное соглашение о перемирии с Германией и ее союзниками¹, которое привело вскоре к большим материальным и территориальным потерям для России.

5 января 1918 г. в Петрограде в Таврическом дворце собралось **Всероссийское Учредительное собрание**, выборы в которое проводились по партийным спискам с 12 ноября 1917 г. — в срок, определенный еще Временным правительством Керенского. За

---

¹ На такое перемирие большевики пошли в тот момент, когда всем воюющим сторонам было очевидно, что Германия полностью истощила свои ресурсы и ее поражение в мировой войне является неминуемым.

партию эсеров проголосовали около 59% избирателей, за большевиков — 25%, за кадетов — 5%, за меньшевиков — около 3%¹. На открытии Учредительного собрания присутствовало 410 депутатов из избранных 715. Поскольку среди присутствующих депутатов преобладали эсеры, председателем Учредительного собрания был избран лидер этой партии **В.М. Чернов (1873–1952)**.

Учредительное собрание не смогло начать свою работу и обсуждать вопросы запланированной повестки дня. Все внимание собрания было сосредоточено вокруг обсуждения выдвинутого в ультимативной форме требования большевиков о безоговорочном признании власти Совнаркома и принятых им декретов. После отклонения этого требования большевики покинули зал заседания, а в 5-м часу утра 6 января оставшееся большинство собрания было разогнано силой. В ночь на **7 января 1918 г.** подконтрольный большевикам ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания.

Это решение символизировало завершение большевистской революции как акта насильственной смены власти, прежде всего, в столице Петрограде и некоторых других крупных городах. Дальнейшие события следует считать уже процессом становления нового режима власти, который сами его создатели называли «диктатурой пролетариата» и который сопровождался кровопролитной гражданской войной уже на всей территории бывшей Российской империи.

---

¹ Следует обратить внимание на такой факт: на максимально демократических для того времени выборах в Учредительное собрание (по пропорциональной системе) около 90% населения России суммарно проголосовало за партии, которые проповедовали социалистическую идею в разных ее интерпретациях.

Сведения об авторах

АНТОНОВСКИЙ
Александр Юрьевич
antonovski@hotmail.com

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

БАРАШ
Раиса Эдуардовна

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН

БОЙЦОВА
Ольга Юрьевна
olga.boitsova@gmail.com

доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ВОЛКОВ
Юрий Аркадьевич
yuriyvolkov2271@rambler.ru

кандидат исторических наук, доцент, специалист в области военной истории; преподаватель истории и политологии в МФТИ и МАИ

ГОБОЗОВ
Иван Аршакович
igobozov@bk.ru

доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ, профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ГУТОРОВ
Владимир Александрович
gut-50@mail.ru

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ

ЕФРЕМОВ
Олег Анатольевич
olaefr@ya.ru

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЖУКОВ
Вячеслав Николаевич
rifagor2002@mail.ru

доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

КЛИМОВ
Алексей Григорьевич
klm-ag@mail.ru

кандидат социологических наук, доцент, научный редактор журнала «Московский журнал. История государства Российского»

КРЖЕВОВ
Владимир Сергеевич
krjevov@mail.ru

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МОЩЕЛКОВ
Евгений Николаевич
enm@inbox.ru

доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

- МУЗА**
Дмитрий Евгеньевич
dmuza@mail.ru
- МИОРБЕРГ**
Ирина Игоревна
irina_myrborg@mail.ru
- НИКАНДРОВ**
Алексей Всеволодович
bobbio71@mail.ru
- СЕМЕНОВ**
Юрий Иванович
yuriy_semyenov@rambler.ru
- СМИРНОВА**
Елизавета Валерьевна
ev-philos@yandex.ru
- СОЛОВЬЕВ**
Алексей Васильевич
alexol.ross.msc@mail.ru
- ФИЛАТОВ**
Анатолий Сергеевич
asfilatov58@gmail.com
- ФРОЛОВА**
Елизавета Александровна
frolova.msu@mail.ru
- ШАМШУРИН**
Виктор Иванович
shamshuriny2@mail.ru
- ШЕВЧЕНКО**
Владимир Николаевич
vladshvchenko@mail.ru
- ЩИПКОВ**
Александр Владимирович
av@shchipkov.ru
- ЯКОВЛЕВ**
Максим Владимирович
maxvuz@mail.ru
- доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета
- доктор политических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН
- кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- доктор философских наук, профессор Департамента философии МФТИ
- кандидат философских наук, младший научный сотрудник кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- кандидат философских наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
- доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН
- доктор политических наук, первый заместитель председателя Синодального отдела РПЦ МП по взаимоотношениям Церкви с обществом
- доктор политических наук, в 2014–2016 гг. докторант кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

SUMMARY

One hundred anniversary of the Russian revolution of 1917 in our country and abroad drawn an unexpected and wide response of discussion activities. By the summer of 2017, dozens of scientific conferences and symposiums were held, exhibitions in the main museums and performances in the leading theatres were presented, books and collections of documents were published. At the portals of the Internet issues, newspapers and weekly publications, humanitarian magazines, scientific and publicist articles, discussions, essays, interviews devoted to the Anniversary are published. It turned up that scientists, cultural workers, politicians, churchmen of the Russian Orthodox Church want to share their point of view. Scientific conferences and discussions are held in Moscow, Petersburg and other big cities of Russia. It will not be an exaggeration to say that from the beginning of 2017, a Russian-wide discussion on the One hundred anniversary of the Russian revolution has opened.

An important impulse for such a powerful process was certainly the words of the President of the Russian Federation V.V. Putin pronounced on the 1 of December of 2016 in the annual Address to the Federal Assembly: “The incoming year of 2017 is the year of the century anniversary of the February and October revolutions. This is an important reason for addressing once again to the causes and nature of Russians revolutions. The Russian society — and not just historians, scientists — needs an objective, honest deep analysis of these events”.

It seems to be noted that the main theme of the present nation-wide discussion is the topic of the **lessons** of the Russian revolution. Many people understand and feel consciously (and some — unconsciously) that these lessons are not learned, understood thoroughly yet. It means then that needed conclusions are not made one hundred years afterwards. There is something in the nature of these events that is extremely important for the present day. In a word, we faced with a rare phenomenon of actuality and even urgency of events that happened to be one hundred years ago.

For the scientists-humanitarians this anniversary became a very good matter to look once again at the nature of social dynamics, correlation between social evolution and social revolutions.

The majority of the authors of this yearbook are political philosophers and historians. So, philosophic analysis meets historical analysis and enlarges it in the articles. Historian analyzing the past events is primarily interested in the facts of history, their consequence and correlations. The historian answers primarily the questions «What?» and «How?». Philosophers are also interested in facts, but they need them to answer as well the following questions: «Why?», «How they influence the present?» and «How they can appear in the future?».

This kind of synthesis lets find original interpretations of a range of complicated discussion questions. Among them is the question about what is the main determinant and force for social revolutions: objective circumstances and contradictions or party-ideological strategies and projects, activities of political actors, subjective social and political constructing including that of external forces («color revolutions»)? And how, in the frame of the set dilemma, the revolution events in Russia of 1917 can be interpreted? In this respect, the question about the role of particular leaders (chiefs) in social revolutions is interesting. And can be social revolutions without revolution leaders? — This is the eternal philosophical question about correlation between necessity and chance in history.

And of course, many people care about the questions of possibility to minimizing destructive and violent consequences of revolutionary changes, of finding the kernel in the social ideal of future development of social society, whose core is in the following thesis: «social evolution without (or almost without) social revolutions»? Or, is it pure utopia?

These and other questions that raised in the present yearbook do not have and cannot have unambiguous answers. They refer to the number of discussion topics and have both especial scientific and emotional aspects.

So, in the year book, the kaleidoscope of opinions, estimations and points of view is represented. And this situation is normal for the scientific discussion. The key point is that polemics lead to the research of the scientific truth, conflict resolutions, civil reunion.

Научное издание

ISSN 2500–2104

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ и ПРАВА

Выпуск 8 (2017)

**Социальная эволюция
и социальные революции**

Посвящается 100-летию Русской революции

Под общей редакцией доктора политических наук,
профессора Е.Н. МОЩЕЛКОВА

научный редактор доцент А.В. НИКАНДРОВ

Подписано в печать 01.09.2017. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22,75. Уч.-изд. л. 18,4. Тираж 500 экз. Заказ № 332.

Оригинал-макет и обложка подготовлены А.В. Воробьевым, корректор Е.В. Феоктистова

Издатель Воробьев А.В. г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36. **8(495)772–03–76**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059